

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 31/2015
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
начальник научного управления КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkempguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kempguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2015

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 31/2015
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, Candidate of Culturology, Docent,
Head of Scientific Department of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkempguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kempguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2015

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Departmentman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, **Current Member of the International Academy of Sciences (Austria)**, the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Department of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-Social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Włodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Yu., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of Art History, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Head of Department of Theory and History of Culture, FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Head of UNESCO Department “Knowledge Society and New Information Technology”, Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice-Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Head of Department of Pedagogy, Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of Art History, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-demician-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosophy, Professor, Head of IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center, University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Искусствоведение»

Проколова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatoly Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of History of Art

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Art History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Art History, Professor, Head of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Татарина А. Д. Якутский круговой танец <i>оһуохай</i> в дореволюционных изданиях.....	13
Тиرون Е. Л. Типовые напевы <i>кожамык</i> тувинцев-тоджинцев.....	20
Зарипова Г. К. Монодийные элементы в хоровых аранжировках башкирской народной песни «Азамат».....	27
Лескова Т. В. Особенности фольклорно-стилевого моделирования (на примере симфонических произведений Сергея Москаева).....	36
Старикова А. В. Опыт реконструкции исполнительского стиля Готфрида Гальстона на примере исполнения этюда ор. 10, № 12 Шопена.....	49
Никулин В. Г. Педагогические курсы учителей хорового церковного пения Благовещенской духовной епархии конца XIX – начала XX века.....	56
Карабагов Р. П. Народная академическая хоровая капелла дворца культуры им. И. В. Окунева «Уралвагозавода» города Нижнего Тагила: из истории хоровой культуры Среднего Урала.....	60
Котляр Е. Р. Ремесло и тора: источники, виды и репертуар еврейского традиционного искусства.....	68
Ткаченко Л. А., Ткаченко А. В. Личность художника и развитие индивидуального творческого стиля.....	77
Сопин А. О. «Оттепельный» Ленин Сергея Юткевича.....	82
Смирнов Б. Ф. Дирижерский жест как художественный феномен: полемические заметки (о новой диссертации по теории дирижерского искусства).....	90

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Миненко Г. Н. Духовная культура общества: содержание понятия.....	97
Золотухин В. М., Степанцова Е. В. Социокультурный аспект правовой нормативности в России.....	105
Макарчук С. В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на востоке России (1919–1922 годы).....	112
Буряк В. В., Замятина Э. В. Методологические стратегии исследований современной культуры.....	118
Ворушина А. П., Паршукова А. С. Комплектование Архивного фонда Российской Федерации документами учреждений культуры и научно-справочный аппарат к ним (на примере Государственного архива Кемеровской области): 1943–2013 годы.....	126
Карпинец А. Ю., Кокорникова Н. О. Интеграция учёта документов КПСС в систему государственного учёта Архивного фонда РФ: специфика Кузбасса.....	134
Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Кузбасса.....	140

Нестерова С. В. Представители западной культуры на службе Российской империи. Вопросы микроистории..... 151

Проконова Н. Л. Сценическое речевое искусство в контексте социалистического реализма: логико-стилистические каноны..... 159

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кудрина Е. Л., Хижняк Н. Л. Развитие художественной одаренности детей в новых социально-культурных условиях..... 170

Черная М. Р. Структурообразующие компоненты гармонии по Ю. Н. Холопову (вопросы педагогики)..... 177

Касаткина Н. Э., Пахомова Е. А., Руднева Е. Л. Формирование профессионального самоопределения обучающихся в условиях регионального рынка труда как фактор устойчивой занятости..... 181

Заруба Н. А., Лехтина Л. П. Адаптивное управление формированием профессиональной компетентности учителя средствами повышения квалификации..... 188

Любушкина Е. С. Возможности компьютерных технологий в формировании индивидуального стиля учебной деятельности студента..... 193

Гончарова В.В. Основные виды отечественных лексикографических ресурсов сетевого доступа, используемых в виртуальных справочных службах библиотек..... 199

Кудрина Е. Л., Юдина А. И., Мухамедиева С. А. Социально-культурные технологии туристской деятельности: проектный подход..... 207

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Гордукалова Г. Ф. Современные риски и перспективы библиотечно-информационного образования: размышление над книгой..... 216

Пономарев В.Д., Юдина А. И., Родионова Д.Д., Мухамедиева С. А., Насонов А. А. Научно-творческий форум с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе»..... 223

Жегульская Ю. В. Научно-методическая конференция «Оценка компетентности выпускников высшей школы»..... 229

Алфавитный указатель авторов..... 234

CONTENTS

HISTORY OF ART

Tatarinova A. D. Yakut Circular Dance Ohuokhay in Pre-Revolutionary Editions.....	13
Tiron E. L. Model Tunes of Kozhamyk of the Tuva-Tojus.....	20
Zaripova G. K. Monodic Elements in Choral Arrangements of Bashkir National Song “Azamat”.....	27
Leskova T. V. Features of Folk-style Modeling (e.g., Symphonic Works of Sergey Moskaev).....	36
Starikova A. V. Experience of Reconstruction Gottfried Galston’s Performing Style on the Example of Chopin’s Etude op. 10, no. 12 Performance.....	49
Nikulin V. G. Pedagogical Courses for Church Chorus Singing Teachers at Blagoveshensk Eparchy in the Late XIX – Early XX Century.....	56
Karabatov R. P. People’s Academic Choir of I.V. Okunev “Uralvagonzavod” Culture Center, Nizhny Tagil: from the History of the Middle Ural’s Choral Culture.....	60
Kotlyar E. R. Craft and Torah: Sources, Types and Repertoire of Jewish Traditional Art.....	68
Tkachenko L. A., Tkachenko A. V. The Artist’s Personality and Development of Individual Creative Style.....	77
Sopin A. O. The “Thaw” Lenin by Sergei Yutkevitch.....	82
Smirnov B. F. Conductor’s Gesture as an Artistic Phenomenon: Polemic Notes (a New Thesis on Art of Conducting Theory).....	90

CULTUROLOGY

Minenko G. N. Spiritual Culture of Society: Content of a Concept.....	97
Zolotukhin V. M., Stepantsova E. V. Socio-Cultural Aspect of Legal Normativity in Russia.....	105
Makarchuk S. V. Extremism in Political Culture of Bolshevism: the Establishment of Soviet Power in Eastern Russia (1919–1922).....	112
Buryak V. V., Zamyatina E. V. Methodological Research Strategy of Contemporary Culture.....	118
Vorushina A. P., Parshukova A. S. Stocking the Archival Fund of the Russian Federation with the Documents of Cultural Institutions and Finding Aid for Them (e. g., the State Archive of Kemerovo Region): 1943–2013.....	126
Karpinets A. Yu., Kokornikova N. O. Integration of the Accounting of the CPSU Documents into the System of State Accounting of Archival Fund of the Russian Federation: Specifics of Kuzbass.....	134
Akulenko I. V. Honorary Citizenship in the History of Kuzbass.....	140
Nesterova S. V. Western Culture Representatives in the Russian Empire Service. Questions of Microhistory.....	151
Prokopova N. L. Stage Speech Art in the Context of the Socialist Realism: Logical-Stylistic Canons.....	159

PEDAGOGICAL SCIENCES

Kudrina E. L., Khizhnyak N. L. Development of Art Gifted Children in New Socio-Cultural Conditions.....	170
Chernaya M. R. Structural Components of Harmony According to Yury Kholopov (Questions of Pedagogy).....	177
Kasatkina N. E., Pakhomova E. A., Rudneva E. L. Formation of Students Professional Self-Determination in a Regional Labor Market as a Factor of Sustainable Employment.....	181
Zaruba N. A., Lehtina L. P. Adaptive Control of the Formation of the Teacher’s Professional Competence with the Means of Advanced Qualification Training.....	188
Lyubushkina E. S. Possibilities of Computer Technology in the Formation of Individual Style of Student’s Learning Activity.....	193
Goncharova V. V. The Main Types of Russian Internet Lexicography Resources Used at the Virtual Reference Services in Libraries.....	199
Kudrina E. L., Yudina A. I., Mukhamedieva S. A. Socio-Cultural Technologies of Tourist Activity: a Project Approach.....	207

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Gorduralova G. F. Modern Risks and Perspectives of Library And Information Education: Thoughts on the Book.....	216
Ponomaryov V. D., Yudina A. I., Rodionova D. D., Mukhamedieva S. A., Nasonov A. A. Scientific and Creative Forum with International Participation “Historical, Cultural and Natural Heritage as a Basis For Development of Domestic Regional Tourism”.....	223
Zhegulskaya Yu. V. The Scientific and Methodological Conference “Competence Assessment of University Graduates”.....	229
The List of Authors in Alphabetical Order.....	234

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 398+793.31 (=512.157)

ЯКУТСКИЙ КРУГОВОЙ ТАНЕЦ *ОҺУОХАЙ* В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЯХ

Татаринова Александра Дмитриевна, магистр музыкального искусства, аспирант, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

В статье обозреваются труды дореволюционных авторов, в которых опубликованы этнографические и фольклористические сведения о якутском круговом танце *оһуохай*.

Оһуохай – это круговой танец якутов, преимущественно исполняемый во время национального праздника – встречи Нового года – *ыһыах*. В статье обозреваются работы русских и иностранных авторов, вышедшие с 1741 по 1911 год (дореволюционный период), в которых опубликованы сведения о якутском хороводе. В этих работах появились первые описания особенностей бытования танца (Я. И. Линденау, Н. С. Шукин, А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, Р. К. Маак, В. Л. Серошевский, С. В. Ястремский), приведены вербальные тексты (А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, С. В. Ястремский), отдельные нотные образцы (А. Ф. Миддендорф). Дореволюционные авторы якутский хоровод описывают в терминах русской и европейской фольклористики, но им удалось зафиксировать якутские термины. Так термин «үңкүү» встречается в трудах Я. И. Линденау и Р. К. Маака, в работе И. А. Худякова приводятся словосочетания «үңкүү үңкүүлүүллэр» (танцуют танец), «үңкүү тоһоһото» (гвоздь танца), которые также относятся к круговому танцу. В изученных источниках не встречается современное название кругового танца «оһуохай». Данное слово в варианте «эһикэй» впервые появится в 1947 году в труде Д. К. Сивцева «Саха фольклора» («Якутский фольклор»). Тем не менее источники второй половины XVIII – начала XX веков дают ценную информацию для изучения танцевальной традиции якутов.

Ключевые слова: якутский фольклор, *оһуохай*, круговой танец, фольклористика, этническая терминология.

YAKUT CIRCULAR DANCE *OHUOKHAY* IN PRE-REVOLUTIONARY EDITIONS

Tatarinova Aleksandra Dmitrievna, Master of Musical Arts, Post-Graduate Student, M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sasha.sakha@mail.ru

Ohuokhay is a circular dance of Yakut people. This dance is mainly executed on a national holiday of New Year called *the Ysyakh*. This article considers publications of Russian and foreign authors from 1741 to 1911 (pre-soviet, pre-revolutionary period before 1917). These works contain the first information about the performance of Yakut circular dance (Lindenau, Shchukin, Middendorf, Khudyakov, Maak, Seroshevskiy, Yastremskiy), first examples of verbal texts (Middendorf, Khudyakov, Yastremskiy) and musical score (Middendorf). These authors used terms of Russian and European science for description of Yakut circle dance. But they were able to write down original national terms too. So the word “*ungkiuu*” is found in the publications of Linde-

nau, Maak. Khudyakov commemorated word-combinations “*itungkiuiu itungkiuiuliuiullèr*” (dancing a dance) and “*itungkiuiu toňoğoto*” (the nail of dance), which also connected with the round dance. In these books, there is no such modern term as “*ohuokhay*.” This word as a variant “*eniekhey*” appears for the first time in 1947, in the work of D. Sivcev “*Sakha folklor*” (The Yakut folklore). Nevertheless, sources of the second half of the 18th-early 20th centuries contain valuable information for studying the dance traditions of the Yakut people.

Keywords: folklore of Sakha people, *ohuokhay*, circle dance, folkloristics, ethnic terminology.

История собирания и изучения якутского фольклора охватывает около 250 лет. На протяжении двух с половиной веков было собрано немало материалов этнографического, фольклористического и музыковедческого характера, что позволяет рассматривать те или иные виды и жанры фольклора в диахроническом аспекте. Вопросы становления и развития якутской фольклористики были подняты в работах Н. В. Емельянова [3; 4], Г. У. Эргис [20], Е. С. Новгородовой [13], В. М. Никифорова [12], В. В. Илларионова [6; 7] и Л. С. Ефимовой [5]. В рассмотренных работах основное внимание уделяется, главным образом, филологической фольклористике и этнографическим трудам (в том числе по народной хореографии). Перечисленные обобщенные историографические исследования не предполагают последовательного выделения информации об отдельных жанровых сферах якутского фольклора. В связи с этим особый интерес вызывает рассмотрение изучения кругового танца по историческим периодам. Особый интерес вызывает дореволюционный период изучения *ohuokhay*, который охватывает большой промежуток времени – с середины XVIII до начала XX века.

Дореволюционный период характеризуется тем, что многие записи были своего рода “замечками путешественников”, в которых в совокупности рассматривались не только этнография, фольклористика, но и география, флора и фауна региона и другие науки. Но среди этих “заметок” нередко встречаются содержательные наблюдения и соображения в области фольклористики. Первые образцы фольклора сделали историограф Г. Ф. Миллер и этнограф И. Г. Гмелин. Следующие записи принадлежат естествоиспытателю и этнографу Я. И. Линденау [2]. В его книгу «Описание народов Сибири», опубликованную только в 1983 году, вошли якутские материалы, собранные во время Камчатской экспедиции в 1741 году. Исследователь записал материалы этнографического и

исторического характера, оставив потомкам описание многих обрядов, сведения о быте и жизни якутов первой половины XVIII века, в частности, он упоминает круговой танец *Únchü* (үңкүү). Я. И. Линденау пишет, что данный танец исполняли по кругу «во время *Isöch'a* от мая до середины июня» [9, с. 36]. В этот период танец исполнялся большими группами мужчин и женщин в деревнях, в городе Якутске с вечера до утра каждый день без исключения. Танцующие брались за руки, образовывали большой круг и танцевали, подпрыгивая, со словами «*Ja i Süs su Bassa*», потом поворачивались в другую сторону и пели слова «*Ka a kaksu*» [9, с. 36]. В книге не приведены переводы этих строк, хотя многие якутские тексты исследователь сопроводил переводом. Возможно, это связано с тем, что он зафиксировал неперебиваемые рефренные слова. В настоящее время в круговом танце встречаются другие припевные неперебиваемые строки «*ohyo-ohyo ohyokai*, *эһиэ-эһиэ эһиэкэй*» и др.

В 1833 году выходит книга «Поездка в Якутск» Н. С. Щукина, которая представляет собой своего рода дневник путешествия из Иркутска в Якутск. В книге автор много страниц посвящает отображению жизни и быта, нравов и обычаев якутов. В описании праздника *ыһыах* (как пишет Н. С. Щукин, *Исэх*) есть информация о круговом танце: «К вечеру начинаются различные игры. Женщины, в лучших нарядах своих, становятся в круг; схватившись руками, так что пальцы одной сплетаются с пальцами другой, идут тихо по течению солнца, делая по три па все вдруг, и напевая каждая свое, так что в целом пение походит на школьное чтение, когда ученики твердят вслух свои уроки» [19, с. 205–206]. Н. С. Щукин отмечает, что мужчины в пляске не принимают участие, они заняты спортивными состязаниями. Примечательно то, что, по сведениям автора, в обряде кумысопития также есть разделение на мужскую и женскую группы. Иркутский краевед

также пишет о том, что у якутов нет песен с устоявшимися стихами, «а всякий поет что ему вздумается, соблюдая однако же определенную меру» [19, с. 207].

Самые полные тексты якутского фольклора оставил академик А. Ф. Миддендорф. В его труде 1878 года «Путешествие на север и восток Сибири» во 2-й части, в отделе 6 впервые публикуются вербальные тексты песен круговых танцев «Ысыах төгүлэ», «От-төгүлэ», «Мас-төгүлэ», «Бүлүү төгүлэ». Здесь же автор приводит некоторые наблюдения: «Музыка, сопровождающая их пляску, заключается в вышеописанных песнях и, судя по обрачику, который мне самому привелось видеть, прекрасно идет к ней, потому что пляска их состоит не в порывистом прыгании как у Тунгусов, а в повторении той торжественной поступи, которую мы видели у Самодийцев. Медленно и торжественно движется составленный круг; участвующие в нем, постоянно кланяясь, стараются привести себя в какое-то одуряющее головокружение, а запевала произносит свои воззвания, которые вся толпа подхватывает хором» [11, с. 808]. Далее А. Ф. Миддендорф публикует нотный образец танцевального напева, к сожалению, без подтекстовки. Собиратель отметил, что напевы танца легко узнаваемы, хотя могут иметь разные варианты.

Последующее изучение якутского народного творчества связано с деятельностью ссыльного русского революционера И. А. Худякова. За время пребывания в ссылке с 1867 по 1874 год он записал практически образцы всех жанров якутского фольклора, изучал язык и этнографию якутов. В своем труде 1869 года «Краткое описание Верхоянского округа» И. А. Худяков круговой танец описывает в главе «Игры». По описанию автора в круговом танце действуют организатор-мужчина и участники – мужчины и женщины, сам танец имеет шуточный и коммуникативный характер. Все участники встают в круг, держа друг друга за руки, в середину круга становится мужчина, которого в танце называют «гвоздем» (*уңкуу тоһоһото*). Круг начинает вращаться вокруг «гвоздя». Первым запекает песню самый лучший песельник, за ним повторяют все, когда песня закончится, певец поет следующую песню. Чем лучше певец – тем больше песен он знает.

«Гвоздь» оценивает всех вторящих и выбирает понравившегося участника. Если высокую оценку получила женщина, он может поцеловать ее в щеку, если мужчина – то «гвоздь» предлагает ему поцеловать ту женщину, которой, по его мнению, он достоин [18, с. 152]. В разделе «Ысыах (Праздник кумыса)» приводится также текст праздничного хоровода (слово «хоровод» автором взято в кавычки) и описание момента его исполнения: «Шаман открывает крышку у жбанов с кумысом, и тогда все начинают петь» [18, с. 269].

В 1890 году, уже после смерти Худякова, вышел его «Верхоянский сборник». Сюда вошли такие жанры якутского фольклора, как пословицы и поговорки, песни, якутские загадки, саги, сказки, русские сказки у якутов и русские сказки у русских. Якутские записи потом повторно будут напечатаны в 1918 году под редакцией Э. К. Пекарского под названием «Образцы народной литературы, собранные И. А. Худяковым». В этот сборник в разделе «Якутские песни» под пятым номером помещен очень интересный текст [17, с. 205–206]. Ни автор, ни редактор не комментируют данную песню (когда она поется, жанровое определение и др.). В оглавлении обоих источников первый номер имеет название «Импровизация девушки-якутки», номера 2–5 не обозначены, но, судя по тексту, эти образцы являются продолжением песни девушки. В пятом номере меняется исполнительский состав: в тексте появляются обозначения: «парень», «девушка» (солисты) и «девушки» (хор/ансамбль). На первый взгляд песню следует отнести к жанру *туойсуу ырыата* (диалогическая песня), однако, присутствие хора/ансамбля девушек несколько меняет жанровое определение. Возможно, данный образец является тем самым игровым хороводом, о котором писал И. А. Худяков в книге «Краткое описание Верхоянского округа»: во-первых, здесь есть солисты (парень и девушка) и хор, во-вторых, содержание песни имеет игровой и шуточный характер.

Следующие шаги по собиранию якутского фольклора сделал натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока Р. К. Маак. В 1887 году выходит его книга «Виллойский округ Якутской области», в третьей части которой даются сведения антропологического (внешний вид, болезни),

этнографического (верование, жилище, пища, одежда, хозяйственно-культурный тип), лингвистического и фольклористического характера. В разделе «Суеврия и религиозные празднества населения Вилюйского округа. Шаманство» автор достаточно подробно описывает кумысный праздник того времени в сравнении со старинным празднеством, представление о котором он получил со слов информантов. В этом разделе он пишет и о круговом танце: «На кумысных пиршествах бывают танцы, хотя они у якутов далеко не играют такой роли, как у многих народов. <...> Танцы начинаются женщинами в то время, когда мужчины заняты еще единоборством, скачкою и проч., и только впоследствии мужчины присоединяются к женщинам» [10, с. 115]. Далее Р. К. Маак описывает форму (круг), движение (по ходу солнца) и кинему («по временам торжественно кланяются, приподымают то правую, то левую ноги, отбивая ими по земле мерный такт и поют однообразным, протяжным носовым тоном: эгэй, эгэй, эгэй» [10, с. 115]) танца. Р. К. Маак также пишет, что танцы сопровождаются песнями, которые исполняются запевалами. Запевалы находятся в кругу вместе со всеми другими участниками. Он отмечает, что текст песен импровизационный, в основном это – «предметы растительного и животного царств, или оживающая природа, обилие и благосостояние домашнего скота и т. п.» [10, с. 116]. Исследователь обращает внимание на строение текста: «Каждая стопа начинается припевом эгэй и, после окончания ее запевалою, все окружающие подхватывают хором эгэй, эгэй, эгэй, выражая этим свое полное одобрение и сочувствие» [10, с. 116]. Здесь же он предлагает перевод часто встречаемого слова «эгэй», определяя его как междометие, и предлагает перевод как «нутка», «ай-люли». Р. К. Маак также указывает на якутское слово «үңкүү», что в переводе на русский обозначает «танец», и предлагает этимологию слова – от «үң», «үңэбин», которые переводятся как «нагибаться», «кланяться». Пение на кумысных праздниках продолжается до полуночи. Р. К. Маак подмечает, что якутские песни нелегко записывать, потому что каждую песню всегда поют по-разному, «с новыми вариациями и, если вы спросите, зачем они это делают, то обыкновенно получите в ответ "не знаю"» [10, с. 116].

Следующий исследователь, затронувший якутский музыкальный фольклор, это В. Л. Серошевский. В своем этнографическом исследовании «Якуты» 1896 года он практически не пишет о жанре кругового танца. Однако сделанное им описание хорового пения во время шаманского камлания является очень ценной информацией: «Настоящее хоровое пение я слышал всего один раз. Это было в Колымском округе во время одного торжественного шаманства. Зрелище вышло довольно необычное. Обряд совершался в глубоком мраке. Шаман вдруг резко оборвал игру на бубне и приник без движения к земле. После минутной паузы послышались удары огнива о кремень, сноп красных искр осветил мимолетным светом внутренность юрты, и одновременно в глубине зазвучал хор мужских голосов. Затем опять непродолжительная игра на бубне, опять – пауза, удары стали о камень, фантастический свет быстро тухнувших искр и в ответ дружный, мелодичный хор женских голосов. Пели в унисон» [16, с. 572]. Приведенное далее описание, вероятно, относится к бытовому пению: «Хором якуты поют чрезвычайно редко, да и то хор поет обыкновенно припев. Так поются хороводные песни, которые поет, собственно, стоящий в середине круга, а танцующие только подпевают» [16, с. 571–572]. Заметим, что подобный танец-игру описывал И. А. Худяков в книге «Краткое описание Верхоянского округа».

В статье «О якутской песне и певцах» В. Л. Серошевский пишет о том, что пение занимает большое место в жизни якутов. Каждый человек параллельно со своей работой поет песни. «Чаще всего это безыскусственные импровизации, тут же слагаемые и забываемые», – пишет Серошевский. Он также пишет о песнях, которые поются профессионалами. Это – «героические, любовные, описательные, игривые, плясовые, шаманские, религиозные и торжественные гимны» [15, с. 49]. О якутском хоровом пении в этой статье он не пишет.

В это же время другие жанры якутского фольклора рассматривали ссыльные Э. К. Пекарский и В. М. Ионов. Э. К. Пекарский начал привлекать грамотных якутов к своей деятельности. Таким образом, появляются первые собиратели-якуты Г. К. Оросин, М. Н. Андросов-Ионов, Р. Александрова.

В 1929 году выходит сборник по якутскому фольклору «Образцы народной литературы якутов» С. В. Ястремского. В книгу вошли первые полные тексты былины (*олоҕхо*), загадки, поговорки и пословицы, песни (*ырыа*), которые были собраны во время сибиряковской экспедиции в 1894–1896 годах. В последнем разделе помещены песни «Зима», «Наступление лета», «О происхождении человека», «Песня на кумысном пиру». Последняя песня представляет собой текст, вероятнее всего, благопожелания *алгыс*, исполняемого в начале кумысного праздника. В сборник включены две статьи Ястремского, во второй из которых («Остатки старинных верований якутов») среди описаний разных обрядов, есть и описание обряда вешания веревки гению¹ урочища. В связи с этим обрядом исследователь упоминает о круговом танце: «Затем встают и танцуют – все, взявшись за руки, ходят хороводом и поют. Один выступает запевалой, а все другие подхватывают его песню и поют за ним» [21, с. 208]. После описания данного хоровода он приводит текст песни, в котором есть обороты, характерные для кругового танца. Эта песня под названием «Старинный танец» повторно была опубликована в 1977 году в собрании «Саха народной ырыалара» («Якутские народные песни»), во втором томе «Үлэ-хамнас, олох-дьаһах туһунан ырыалар» («Песни о труде и быте») под редакцией Г. У. Эргиса.

Первые нотные образцы якутского фольклора принадлежат не только уже упоминавшемуся А. Ф. Миддендорфу [11, с. 808], записавшему пение во время коллективной пляски, но также В. Л. Серошевскому, зафиксировавшему отрывок из якутского олонхо «Песня девушки» [16, с. 571], и члену Сибиряковской экспедиции Н. А. Виташевскому². Первые аудиозаписи якутского фольклора принадлежат В. И. Иохельсону и датируются 1902 годом. Его материалы хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в коллекции № 029.

¹ У С. В. Ястремского слово «гений» является синонимом слов «божество», «дух».

² Материалы Н. А. Виташевского еще не опубликованы. В книге Г. У. Эргиса [20, с. 74] написано, что эти материалы хранятся в архиве Иркутского краевого музея, д. 102, с. 108.

Следующий собиратель Я. Строецкий в 1903 году первым записал на фонограф напевы колымских якутов. Эти материалы также хранятся в фонограммархиве ИРЛИ в коллекции 032. По собранным материалам Я. Строецкого русский географ, антрополог, этнограф Д. Н. Анучин написал статью «О применении фонографа к этнографии и, в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске, Якутской области». В статье приводится подробное описание истории записи Я. Строецким шаманского камлания в Средне-Колымске Якутии [1, с. 269–284], прилагаются нотные записи, выполненные по фономатериалам Я. Строецкого фольклористом А. Л. Масловым [1, с. 297–300]. После нотных фрагментов автор нотировок дает краткий анализ якутских напевов [1, с. 301]. Он указывает на то, что не все записи можно перевести на пятилинейную систему, поэтому для нотирования были избраны отдельные образцы. А. Л. Маслов дает заглавие нотному приложению «Заклинания “ОЛОНГО” якутских шаманов». К сожалению, из четырех нотированных фрагментов слова подписаны только в последнем образце. Таким образом, по данным материалам невозможно определить жанр образцов. В приложение также включены тексты песен якутских казаков и материалы по фольклору якутов, среди которых имеется отрывок благопожелания *алгыс* («Кумысовая песня») во время праздника ысыах.

Дореволюционный этап якутской фольклористики безусловно является одним из самых интересных. Краткий анализ литературы показывает, что основоположниками являются собиратели и исследователи – выходцы из европейской части России и Европы. Благодаря их деятельности началось описание особенностей бытования, фиксация вербальных текстов кругового танца *оһуохай*. Также к этому времени принадлежит первая попытка нотирования напева якутского хоровода, выполненная А. Ф. Миддендорфом. По этим трудам можно черпать информацию описательного характера, и делать выводы по терминологии.

Ученые, воспитанные в русских традициях, явления якутского народного творчества описывали в терминах русской, а иногда и европейской фольклористики. Так якутский *осуохай* в исследованиях XIX – начала XX веков назван

как «круговой танец» (А. Ф. Миддендорф), «танец» (Я. И. Линденау, Р. К. Маак, С. В. Ястремский), «хоровод» (И. А. Худяков, С. В. Ястремский), «хороводная песня» (В. Л. Серошевский), «игра» (И. А. Худяков). Помимо терминов, характерных для русской фольклористики, по всей вероятности в рукописи Я. И. Линденау были и европейские (немецкие) термины, которые были переведены в 1983 году З. Д. Титовой как «круговой танец», «танец». Однако, уже с первого описания якутского кругового танца, встречается и этническое название: в трудах Я. И. Линденау, Р. К. Маака – якутский термин «үңкүү», в работе И. А. Худякова – «үңкүү үңкүүлүүлэр» («танцуют танец» – *пер. А. Т.*), термин «үңкүү тоһоһото», относящийся к круговому танцу. В его труде также встречается слова «этээчи» («говорящий», «запевающий» – *пер. А. Т.*) и «бастың үңкүүһүт» («лучший танцор» – *пер. А. Т.*), которые также относятся к этническим терминам якутского кругового танца. В словаре Э. К. Пекарского слово «үңкү» переводится как «пляска», «танец». Здесь же он приводит этнический термин «Былыргы үңкү» и описание танца: «Старинная пляска, участники которой сцепляются за руки указательными пальцами и, плавно размахивая под ритм

песни, медленно прискакивают» [14, с. 3130]. В названиях текстов кругового танца А. Ф. Миддендорфа встречается слово «Төгүл». В словаре якутского языка Э. К. Пекарского слово «төгүл» переводится как «очередь», «череда», «порядок», «последовательность одного за другим». Также данное слово может переводиться как «глава», «часть» в книгах. В словаре объясняется, что данное слово может применяться для определения тем песен, например, как «песня о ...» и в качестве примера приводит этнические названия песен и их переводы: «ысыах төгүлэ» – «об ысыахе», «от төгүлэ» – «о траве», «мас төгүлэ» – «о дереве» [14, с. 2761].

Примечательно, что в дореволюционной литературе ни разу не встречается современное название якутского кругового танца «оһуохай». Данное слово в варианте «эһиэкэй» впервые появится в 1947 году в труде Д. К. Сивцева «Саха фольклора» («Якутский фольклор»). После этого термин появится у музыковедов и только потом у фольклористов. Вполне возможно, что в советский период на основе бытовавших в старину заклинательных и ритуальных круговых танцев появляется новая разновидность песни-танца, получившая название «Осуохай».

Литература

1. Анучин Д. Н. О применении фонографа к этнографии, и в частности, о записи шаманского камлания в Средне-Колымске, Якутской области. С приложением якутских песен по фонографическим записям Я. Строецкого // Тр. Музык.-этнограф. комиссии, состоящей при этнограф. отд. ИОЛЕАиЭ. – М., 1911. – Т. 2. – С. 269–301.
2. Архив ЯФ СО АН СССР. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 103. – Л. 133.
3. Емельянов Н. В. Изучение якутского фольклора после Октября // *Вопр. филол.: по мат-лам юбилейной сес., посвящ. пятидесятилетию Октябр. революции.* – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. – С. 36–40.
4. Емельянов Н. В. 40 лет изучения якутского фольклора // *Докл. на XIV науч. сес.: язык, литература, история.* – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. – С. 79–86.
5. Ефимова Л. С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири: классификация, общая характеристика. – Новосибирск: Наука, 2013. – 178 с.
6. Илларионов В. В. Фольклористика Якутии: Итоги и проблемы // *Байкал. встречи III: культуры народов Сибири: мат-лы III Междунар. науч. симп.* – Улан-Удэ, 2001. – Т. 1. – С. 43–50.
7. Илларионов В. В. Фольклористика Якутии: на пороге XXI века // *Проблемы формирования культурного пространства Якутии на рубеже третьего тысячелетия.* – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2003. – С. 195–204.
8. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005. – 132 с.
9. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): истор.-этнограф. мат-лы о народах Сибири и Северо-Востока / пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. – Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
10. Маак Р. К. Вилюйский округ Якутской области. – СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1887. – Ч. 3. – 192 с.

11. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. – СПб., 1878. – Ч. II. отд. VI: Коренные жители. – С. 619–833.
12. Никифоров В. М. Фольклорная работа в ИЯЛИ и проблемы изучения устной традиции в республике // 60 лет науч. поиска: сб. науч. тр. – Якутск: ИЯЛИ АН РС (Я), 1995. – С. 50–62.
13. Новгородова Е. С. К вопросу о якутской фольклористике // Языки и фольклор народов Крайнего Севера. – Л., 1969. – С. 131–137. – (Уч. зап. ГПИ им. А. И. Герцена; Т. 383).
14. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – Л., 1927. – Вып. 10 (та – туор). – С. 2509–3858.
15. Серошевский В. Л. О якутской песне и певцах // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. – Иркутск, 1893. – Т. 24, № 2. – С. 46–55.
16. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М., 1993. – 736 с.
17. Худяков И. А. Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. – Иркутск, 1890. – 207 с.
18. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанова. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.
19. Щукин Н. С. Поездка в Якутск. – СПб.: Тип. Кондара Вингебера, 1833. – 231 с.
20. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.
21. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 226 с. (Тр. комис. по изучению Якут. АССР; Т. 7).

References

1. Anuchin D.N. O primeneniі fonografa k etnografii [Using of Phonograph in the Ethnography]. *Trudy Muzykal'no-etnograficheskoi komissii [Works of the Musical-Ethnographic Committee]*. Moscow, 1911, vol. 2, pp. 269–301. (In Russ.).
2. Arkhiv IaF SO AN SSSR [Archive of YaF SB AS USSR]. f. 5, inv. 1, d. 103, p. 133. (In Russ.).
3. Emel'ianov N.V. Izuchenie iakutskogo fol'klora posle Oktjabriia [Studying of Yakut Folklore after the October Revolution]. *Voprosy filologii [Questions of Philology]*. Iakutsk, Iakut. Publ., 1970, pp. 36–40. (In Russ.).
4. Emel'ianov N.V. 40 let izucheniia iakutskogo fol'klora [40 years of Studying of Yakut folklore]. *Doklady na XIV nauchnoi sessii: iazyk, literatura, istoriia [Lectures on the XIV Scientific Session: Language, Literature, History]*. Iakutsk, Iakut. Publ., 1964, pp. 79–86. (In Russ.).
5. Efimova L.S. Algys sakha (iakutov) v svete fol'klornykh traditsii tiurko-mongol'skikh narodov Sibiri: klassifikatsiia, obshchaia kharakteristika [The Algys of Sakha People in the Context of Turk-Mongolian Peoples of Siberia: Classification, General Characteristic]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013. 178 p. (In Russ.).
6. Illarionov V.V. Fol'kloristika Iakutii: Itogi i problemy [Folkloristics in Yakutia: Results and Problems]. *Baikal'skie vstrechi III: kul'tury narodov Sibiri. Materialy III Mezhdunarodnogo nauchnogo Simpoziuma [Baikal's Meetings III: Culture of Peoples in Siberia. Materials of 3rd International Scientific Symposium]*. Ulan-Ude, 2001, vol. 1, pp. 43–50. (In Russ.).
7. Illarionov V.V. Fol'kloristika Iakutii: na poroge XXI veka [Folkloristics in Yakutia: on the Turn XXI Century]. *Problemy formirovaniia kul'turnogo prostranstva Iakutii na rubezhe tret'ego tysiacheletiiia [Problems of Genesis of Cultural Area in Yakutia on the Turn of the Century]*. Iakutsk, Sakhapoligrafizdat Publ., 2003, pp. 195–204. (In Russ.).
8. Kolleksiі narodov Severa v Fonogrammarkhive Pushkinskogo Doma [Collections of Peoples of North in the Phonogram-archive of Pushkin's house]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg University Publ., 2005. 132 p. (In Russ.).
9. Lindenau Ia.I. Opisanie narodov Sibiri [Description of Peoples of Siberia]. (Russ. ed. Z.D. Titova). Magadan, Magadan Publ., 1983. 176 p. (In Russ.).
10. Maak R.K. Viliuiskii okrug Iakutskoi oblasti [Viliysk District of Yakutia Region]. St. Petersburg, Printing-house and chromolithography of A. Transhely, 1887, vol. 3. 92 p. (In Russ.).
11. Middendorf A.F. Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. II, sec. VI. Korennye zhiteli [Travel to the North and East of Siberia. Vol. II, sec. VI. Indigenous]. St. Petersburg, 1878, pp. 619–833. (In Russ.).
12. Nikiforov V.M. Fol'klornaia rabota v IIAI i problemy izucheniia ustnoi traditsii v respublike [Folklore Work in the Institute of Yakut Literature and Problems of Studying of Oral Tradition in the Republic]. *60 let nauchnogo poiska [60 Years of Scientific Search]*. Iakutsk, 1995, pp. 50–62. (In Russ.).

13. Novgorodova E.S. K voprosu o iakutskoi fol'kloristike [To a Question about Yakut's Folkloristics]. Leningrad, 1969, pp. 131–137. (In Russ.).
14. Pekarskii E.K. Slovar' iakutskogo iazyka. Vypusk 10 (ta – tuor) [Dictionary of the Yakut Language. Vol. 10 (ta – tuor)]. Leningrad, 1927, pp. 2509–3858. (In Russ.).
15. Seroshevskii V.L. O iakutskoi pesne i pevtsakh [About Yakut Song and Singers]. *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO [Proceedings of the East-Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society]*. Irkutsk, 1893, vol. 24, no 2, pp. 46–55. (In Russ.).
16. Seroshevskii V.L. Iakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia [The Yakut People. Experience of Ethnographic Research]. Moscow, 1993. 736 p. (In Russ.).
17. Khudiakov I. A. Verkhoianskii sbornik [Collection of Verkhoyansk District]. Irkutsk, 1890. 207 p. (In Russ.).
18. Khudiakov I.A. Kratkoe opisanie Verkhroianskogo okruga [Short Description of Verkhoyansk District]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 440 p. (In Russ.).
19. Shchukin N.S. Poezdka v Iakutsk [Trip to Yakutsk]. St. Petersburg, Printing-house of Kondar Vingeber, 1833. 231 p. (In Russ.).
20. Ergis G.U. Ocherki po iakutskomu fol'kloru [Essays about the Yakut Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 404 p. (In Russ.).
21. Iastremskii S.V. Obraztsy narodnoi literatury iakutov [Samples of Folklore Literature of Sakha People]. Leningrad, SA SSSR Publ., 1929. 226 p. (In Russ.).

УДК 784.4+781.7 (1-925.1)

ТИПОВЫЕ НАПЕВЫ *КОЖАМЫК* ТУВИНЦЕВ-ТОДЖИНЦЕВ

Тирон Екатерина Леонидовна, младший научный сотрудник, сектор фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск, РФ). E-mail: krupich_katja@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического осмысления категории «типовой напев», отражающей некоторые существенные характеристики песенных традиций ряда тюркских народов Сибири. На материале жанра *кожамык* песенной традиции одного из коренных малочисленных народов Сибири – тувинцев-тоджинцев (малочисленная субэтническая группа тувинцев, компактно проживающая в северо-восточной части Республики Тыва и занимающаяся оленеводством, скотоводством и охотой) – рассматривается состав, распространенность и функционирование типовых напевов. Цель статьи заключается в установлении основных признаков типовых напевов данного этноса.

Автор статьи опирается на методы исследования песенных традиций, разработанные в отечественном этномузыкознании. Используются также подходы, развивающиеся в сибирском этномузыкознании в последние годы (теория интонационной культуры этноса, ареальные исследования, типология песенных традиций). Так, типовые напевы, широко распространенные в целом ряде сибирских интонационных культур (алтайских, бурятской, казахской, сибирско-татарских, тофаларской, тувинской, хакасской, шорской и др.), являются, тем не менее, мало исследованным феноменом.

Основной результат исследования – выявление особенностей присутствия в тоджинских *кожамык* таких признаков типовых напевов, как неприуроченность, политекстовость и типизированность структуры. В частности, автор приходит к выводу, что типизированность структуры в песнях тоджинцев ярче проявляется в области слогоритмики, а звуковысотный фактор оказывается более подвижным.

Ключевые слова: тувинцы-тоджинцы, музыкальный фольклор, народные песни, типовые напевы, этномузыкология.

MODEL TUNES OF KOZHAMYK OF THE TUVA-TOJUS

Tiron Ekaterina Leonidovna, Junior Researcher, Sector of Siberian People's Folklore, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail:krupich_katja@mail.ru

The phenomenon of model tunes is found out in song traditions of various Siberian peoples: Altaians, Buryats, Kazakhs, Siberian Tatars, Tofalars, Tuvinians, Khakasses, Shors, etc. Model tunes are also inherent to the song tradition of Tuva-Toju, a native minority of the North East part of Tuva Republic. The essay is based on the field data of Novosibirsk Conservatoire collected in the close of the XX century. Essential characteristics of the notion "model tune" are local circulation, non-attachment, polytextuality, and typified structure.

Tuva-Tojus inhabiting villages Toora-Khem, Iy, Adyr-Kezhig use a limited number of tunes (19) to perform *kozhamyks*. Non-attachment and polytextuality, polytextuality and typified structure are interrelated. For example, a *kozhamyk* is mainly a non-attachment genre and may be performed in various situations including some calendar and family rituals. The situation of performing a song causes the content of poetic text improvised during the performance. Themes of *kozhamyks* vary a lot, but the main image and thematic spheres are love, relations between clans, and laudation of nature (small motherland).

The model tunes are used as a constant element for improvisation of poetic texts. The typified structure of *kozhamyks* of Tuva-Tojus is manifested primarily in the field of rhythm, the modal factor is more flexible. The syllabic structure of poetic texts is based on repeat of 8-syllabic lines organized in 4-lined verses. There can be 6-, 7-, and 9-syllabic lines. In the tune lines are equated in length by means of typified syllabic rhythm. In Tuva-Toju tradition 5 types of typified syllabic rhythm are discovered. The 1st and the 2nd types are presented in 4 tunes each, the 3rd type – in 8 tunes, the 5th type – in 2 tunes, the 4th type – in one tune.

The repertoire of performers offers one to four tunes, but most times they use only one of these tunes. The tunes are not reserved for certain performers. The performers of one village prefer to choose similar syllabic rhythm types. It is possible that precedently the choice of a syllabic rhythm type was a result of a performer's belonging to a certain clan.

Keywords: Tuva-Toju, musical folklore, folk songs, model tunes, ethnomusicology.

Кожамык является одним из основных жанров песенной традиции тувинцев-тоджинцев³, наряду с жанром *ыр* [12]. Материалом для исследования послужили 58 образцов *кожамык*, записанных от 20 исполнителей сотрудниками и студентами Новосибирской консерватории в экспедициях 1997 и 1999 году в селах Тоора-Хем, Ий, Адыр-Кежиг Тоджинского района Республики Тыва⁴.

Одной из главных характеристик жанра является наличие типовых напевов. Наиболее полное

определение термина «типовой напев», основанное на анализе алтайских, казахских, тофаларских, тувинских, хакасских, шорских песенных традиций, дано Г. Б. Сыченко: «Типовые напевы – мелодии, распространенные в данной локальной традиции и характеризующиеся несколькими признаками: неприуроченность к конкретному обряду, времени, месту и т. п.; политекстовость (то есть возможность импровизировать весь вербальный репертуар на одну мелодию); типизированность структуры» [17, с. 202].

Рассмотрим проявление перечисленных признаков типовых напевов применительно к тоджинским песням. Действительно, тувинцы-тоджинцы для исполнения *кожамык* используют ограниченное число напевов, распространенных в данной местности. Возможно, что часть из них могла быть заимствована из других районов Тывы. Перспективной задачей для исследователей тувинской и тоджинской музыки является

³ Тувинцы-тоджинцы – коренной малочисленный народ северо-восточной Тувы, занимающийся оленеводством, скотоводством и охотой [2].

⁴ Экспедиции проведены в рамках ФЦП «Интеграция науки и высшего образования», проект № 806, руководитель проекта В. В. Мазепус. В экспедициях участвовали Г. Б. Сыченко (руководитель), О. В. Дондупова (Новикова) в 1997 году и Н. М. Скворцова в 1999 году.

картографирование типовых напевов *кожамык*. В настоящее время ведется изучение Эрзинской и Сут-Хольской песенных традиций, анализируются архивные материалы Тувинского института гуманитарных исследований, записанные в различных районах Тувы [3; 10; 15]. Это позволит выявить распространенность типовых напевов, а также, на основе сравнительного анализа архивных материалов и современных записей, определить пути возможных заимствований.

Кожамык тувинцев-тоджинцев является преимущественно жанром, неприуроченным к определенному месту и времени. По свидетельствам информантов, *кожамык* может звучать как в дороге, в тайге, так и на стоянке или в населенном пункте, во время работы или досуга, в одиночестве или в компаниях. По отношению к песенной традиции в целом существует запрет на исполнение в некоторых сакральных зонах, например, на перевале, где нельзя петь, громко разговаривать и вообще шуметь, чтобы не рассердить горных духов-хозяев.

Некоторая связь *кожамык*с календарными и семейными обрядами все-таки усматривается. В частности, тоджинцы упоминают два календарных праздника, во время которых раньше звучали *кожамык*: это Новый год *Шагаа* и весенние молодежные игрища *Ойтулааи*. На *Ойтулааи* песенные диалогические состязания исполнителей *кожамык* проводились наряду с различными состязаниями: борьбой *хуреи*, играми и др. Имеются свидетельства о связи жанра с другими не-обрядовыми играми. Так, по сведениям Г. Б. Хертек, «были игры с песнями. *Кожамык* пели, когда играли в лапту, мячик, кошки-мышки»⁵.

На свадьбе могут исполняться особые вопросо-ответные формы *кожамык*, являющиеся своего рода состязаниями представителей разных родов. Кроме того, по словам Г. Л. Кол, тексты *кожамык* могут содержать «пожелание молодым, чтоб жизнь была хорошая (можно и на свадьбе петь)»⁶. По другим сведениям, полученным от Г. Б. Хертек, «жениху и невесте песен не поют»⁷. Более того, С. Д. Доржу вообще счита-

ет, что у тоджинцев «раньше свадьбы не было»⁸. Музыкальное наполнение свадебного обряда тоджинцев не было зафиксировано собирателями и исследователями. Упоминание о празднике *куда той* ‘свадебный пир’, который проводился два-три дня с момента приезда жениха в *аал* невесты, имеется у С. И. Вайнштейна только относительно скотоводов-тоджинцев [2, с. 138]. О свадебном пируестве оленеводов-тоджинцев ничего не известно.

Из других переходных обрядов тоджинцами упоминается *Уругбажыкезер той* ‘Праздник первой стрижки ребенка’, где *кожамык* исполняется во время застолья, после благопожеланий *йөрээл*. У тоджинцев имеются также исполняемые на типовые напевы проклятия *каргыш-кожамык* [16]. Итак, жанр *кожамык* оказывается связанным, с одной стороны, с состязательностью (парней и девушек, представителей разных родов и т. п.), с другой стороны, с добрым или негативным пожеланием.

Обилие возможных ситуаций исполнения *кожамык* (приуроченных и неприуроченных) возникает благодаря необычайной мобильности жанра, в котором импровизируемый текст (к месту, по случаю) свободно сочетается с одним из типовых напевов. Другими словами, напевы *кожамык* являются политекстовыми. Ситуация исполнения песни обуславливает содержание поэтического текста. Тематика *кожамык* может быть самой разнообразной, основными же являются три образно-тематические сферы: любовная сфера, сфера межродовых отношений и сфера восхваления природы, родных мест (малой родины) [5].

Политекстовость напевов неразрывно связана с признаком типизированности структуры, который в тоджинских *кожамык* проявляется в первую очередь в области ритма. Поэтический текст песен основан на силлабической системе стихосложения, а именно, на повторе восьмисложных строк (подробнее см. в [13]), группирующихся в четырехстишные строфы. Равная (или почти равная) по слоговому составу строка в напеве получает равную протяженность за счет типизированности слогоритма. Весь выявленный круг напевов тоджинских *кожамык* исполняется на один из пяти слогоритмических типов (далее – СРТ) строк *кожамык* (см. табл. 1).

⁸ Там же. С. 28.

⁵ Полевой дневник Г. Б. Сыченко 1997 года. – С. 12.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 15.

Типовые напевы кожамык

№ напева	СРТ	Исполнители	Количество образцов			Количество стрóf		
1	1 εθεθ : εθεθ	Кол Н. Т.	13	14	18	23	25	30
		Доржу С. Д.	1			2		
2		Комбукай Л. О.	2	2		3	3	
3		Кол Н. Т.	1	1		1	1	
4		Шошукпан К. К.	1	1		1	1	
5	2 εεθθ : εεθθ	Дажырган Б. Б.	5	5	11	13	13	31
6		Баалчын Д. И.	1	2		3	4	
		Чатпал А. К.	1			1		
7		Хертек Г. Б.	1	2		7	11	
		Кеский А. А.	1			4		
8	Бараан Ч. М.	2	2	3	3			
9	3 εεεε:εθεθ	Байыржап Т. Б.	3	4	21	12	14	48
10		Доржу С. Д.	1			2		
		11	Далдай А. К.	2		2	4	
Кол Г. Л.			6	9		12	18	
Ак К. С.			2			4		
Кол А. Д.		1	2					
12		Иргит Г. Л.	1	1		2	2	
13		Кол Н. Т.	1	1		3	3	
14		Комбукай Л. О.	1	1		2	2	
15		Чоодурай Х. М.	2	2		3	3	
16	Ак М. О.	1	1	2	2			
17	4 εεεθ : εεεθ	Далдай А. К.	3	5	5	4	8	8
		Чашпыяк К. Т.	3			5		
		Байыржап Т. Б.	1			1		
18	5 εεεε : εεεε	Самбайлык Е. Д.	1	2	3	3	4	6
		Иргит Г. Л.	1			1		
19		Кол Н. Т.	1	1		2	2	
Всего	5	20	58			123		

Необходимо отметить, что типовая слогоритмическая формула проявляется именно на уровне строки, хотя повторность (формульность) заметна и на уровне полустрок, совпадающих с поэтическими полустушиями. Выявляется четыре типа сегментов: $\varepsilon\varepsilon\varepsilon(a)$, $\varepsilon\varepsilon\theta(b)$, $\varepsilon\theta\theta(c)$, $\varepsilon\theta\theta(d)$. Четыре СРТ основаны на повторе сегментов: aa (5РТ), bb (4РТ), cc (2РТ) и dd (1РТ). Третий СРТ тип включает соединение различных сегментов ac .

Основными являются сегменты a и c , самостоятельность которых также обусловлена возможностью комбинироваться друг с другом⁹. В южноалтайской песенной традиции сегменты a и c выделяются в качестве стабильных первых четырехсложных сегментов семисложных строк [9]. В песенной культуре тофаларов функционирует только тип a , тип c , по-видимому, не встречается [8].

Сегменты b и d производны от a . Их образование осуществляется посредством тенденции ямбизации: сегмент b возникает при удлинении последнего элемента сегмента a , сегмент d – при помещении сегмента a в трехдольный ямбический контекст [9]. Причина появления вторичных сегментов может быть связана с влиянием ударения, приходящегося по нормам языка на последний слог слова, что в условиях преобладания в полустроках одного четырехсложного или двух двухсложных слов и привело к ямбизации исходного сегмента [13]. Подобная тенденция была выявлена при исследовании ритмики тофаларских песен [8].

Рассмотрим относительно более подвижный, по сравнению с временным, звуковысотный фактор. Типизация напева проявляется на уровне поэтической строфы, хотя мелодическая формульность заметна и на уровне попевок (полустрок). В нашей коллекции выявлено 19 типовых напевов (см. табл. 1). Отметим, что у разных сибирских народов количество типовых напевов песен весьма различается. Так, в алтайских и тофаларских песнях их менее десяти, в хакасских и бурятских песнях – более десяти, в сибирско-татарских песнях – несколько десятков [4; 7; 8; 9].

Типовые напевы тоджинских *кожамык* распределяются по СРТ неравномерно. Так, на 1-й и 2-й СРТ зафиксировано по четыре напева, на 3-й

тип – восемь напевов, на 5-й тип – два напева. Лишь 4-й СРТ представлен одним напевом, что, вероятно, объясняется ограниченным количеством анализируемых образцов.

В определении термина «типовой напев», приведенном выше, присутствует указание на локальность его распространенности. Нам показалось также важным исследовать вопрос о соотношении совокупности напевов и их исполнителей. Понятие «типовой напев» подразумевает такое качество, как регулярное использование напева несколькими исполнителями. В условиях ограниченного материала это качество не всегда подтверждается конкретными образцами, так как напевы могут быть записаны только от одного исполнителя. Такие напевы, с формальной точки зрения, являются индивидуальными, однако по структуре и функционированию в традиции они могут быть отнесены к типовым напевам. Рассмотрим этот вопрос на конкретном материале.

Семь напевов *кожамык* с уверенностью можно отнести к общераспространенным, а следовательно, к типовым, так как они записаны от двух и трех человек (см. табл. 1). Это напевы № 1, 6, 7, 9, 11, 17 и 18. Большинство же напевов зафиксировано от единственных исполнителей. Варианты некоторых напевов находим в опубликованных источниках. Так, аналогом типового напева *кожамык* № 3 является напев песни «*Кадарчы*» [1, с. 109], напева № 5 – напев песни «*Колхозчумен*» [1, с. 145], напева № 11 – напев песен «*Агитатор*» и «*Туттурбайн чорза-чорза*» [1, с. 127 и с. 147; 6, с. 102]. Данные напевы опубликованы как тувинские песни, поэтому у тоджинцевони могут быть заимствованными. Однако само их наличие позволяет усомниться в индивидуальной принадлежности напевов тоджинских *кожамык*.

Представленные в единственном исполнении напевы № 2, 4, 8, 10, 12–16 и 19 не имеют опубликованных вариантов. Все они обладают типизированной структурой, прежде всего на уровне ритмики, функционируют как типовые напевы, являясь политекстовыми. От единственных исполнителей на напевы № 2, 8, 10 и 15 записано несколько образцов с разными текстами. Образцы напевов № 12–14, 16 и 19 представлены несколькими строфами – двумя или тремя, некоторые из которых вполне могли бы быть исполнены отдельными песнями. Только напев № 4 реализован как однострофный образец. То, что записи напе-

⁹ Подобное функционирование сегмента отмечается и в песенном жанре *ыр* тувинцев-тоджинцев.

вов произведены только от одного исполнителя, скорее всего, являются случайным событием, и при проведении специального полевого исследования этот вопрос мог бы проясниться.

Большинство исполнителей выбирает только один типовой напев и комбинирует его с различными текстами. Существование от двух до четырех напевов зафиксировано в репертуаре шести исполнителей: Т. Б. Байыржап, А. К. Далдай, С. Д. Доржу, Г. Л. Иргит, Н. Т. Кол, Л. О. Комбукай. Это является еще одним доказательством в пользу общеизвестности напевов данного жанра.

Интересно отметить, что при существовании нескольких напевов в репертуаре исполнителей обязательно присутствует один напев 3-го СРТ, который сочетается с напевами 4-го или 5-го СРТ. Нетрудно отметить отсутствие напевов 2-го СРТ в этом ряду, то есть в репертуаре одного исполнителя по какой-то причине они не сочетаются с напевами других типов.

Некоторые схожие предпочтения в выборе СРТ отмечаются у исполнителей одного населенного пункта. Так, вс. Тоора-Хем поют *кожамык* на все СРТ, кроме 4-го, а 1-й СРТ зафиксиро-

ван только в этом поселке. Напев 4-го СРТ исполняется только жительницами с. Адыр-Кежиг (участницами самодеятельного ансамбля). Четыре опрошенных информанта с. Ий из пяти исполняют *кожамык* на 3-й СРТ. Напевы 2, 3, 5-го СРТ исполняются во всех обследованных населенных пунктах.

Таким образом, типовые напевы тоджинских *кожамык* представляют собой совокупность, или некое множество, более или менее близких напевов и их вариантов, из которых каждый исполнитель «выбирает» один или несколько излюбленных напевов для импровизирования песенного репертуара. При этом жесткая закреплённость конкретных напевов только лишь за одним исполнителем отсутствует.

Выбор исполнителем напева того или иного СРТ в настоящее время, по-видимому, определяется предпочтением социума данного населенного пункта. Возможно, что в прошлом на выбор напева *кожамык* влияла принадлежность исполнителя к тому или иному роду, но в настоящее время такая закреплённость завуалирована и является с трудом [14].

Литература

1. Аксенов А. К. Тувинская народная музыка. – М.: Музыка, 1964. – 254 с.
2. Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Истор.-этнограф. очерки / отв. ред. Л. П. Потапов. – М., 1961. – 216 с.
3. Кан-оол А. Х. Песенная традиция в контексте интонационной культуры эрзинских тувинцев // Музыковедение. – 2010. – № 3. – С. 30–36.
4. Капицына Н. С., Кондратьева Н. М. Народные песни сибирских татар. – Новосибирск, 2013. – 172 с.
5. Крупич (Тирон) Е. Л. Образно-тематическая характеристика жанра *кожамык* тувинцев-тоджинцев // Мельниковские чтения: мат-лы второй регион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 24–26 февр. 2005 года. – Новосибирск, 2007. – С. 303–308.
6. Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа / ред. И. В. Мациевский. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1992. – 142 с.
7. Новикова О. В. Пентатоника в песенной традиции бурят. – Новосибирск, 2010. – 180 с.
8. Сковцова Н. М. Ритмическая структура тофаларских народных песен: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2003. – 301 с.
9. Сыченко Г. Б. Традиционная песенная культура алтайцев: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1998. – 291 с.
10. Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Кан-оол А. Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 годы) // От конгресса к конгрессу: мат-лы Второго Всерос. конгр. фольклористов: сб. докл. – М.: Гос. республик. центр рус. фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 281–299.
11. Сыченко Г. Б., Крупич (Тирон) Е. Л., Пинжина О. С. Типовые напевы в интонационных культурах тюрков Южной Сибири: проблемы изучения // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семинара СВЦФ. – Омск, 2006. – С. 36–40.
12. Тирон Е. Л. Жанровая дифференциация лирических песен тувинцев-тоджинцев // Музыковедение. – 2014. – № 5. – С. 52–58.
13. Тирон Е. Л. Особенности стихосложения песен тувинцев-тоджинцев // Сибир. филол. журн. – 2013. – № 2. – С. 48–55.

14. Тирон Е. Л. Проявление оппозиции «свой – чужой» в текстах и напевах тоджинских *кожамык* // Оппозиция «свой – чужой» в языке, фольклоре, литературе, музыке, культуре: мат-лы Регион. гуманитар. форума науч. молодежи. – Новосибирск, 2015. (В печати). Тирон Е. Л., Юша Ж. М. Тувинские народные песни: мат-лы Архива Тувин. ин-та гуманитар. исслед. (1970-е годы) // Народная культура Сибири: мат-лы XXIII науч. семинара СРВИФ. – Омск, 2015. (В печати).
15. Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. – Новосибирск, 2009. – 166 с.
16. Syčenco G. Model tunes of the ‘short songs’ of the Chalkans // *Turcologica*. Band 97, 1. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 3. Ethnologische und lexikologische Untersuchungen. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. – P. 201–206.

References

1. Aksenov A.K. Tuvinskaia narodnaia muzyka [Tuva folk music]. Moscow, Music Publ., 1964. 254 p. (In Russ.).
2. Vainshtein S.I. Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tuva-Tojus. Historical and ethnographic essays]. Moscow, Eastern Literature Publ., 1961. 216 p. (In Russ.).
3. Kan-ool A.Kh. Pesennaia traditsiia v kontekste intonatsionnoi kul'tury erzinskikh tuvintsev [The song tradition in the context of intonational culture of the Erzin Tuvas]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2010, no 3, pp. 30–36. (In Russ.).
4. Kapitsyna N.S., Kondrateva N.M. Narodnye pesni sibirskikh tatar [Folk songs of the Siberian Tatars]. Novosibirsk, Okarina Publ., 2013. 172 p. (In Russ.).
5. Krupich (Tiron) E.L. Obrazno-tematicheskaia kharakteristika zhanra kozhamyk tuvintsev-todzhintsev [Imaginative and thematic characteristic of the genre kozhamyk of the Tuva-Tojus]. *Mel'nikovskie chteniia. Materialy vtoroi regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Melnikov's readings: Materials of the second regional scientific and practical conference]*. Novosibirsk, 2007, pp. 303–308. (In Russ.).
6. Kyrgys Z.K. Pesennaia kul'tura tuvinskogo naroda [Song culture of the Tuva people]. Kyzyl, Tuva Publishing House, 1992, 142 p. (In Russ.).
7. Novikova O.V. Pentatonika v pesennoi traditsii buriat [Pentatonic of song tradition of the Buryats]. Novosibirsk, Okarina Publ., 2010. 180 p. (In Russ.).
8. Skvortsova N.M. Ritmicheskaia struktura tofalarskikh narodnykh pesen. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Rhythmic structure of Tofalar folk songs. Diss. Candidate of Art Criticism]. Novosibirsk, 2003. 301 p. (In Russ.).
9. Sychenko G.B. Traditsionnaia pesennaia kul'tura altaitsev. Diss. kand. iskusstvovedeniia. [Traditional song culture of the Altai. Diss. Candidate of Art Criticism]. Novosibirsk, 1998. 291 p. (In Russ.).
10. Sychenko G.B., Tiron E.L., Kan-ool A.Kh. Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoi konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009) [Results of the field research of the Novosibirsk Conservatory in Tuva Republic (1997–2009)]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo kongressa fol'kloristov. Sbornik dokladov [From Congress to Congress. Proceedings of the Second All-Russian Congress of folklorists. Collection of papers]*. Moscow, 2011, Vol. 3, pp. 281–299. (In Russ.).
11. Sychenko G.B., Krupich (Tiron) E.L., Pinzhina O.S. Tipovye napevy v intonatsionnykh kul'turakh tiurkov Iuzhnoi Sibiri: problemy izucheniia [Model tunes in intonational cultures of the Turks of Southern Siberia: Problems of Study]. *Narodnaia kul'tura Sibiri. Materialy XV nauchnogo seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the XV Scientific Seminar of the Siberian regional High school center of folklore]*. Omsk, 2006, pp. 36–40. (In Russ.).
12. Tiron E.L. Zhanrovaia differentsiatsiia liricheskikh pesen tuvintsev-todzhintsev [Genre differentiation of lyrical songs of the Tuva-Tojus]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2014, no 5, pp. 52–58. (In Russ.).
13. Tiron E.L. Osobennosti stikhoslozheniia pesen tuvintsev-todzhintsev [Features of versification of songs of the Tuva-Tojus]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2013, no 2, pp. 48–55. (In Russ.).
14. Tiron E.L. Proivavlenie oppozitsii “svoi – chuzhoi” v tekstakh i napevakh todzhinskikh kozhamyk [Manifestation of opposition “ours – another’s” in the texts and melodies Todzha kozhamyk]. *Oppozitsiia “svoi – chuzhoi” v iazyke, fol'klоре, literature, muzyke, kul'ture. Materialy Regional'nogo gumanitarnogo foruma nauchnoi molodezhi [Opposition “ours – another’s” in language, folklore, literature, music, and culture. Materials of the Regional Humanitarian Forum young scientists]*. Novosibirsk, 2015. (In Russ., unpublished).
15. Tiron E.L., Iusha Zh.M. Tuvinskie narodnye pesni. Materialy Arkhiva Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (1970-e) [Tuva Folk songs: materials of the Archive of the Tuva institute of Humanities researches (the 1970th)]. *Narodnaia kul'tura Sibiri. Materialy XXIII nauchnogo seminarov Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'klору [Folk Culture of Siberia: Proceedings of the XXIII Scientific Seminar of the Siberian regional High school center of folklore]*. Omsk, 2015. (In Russ., unpublished).

16. Iusha Zh.M. *Obriadovaia poeziia tuvintsev: struktura i semantika [Ritual poetry of Tuvan: structure and semantics]*. Novosibirsk, 2009. 166 p. (In Russ.).
17. Sychenko G. Model tunes of the 'short songs' of the Chalkans. *Turcologica. Band 97, 1. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 3. Ethnologische und lexikologische Untersuchungen*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2013, pp. 201–206. (In Russ.).

УДК 783 (571.5)

МОНОДИЙНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ХОРОВЫХ АРАНЖИРОВКАХ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ «АЗАМАТ»

Зарипова Гузалия Камилловна, аспирант, Магнитогорская государственная консерватория им. М. И. Глинки, преподаватель, Салаватский музыкальный колледж, председатель цикловой комиссии «Сольное и хоровое народное пение» (г. Салават, Республика Башкортостан, РФ). E-mail: guzelka_milovna@mail.ru

Башкирская народная песня «Азамат» – традиционный вид музыкального творчества, классифицированный как озон-кюй (*башк.* – протяжный кантиленно-орнаментальный напев), – содержащая размышления человека, прожившего сложную жизнь, перед смертью. Песня до настоящего времени становится предметом композиторского творчества и объектом музыковедческих исследований. Чаще всего к ней обращались хоровые аранжировщики.

Башкирская музыкальная культура в своей основе монодийна, но не одnogолосна, как это отмечается в некоторых исследованиях. Еще одно заблуждение, ведущее начало с ошибочной позиции С. И. Руденко [11], что башкирское пение сольное. И это, несмотря на то, что многие источники описывают башкирскую традицию коллективного пения, но которая воспринималась их авторами как неумение музицировать вместе. Истоки данного необъективного взгляда лежат в некорректном сравнении строго регламентируемых видов формообразования, полифонии и тональной системы европейской традиции с импровизационностью и неизменностью звукорядов национальной монодии, где многие многоголосные проявления не укладываются в жесткие рамки академизма.

Башкирские композиторы старшего поколения хорошо понимали различия в требованиях национальной традиции и академическими канонами.

В статье дается оценка характерным свойствам башкирского коллективного музицирования, проводится сравнительный анализ используемых элементов аранжировочного фактурообразования, как академического, основанного на четырехголосной технике (функциональные гармонические созвучия и полифонические элементы имитационного типа), так и монодийного (бурдонирование, гетерофония, однолинейность и др.).

Кратко затрагиваются причины, не позволявшие во второй половине XX века аранжировать башкирскую монодию с позиций модальности, основная из которых – государственная культурная политика, объявлявшая любые отклонения от евроцентризма религиозно-националистическим и реакционным началом. Приводятся нотные примеры латентного применения монодийных элементов в хоровых партитурах «Азамата» известными башкирскими авторами (К. Ю. Рахимов, М. П. Фоменков и Р. В. Сальманов).

В качестве альтернативы академическим канонам с ее строгой регламентацией автор предлагает современные виды обработки монодии, как традиционные, так и с применением диджитальных технологий. В заключении намечаются основные направления развития национальной монодийной системы.

Ключевые слова: монодия, традиция, озон-кюй, хор, аранжировка, бурдонирование, гетерофония, остинатность, однолинейность.

MONODIC ELEMENTS IN CHORAL ARRANGEMENTS OF BASHKIR NATIONAL SONG “AZAMAT”

Zaripova Guzalia Kamilovna, Post-Graduated Student, M.I. Glinka Magnitogorsk State Conservatory, Lecture, Salavat Musical College, Chair of Cyclic Commission “Solo and Choral National Singing” (Salavat, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation). E-mail: guzelka_milovna@mail.ru

Bashkir national song “Azamat” is the traditional type of music, classified as ozone-kuy (bash. – a lingering canto-ornamental song), containing the reflection of a person who lived a difficult life before death. The song up-to-date becomes a subject matter for a composition work and object of musicological researches. Often choral arrangers address to it.

The Bashkir musical culture is based on monody, but not monophonic, as noted in some studies. Another misconception, leading to the erroneous position of S.I. Rudenko, that Bashkir singing is solo, although numerous descriptions preserved Bashkir tradition of collective singing, which was perceived by the authors as the inability to play music together. The origins of this biased view are incorrect in comparison of strictly regulated polyphony types and the tonal system of the European tradition with improvisation and permanence of monody scales. Many national polyphonic symptoms do not fit into the rigid framework of the academic theory.

Bashkir composers of the older generation were well aware of the differences in the requirements of the national traditions and academic canons.

The article gives the assessment to characteristic properties of the Bashkir collective playing music, the comparative analysis of used elements arrangers musical invoice, as academic, based on four voices (functional harmonious accords and polyphonic elements of imitating type), and monody type (bourdon, heterophony, one-linearity, etc.).

The reasons which are not allowed in the second half of the XX century to arrange a Bashkir monody from positions of a modality, basic of which is the state of cultural policy declared any deviations from eurocentrism by the religious nationalist and reactionary beginning are briefly mentioned. Musical examples of latent application monody elements in “Azamat” choral partitas are resulted by known Bashkir authors K.J. Rahimov, M.P. Fomenkov and R.V. Salmanov.

Alternatively, the author offers modern types of processing the monody, as traditional with application of digital technologies. The basic progress directions outlined monody systems in development.

Keywords: monody, tradition, “ozone-kuy,” chorus, arrangement, bourdon, heterophony, ostinato, one-linearity.

*Если к пятиступенной мелодии «приклеить» гармонию,
возникшую на семиступенной основе, то появятся
два чужеродных звука, которых нет в самой мелодии.*

Эти два чужеродных звука не могут не испортить напева...

С. Габяши¹⁰

В основу представленной статьи положен анализ академической и традиционной точки зрения на башкирскую музыкальную культуру. В первой доминирует принцип, основанный на

¹⁰ С. Габяши. Из ответов на вопросы анкеты журнала «Яналиф» в 1931 году (*перев. с татар.*). С. Х. Габяши (1891–1942) – татарский и башкирский композитор, теоретик, один из основоположников теории модальности в татарской пентатонике. Обвиненный в национализме за то, что попытался идти по собственному пути развития многоголосия, он долгое время числился в истории под политическим ярлыком «Габяшизм» – синонимом религиозно-националистического, реакционного начала в музыке.

унификации монодийных проявлений, имеющей устоявшиеся дефиниции (бурдонирование, гетерофония, «ленточные» параллелизмы, мономелодийность, однолинейность, остигатность, унисон и др. [7]). Вторая рассматривает внутреннюю систему традиционного песнопения с позиций метода включенного наблюдения.

Цель статьи – дать объективную оценку характерным свойствам башкирской коллективной вокализации. Поставленная цель охватывает широкий круг проблем, основные из которых – анализ монодийных многоголосных составляющих и их отражение в хоровом творчестве композиторов Башкирии.

Башкирская монодия сравнительно недавно стала предметом исследований [10; 13 и др.], видимо, поэтому до сих пор во многих работах по национальной музыкальной культуре упорно и некритично повторяется ошибочная формула, предложенная еще в начале XX века С. И. Руденко о том, что башкирская музыка сольная и одноголосная [11]. Истоки данного заблуждения, на взгляд автора статьи, лежат в некорректном сравнении строго регламентируемых видов формообразования, полифонии и тональной системы европейской традиции с импровизационностью и неизменностью звукорядов национальной монодии. Сюда же можно отнести восприятие некоторых видов исполнительства (особенно в коллективном музицировании), которые музыканты, воспитанные на образцах западноевропейской культуры, воспринимали как «несносную какофонию» [12, с. 211].

Несмотря на ряд основополагающих исследований, многие специфические свойства башкирской традиционной мелодики до настоящего времени не систематизированы. Фактурные элементы модальности и монодийная однолинейность в ее гетерофонном расслоении пока еще остаются предметом единичных исследований. Ограниченные рамки одной статьи не позволяют дать исчерпывающую характеристику всех исследовательских направлений, поэтому далее будут приводиться только конечные формулировки с указанием источников цитирования.

Анализ ориентальной монодии не замыкается на чисто теоретических изысканиях, а имеет

прямое влияние на творчество композиторов, обратившихся к народным источникам. На некоторых образцах творческих изысканий башкирских авторов даже отражается культурная государственная политика, которая достаточно жесткими средствами культивировала свои основные установки.

Рассмотрим это на примере хоровых аранжировок озон-кюя «Азамат» – одного из характерных образцов вокального искусства башкирского этноса. С середины XX века эта песня являлась предметом вдохновения многих творческих личностей, в различных аранжировках она и в настоящее время входит в репертуар солистов, ансамблей и хоров Башкирии [1, с. 71]. Обращение к «Азамату» вызвано многими причинами. Одна из них – исключение из канонов национального песнопения. В Башкирии считается, что любой вид профессионального музицирования доступен только мужчинам¹¹, в данном случае информатором была девушка Суюмбике Кульбаева¹², от которой в 1937 году и был записан «Азамат»¹³ [6, с. 307].

История и сюжет песни сложны и не имеют однозначной смысловой трактовки. По преданию, она была спета Азаматом – уважаемым человеком среди башкир, который перед смертью диктует своему другу жизненные советы.

¹¹ Со времен С. Рыбакова [12] отмечалось, что национальная публичная вокализация присуща женщинам, ведущим исключительно разгульный образ жизни: «...Зарифа – имя плясуньи, сочинившей эту мелодию и плясавшей под нее; она жила в деревне Кушеевой, Тамьяно-Тангаурской волости (Верхнеуральского уезда), отбилась от своего мужа и вела вольную, веселую жизнь, пела, сочиняла песни» [6, с. 313]). К этой же категории относится и башкирка Мухиба, сочинительница песни «Шесть джигитов» («...они были на вечеринке и веселились, возились с Мухибой, бабой из Бурзянской волости: она ненасытна была в любви; давно это было: она сама сочинила мелодию...» [6, с. 313]) и др.

¹² По другим сведениям – С. Кулибаева (1918–1992) [1, с. 71].

¹³ Песня была записана в 1937 году Магафуром Хисматуллиним (1915–2004) – народным артистом РСФСР, певцом, оперным режиссером [9, с. 151].

Санаға ла ектер атты,
Арлы-бирле йөрөп кайтайым.
Алып бирсе кағыз, кәләм,
Васыят итеп һүзем язайым.

Алыстарзан, ай, күрөнгән
Ирәндеккәй тауының ак ташы.
кайра бармай, нирәр күрмәй
Ир-егеткәй менән ат башы...

[6, с. 132].

Песня классифицирована как озон-кюй (*башк.* – протяжный кантиленно-орнаментальный напев [2]). В оригинале записана в условном *c-moll*, амбитус – децима.

Звукоряд своеобразен: в целом это пентатоника минорного наклона, но в верхнем тетра хорде появляется *d*, что весьма характерно для многих башкирских озон-кюев (см. нотный пример 1).

Нотный пример 1

Звукоряд песни «Азамат»

жировках К. Рахимов подчеркнуто академизировал национальные проявления¹⁵.

2. М. Фоменков – участник Великой Отечественной войны, уважаемый фронтовик был более свободен в выборе аранжировочных средств. Вероятно, поэтому он легко включал в ткань своей партитуры многие «запрещенные» фактурные элементы без оглядки на судьбы национальных первопроходцев.

Так, у К. Рахимова уже в первых тактах аранжировки партия альтов более статична, а партия теноров и басов в терцию выполняет функцию полифонического противосложения (см. нотный пример 2).

Сходство в 1–2-м тактах есть в применении квинтового бурдонирования и однолинейной одноименности в движении мелодии и баса (C–G во 2-м такте). Однако далее, несмотря на внешнее совпадение, логика фактурного изложения различна: статичное *c* в 1-м такте партии баса у М. П. Фоменкова получает квинтовое усиление во 2-м такте у альтов, что акустически усиливает сенсорно-слуховое восприятие бурдона и подчеркивает национальный признак, одним из которых является статичный и гетерофонно развитый бурдон¹⁶.

Нотный пример 2

«Азамат» – хоровое изложение в аранжировке К. Ю. Рахимова (фрагмент) [5, с. 19]

Широко ♩ = 50

1. А - лыс тар - зан,
тар - зан,
1. А - лыс тар тар - зан,
тар - зан,

Этот же фрагмент М. Фоменкова по колориту ближе к монодийной традиции: басовая партия выполняет функцию бурдона (см. нотный пример 3), и у него нет полифонических элементов, присутствующих у К. Рахимова.

¹⁵ К. Ю. Рахимов (1900–1978), как представитель крымско-татарского этноса, в послевоенные годы был официально ограничен в правах. После реабилитации и до конца жизни он был вынужден доказывать «культурному истеблишменту» свою лояльность к государственной культурной политике евроцентризма.

Что же касается метронома, то обозначение $t=70$, зафиксированное в оригинале, не было принято практически всеми известными аранжировщиками. Даже автор первоисточника М. Хисматуллин в своей широко известной записи «Азамата» с симфоническим оркестром придерживался темпа $t=48$, постоянно отклоняясь от него в сторону уменьшения из-за распевности на фоне оркестрового фермато и необходимости

¹⁶ Здесь и далее монодийные термины (статичный и гетерофонно развитый бурдон, одноименная однолинейность и др.) предложены Р. Г. Рахимовым [10].

артикулирования мелизматике. Отсюда можно предположить, что метроном оригинала $t=70$ был взят произвольно, а К. Рахимов и М. Фоменков интуитивно проставили метроном $t=50$, более соответствующий характеру песни¹⁷.

объем за счет изменения метроритмики и мелодических распевов, но сохранил амбитус и ладовую основу – пентатонику с дополнительным *es*. Основной замысел Р. Сальманова базировался на

Нотный пример 3

«Азамат» – хоровое изложение в аранжировке М. П. Фоменкова (фрагмент) [5, с. 37]

Широко $\text{♩} = 50$

1. А - лыс - тар - зан,

1. А - лыс - тар - зан,

Обособленно от работ К. Рахимова и М. Фоменкова стоит «Азамат» в аранжировке Р. Сальманова, представляющий собой симбиоз монодийного мышления с академическим образованием, полученным уже в зрелом возрасте¹⁸.

Композитор несколько отступил от оригинала, подняв тональность на один тон, расширил

¹⁷ Следует отметить, что в расшифровках фольклорных записей редко применяются округленные цифры. Согласно методике проставляются числа, кратные 6 или 12. В наших случаях вместо метронома $t=50$ могли быть $t=48$ или $t=54$, а вместо $t=70$ – $t=66$ или $t=72$.

¹⁸ Согласно автобиографическим сведениям, Р. В. Сальманов (1917–2003) проходил обучение в Башкирской студии при Московской консерватории в 1947–1953 годах в классе композиции А. Н. Александрова, Е. О. Месснера и В. Г. Фере. В «Башкирской энциклопедии» о нем сказано: «...Автор более 30 обработок башкирских народных песен, в том числе “Азамат”, “Кара юрга”, “Салават”, “Сонайым”, “Тюляяс” и др.» [8, с. 402]. По некоторым характерным признакам к аранжировке песни «Азамат» мог иметь отношение его педагог В. Фере, который занимался внедрением академических элементов в культуру «малых народов» России.

бурдонизирующей квинте *D-A*, с которой начинается и заканчивается аранжировка. Имеются интересные композиторские находки, подчеркивающие национальный колорит, такие как унисоны и октавы, обыгрывающие квинтовый бурдон в полуустах (13-й, 25-й такты) и устах (34-й такт). К сожалению, в некоторых фрагментах чувствуется рука «наставника» (вероятнее всего – В. Фере), владеющего композиторской техникой евроцентристского типа и внедрившего в аранжировку Р. Сальманова чуждые монодии элементы. Это нетипичные для национальной музыки комплементарные вставки ходами параллельных терций и секст в протяжных звуках песни, чаще всего заполняемые в народной традиции характерной мелизматикой. Сюда же можно отнести гармонические аккорды и полифонические противосложения терцового и секстового типа (см. 3, 4, 7, 9-й такты и др.), часто используемые в хоровых аранжировках евроцентристской традиции, но несвойственные монодийному типу мышления (см. нотный пример 4).

Немонодийные элементы в «Азамате» Р. В. Сальманова (3–4-й такты)

зан.

А - лыс - тар - зан

а - лыс - тар - зан.

а - лыс - тар - зан.

В коде глубоко альтерированный плагальный оборот (см. нотный пример 5, 35-й такт) окончательно исказил монодийную трактовку автора,

предлагавшего в качестве завершения логично звучащую бурдонную квинту (см. нотный пример 5, выделенный фрагмент в 34-м такте).

Р. В. Сальманов – «Азамат» (33–35-й такты)

льр.

хак - бу - льр,

бу - льр.

хак бу - льр.

Несмотря на отмеченные инородные фрагменты, Р. В. Сальманов в значительной мере сохранил национальный колорит «Азамата» и даже сделал успешную попытку внести в монодийную лексику новые элементы.

В качестве дополнения к вышеанализируемым партитурам нами был выполнен собственный вариант аранжировки песни «Азамат», в некоторой степени свободной от евроцентристского влияния и отражающей, на наш взгляд, основные

монодийные элементы, характерные для башкирского традиционного коллективного песнопения. Из примерного перечня многоголосной лексики монодийной традиции в аранжировке было применено бурдонирование – статичное и гетерофонно развитое, а в качестве общей фактурной концепции – принцип однолинейности, разрешающейся в конце фраз в октавную одноименность¹⁹ (см. 3-й такт нотного примера 6).

Нотный пример 6

«Азамат» / аранж. Г. Зариповой (фрагмент, 1–3-й такты) [4, с. 11]

♩ = 48

S. Са - на - га ла
А - лып бир - се

Вся аранжировка придерживается оригинального звукоряда за исключением *as* и *des*, проходящего в партии альтов (16-й такт). Однако

основной замысел не нарушается до заключительных тактов (см. нотный пример 7).

Нотный пример 7

«Азамат» / аранж. Г. Зариповой (фрагмент, 16–19-й такты) [4, с. 12]

йе - реп кай - та - ным.
пу - зем я - за - йм.

¹⁹ Термины Р. Г. Рахимова [10].

В процессе работы с народной песней в современной музыкальной культуре все больше места стали занимать диджитальные технологии. Плюсы и минусы этого направления представляют отдельную тему и не входят в число решаемых задач представленной статьи. Отметим только, что в некоторых случаях они позволяют дать

определенное развитие национальной музыкальной традиции и даже несут своеобразную просветительскую миссию.

Ниже приведена блок-схема аранжировки «Азамата», реализованная в программном продукте Windows «Band-in-a-box» (см. схему 1).

Схема 1

Блок-схема компьютерной аранжировки песни «Азамат» для программы «Band-in-a-box»

Category: Jazz; Styles: Dream; t=160; 1 - 48 x 2.

В качестве выводов к материалу статьи отметим, что на примере хоровых аранжировок песни «Азамат» можно в какой-то мере проследить развитие национального многоголосия. Первоначально в обработках башкирской народной песни второй половины XX века прослеживается эйфория от казалось бы неограниченных возможностей применения к монодийной культуре некоторых принципов академического фактурообразования, основанного на традициях евроцентризма. В партитурах башкирских авторов этого времени превалируют четырехголосная техника центральных тонов и созвучий и полифонические элементы имитационного типа. Это направление поощрялось государственной культурной политикой, строго регламентировавшей свои установки и жестко пресекающей любые и, в первую очередь, национальные отклонения от них. В какой-то мере благодаря этому башкирская хоровая музыка достигла широкой массовости, свободно

аранжируя национальный материал, который в некоторых случаях не отличался от хоралов европейского типа.

В период подъема национального самосознания (рубеж XX–XXI веков) стали появляться альтернативные направления, которые связывали древние традиции с требованиями современности. Неизбежные ответвления, часто тупиковые, метод проб и ошибок, а также разработка теории модальности помогали находить основные магистральные направления развития национальных музыкальных культур.

В заключение приведем цитату из работы ведущего исследователя ориентальной монодии С. П. Галицкой: «...многоголосное мышление, по крайней мере в обозримом будущем, не отменяет монодийное. Каждое из них – это органичная целостная система со своими специфическими конструктивно-функциональными и семантическими тенденциями» [7, с. 70].

Литература

1. Азамат // Башкирская энциклопедия: в 7 т. – Уфа: БЭ, 2005. – Т. 1. – С. 71.
2. Алкин М. С. Башкирская песня. – Уфа: Китап, 2002. – 286 с. (на башк. яз.).
3. Аюпова В. Х., Сайфуллин Т. С. // Башкирская энциклопедия: в 7 т. – Уфа: БЭ, 2009. – С. 378.
4. Башкирские народные песни. Фольклорный сборник / сост. и вступ. ст. Г. К. Зарипова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 28 с.
5. Башкирские народные песни в обработке для хора / сост. Ш. М. Бикмухаметов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1993. – Т. 2. – 88 с. (на башк. яз.)
6. Башкорт халык йырлары / сост.: Х. Ф. Ахметов, Л. Н. Лебединский, А. И. Харисов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1954. – 328 с.
7. Галицкая С. П., Плахова А. Ю. Монодия: проблемы теории. – М.: Academia, 2013. – 320 с.

8. Давыдова Э. М., Сальманов Р. В. // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. – Уфа: БЭ, 2009. – Т. 5: П – С. – С. 401–402.
9. Луговая Ф. М. Хисматуллин М. Х. // Башкирская энциклопедия: в 7 т. / гл. ред. М. А. Ильгамов. – Уфа: БЭ, 2011. – Т. 7: Ф – Я. – С. 151.
10. Рахимов Р. Г. Фактура башкирской инструментальной монодии. – 2-е изд. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – 130 с.
11. Руденко С. И. Башкиры: истор.-этнограф. очерки. – Уфа: Китап, 2006. – 372 с.
12. Рыбаков С. Г. По Уралу, среди башкир // Башкирия в русской литературе. – Уфа: Башкнигоиздат, 1965. – Т. 3. – С. 164–222.
13. Сагадеева Р. Г. Гармоника в творчестве первых композиторов Башкирии: дис. канд. искусствоведения. – Магнитогорск, 2014. – 181 с.
14. Сайфуллин Т. С. Отзыв от 10 апреля 1979 года на книгу М. П. Фоменкова «Башкирская народная песня». – Рукопись, 1979.

References

1. Azamat [Azamat]. *Bashkirskaiia entsiklopediia [Bashkir encyclopedia]*. Ufa, 2005, vol.1, p. 71. (In Russ.).
2. Alkin M.S. *Bashkirskaiia pesnia [Bashkir song]*. Ufa, Kitap Publ., 2002. 286 p. (In Bashk.).
3. Aiupova V.Kh., Saifullin T.S. *Bashkirskaiia entsiklopediia [Bashkir encyclopedia]*. Ufa, 2009, vol. 5, p. 378. (In Russ.).
4. *Bashkirskie narodnye pesni. Folklorniye sbornik [Bashkir folk songs. Folklore collection]*. Compiled by G.K. Zari-pova. Ufa, BGPU Publ., 2015, 28 p. (In Russ.).
5. *Bashkirskie narodnye pesni v obrabotke dlia khora [Bashkir folk songs arranged for choir]* Compiled by Sh. M. Bik-mukhametov. Ufa, Bashknigoizdat, 1993, 88 p. (In Bashk.).
6. *Bashkort khalyk iyrzary [Bashkir folk songs]*. Compiled by H.F. Akhmetov, L.N. Lebedinskii, A.I. Kharisov. Ufa, Bashknigoizdat Publ., 1954, 328 p. (In Bashk.).
7. Galitskaia S.P., Plakhova A.Iu. *Monodiia: problemy teorii [Monody: theory]*. Moscow, Academia Publ., 2013, 320 p. (In Russ.).
8. Davydova E.M. Salmanov R.V. [Salmanov R.V.]. *Bashkirskaya enciklopediya [Bashkir encyclopedia]*. Ufa, 2009, vol. 5, pp. 401–402. (In Russ.).
9. Lugovaia F.M., Khismatullin M.Kh. [Hismatullin M.H.] *Bashkirskaiia entsiklopediia [Bashkir encyclopedia]*. Ufa, 2011, vol. 7, p. 151. (In Russ.).
10. Rakhimov R.G. *Faktura bashkirskoi instrumentalnoi monodii [The texture of the Bashkir instrumental monody]*. Ufa, BGPU Publ., 2007, 130 p. (In Russ.).
11. Rudenko S.I. *Bashkiry: istoriko-etnograficheskie ocherki [Bashkirs: historical and ethnographic essays]*. Ufa, Kitap Publ., 2006, 372 p. (In Russ.).
12. Rybakov S.G. *Po Uralu, sredi bashkir. Bashkiriia v russkoi literature [In the Ural, among the Bashkirs. Bashkortostan in Russian literature]*. Ufa, Bashknigoizdat Publ., 1965, vol. 3, pp. 164–222. (In Russ.).
13. Sagadeeva R.G. *Garmonika v tvorchestve pervykh kompozitorov Bashkiri. Diss. candidate of art history*. Magnitogorsk, 2014, 181 p. (In Russ.).
14. Saifullin T.S. *Otzyv ot 10 apreliia 1979 goda na knigu M.P. Fomenkova "Bashkirskaiia narodnaia pesnia" [A review of 10 April 1979 on the book by M.P. Fomenkova "Bashkir folk song"]*. (In Russ., unpublished).

УДК 78.071.1/398(571.6)(035.3)

ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНО-СТИЛЕВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СИМФОНИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЕРГЕЯ МОСКАЕВА)

Лескова Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории, истории музыки и инструментального исполнительства, Хабаровский государственный институт искусств и культуры (г. Хабаровск, РФ). E-mail: leskova-1961@mail.ru

В статье рассматривается сфера композиторского фольклоризма в симфоническом творчестве Сергея Петровича Москаева (Хабаровск – Санкт-Петербург) – автора десяти симфоний, нескольких

концертов, крупных циклов для русского народного оркестра и др. Актуальность исследования определяется современными методами авторского переинтонирования фольклора. Анализируемые произведения середины 1980-х – середины 1990-х годов – Концерт № 1 для фортепиано с оркестром, «Российский диптих» и Первая симфония – отражают специфику выбора и преломления фольклорных прообразов в соответствии с принципами сложного переинтонирования.

Композиторский отбор фольклорной жанровости и стилистики осуществляется с разной степенью приближения к традиционным русским музыкальным типологическим инвариантам, созданным на оригинальном композиторском материале. От Концерта к Симфонии оперирование ими эволюционирует от воссоздания жанра как целостности в сторону избирательного подхода и обобщенного воспроизведения элементов фольклорной стилистики – лада, ритмики, фактуры, мотивно-интонационных образований. Такие прототипы условно названы нами *фольклорно-стилевыми моделями*.

«Фольклорность» стиля всех трех анализируемых произведений качественно отличается в зависимости от взаимодействия с теми или иными эпохальными, национальными *авторско-стилевыми* или *авторскими моделями* отечественной и зарубежной европейской профессиональной музыки. Авторские модели С. П. Москаева сформировались под воздействием профессиональных традиций школы Д. Д. Шостаковича. Конструктивность мышления С. П. Москаева позволила ему адаптировать фольклорно-стилевые модели в системе новейших средств музыкального письма XX века.

Взаимодействие фольклорно-стилевых и авторских моделей имеет большой спектр вариантов и обозначено понятием *фольклорно-стилевого моделирования*. Типология его принципов (*моделирования-интеграции, амбивалентности, деформации, эмансипации*) позволяет отразить специфику авторского преломления фольклора в симфонических произведениях. Апробируемая терминология появилась в результате эмпирического анализа, занимающего значительное место в статье, и вводится в российское музыкознание впервые.

Ключевые слова: Дальний Восток России, композиторский фольклоризм, переинтонирование фольклора, фольклорно-стилевые, авторские модели.

FEATURES OF FOLK-STYLE MODELING (E.G., SIMPHONIC WORKS OF SERGEY MOSKAEV)

Leskova Tatyana Vladimirovna, Candidate of Art History, Docent of the Department of Theory, History of Music and Instrumental Performance, Khabarovsk State Institute of Arts and Culture (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: leskova-1961@mail.ru

The article discusses the field of composing the folklorism in symphonic works of Sergey Petrovich Moskaev (Khabarovsk – St. Petersburg), the relevance of which is determined by modern methods of his reintonation of folklore. These are analyzed works “folk decade” of his work from the mid-1980s, the time of occurrence of the Concerto No. 1 for piano and orchestra, until the mid-1990s, when there was “Russian Diptych” and the First Symphony.

The specificity of the methods of work of the composer with folklore in general is consistent with the principles of complex reintonation. But a comparative analysis of the works allows to highlight the different principles of selection of folk material and its inclusion to the text of the author’s works.

First, the selection of the folk genre and style (mainly at the level of elements) is performed by the composer with different degree of approximation to traditional Russian music typological invariants. There has been a transfer from operating genre defined by fragments of folklore material to operate more generalized elements of folk style: harmony, rhythm and texture. Together with subspecies, which are located between them, are formed the scale species, in which operate the principle of removal from the folklore genesis of the musical material. These prototypes included in the author’s themes and representing different folklore genres differently, conventionally called us *folk-style models*.

Secondly, the works of “folklore” style are qualitatively different depending on the interaction with these or other landmark, national *author's or author-style models* of national and foreign European professional music. *The author's models* of S.P. Moskaev are specific. He received solid academic base in the traditions of the D.D. Shostakovich school, the structure of thinking led S.P. Moskaev to adapt folk origins in the system of the new means of musical writing of the 20th century.

Interaction *folk-style* and *author's models* denoted by the concept of *folk-style modeling*. This terminology concerning works of folklore direction is introduced in the Russian musicology for the first time. As conclusions represented the specific types of the *folk-style modeling* in the works of S.P. Moskaev. However, the classification of these types is more complete (possibly on a different musical material) is a separate theoretical problem.

Keywords: Far East of Russia, composing folklorism, reintonation of folklore, folk-style, author's model.

Творчество многих отечественных композиторов второй половины XX века связано с фольклором. Анализ произведений, опирающихся на народно-жанровые прообразы, привел к возникновению различных музыковедческих систематизаций переинтонирования фольклора в трудах Б. Асафьева, И. Земцовского, Г. Головинского, Л. Ивановой, Н. Жоссан и др. Проблема «композитор и фольклор» фигурирует в исследованиях национальных композиторских школ СССР и России. Ориентация музыковедения на отечественную композиторскую практику 1980–90-х годов – «эпоху стилей», по определению Г. Григорьевой [2], – по-иному актуализирует проблему переинтонирования фольклора, в частности, с позиций стилистического анализа.

В данной статье разрабатываются аналитические подходы, связанные с принципами *стилевого моделирования*. Оно многообразно освещается в исследовательской литературе, в частности, работах О. А. Кузьменковой [4], на чьи положения мы непосредственно опираемся. Фольклор, как элемент авторского стиля, способен входить в различные контекстные музыкально-художественные структуры, в текст авторского произведения. Поэтому принципы стилистического моделирования могут быть распространены и на область композиторского фольклоризма. Поскольку произведения включают этнические прообразы, предлагаем термин *фольклорно-стилевое моделирование*.

Самостоятельную научно-теоретическую проблему представляет терминологическая фиксация меры и градаций «фольклорности» авторского тематизма. Поэтому одной из непосредственных задач является введение теоретической проблематики и апробирование терминологии на конкретном материале. В качестве такового обратимся к симфоническим произведениям

Сергея Петровича Москаева (Хабаровск – Санкт-Петербург) – автора крупномасштабных инструментальных циклов для симфонического и народного оркестров, нескольких концертов для солирующих инструментов с оркестром.

Поскольку терминология, связанная с *принципами фольклорно-стилевого моделирования* (далее – ПФСМ), появилась в ходе эмпирического музыковедческого анализа, он занимает значительную часть в структуре данной статьи, наряду с изложением главных теоретических положений.

Фольклорно-стилевое моделирование можно определить как дуалистическое явление, имеющее двойственный генезис. Оно базируется на моделях устной народной традиции. В виде типовых формул «знакового» характера, с присущими им ритмоинтонационными, ладовыми, фактурными свойствами, они традиционно существуют в фольклоре, но, как музыкальный текст произведения, создаются автором. Следовательно, с моделями чисто фольклорного происхождения соприкасаются модели письменной профессиональной композиторской музыки. Собственно *фольклорно-стилевые модели* (далее – ФСМ), при этом понятие *стилевые* обозначает и феномен первичного фольклорного жанра, взаимодействуют с *авторскими моделями* (далее – АМ). Музыкальный материал синтезируется по принципу «своего – чужого», «авторского – фольклорного».

Предложенная классификация построена с тем условием, что последний компонент («чужое»/фольклорное) качественно модифицируется и постепенно убывает в структуре авторского текста от первого вида к пятому:

1) первичный (фольклорный) жанр в его текстовой целостности на заимствуемом цитатном материале;

2) первичный жанр в его стилистической целостности на оригинальном авторском материале;

3) фольклорная жанровость, предполагающая композиторскую избирательность фольклорной стилистики;

4) отдельные элементы фольклорной стилистики;

5) стилевые «знаки» «чужого» композиторского фольклоризма на уровне элементов вторичных авторских фольклоризованных стилей.

Дополнительно разграничить ФСМ можно по характеру образно-семантической определенности материала. В первом и втором видах ФСМ они наиболее ясно, однозначно выражены, в третьем – пятом амбивалентны. В двух последних моделях первенствует феномен стиля, способный репрезентировать фольклорную семантику, создать аллюзию «фольклорности».

В композиторской практике «фольклорность» стиля имеет качественные отличия, связанные и с авторскими моделями европейской профессиональной музыки. Комплекс АМ может поддаться описанию только в каких-либо «магистральных» направлениях, например, на уровне наиболее общих стилевых эпохальных тенденций музыки определенного исторического периода или этапа. Именно это и сообщает типам АМ необходимые ограничения:

1) стиль русской классики второй половины XIX века:

- а) славянство;
- б) ориентализм («русская музыка о Востоке»);

2) фольклоризм советской музыки 1920–50-х годов:

- а) русских композиторов;
- б) инонациональных композиторов;
- 3) стиль «новой фольклорной волны»:

а) линия Г. Свиридова: обновление стиля русской классики;

б) линия И. Стравинского – Б. Бартока: модернизация стиля под влиянием двух авангардных волн (начала XX века и 60-х годов);

4) синтезирующие стили отечественной музыки 1970–90-х годов:

а) авангардные, конструктивистские приемы (вне фольклоризма);

- б) неостили;
- в) полистилистика;
- г) моностилистика.

Рассмотрение предложенных типов АМ в историческом аспекте, в том числе в контексте про-

фессионального творчества композиторов Дальнего Востока России [5, с. 1093–1094], позволяет соотнести, в частности, первую и вторую АМ, с развитием русского и советского композиторского фольклоризма, третью и четвертую АМ – с неofольклоризмом и «новым неofольклоризмом», по терминологии Г. Григорьевой [2]. Согласно внутренним тенденциям общего музыкально-стилевого процесса, АМ вариативны и индивидуализированы. Среди них есть модели, непосредственно не связанные с фольклором, и, наоборот, включающие ассоциации с фольклорными прообразами, что является средством конкретизации индивидуального стиля композитора. Принадлежит одной эпохе, например, русской классике второй половины XIX века, АМ композиторского фольклоризма Н. Римского-Корсакова, М. Балакирева, А. Бородина, П. Чайковского, тем не менее, имеют существенные стилевые отличия, заложенные и разностью ФСМ.

Взаимосвязь ФСМ и АМ в процессе фольклорно-стилевого моделирования порождает множество общих значений (в том числе и вероятностных, чисто гипотетических). При этом творческие результаты, зависящие от обоюдной трансформации моделей, различны: от преодоления стилевого дуализма фольклорного и авторского начал, их стилевого слияния до подчеркивания их различий. (Стилевой дуализм нередко выступает препятствием органичного синтеза ФСМ и АМ, например, у начинающих, недостаточно знакомых с фольклорной традицией композиторов).

В анализируемых произведениях С. Москаева АМ специфичны. Это – сложный конструкт современных приемов композиторского письма, обусловленных его обучением (в классе профессора Новосибирской консерватории Ю. П. Юкечева) в традициях школы Д. Д. Шостаковича [7, с. 276–277]. Полученная С. Москаевым солидная академическая база, структурность мышления, владение современными приемами письма привели к адаптации фольклорных истоков²⁰ в системе новейших средств музыкального письма XX века.

²⁰ Фольклор вошел в музыкальное сознание композитора рано: его родители были выходцами с Волги, Черниговщины – исконно певческих областей. Владение баяном обусловило профессиональный интерес к фольклорной стилистике в творчестве [6, с. 277].

Рассмотрим ПФСМ на примерах Концерта № 1 для фортепиано с оркестром (1985), «Российского диптиха» (1990) и Первой симфонии (1993) С. Москаева. Выбор этих произведений обусловлен принадлежностью к симфонической сфере, сгруппированностью в рамках «фольклорного» десятилетия (середины 1980-х – середины 1990-х годов) – времени наиболее интенсивной разработки фольклора композитором.

В Концерте № 1²¹ сразу же обозначилась специфика фольклоризма С. Москаева. Одно-частно-циклическая композиция произведения делится на четыре раздела, в которых контраст темпов и образов напоминает о частях сонатно-симфонического цикла. Первый раздел, выражающий молодую энергичность, удасть, включает две исконно-русские жанровые сферы: колокольность и наигрыш, несколько раз сопоставленные между собой. Обобщенно-объективный по своей семантике, данный «крупным штрихом», в массивных праздничных звучаниях, образ колокольности – особый по тембру. Своей звончатостью, «ударностью» он близок темброобразу скорее западных, нежели русских колоколов, звучанию карильона. Вторая тема-наигрыш отражает индивидуальное начало, благодаря сольному звучанию рояля и декламационным истокам. Речевая основа темы слышна в многочисленных радостных тирадах-возгласах, символизирующих, вместе с тем, концертно-игровое, виртуозное начало. В контексте фольклорной семантики Концерта оно ассоциируется с мастерством профессионалов-инструменталистов устной традиции, а нерегулярность метроритмических акцентов темы – со спонтанностью веселой речи балагура-остряка. Эффектная концертность звучания достигается приемом перекличек оркестровых голосов, оркестра и солиста, полифоническими приемами, сконцентрированными композитором в небольшом фугато, звучащем «по-фольклорному импровизационно».

Если в первой группе тем преобладают фактурно-ритмические ресурсы музыкальной

выразительности, то в теме второго, медленного раздела – фактурно-мелодические. Лирическая мелодия «поется» у фортепиано, струнных, оркестрового тутти, она словно «прорисована» при помощи пласта аккордов, своеобразной «ленты», расположенной широко (в фактурном и регистровом отношениях) и восходящей в своих истоках к фольклорно-подголосочному стилю. Вариантно переосмысливаемые композитором пластично-песенные интонации органично синтезированы с мелодической моделью знаменного распева. При этом в неспешном размахе-«распеве» мелодических волн возникают фактурно-тональные аллюзии с Прелюдией D-dur С. Рахманинова, особенно ощутимые в партии фортепиано. Такая тройная (песенно-знаменно-рахманиновская) стилевая интеграция позволяет быть теме С. Москаева особенно ассоциативно насыщенной и рельефной (пример 1).

Третий, токкатно-экспрессивный раздел, выступающий в функции скерцо, многогранен в образно-стилевом плане. Его начало выдержано в духе лирической скерцоности песенно-танцевального типа с упорядоченной моторностью комплексных регистровых смещений отдельных звуков и созвучий (пример 2). Но последующее эмоциональное *crescendo* сопряжено с появлением «азартно-игрового» начала в стиле ритуальной обрядности «Весны священной» И. Стравинского, «*Allegro barbaro*» Б. Бартока. Композиторское внимание С. Москаева сосредоточено на «звуковой игре», выраженной то метроритмическими «биениями» акцентно нерегулярных мотивов (пример 2, партия гобоя; пример 3, партии фагота, струнных). Переход от бартоковской токкатности к приемам пуантилизма – дискретного фактурного изложения, регистровой «разбросанности» музыкальной ткани – знаменует момент негативистского перелома образов (пример 4). Хаотичное движение звукового потока, затем принявшего лавинообразный характер, приводит к грани перевоплощения фольклорно-ритуальной скерцоности в драматическое нагнетание, знаменующее экспрессионистски яркую кульминацию, значимую для всего Концерта и находящуюся за пределами фольклорно-жанровых прообразов.

²¹ Концерт для фортепиано с оркестром № 1 впервые был исполнен под названием «Концертино» Дальневосточным симфоническим оркестром; дирижер Е. Иоанесян, солист В. Будников.

Пример 1

Musical score for Example 1, measures 18-20. The score is written for piano in a key with two sharps (D major or F# minor) and a 4/4 time signature. It features a complex texture with multiple voices in both the treble and bass staves, including chords and melodic lines.

Пример 2

Musical score for Example 2, measures 1-4. The score is for a full orchestra in a key with two sharps and a 4/4 time signature. It includes parts for Clarinet (Cl.), Flute (Flg.), Piano (Piano), Arpa, Cor. (Arpa, Cor.), and Archi (Archi). The piano part is marked *p* (piano).

Пример 3

Musical score for Example 3, measures 1-4. The score is for a full orchestra in a key with two sharps and a 4/4 time signature. It includes parts for Flute (Flg.), Piano (Piano), and Archi (Archi). The piano part is marked *p* (piano). The score shows dynamic markings such as *cresc.*, *mf*, and *mp*, and includes the instruction *pizz.* for the strings.

Пример 4

The image shows a musical score for Piano and Tutti. The Piano part is written on a grand staff (treble and bass clefs) and features a complex rhythmic pattern with many accents and slurs. The Tutti part is also written on a grand staff and features a similar complex rhythmic pattern with many accents and slurs. The score is in 3/8 time and consists of 12 measures.

Четвертый раздел, выполняющий функцию финала Концерта продолжает скерцозную линию произведения, только в обрядово-карнавальном плане, перекликаясь эмоциональным тоном с первым разделом. В небольшой коде в виде радостного, «звончатого» гимна звучит лирическая тема второго раздела. Ее фактурно-гармоническое колорирование получает новое выражение в «импровизационно»-романтической виртуозной каденции фортепиано. Тема-мелодия «угадывается» здесь в узоре фортепианных пассажей и аккордовых тремоло, что усиливает эффект звончатости. В последующем совместном звучании солиста и оркестра фактурное изложение темы напоминает и оркестровые тремоло оркестра народных инструментов. С их спецификой несколько «размытого» в высотном отношении, вибрирующего звучания (достигаемого здесь хроматизацией ткани) композитор хорошо знаком. Замыкающая все произведение еще одна вариативная трактовка колокольных прообразов по законам сложнотональной гармонической системы XX века существенно их осовременивает.

В Концерте С. Москаев обратился к разным типам русских ФСМ. Они выступают в комплексе, где собраны черты, во-первых, фольклорного жанра (имитация наигрыша), во-вторых, жанровости (песенности, знаменного распева, острохарактерной речи), в-третьих, композиторского фольклоризма XX века (колокольности в стиле С. Рахманинова и ритуальной моторики в стиле Б. Бартока – И. Стравинского). Соответственно предлагаемой классификации, это – второй, третий и пятый виды ФСМ. В качестве АМ выступает стиль «новой фольклорной волны» в его

подвиде, связанном с линией И. Стравинского – 3б (см. табл. 1).

Таблица 1

**Фольклорно-стилевое моделирование
в произведениях С. Москаева**

Модели	Концерт	Диптих	Симфония
Фольклорно-стилевые (ФСМ)	2, 3, 5	3, 4, 5	3, 4
Авторские (АМ)	3б, 4а	3а, 3б	4г, 4а
Принципы фольклорно-стилевого моделирования (ПФСМ)	моделирование-интеграция, эмансипация	моделирование-интеграция, амбивалентность	моделирование-амбивалентность, деформация, эмансипация

Подобные принципы переинтонирования легли в основу двухчастного симфонического цикла – «Российского диптиха». Образная палитра произведения, в сравнении с Концертом, отличается большим психологизмом, тонкой эмоциональной нюансировкой различных сторон русской ментальности [6]. Новым в композиторском подходе к фольклору стало расширение «хронологических рамок» фольклорных истоков, смещение их к праистокам глубокой языческой древности [8]. Суровость ее штрихов сдерживает непосредственность лирического высказывания в первой части Диптиха. Сопоставление с плясовой жанровостью городской фольклорной традиции, экспонированной во второй части Диптиха, не только усиливает ощущение архаичности прообразов первой части, но и способствует созда-

нию единой для произведения смысловой линии «прошлое – настоящее», оппозиционность парных контрастов в которой распределяется согласно двухчастности общего строения.

Эмоциональная двойственность – открытость и сдержанность – присутствует во вступительном соло меццо-сопрано первой части, которое ассоциируется с мудрым, всепрощающим материнским началом, возможно, и более обобщенно – с образом России (пример 5). Репрезентантом архаизированной фольклорности в этом песенном тематизме выступают отдельные «знаковые» элементы: диатоника натурального минора, трихордовость попевок (в примере 5 отмечены скобками), интонационность призвуков-форшлаггов плачeveго происхождения (1, 3, 4, 8, 11, 13-й такты примера 5). Своим суровым колоритом, строгостью звучания она не дает в полной мере реализоваться лирической экспрессии пластичных,

мелодически протяженных построений, «закрывающая» их в небольшие по объему ладовые формулы. Одновременно отсюда исходит некая значительность, торжественность тона музыки. Другой, новой для композитора ипостасью лирики стало воплощение более гармоничного, нежели первый образ, мира сказки, детских грез, фантазий. Его, как и первый образ, композитор также воссоздает отдельными штрихами, в частности использованием «волшебных», таинственно-«чудесных» тембров челесты, вибратона, а остиатно размеренные удары звончатых инструментов, бубенцов и треугольника связываются с образом дороги или уходящего времени. Медленным темпом, тематической насыщенностью материала, структурной «текучестью», напоминающей народный стиль протяжной песни, первая часть симфонического цикла близка развернутому вступлению, которому контрастирует основная часть.

Пример 5

M-Sopr. **Moderato** ♩ = 40, *rubato*

Согласно проведенному в цикле принципу фольклорно-жанровой (песня/танец) и образной (размышление/движение) оппозиционности, вторая часть моторна и динамична. Ее тематизм основан на жанровости подвижного инструментального наигрыша. Кода второй части выполняет важную для всего Диптиха композиционную функцию: в ней в варьированном виде излагается лирический тематизм первой части цикла, создавая репризность, замыкая произведение и в смысловом, и в тематическом планах.

Фольклорная жанровость моделируется композитором в виде цельных авторских тем и на уровне элементов. Отдельные штрихи способны

уточнить «фольклорные» ориентиры композитора. В тематизме первой части – это диатоничность и трихордовость попевок, плачевые интонации, песенно-мелодическое развертывание, вариантное «прорастание», в тематизме второй – орнаментальное мелодическое варьирование, создающие аллюзии народно-инструментальной импровизационности.

Фактурно-гармонической особенностью ФСМ стало многообразное применение созвучий, в своих основах также восходящих к фольклору. Они, «рожденные» из мелодизированных фактурных линий, звуковой горизонтали на основе ее унификации с вертикалью, как застывшие зву-

ковые «гроздья», «вырастают» из фраз челесты, вибратона, проникая и в другие оркестровые партии, звуки которых последовательно собираются в единые комплексы. В первой части созвучия организованы на основе трихордовости и целотоновости, соответствуя принципу ангеитонности. Отсюда – мягкость, сглаженность диссонансов, которые в объемно-пространственном «плывущем» звучании вибратона, челесты воспринимаются с оттенком лиричности, светлой созерцательной сказочности. Во второй части подобные по фактуре, но сочетающиеся с плясовым тематизмом и более «терпкие», гемитонные по ладозвукорядной структуре, созвучия представляются родственными темброво-звуковой эстетике гармошечного наигрыша.

С фольклорной импровизационностью ассоциируется концертность стиля Диптиха, выраженная в обилии соло. Особенностью концертирования вокального соло первой части является проведение вне привычного виртуозного начала с медитативным оттенком размышления-монолога / диалога (при участии инструментария). Благодаря медленному темпу, четче угадывается принцип мелодического вариантного повтора, переносимый и во вторую часть Диптиха, где композитором развернуто контрастно-полифоническое развитие инструментального тематизма.

Основой оригинальности авторской трактовки фольклорных истоков в Диптихе стало сочетание ФСМ в виде жанровости (песенности и плясового начала), отдельных семантически значимых элементов фольклора (ладовых, интонационно-жанровых формул), что соответствует третьему, четвертому видам ФСМ в нашей классификации. Контрастны в Диптихе АМ, в целом воспроизводящие модели отечественного композиторского фольклоризма XX века. АМ первой части Диптиха родственны «знакам» стиля Г. Свиридова – В. Гаврилина (За), что проявляется в вокальности мелодических прообразов, в диатоничности ладообразований, попевочно-вариантном изложении материала, некоторых параллелях со свиридовской образностью «дороги», «уходящего времени», размышлением-созерцанием. АМ второй части Диптиха связаны с тематизмом, восходящим к фольклоризму И. Стравинского – Р. Шедрина – Б. Бартока (Зб), основанным на моторно-танцевальных прообразах и дополняемом ладоинтонационной обостренностью, неустойчивостью,

мотивным микрорварьированием, ритмоостинатностью, принадлежностью образов сфере ритуальной карнавальности (см. табл. 1). Сочетание разных ФСМ и АМ создает фольклорно-стилевую оппозицию, что придает образности Диптиха ассоциативную многомерность.

В произведениях С. Москаева начала 1990-х годов наряду с фольклорной, в целом отражающей гармоничность мировосприятия, сформировалась и контртема – обостренно трагедийное осмысление современности, нередко в ракурсе максимально напряженного ощущения катастрофичности человеческого бытия. Это нашло отражение в Первой симфонии²².

Композиционные закономерности Первой симфонии близки форме «Российского диптиха». В Симфонии первая часть «Пролог», как и в Диптихе, воспринимается вступительной (отсюда, видимо, и композиторское наименование), а центром становится вторая часть (без программного заголовка, *Allegro. Tranquillo*), лаконично завершенная кодой на материале «Пролога». Через формальную двухчастность цикла сквозит репризность, создающая арочную драматургию.

По интонации и стилю Первая симфония резко выделяется трагедийными акцентами в музыкальном содержании, многоплановостью напряженно-драматических образов, динамичностью их сопряжений. Эпичность драматургии взаимодействует здесь с драматической конфликтностью, проведенной композитором на уровне развития самого музыкального тематизма, что воплощает скорее внутренний конфликт, протестный тип личностной реакции на события.

Мелодика «Пролога» пронизана «токами» ламенто, лирической жалобы, мольбы, интонациями плача [7, с. 290]. ФСМ выражена здесь на уровне отдельных жанровых элементов. Изначально сложен фактурный и ладогармонический «антураж» плачевых мотивов. Их развитие выражается в конструктивной идее роста всей фактуры из унисона ля, медлительного полутонового его расслоения,

²² Потрясенный черныбыльскими событиями, композитор принял за сочинение балета, замысел которого остался неосуществленным, но музыкальный материал почти целиком вошел в Первую симфонию (ее премьера прошла на фестивале старинной и современной музыки в Хабаровске в 1994 году в исполнении Дальневосточного симфонического оркестра; дирижер В. Тиц) [7].

чем плачевые интонации укрупняются, приобрета-
ют оттенки стога. ФСМ включает в себя и прием
quasi-импровизационного **развертывания** канти-
ленной мелодии в характере инструментального
монолога (соло кларнета), что вносит оттенки ин-
теллектуализма, напряженной рефлексии, отодви-
гая фольклорные ассоциации на грань аллюзий

(пример 6). Усложнение ладовости, насыщение
оркестровой ткани новыми контрапунктирующи-
ми голосами, подход к патетической кульминации
и последующее эмоциональное **decrecendo** соз-
дают широкую динамическую волну, энергия ко-
торой реализуется за пределами «Пролога».

Пример 6

Вторая часть – бифункциональное симфони-
ческое **allegro-скерцо** – контрастирует с преды-
дущей образностью своей подвижностью. В зву-
ковой «игре» фигураций слышна опора на ФСМ
песенной сексты (fis-dis) в партии солирующих
флейт, построенной на мотивах короткого, как
детская речь, «дыхания». Звуковым выражением
«игры» является «непопадание» на ладовый устой
fis (в системе H-dur) и подмена его звуком eis, что
подчеркнуто и в линии вибратона (пример 7). Но-
вая фаза развития связана с активизацией «вол-
шебных» тембров вибратона, челюсти и дальней-
шим расшатыванием тональной определенности,
благодаря чему тема начинает звучать утонченно,
но и таинственно. Изначально позитивная, про-
стая (в психологическом аспекте) образность на-
деляется чертами амбивалентности, становясь
отправным моментом драматизации, психологи-

ческого «перевертыша» – скрытой угрозы – и по-
степенного вызревания темы внутреннего протес-
та. Он слышен в «провозглашении» оркестром
начальной темы из «Пролога» с использованием
ударно-колокольных свойств тембра рояля. Его
«монолог» сопровождается гетерофонно рассло-
енными хроматическими фигурациями всех групп
оркестра (пример 8). В этом синтезе существенно
преобразуются, а точнее – искажаются обе ФСМ:
ламентозная (экспонированная в первой части) и
фигуративно-песенная (из второй части). Три со-
подчиненных по степени напряженности волны
нарастания в развивающем разделе замыкаются
отголосками lamentаций «Пролога», начинаю-
щих коду. В ней заключительные, тихие и трево-
жащие, удары литавр звучат как отголосок драма-
тических перипетий, как смысловое многоточие,
напоминающее также образ уходящего времени.

Пример 7

The image shows a musical score for three measures. It is divided into three systems. The first system contains the woodwind part (Legni) and the piano part (Piano). The second system contains the piano part (Piano) and the string part (Archi). The third system contains the string part (Archi). The woodwinds play a rhythmic pattern of eighth notes, while the piano and strings provide harmonic support with chords and sustained notes.

Образная емкость, концептуальность, выверенность драматургии целого и деталей Первой симфонии с ее идеей катарсиса, идеей утешения базируются на образной корреляции фольклорного – нефольклорного. Найденное композитором коррелятивное соответствие ФСМ и АМ плодотворно: подобная драматургическая роль фольклорного – нефольклорного проявится и в последующих, Второй, Третьей («Космической») симфониях, позволив отразить полярные образные сферы личностного – вселенского, гуманного – антигуманного, катастрофического – катартического и др.

В качестве ФСМ Первой симфонии предстают в основном жанровость и отдельные элементы фольклорной стилистики – третий, четвертый виды в предлагаемой классификации. Изначально большая (и самая большая из трех анализируемых произведений) дистанцированность от первичных фольклорно-жанровых прообразов способствует их основательной ассимиляции, переинтонирования в виде аллюзии. В качестве АМ выступает весь синтетический комплекс современных композиторских приемов письма, близкий к моностилистке – 4г. В отдельные моменты развития он более ориентирован на авангардные, конструктивные приемы – 4а (см. табл. 1). Отказ С. Москаева от типовых моделей «чужого» ком-

позиторского фольклоризма говорит о возросшей самостоятельности творческого решения в Первой симфонии.

Тенденция в выборе и воспроизведении ФСМ Фортепианного концерта, Диптиха и Первой симфонии совпадает с усилением внимания С. Москаева к фольклорной архаике, с более широким вовлечением немusикальских (двигательно-речевых) прообразов и основательной их трансформацией в музыкальной ткани. Разнится роль «фольклорного» тематизма композитора в образной драматургии. В Концерте и Диптихе ФСМ занимают все «пространство, определяя общее смысловое развитие произведений. В Первой симфонии можно отметить преобладание собственных АМ, что заметно по «дисперсному распределению» [1] малых единиц фольклорной выразительности в музыкальном тематизме. Роль таких «малых единиц» становится ближе к роли определенного звукового кода, символизирующего положительный полюс образности.

Разные репрезентативные – конкретизирующие и обобщающие – образно-драматургические возможности ФСМ и АМ позволяют приблизиться к оценке «техники» переинтонирования фольклора, рассмотреть возникновение художественно-образного результата на музыкально-стилистическом уровне.

Отметим разнообразие ПФСМ С. Москаева. В Концерте и Диптихе переосмысление ФСМ было достаточно сложным уже ввиду изначального синтеза нескольких из них в одной теме (2+3, 2+5, 3+5 в Концерте; 3+4, 3+5, 4+5 в Диптихе). Однако в композиторской интерпретации фольклорных истоков (то есть в АМ) фольклорные прообразы сохранили свойства открытой ассоциативности и яркой семантизованности. Для данного типа фольклорно-стилевого моделирования введем уточняющее понятие – *моделирование-интеграция*. Этот термин родственен понятиям жанровой *переменности* (Н. Жоссан [3]), жанрового *синтеза* (по терминологии А. Сохора [9]) фольклорных элементов, а при интертекстуальном подходе – методу *ассоциаций* (по терминологии М. Арановского [1, с. 298–300]).

В Диптихе композиторский акцент на жанровости, отдельных элементах фольклора приводит к семантической «размытости» АМ, неоднозначности фольклорно-ассоциативного ряда. Это позволяет отнести данный вид переинтонирования к *моделированию-амбивалентности*. Терминологически родственны здесь понятия *контаминации* [1, с. 300, 301] и *амальгамы* [1, с. 302], согласно классификации видов интекста по М. Арановскому.

В Первой симфонии усложнение контекстных элементов АМ привело к более сложному опосредованию ФСМ. Амбивалентное преломление фольклорной жанровости, являясь исходным, получило еще более глубокие преобразования (в развитии второй части ФСМ скерцозный тематизм постепенно принимает вид наступательной моторности). Такой ПФСМ можно определить как *моделирование-деформация*. Здесь мы опираемся на термин фольклорно-жанровой *деформации*, принадлежащий Н. Жоссан [3, с. 7–8] и отмечающий изменение изначальной фольклорно-жанровой природы музыкального материала. Дальнейшие преобразования в сфере сложно организованной музыкальной выразительности, где наряду с жанровой теряется и тональная определенность приводят к свободной *деривации* материала [1, с. 293, 296, 298], способствуя преодолению фольклорной семантики, выходу за ее пределы, что обозначим как *моделирование-эмансипация*. Помимо Симфонии подобное пре-

образование скерцозной ФСМ совершается и в третьем разделе Концерта С. Москаева.

Принципы фольклорно-стилевого моделирования-деформации и эмансипации условно отнесем к динамическим. Представляется, что они порождены путем «движения», смены авторских моделей в сторону усложнения всего комплекса музыкальных выразительных средств, которое в Симфонии (2-я часть, предкульминационный раздел и кульминация) проходило на фоне единого комплекса ФСМ, а в Концерте (3-й раздел) сопровождалось сменой ФСМ (табл. 2).

Таблица 2

Динамические виды фольклорно-стилевого моделирования

	Концерт, 3-й раздел	Симфония, 2-я часть
ФСМ	2 → 3	4
АМ	3б → 4а	4г → 4а
ПФСМ	интеграция → эмансипация	амбивалентность → деформация → эмансипация

Обобщая наблюдения над стилевыми явлениями фольклоризма С. Москаева, отметим, что они группируются в сфере сложного переинтонирования фольклорных прообразов. Рассмотрение этой сферы с позиций фольклорно-стилевого моделирования позволило в определенной мере конкретизировать, дифференцировать такие методы композиторской работы. Разные репрезентативные – конкретизирующие и обобщающие – образно-драматургические возможности ФСМ и АМ позволяют приблизиться к оценке «техники» переинтонирования фольклора, рассмотреть возникновение художественно-образного результата на музыкально-стилистическом уровне.

Конфигурация моделей (ФСМ и АМ) и типов их взаимодействия – ПФСМ – специфична в своей неполноте: С. Москаев, например, не цитирует ни в одном из представленных симфонических произведений фольклор, хотя данная в начале статьи классификация ФСМ предусматривает и такой их вид (характерен для его «Поэмы об Амурской земле» и миниатюр для ОРНИ), не адаптирует некоторые АМ русской классики, что подчеркивает индивидуальность авторского «фольклорно»-симфонического почерка.

Литература

1. Арановский М. Г. Музыкальный текст: Структура и свойства. – М.: Композитор, 1998. – 343 с.
2. Григорьева Г. В. **Стилевые проблемы русской советской музыки второй половины XX века.** – М.: Совет. композитор, 1989. – 206 с.
3. Жоссан Н. Ю. Проблема претворения русских народных жанров в сочинениях кантатно-ораториального типа (на мат-ле отечеств. музыки 60–80-х годов): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1998. – 28 с.
4. Кузьменкова О. А. Стилевое моделирование в творчестве отечественных композиторов 70–90-х годов XX века: Симфоническая и инструментальная музыка: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2004. – 24 с.
5. Лескова Т. В. Вопросы истории композиторского фольклоризма на Дальнем Востоке России // *Фундамент. исслед.* – 2015 – № 2 (ч. 5). – С. 1086–1094.
6. Лескова Т. В. Оркестровые сочинения Сергея Москаева // *Культура, наука и образование Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: История, опыт, развитие: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф.* – Хабаровск, 1995. – Вып. 1. – С. 106–107.
7. Лескова Т. В. Творчество композиторов Дальнего Востока России: учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаров. гос. ин-т искусств и культуры, 2012. – 360 с.
8. Соловьева Е. Ю. Из глубины... // *Музык. акад.* – 1994. – № 5. – С. 28–32.
9. Сохор А. Н. Теория музыкальных жанров: задачи и перспективы // *Теоретические проблемы музыкальных форм и жанров.* – М.: Музыка, 1971. – С. 292–309.

References

1. Aranovskii M.G. *Muzikal'nyi tekst: Struktura i svoistva* [Music text: Structure and Properties]. Moscow, Kompozitor Publ., 1998, 343 p. (In Russ.).
2. Grigor'eva G.V. *Stilevye problemy russkoi sovetskoi muzyki vtoroi poloviny XX veka* [Stylistic problems of Soviet Russian music of the second half of the twentieth century]. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1989, 206 p. (In Russ.).
3. Zhossan N.Iu. *Problema pretvoreniia russkikh narodnykh zhanrov v sochineniiakh kantatno-oratorial'nogo tipa (na materiale otechestvennoi muzyki 60–80-kh godov). Avtoref. diss. kand. iskusstvovedeniia* [The problem of translating Russian folk genres in the works of cantata and oratorio type (based on the domestic music 60–80s). Cand. of art history diss. author's abstract]. Moscow, 1998, 28 p. (In Russ.).
4. Kuz'menkova O.A. *Stilevoe modelirovanie v tvorchestve otechestvennykh kompozitorov 70–90-kh godov XX veka: Simfonicheskaia i instrumental'naia muzyka. Avtoref. diss. ... kand. iskusstvovedeniia* [Stylistic modeling in the works of Russian composers of 70–90-s of XX century: Symphonic and instrumental music. Cand. of art sciences diss. author's abstract]. St. Petersburg, 2004, 24 p. (In Russ.).
5. Leskova T.V. *Voprosy istorii kompozitorskogo fol'klorizma na Dal'nem Vostoke Rossii* [The Questions of History of the composer folklorism in the Far East of Russia]. *Fundamental'nye issledovaniia* [Basic Research], 2015, no 2 (Part 5), pp. 1086–1094.
6. Leskova T.V. *Orkestrovye sochineniia Sergeia Moskaeva* [Orchestral works of Sergey Moskaev]. *Kul'tura, nauka i obrazovanie Dal'nego Vostoka Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: Istoriia, opyt, razvitie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Culture, Science and Education of Russian Far East and the Asia-Pacific region: history, experience and Development. Materials of Int. scientific and practical Conf.]. Habarovsk, 1995, iss. 1, p. 106–107. (In Russ.).
7. Leskova T.V. *Tvorchestvo kompozitorov Dal'nego Vostoka Rossii. Uchebnoe posobie* [Creation of the composer of Russian Far East: studies. allowance]. Habarovsk, Khabarovsk State Institute of Arts and Culture Publ., 2012, 360 p. (In Russ.).
8. Solov'eva E.Iu. *Iz glubiny...* [From the depths ...]. *Muzikal'naia akademiia* [Academy of Music], 1994, no 5, pp. 28–32. (In Russ.).
9. Sokhor A.N. *Teoriia muzikal'nykh zhanrov: zadachi i perspektivy* [Theory of musical genres: Challenges and Prospects]. *Teoreticheskie problemy muzikal'nykh form i zhanrov* [Theoretical problems of musical forms and genres]. Moscow, Music Publ., 1971, pp. 292–309. (In Russ.).

УДК 781.68

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ ГОТФРИДА ГАЛЬСТОНА НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЭТЮДА ОР. 10, № 12 ШОПЕНА

Старикова Алина Вячеславовна, старший преподаватель кафедры дирижирования и академического пения, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: 214145alina@mail.ru

В статье рассматриваются исполнительские принципы выдающегося австрийского пианиста Готфрида Гальстона, деятельность которого на сегодняшний день в России остается малоизученной. На основе анализа записи исполнения Гальстона и материалов его «Рабочей книги» автор стремится реконструировать исполнительский стиль пианиста.

Отмечаются возможности, которые дают звукозаписи Вельте-Миньон для изучения особенностей стиля исполнителя, раскрываются особенности трактовки Гальстоном этюда и исполнительские средства, которыми он создается: динамика и образно-эмоциональные характеристики, интонация и агогика, ритмические и другие текстовые изменения, темповая драматургия произведения, приемы педализации. Представления о творческом облике Гальстона дополняются свидетельствами современников.

Выявлено, что все средства выразительности и изменения авторского текста, допускаемые пианистом, не нацелены на внешний эффект, а хорошо продуманы и направлены на раскрытие художественного образа этюда. Изменение ритма не только придает интонации речевую выразительность, но и выступает как формообразующее средство. Значительный диапазон темповых отклонений не противоречит характеру этюда.

Вызывает интерес графический способ записи педализации, используемый Гальстоном; педаль применяется в создании *crescendo*, звучности большой силы, а также в особой технологии взятия аккордов.

Форму произведения пианист выстраивает с помощью комплекса средств, применяемых на стыках разделов, которые очерчиваются с помощью тембрального добавления звуков низкого регистра, ритмического заострения пунктира, динамических нарастаний и контрастов, темповыми сдвигами, агогическими расширениями и педальными эффектами.

Ключевые слова: фортепиано, Вельте-Миньон, интерпретация, динамика, педализация, метроном, формообразование.

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION GOTTFRIED GALSTON'S PERFORMING STYLE ON THE EXAMPLE OF CHOPIN'S ETUDE OP. 10, NO. 12 PERFORMANCE

Starikova Alina Vyacheslavovna, Senior Lecturer of Department of Conducting and Academic Singing, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: 214145alina@mail.ru

The activity of outstanding Austrian pianist and teacher Gottfried Galston (1879–1950) remains low-studied today. As Leshetitsky's trainee, he was known in Russia and abroad. Galston is an author of the "Study Book" written in a unique genre and containing experience over a cycle from 5 concert programs, each of which is devoted to one composer: I.S. Bach, L. Beethoven, F. Chopin, F. Liszt and I. Brahms. Recording the performance of Chopin's etude op. 10, no. 12 by Galston is considered in the article. On the basis of the analysis of Galston's sound recording and materials of his "Study Book", the author seeks to reconstruct performing style of the pianist.

All performing means used by Galston, are directed on creation of an integral artistic image of work. Even apparently excessive tempo freedom sounds logically, naturally and opens character of the etude. Deviations from the author's musical text are thought well over and directed in creation of an image.

The shaping is reached by a complex means applied on joints of sections which are outlined by a means of timbre addition of sounds of the low register, rhythmic point of a dotted line, dynamic growth and contrasts, tempo shifts, agogics expansions and pedal effects.

Galston thinks of timbres and registers, his sound palette is colourful and various: from thunderous to mysterious sound. The pianist owns a nuance and possesses big dynamic range, saturation and intensity of its intoning attracts attention.

Pedalization is an area of close attention of Galston. It is carefully verified, and is a distinctive feature of performing style of the pianist. Apparently, Galston mastered a pedalization.

The text of "Study Book" by Galston abounds with the most interesting figurative and semantic connotations. Its figurative characteristics and associations give a chance "to glance" in an inner world of the performer, in his creative laboratory.

Keywords: piano, Welte-Mignon, interpretation, dynamics, pedalization, metronome, shaping.

*...Когда ум смягчит избыточную
экспансивность сердца*

*У. Энтони*²³

Деятельность выдающегося австрийского пианиста и педагога Готфрида Гальстона (1879–1950) остается на сегодняшний день малоизученной. Он ученик Лешетицкого, был очень известен как в России, так и за рубежом и горячо любим публикой и критиками. Его имя соседствовало на афишах с именами таких выдающихся интерпретаторов как Рахманинов, Скрябин, Корто, Годовский, Сливинский, Гофман и др.

В 1904 году немецкая фирма «M. Welte & Söhne» разработала звукозаписывающий аппарат Welte-Mignon (Вельте-Миньон) и начала осуществлять записи, для которых были отобраны только первоклассные пианисты, в том числе и Г. Гальстон. И уже 15.10.1905 пианист записал этюд Шопена op. 10, № 12²⁴, исполнение которого будет проанализировано в данной статье.

Сохранившиеся записи, сделанные на аппарате Вельте-Миньон, весьма несовершенны в плане фиксации качества звучания, как отмечает А. Д. Алексеев, но, тем не менее, при внимательном вслушивании в исполнение, исследователь может выявить немало интересного и полезного [1, с. 35]. Л. Б. Баяхунова говорит о том, что записи отражают исполнение во многих деталях, и что расшифровки записей Вельте-Миньон позволяют «точно измерить темпы и перевести их в метро-

ном, получить множество других объективных данных о характере и особенностях... исполнения» [2, с. 2].

Кроме записи этюда Шопена, в нашем распоряжении имеются исполнительские комментарии Гальстона к этому же этюду, изложенные в «Рабочей книге»²⁵. Книга Г. Гальстона была издана в Берлине в 1910 году, в ней представлены 5 программ цикла исторических концертов-монографий, с которыми Гальстон объездил ряд стран в концертном сезоне 1907/08 года. Каждая программа посвящена одному композитору: И. С. Баху, Л. Бетховену, Ф. Шопену, Ф. Листу и И. Брамсу. Опыт работы над этим циклом запечатлен Гальстоном в его трактате. «Рабочая книга» – это практическое руководство, советы молодым музыкантам, взгляд исполнителя и педагога-«консультанта»; она является отражением фортепианной исполнительской культуры рубежа XIX–XX веков.

Целью данной статьи является попытка реконструкции исполнительского стиля Г. Гальстона на основе анализа записи «Вельте-Миньон» его интерпретации этюда Шопена и исполнительских комментариев к этюду, изложенных в «Рабочей книге».

Начнем характеристику творческого облика Гальстона с отзывов и свидетельств его современников. «Он – полный энергии юноша, он – Гальстон, и пока нет никого, кто бы опроверг его уверенность в том, что его сильная, взволнован-

²³ Уолтер Энтони. Интервью с Г. Гальстоном [4].

²⁴ Запись № 594 по каталогу Вельте [7].

²⁵ Galston G. «Studienbuch» [6]. Перевод книги сделан автором статьи.

ная личность могла бы оправдать все ожидания. В этом отношении, в прямом и ясном взгляде и в блеске его больших карих глаз он похож на Кубелика²⁶» (см. [4]). В разговоре с журналистом Гальстон признается: «Откуда у меня такой темперамент, я не знаю. Кто-нибудь знает?» (см. [4]).

«Музыка, – говорил Гальстон – которая покоряет сначала разум, а затем сердце – неправильная. Музыка должна попадать сначала сюда, – и он постучал в области левого грудного кармана, – а здесь продумываться, – и он снял свою шляпу» (см. [4]).

Публика горячо любила этого артиста, «критики бредили о нем, а его сольные концерты всегда тонули в аплодисментах» – так писали в газете *The San Francisco Call* (см. [4]). Хотя игра Гальстона отличалась особой поэтичностью, слушатели также ожидали от его концертов «интеллектуального исполнения-представления, когда ум смягчит избыточную экспансивность сердца» (см. [4]).

Исполнение этюда подтверждает отзывы об эмоциональности артиста, а «Рабочая книга» раскрывает его рациональную сторону. Гальстон – мыслящий художник, который сочетал в своей игре «вдумчивость, лирическую тонкость, мягкий красивый звук» и пылкость сердца (см. [3]).

В исполнении Гальстона этюд звучит очень темпераментно, эмоционально, страстно и проносится на одном дыхании, приковывая внимание слушателя.

Рассмотрим, как мыслит Гальстон художественный образ этюда, и какими исполнительскими средствами его создает.

Динамика и образно-эмоциональные характеристики

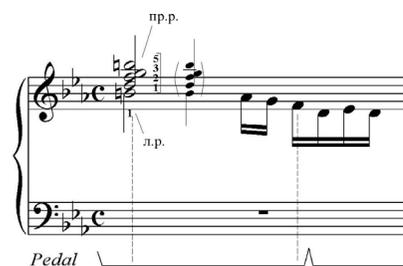
Гальстон пишет о том, что ему часто приходилось слышать этюд *ор. 10, № 12* с хорошим качественным исполнением фигураций левой руки, однако «почти никогда еще не довелось услышать всю драматическую силу и полную сомнений патетику правой руки в соответствующем исполнении» [6, с. 100]. Для того чтобы найти и передать этот могучий характер, требуется совершенное владение техникой игры «близких» октав, пра-

вильное ощущение и осознание характера произведения. По мнению пианиста, шопеновский «специальный этюд для левой руки» является еще и, между прочим, удивительной и очень захватывающей музыкальной поэмой.

1) Для создания максимально насыщенного звучания Гальстон применяет особую технологию взятия аккордов.

Первый аккорд должен звучать в полную силу; Гальстон распределяет его для двух рук: нижний звук *h* берется в левую руку, 4 верхних – в правую: «Такие аккорды исполняются следующим образом: при уже нажатой педали аккорд резко, коротко ударяется – как будто *staccato* – с одновременно быстро поднимающимися вверх запястьями, затем аккорд тотчас снова “беззвучно” ударяется и удерживается» [6, с. 101].

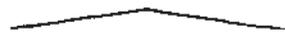
Пример 1:

В первом такте аккорд беззвучно подхватывается правой рукой, в третьем – и берется, и беззвучно повторяется уже одной правой. Такая техника беззвучного нажатия клавиш при открытой педали часто употребляется Гальстоном и требует быстроты, ловкости и специального разучивания. Создание образа неразрывно связано с применением педали, которая усиливает драматический эффект.

2) Фигурации левой руки Гальстон сравнивает с бушующей вздымающейся волной, которая, поднявшись наверх, закручивается, захлестывается на вершине и устремляется вниз.

Пианист пишет, что эти и подобные фигурации никогда нельзя играть так (рис. 1):

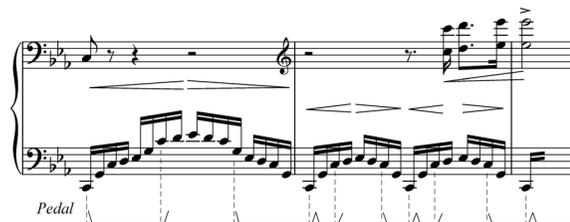
а всегда нужно играть именно так (рис. 2):

²⁶ Ян Кубелик (Jan Kubelik; 1880–1940) чешский скрипач и композитор. Кубелика называли «Чародей скрипки», «чешский Паганини».

«Бурное *crescendo* перед наивысшей нотой должно достигать максимальной силы, самая высокая нота лежит уже в зоне *diminuendo*. При создании рокоchущего *crescendo* педаль должна быть главным помощником» [6, с. 101].

Пример 2, такты 9–10-й:

Гальстон тщательно выписывает педализацию собственным графическим способом, который позволяет максимально точно зафиксировать моменты взятия и снятия педали. Вертикальные пунктирные линии придают тексту дополнительную наглядность. Гальстон играет эти пассажи всегда с небольшим ускорением к вершине, что дополняет эффект «бурного *crescendo*». Действительно, в записи Вельте-Миньон эти фигурации создают впечатление вздымающейся волны, которая закручивается наверху и затем сворачивается.

3) Такт 36-й – это яркая кульминационная зона.

Пример 3:

Гальстон предлагает играть три последние шестнадцатые «очень сдержанно и громкоподобно» [6] причем ставит на все 4 последние ноты короткие педальные шаги. Педаль здесь едва ли реально выполнима без очень сильного агогического расширения, и снова она выступает как средство создания звучности большой силы. Этот комплекс выразительных средств также является и формообразующим, подчеркивает драматическую насыщенность кульминации.

Контрасты и лирическая сфера

По комментариям Гальстона, *molto agitato* (такт 26-й) должно звучать «обрушиваясь и пу-

гая» [6]. Аккорды тактов 27–28-й он слышит «грохочущими, подобно звучанию медных духовых инструментов» [6]. Затем следует «смена регистра», появляется «таинственный *gis-moll*» в динамике *mf* [6]. Пианист интерпретирует это звучание как «будто бы еще покрытое шлейфом» [6]. Он обращает внимание читателей на то, что темп при этом менять нельзя.

Лирическая сторона Гальстона-исполнителя проявляется перед кодой (такт 70-й). Мелодия правой руки звучит так нежно, проникновенно, что и пассажи левой руки перестают быть рокоchущими и становятся более прозрачными. Если даже в записи на Вельте-Миньон слышно, как пианист изменил окраску звука, то можно представить, насколько была богата и разнообразна темброво-колористическая палитра этого исполнителя.

Интонация и агогика

Гальстон с особой выразительностью исполняет в этюде партию правой руки. Основу ритмического рисунка мелодии составляет пунктир, которому пианист придает речевую выразительность и интонационную насыщенность. Все пунктиры играют с явной метрической оттяжкой: продленная восьмая с точкой – как сжатая пружина, в которой аккумулируется энергия. Интонационное сопряжение между тонами, особенно в восходящем движении (например, такты 42–43-й, 44–45-й), создает драматическую силу, звучание становится насыщенным, экспрессивным. Но в переходах между фразами Гальстон зачастую применяет сжатие, играет порывисто. Такое интонирование пронизывает весь этюд, который слушается очень величественно, декламационно, патетически.

Обращает на себя внимание исполнение тактов 25–26-го «*stretto*» – огромное ускорение придает музыкальной ткани действительно мощнейшее эмоциональное напряжение! Еще один агогический прием ускорения применяется в секвенции, начинающейся с 33-го такта, которая звучит как закручивающиеся вихри. Агогическая свобода полностью направлена на создание художественного образа.

Почему Гальстон меняет ритм?

Гальстон меняет ритм шопеновского текста в нескольких местах. При переходе от нисходящего пассажа вступительного раздела к до-минорным

фигурациям левой руки (такты 8–9-й) Гальстон советует задерживать предпоследнюю ноту *f* (фа) так, как если бы над ней стояла фермата, и после этого обрушиться с *es* на *c*. При этом предлагает играть сдержанно уже 4 последние шестнадцатые восьмого такта. Это создает драматическую силу и добавляет патетику интонации.

В тактах 48–49-й (начало репризы) происходит подобное ритмическое изменение, но уже с паузой (см. пример 4). Это отклонение от ритма, не случайно появившееся в процессе исполнения, оно описывается и в книге. Гальстон пишет: «Я играю так»:

Пример 4:

[6, с. 101].

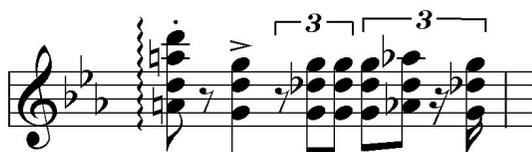
Изменение ритма, его заострение не только придает интонации речевую выразительность, но и выступает как формообразующее средство. Реприза отличается тем, что переход звучит еще острее по ритму и насыщается тембрально добавлением двукратного октавного удвоения басовых звуков. Грохочущие звуки низкого регистра усиливают эмоциональное напряжение, благодаря чему реприза звучит более драматично.

Другие текстовые изменения

1) Арпеджирование.

В такте 55-м Гальстон предлагает другую расшифровку арпеджиато.

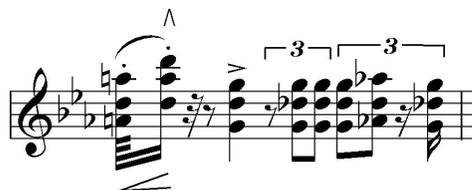
Пример²⁷ 5:

Он считает, что «исполнение арпеджиато в правой руке будет звучать приглушенно, вяло,

матово» [6], что, по его мнению, не соответствует характеру этого фрагмента, не дает нужной эмоциональной силы, насыщенности, яркости. Поэтому здесь следует играть вариант из двух перемещаемых аккордов.

Пример 6:

Он, конечно, звучит более компактно, ясно, интенсивно, восходящая интонация становится более устремленной и направленной.

Справедливости ради нужно отметить, что в записи этот аккорд звучит просто слитно. Расхождение звучащего материала и комментариев книги не является чем-то особенным. Каждый исполнитель может играть одно и то же сочинение в разное время по-разному, и никому не удалось даже дважды одинаково повторить произведение. Вероятно, в процессе работы над произведением Гальстон пришел к новому решению и позже записал его в «Рабочую книгу». Это говорит о том, что пианист ищущий, думающий, что он находился в творческом поиске наилучших решений. А, может быть, прослушивание собственной записи натолкнуло его на новые идеи?

Если в предыдущем примере Гальстон предпочитает не арпеджировать аккорд, то в такте 81-м, наоборот, предлагает усилить первую ноту такта арпеджированным форшлагом в две октавы и ставит *ff* сразу с начала такта: «Я играю в такте 81-м, первая восьмая в левой» [6].

Пример 7:

Он, действительно, так и играет.

Интересное предложение по арпеджированию Гальстон дает в двух последних тактах: пер-

²⁷ Уртекст [5].

вый аккорд он играет слитно, а в трех следующих арпеджирует октаву левой руки. Окончание этюда звучит энергично и величественно.

2) Удвоение.

В тактах 65-м и 67-м Гальстон пишет *ad libitum con octava bassa* (по своему усмотрению, на октаву ниже): добавляет в левой руке к первой шестнадцатой такта еще звук на октаву ниже.

Показательно то, что Гальстон тщательно сам описывает в книге те отклонения от текста, которые делает или предлагает сделать. Это говорит о том, что они не спонтанные, а хорошо продуманные, наверняка сформировавшиеся в ходе многолетней работы над этюдом. Его текстовые варианты направлены на раскрытие художественного образа произведения и не противоречат характеру, заложенному в музыке. Гальстон привел такой пример в своей книге: «Честолюбивые пусть вдохновляются легендой А. Дрейшока об октавном варианте (этот пианист, говорят, играл до-минорный этюд “с пленительной виртуозностью”, левая рука целиком исполнялась октавами!)» [6, с. 100].

Исполнение Дрейшоком этюда, где он играет левую руку целиком октавами, – это чисто «спортивный» виртуозный прием. Гальстон же не прибегает к внешним эффектам, он тщательно анализирует авторский текст. Но, видимо, велика еще была сила традиции текстовых добавлений, когда внесение поправок не воспрещалось даже самими композиторами и не считалось чем-то предосудительным.

Темповая драматургия произведения

При прослушивании записи исполнения Гальстона в первую очередь внимание останавливается на темповой неоднородности. Расшифровка звукозаписи позволила измерить темпы и перевести их в метроном. Таким образом, был выявлен значительный диапазон темповых отклонений. Начнем с того, что в шопеновском уртексте издания G. Henle [5, с. 60] стоит указание $\text{♩} = 76$.

Темп исполнения Гальстона колеблется от $\text{♩} = 121$ до $\text{♩} = 160$ ²⁸. В целом, средний темп исполнения приближен к авторскому. Начало звучит

²⁸ Здесь и далее метрономические указания относятся к четверти.

в темпе около 145. Тема в экспозиции идет в темпе около 121, средний раздел идет в темпе около 130, в репризе – около 140. То есть видна общая динамизация движения к концу этюда. Самый быстрый фрагмент этюда – это нисходящий пассаж перед репризой (такты 43–48-й), около 160. Подобной темповой кульминации пианист достигает еще только в стретте (такт 26-й) – ускорение доходит до 160.

Так, начало этюда звучит гораздо спокойнее по темпу, чем реприза. Каждый раздел формы играется в своем темпе. Переходы между разделами пианист проводит либо с ускорением, либо с расширением. Но есть фрагменты, в которых Гальстон подчеркивает необходимость темп не менять, – это такты 36, 77, 81–84-й.

К коде (такт 77-й) пианист приходит без замедления, темп стабилизируется (около 142). В нисходящем пассаже 81-го такта Гальстон срывается в темп 155 и окончание играет уже без замедления, ровно в темпе.

Все темповые изменения слушаются довольно логично и не противоречат характеру отдельных эпизодов и образу этюда в целом. Напротив, скорее они применяются для ясного формообразования, хорошо очерчивают границы разделов формы и переходы между ними. Ускорения соответствуют драматическому насыщению музыкальной ткани, динамическим подъемам, подходу к кульминационным точкам, а участки замедления показывают более стабильное течение музыкального процесса.

Коде

Вызывает интерес образное содержание и ассоциации, которые Гальстон вкладывает в коде этюда: «В этом месте (такты 77–84-й) я вижу “реминисценцию” с кодой первой части сонаты Бетховена op. 111. То же самое настроение (“сопротивление!”), выраженная теми же самыми средствами реминисценция. Соответствия или сходства нотного текста нет» [6, с. 102]. На самом деле, музыкальная ткань этого раздела сонаты сильно перекликается с этюдом, есть даже интонационное, гармоническое и тональное сходство. Бетховенский характер сопротивления также создается с помощью пассажей в низком регистре.

Итак, анализ звучащего материала и исполнительских комментариев, изложенных в книге,

позволяет сделать выводы об основных чертах исполнительского стиля Г. Гальстона.

Все, что делает Гальстон, все исполнительские средства, которые он использует, направлены на создание цельного художественного образа произведения. Даже, казалось бы, излишняя *темповая* свобода звучит логично, естественно и раскрывает характер этюда. Отклонения от авторского нотного *текста* хорошо продуманы и так же направлены на создание образа.

Формообразование создается комплексом средств, применяемых на стыках разделов, которые очерчиваются с помощью тембрального добавления звуков низкого регистра, ритмического заострения пунктира, динамических нарастаний и контрастов, темповыми сдвигами, агогическими расширениями и педальными эффектами.

Гальстон мыслит тембрами и регистрами, его *звуковая палитра* красочна и разнообразна: от громоподобного звука – к таинственному. Пианист тонко владеет нюансировкой и обладает

большим динамическим диапазоном, обращает на себя внимание насыщенность и интенсивность его интонирования.

Педализация – область пристального внимания Гальстона. Она тщательно выверена, и является отличительной чертой исполнительского стиля пианиста. Судя по всему, Гальстон виртуозно владел педализацией.

Текст «Рабочей книги» Гальстона изобилует интереснейшими *образно-смысловыми коннотациями*. Его образные характеристики и ассоциации дают возможность «заглянуть» во внутренний мир исполнителя, в его творческую лабораторию. Звукозапись не отражает в полной мере темброво-колористическое богатство, о котором говорится в книге, но передает энергетику исполнения, темпы, характер и воплощение художественного образа. Анализ двух источников в совокупности позволяет воссоздать творческий облик Гальстона-исполнителя.

Литература

1. Алексеев А. Д. История фортепианного искусства. – М.: Музыка, 1982. – Ч. III. – 286 с.
2. Баяхунова Л. Б. П. В. Лобанов – пианист, педагог, исследователь [Электронный ресурс] // Культура в современном мире. – 2013. – № 2. – URL: <http://infoculture.rsl.ru>
3. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М.: Совет. энцикл.: Совет. композитор, 1973. – Т. 1: А – Гонг. – 1072 с.
4. Antony W. Galston Abounding Youth [Электронный ресурс] // The San Francisco Cal. – 1912. – 20 December. – Vol. 113, № 20. – URL: <http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc?a=d&d=SFC19121220.2.63#>
5. Chopin F. Etüden Urtext [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.scorser.com/I/Sheet+music/186849.html>
6. Galston G. Studienbuch. – Berlin; Verlag von Bruno Cassirer, 1910. – 220 p.
7. The Welte Mignon Mystery [Электронный ресурс]. – Vol. IV. Dead or Alive. Frederic Chopin Etudes op. 10, op. 25. – URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4132157>

References

1. Alekseev A.D. Istoriia fortepiannogo iskusstva, chast' III [Istoriya of piano art, part III]. Moscow, Music Publ., 1982. 286 p. (In Russ.).
2. Baiakhunova L.B. P.V. Lobanov – pianist, pedagog, issledovatel' [P.V. Lobanov – the pianist, the teacher, the researcher]. *Kul'tura v sovremennom mire [Culture in the modern world]*, 2013, no 2. Available at: <http://infoculture.rsl.ru/> (accessed 25.02.2015). (In Russ.).
3. Muzykal'naiia entsiklopediia. V 6 t. [Musical encyclopediia in 6 v. Ed. Yu. V. Keldysh]. Moscow, Soviet encyclopediia Publ., Soviet composer Publ., 1973, vol. 1, 1072 p. (In Russ.).
4. Antony W. Galston Abounding Youth. *The San Francisco Call*, 1912, 20 December, vol. 113, no. 20. Available at: <http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc?a=d&d=SFC19121220.2.63#/> (accessed 25.02.2015).
5. Chopin F. Etüden Urtext. Available at: <http://en.scorser.com/I/Sheet+music/186849.html/> (accessed 25.02.2015).
6. Galston G. Studienbuch [Study book]. Berlin, Bruno Cassirer Publ., 1910, 220 p. (In German).
7. The Welte Mignon Mystery. Vol. IV. Dead or Alive. Frederic Chopin Etudes op. 10, op. 25. Available at: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4132157/> (accessed 25.02.2015).

УДК 78.087.68(571.61)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ ХОРОВОГО ЦЕРКОВНОГО ПЕНИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ ЕПАРХИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никулин Владимир Георгиевич, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск, РФ). E-mail: agiki@mail.ru

К концу XIX века (1897 год) назревает насущная проблема подготовки учителей хорового церковного пения. Нуждалась в этом и Благовещенская духовная епархия. Решение этой проблемы виделось в подготовке этих учителей на месте. Это было поддержано Св. синодом. Решение предусматривало подготовку учителей в открываемых второклассных духовных школах и создаваемых церковно-педагогических курсах. Первые педагогические курсы учителей церковного хорового пения были организованы в 1902 году в г. Благовещенске – центре духовной епархии, затем последовали последующие курсы, состоявшиеся в 1903 и 1913 годах. На них обучались учителя духовных школ и учителя – миссионеры духовных станом. Но, не смотря на «замкнутость» духовного образования, на них разрешалось обучение и других лиц – учителей министерских школ, представителей школ Казачьего ведомства, вольнослушателей, выпускников духовных училищ и просто желавших стать таковыми.

Деятельность всех курсов отличалась как результативностью, так и уровнем имевшегося образования курсантов. Педагогические курсы, проводившиеся в летний период, отличались своей интенсивностью, так как занятия проходили не только в урочное дневное время, но и в свободные, выходные и праздничные дни. К работе курсов привлекали регентов и опытных учителей церковного пения – С. Тихвинского, П. Родионова, А. Захарова, С. Прологинова, Н. Тихвинского. А для проведения педагогических занятий создавались временные месячные духовные школы.

Расписание курсов включало изучение употребительных песнопений церковных духовных служб, основных песнопений из всеобщего бдения, участие в клиросном пении, богослужебных чтениях и в обязательных хоровых спевках. Курсы завершались торжественным мероприятием с хоровым пением курсантов и вручением удостоверений о присвоении звания учителя церковного хорового пения. В период работы курсов обучалось более 170 человек, на проведение которых епархией выделялись определенные денежные средства.

Ключевые слова: хор, духовная школа, певческие курсы, курсант, миссионер, канон, епархия, нотация, обучение учителей, образование.

PEDAGOGICAL COURSES FOR CHURCH CHORUS SINGING TEACHERS AT BLAGOVESHENSK EPARCHY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Nikulin Vladimir Georgievich, Candidate of Art History, Docent, Professor of Department of Art History, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: agiki@mail.ru

By the end of the XIX century (1897), the problem of training the church chorus singing teachers became very urgent. Blagoveshensk Eparchy needed the teachers too. The solution of the problem was seen in training teachers on the site. It was approved by The Holy Synod. It was decided to train teachers at second-class schools at the courses organized by the eparchy. The first pedagogical courses for church chorus singing teachers took place in 1902 in Blagoveshensk, the center of the eparchy. The following courses were in 1903 and 1913. Teachers of the eparchy schools and missionary teachers studied at the courses. In spite of “closed”

church education other people, such as teachers of ministry schools, teachers of Cossack department schools, "lecturegoers," final-year students of seminary and any persons desired to learn church chorus singing were allowed to take the courses.

The conducted courses differed both in results and in educational levels of the participants. The courses held in summer period were very intensive. The students studied not only at day-time classes but also in their own time and on days off and holidays. Regents and the most experienced church chorus singing teachers were invited to train students: S. Tikhvinsky, P. Rodionov, A. Zakharov, S. Prologinov, N. Tikhvinsky. For pedagogical classes, temporary (one month) schools were organized.

Curriculum included studying the chants commonly used at church religious services, the main chants of Vigil, compulsory participation in choir singing, liturgical readings and chorus rehearsals. The courses concluded with solemn event with chorus singing of students and awarding the certificates. The students of the courses became certified teachers of church singing. More than 170 people took the courses of church chorus singing. The Eparchy allocated funds for conducting the teachers training courses.

Keywords: chorus, eparchy school, singing courses, course student, missionaries, canon, eparchy, notation, teachers training, education.

Высшее духовенство Благовещенской епархии в указанный временной период было серьезно озабочено насущной проблемой нехватки подготовленных учителей церковного пения, искало новые формы их подготовки посредством усиления певческой работы в семинариях и духовных училищах. Но это не удавалось – их выпускники, являясь священниками, негативно относились к обучению пению. Важным критерием в подготовке будущих учителей считалась выработка умения создавать церковные хоры, с вовлечением в него всех школьников для участия в православных службах духовных храмов. Этот критерий находил полное одобрение и поддержку не только духовенства, но и большинства самих прихожан. В конце XIX века (с 1897 года) в сети духовных учебных заведений Восточной Сибири появляются второклассные учительские школы, призванные осуществлять подготовку учителей церковного пения для нужд духовной епархии. Св. синодом принимается важное решение об организации подготовки учителей церковного хорового пения непосредственно на местах расположения епархии, посредством организации педагогических учительских курсов.

Первые епархиальные курсы открываются в 1902 году. Они проводились в Никольской церковно-приходской школе Благовещенска с 16 июля по 15 августа 1902 года и имели своеобразные особенности. К ним следует отнести проведение впервые двух пробных уроков, данными самими слушателями. К обучению был привлечен и своеобразный состав курсантов, в числе которых было

47 преподавателей учебных заведений духовного ведомства и 13 учителей-вольнослушателей министерских школ, ученицы выпускных классов женской гимназии и женского духовного училища, объединенных горячим желанием стать непременно учителями пения [8, л. 77–78].

Такой подход к комплектованию состава курсов вызывался неудовлетворительным положением в области церковного хорового пения, и руководство епархии поддержало горячее желание курсантов и согласилось с обучением данного контингента, беспрепятственно изыскав на обучение 60 курсантов 2000 рублей [2, 414]. Неоднородность учебной подготовки курсантов вызвала пересмотр деятельности курсов.

К отличительным особенностям следует отнести и интенсивность обучения, занимавшего не только учебное время рабочих, но также воскресные и праздничные дни. Учебная программа включала обязательные занятия по изучению учебных дисциплин и непременно участие всех курсантов в клиросном хоровом пении, проводимых богослужебных чтениях и в обязательных хоровых спевках.

Другой характерной особенностью курсов являлось обязательное проведение педагогической деятельности курсантами в школьных классах временно созданной духовной школы, порученной регенту Благовещенского архиерейского хора Симеону Тихвинскому. Это существенно дополнялось практической частью, осуществлявшейся его помощником, священником Павлом Родионовым. Учебные занятия отличались четким

планированием, предусматривавшим обучение необходимым приемам церковного пения в соответствии с требованиями учебных программ Училищного совета Св. синода [3, 127–129; 1, 33–35].

Так, в частности, хоровым коллективом С. Тихвинского изучались и исполнялись одногласно и двухгласно младшим хором самые простые песнопения: «Аминь, Господи помилуй» и др., изучались элементарные познания по организации пения. Однако, имелись примеры и более сложного, трехголосного гармонического исполнения песнопений: «Тебе, Господи», «Поддай, Господи», «Слава тебе, Господи, слава тебе» и др. В старшей группе были прослушаны краткие курсы теории пения, обучения партесному пению, приемам организации хора и управления им [1, 34].

Важным моментом теоретической части явилось изучение цифровой нотации и работа над широким кругом теоретических знаний. Программа по пению старшей группы была более сложной и предусматривала изучение и неоднократное исполнение трехголосных сочинений, включавших «Господи возвах» с первыми и Богородичными стихирами, воскресных тропарей на «Бог Господь» и ирмосов воскресных канонов на все восемь гласов [8, л. 77–78; 1, 34–35].

К особенностям следует также отнести и обучение навыкам умения анализировать исполнение программ хоровых песнопений, освоенных курсантами и качественно оценивать результаты проведенных открытых уроков, с учетом оценки освоенных приемов по организации школьных хоров. На подготовку этого, конечно же, требовалось дополнительное время, чему и отводились сверхурочные занятия в свободное время курсантов.

Нелишне будет отметить, что очередной особенностью курсов в процессе обучения, предусматривался еще один немаловажный аспект деятельности – организация внеклассной работы с учащимися школы, включавшей проведение литературных чтений, сопровождавшихся игрой на музыкальных инструментах и групповое пение гимнов. Отмечалось, что организация этих мероприятий всегда воспринималась курсантами с большой радостью. Курсы завершились торжественным мероприятием с хоровым пением курсантов и вручением удостоверений о присвое-

нии звания учителя церковного пения духовных школ [1, 32–33].

Отмечая, в целом, положительные результаты учителей в изучении утвержденных программ, выявлялись и серьезные недостатки в проведении учебной и практической деятельности курсов. Их тщательное изучение послужило принятию определенных решений, явившихся основой для подготовки новых учебных программ последующих курсов, где основное внимание уделялось усилению теоретического обучения курсантов и организации проведения подобных курсов для учителей – миссионеров духовных станов.

Очередные курсы Благовещенской епархии состоялись при градо-благовещенской, михайло-архангельской второклассной школе, слушателями которых стали учителя амурских миссионерских территорий епархии (1903 год). Учитывая сложность их проведения (отдаленность духовных станов), на обучение вызывалось ограниченное количество участников курсов – 46 учителей Верхне-амурского и 15 учителей Нижне-амурского отделений, на подготовку которых епархией выделялась весомая сумма – 3165 рублей. Особенностью данных курсов явилось проявление серьезного внимания практической подготовке курсантов в работе с хоровым коллективом этой школы [9, л. 1597, 1600–1602].

Следует отметить, что на этих курсах впервые (и единственный раз) принимали участие представители школ казачьего Ведомства, оставшиеся до этого без всякого педагогического присмотра и контроля. Теоретическое и практическое обучение было вновь поручено опытному регенту С. Тихвинскому [9, л. 600–1602]. Работа этих курсов положила начало дальнейшему обучению учителей-миссионеров. Следует отметить, что руководство духовных миссий Благовещенской епархии, да и сами миссионеры, проявляли особое стремление к подобному обучению, откликаясь своим участием на решение серьезных проблем в области хорового пения, и желали проведения подобной практики.

Такие попытки приписывают, например, начальнику Благовещенской инородческой миссии св. П. Кудрявцеву, организовавшему своими усилиями курсы учителей миссионерских школ и катехизаторов в с. Вятское. Количество вызываемых курсантов-участников, к сожалению, также было невелико, всего 10 учителей школ

нижнего Амура. Однако, по ряду причин, к началу работы курсов прибыли только четверо из-за распутицы [4, 7–9]. Несмотря на сложившуюся ситуацию, занятия по церковному пению все же состоялись. Осуществление их стало возможным благодаря большой ответственности бывших выпускников Благовещенской духовной семинарии Николая Тихвинского и Серапиона Петрологина, являвшегося старшим учителем в Сергеевской двухклассной церковно-приходской школе [4, 12]. Тематика занятий (их было восемь) включала небольшой круг вопросов теоретической подготовки, включавших основные понятия нотной системы и работу над вокальным звуком. В ходе обучения внимание обращалось на основные песнопения из всенощного бдения по нотам [5, 33].

Но все же, несмотря на принимаемые меры, к 1910 году в школах Благовещенской епархии в области церковного пения были сделаны весьма незначительные успехи. Отмечалось, что многие дети ничего не поют, кроме «Царя небесный» и «Достойно есть». Да и это пели часто неправильно, с произвольными остановками в мелодии и тексте, отсутствовала работа по хоровому строю и не было навыка стремления к общему пению [6, 266].

Как показала практика, уровень проведения миссионерских курсов церковного пения был малоэффективен. В силу чего предпочтение все же отдавалось епархиальным курсам, привлекавшим весомый состав слушателей. Здесь имелись большие наработанные возможности по оказанию практической и методической помощи, широко использовался высокий духовный и культурный уровень преподавателей кафедрального города. Это еще раз подтвердилось при проведении очередных педагогических курсов, вновь открытых в Благовещенске с 10 июня по 12 июля 1913 года, курсанты которых испытывали огромную необходимость в них и получении необходимых знаний в области церковного пения. Открытие курсов ознаменовалось торжественным исполнением созданного хорового коллектива в составе 106 курсантов гимна «Боже,

царя храни» и «Исполла эти деспота» [7, 24]. В числе курсантов насчитывалось 80 учителей церковно-приходских школ и 26 вольнослушателей. Учитывая особую важность подготовки учителей церковного хорового пения этот предмет был ведущим в учебной программе курса, и на него, как никогда до этого, отводилось 78 часов. В широком перечне предметов курсов церковное пение вел преподаватель Благовещенской духовной семинарии А. Г. Захаров [7, 26–27].

Следует признать, что эти курсы оказались неудачными. Несмотря на то, что они явились последними, в их проведении и организации практической и педагогической деятельности сказались неподготовленность, способствовавшая выявлению серьезных недостатков. Так, к примеру, созданная при храмовой церкви женского епархиального училища, где проводились певческие курсы, организованная духовная школа не отвечала нужным требованиям подготовки, была неполной и непостоянной, составляя от 7 до 15 временно приходящих учеников, что далеко не соответствовало ни требованиям певческого коллектива, ни организации педагогической подготовки обучающегося контингента [7, 25].

Следует подчеркнуть, что все проводимые краткосрочные певческие курсы проходили под неусыпным вниманием архипастыря, считавшего своим долгом и священной обязанностью не только обеспечить их проведение, но и посещать их с целью проверки как самой деятельности, так и результативности обучения. Выявленная закономерность обеспечила достижение определенного эффективного качества и результативности педагогической деятельности и способствовала контролю за правильным использованием выделяемых епархиальных средств. Сочетание важности проводимых мероприятий и осуществление непосредственного контроля определили дальнейшие педагогические перспективы и непосредственно способствовали развитию церковного хорового пения в указанной епархии, а позднее и дальнейшему культурному развитию общества нового строя.

Литература

1. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 2. – 31 янв., о. неоф., 32, 33–35.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 4. – 28 февр., о. неоф., 414.
3. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 5. – 15 марта, о. неоф., 127–129.

4. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 1. – 15 янв., о. неоф., 7–9, 12.
5. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1908. – № 2. – 15 янв., о. неоф., 33.
6. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1910. – № 18. – 01 окт., о. неоф., 266.
7. Благовещенские епархиальные ведомости. – 1914. – № 3–4. – 15 февр., о. оф., 24, 25, 26–27.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 16. – Д. 146. – Л. 77–78.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп. 16. – Д. 148. – Л. 1597, 1600–1602.

References

1. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1903, no 2, 31 January, acting neof., 32, 33–35. (In Russ.).
2. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1903, № 4, 28 February, acting neof., 414. (In Russ.).
3. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1903, № 5, 15 March, acting neof., 127–129. (In Russ.).
4. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1908, № 1, 15 January, acting neof., 7–9, 12. (In Russ.).
5. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1908, № 2, 15 January, acting neof., 33. (In Russ.).
6. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1910, № 18, 01 October, acting neof., 266. (In Russ.).
7. Blagoveshchenskie eparkhial'nye vedomosti [Annunciation diocesan Gazette], 1914, № 3–4, 15 February, acting off., 24, 25, 26–27. (In Russ.).
8. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive], f. 803, op. 16, d. 146, l. 77–78. (In Russ.).
9. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive], f. 803, op. 16, d. 148, l. 1597, 1600–1602. (In Russ.).

УДК 78

НАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХОРОВАЯ КАПЕЛЛА ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ ИМ. И. В. ОКУНЕВА «УРАЛВАГОНЗАВОДА» ГОРОДА НИЖНЕГО ТАГИЛА: ИЗ ИСТОРИИ ХОРОВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО УРАЛА

Карабатов Роман Павлович, соискатель, старший преподаватель кафедры хорового дирижирования, Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского (г. Екатеринбург, РФ). E-mail: karabatov1@gmail.com

В статье рассматривается многолетний опыт творческой деятельности хоровой капеллы «Уралвагонзавода» города Нижнего Тагила. С момента своего основания (1942) самодеятельный коллектив преимущественно исполнял хоровые произведения на два голоса, хотя участники не знали нотной грамоты и в первое время не думали о ее освоении. При выборе репертуара хора учитывались злободневность тематики, интерес и желание певцов, звучали песни, эмоционально волнующие людей. Особенно искренний душевный отклик вызывали народные песни.

Постепенно на занятиях перед разучиванием хоровых произведений стали осваивать элементы музыкальной грамоты. Приобрели систематичность беседы о творчестве композиторов. У хористов возник живой интерес к более глубоким экскурсам в область истории музыки. Все это помогало расширить репертуар и выйти на новый качественный уровень. О результатах такой работы свидетельствуют

высокие награды на различных городских, областных, а также всесоюзных смотрах художественной самодеятельности.

В разные периоды деятельности хоровой капеллы во главе коллектива находились художественные руководители: М. В. Толмачева (1942–1952), Е. И. Вакуленко (1952–1959), С. И. Волков (1959–1965), А. С. Файбусович (1965–1974), А. Б. Караулов (1974), Б. Н. Гричениченко (1975–1989), Н. А. Федченко (1989–2009).

Ключевые слова: хоровая культура советского периода, самодеятельные хоровые коллективы, хоровая капелла «Уралвагонзавода» Нижнего Тагила.

**PEOPLE'S ACADEMIC CHOIR OF I.V. OKUNEV "URALVAGONZAVOD"
CULTURE CENTER, NIZHNY TAGIL:
FROM THE HISTORY OF THE MIDDLE URAL'S CHORAL CULTURE**

Karabatov Roman Pavlovich, Degree-Seeking Applicant, Senior Lecturer of Department of Choral Conducting, M.P. Mussorgsky Ural State Conservatory (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: karabatov1@gmail.com

In the years of the Great Patriotic War many cities and towns of our country saw the process of active formation of new professional choirs, as well as conditions for amateur choirs development.

In 1942 a group of enthusiastic people led by Maria Vitalyevna Tolmacheva organized a choir of Uralvagonzavod in Nizhny Tagil. Its foundation was determined by the necessity of cultural servicing of plant employees, wounded soldiers in hospitals, pupils at schools.

Since its foundation the amateur choir had performed predominantly two-part music pieces. Choir members could not read music sheets at first and did not think about learning to do so. While choosing the repertoire, the following factors were taken into consideration: topic importance, singers' interest and preferences, emotional impact of songs. Folk songs were considered especially heartwarming and sincere.

Step by step M. V. Tolmacheva started to introduce the elements of sheet music reading in her class, before learning the new choir pieces. Talks about various composers' oeuvre became systematic. Choir members developed a keen interest to have a deeper insight into music history. All these factors helped to broaden repertoire, as well as move to a new quality level.

Positive results of those efforts were confirmed by the prestigious awards of different local, regional, as well as national amateur arts festivals.

The following art directors were in charge of the choir in its different periods of activities: M.V. Tolmacheva (1942–1952), E.I. Vakulenko (1952–1959), S.I. Volkov (1959–1965), A.S. Faybusovich (1965–1974), A.B. Karaulov (1974), B.N. Grichenichenko (1975–1989), N.A. Fedchenko (1989–2009).

Everybody of the above mentioned managed to feel new time trends, choose the appropriate repertoire and continue the traditions founded by the previous leader.

In the 1990s and at the turn of the century, the choir faced the difficulties stipulated by mainly social and political reasons which caused its termination of activities in 2009. However, it is still considered to be one of the best amateur academic choirs, representative of national choir culture from the Great Patriotic War to present days.

Keywords: choral culture of the Soviet period, amateur choirs, choir of Uralvagonzavod.

Известное выражение «музы не молчали» было бы уместно применить к ситуации, сложившейся в российском хоровом искусстве в годы Великой Отечественной войны. Именно в этот период активизируется процесс формирования

новых профессиональных хоровых коллективов, создаются условия для развития самодеятельного хорового творчества.

В 1942 году в Москве организуются Республиканская академическая русская хоровая ка-

пелла²⁹, Государственный академический русский хор Союза ССР³⁰; в этом же году появляется Воронежский народный хор³¹. В 1944 году хоровой дирижер С. Г. Эйдинов основывает Магнитогорскую государственную хоровую капеллу³². В этом же году, буквально сразу после освобождения Эстонии от фашистов, формируется Эстонский мужской хор³³. В 1945 году был организован Государственный Сибирский русский народный хор³⁴. И это еще не полный список хоровых коллективов, возникших в военные годы.

Интенсивная хоровая деятельность характерна в эти годы и для Среднего Урала. Его столица Свердловск к этому времени сформировался в крупнейший центр музыкальной культуры. В военном 1943 году в городе появляются сразу два профессиональных хоровых коллектива: Уральский народный хор (ныне Уральский государственный академический народный хор) и хоровая капелла Уральской государственной республиканской филармонии. Развивалось в это время и самодеятельное исполнительство, создавались новые хоровые коллективы, среди которых сразу обратила на себя внимание хоровая капелла «Уралвагонзавода» Нижнего Тагила, рассмотре-

²⁹ Республиканская академическая русская хоровая капелла была организована в декабре 1942 года на базе хора им. М. И. Глинки, руководимого И. Юховым. Ныне Государственная академическая хоровая капелла России имени А. А. Юрлова.

³⁰ Государственный академический русский хор Союза ССР был создан как Государственный хор русской песни в 1942 году на базе Государственного хора СССР. Ныне Государственный академический русский хор имени А. В. Свешникова. Александр Васильевич Свешников (1890–1980) – основатель и художественный руководитель хора – русский хоровой дирижер, общественный деятель, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР и РСФСР, в 1944 году организовал Московское хоровое училище.

³¹ Ныне Государственный академический Воронежский русский народный хор имени К. И. Массалитина.

³² Ныне Магнитогорская государственная академическая хоровая капелла имени С. Г. Эйдинова.

³³ С 1989 года – Эстонский национальный мужской хор.

³⁴ Ныне Государственный академический сибирский русский народный хор.

нию творческого пути которой и посвящена настоящая статья³⁵.

Хор был организован группой энтузиастов во главе с Марией Витальевной Толмачевой³⁶ в 1942 году. Его создание было обусловлено необходимостью культурного обслуживания трудящихся завода, цехов, раненых солдат в госпиталях, учащихся в школах.

С момента создания коллектив преимущественно исполнял хоровые произведения на два голоса. Участники не знали нотной грамоты и в то время не думали о ее освоении. М. В. Толмачева вспоминает: «Я шла навстречу потребности людей найти в песне отдых от напряженного труда, душевную зарядку для новых трудовых усилий, моральную опору в страстном стремлении людей к одолению вероломного и коварного врага» [6, с. 4].

При выборе репертуара хора учитывались злободневность тематики, интерес и желание певцов, звучали песни, волнующие людей. Особенно искренний душевный отклик вызывали народные песни. Причем не только русские. Так, для того чтобы «удовлетворить желание части участников хора – украинцев – хор с удовольствием разучивал украинские народные песни» [6, с. 4], – отмечала М. В. Толмачева. Именно с исполнением этих песен хор смог приобщиться к несложному четырехголосию («Рече та стогне Дніпр широкий» и «Ой у полівітєрвіє»). Несколько позднее в репертуаре коллектива появилась еще одна украинская песня в обработке Леонтовича – «За городом качки пливуть». С ее исполнения певцы почувствовали красоту чистого хорового звучания *a cappella*.

Постепенно в свои занятия Мария Витальевна стала вводить элементы музыкальной грамоты, предвзяря их освоение разучиванием хоровых

³⁵ Статья основана на следующих материалах: личный архив Г. П. Рогожниковой, беседа автора статьи с бывшим руководителем капеллы – Нины Анатольевны Федченко, беседа автора статьи с бывшим хормейстером капеллы – Людмилы Викторовны Гафуровой, электронные ресурсы, периодические издания.

³⁶ Мария Витальевна Толмачева (1912–1985). Окончила в 1940 году Киевскую консерваторию, музыковед. В 1942 году была эвакуирована в Нижний Тагил. С 1951 года жила в Москве, где работала заместителем председателя Всероссийского хорового общества. В 1965 году получила звание заслуженного работника культуры РСФСР.

произведений. Беседы о творчестве композиторов приобрели систематичность. У хористов возник живой интерес к более глубоким экскурсам в область истории музыки.

Беседы Толмачевой стали сочетаться с лекциями профессора Уральской консерватории Александра Васильевича Преображенского³⁷, который, начиная с 1945 года, взял на себя шефство над работой капеллы. Он часто приезжал в Нижний Тагил, слушал капеллу, консультировал Толмачеву и читал хористам лекции о русской хоровой культуре и ее представителях, об истории развития хорового исполнительства и об исполнительских стилях разных хоров, о русской народной песне.

Усложнившиеся занятия по основам музыкальной грамоты дали возможность хоровому коллективу принять участие в постановке ряда оперных отрывков на заводской клубной сцене. Хор выступил в постановках второго действия оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», первого действия оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» и второго действия оперы Ж. Бизе «Кармен».

По мнению М. В. Толмачевой, 1942–1945 годы составили первый этап в истории существования капеллы [6]. Это были годы интенсивного роста исполнительского мастерства коллектива. Певцы много и упорно трудились над освоением репертуара, нарабатывали певческие навыки. Репетиции проходили по 3–4 раза в неделю, на них хористы овладевали также специальными знаниями в области теории и истории музыки. Толмачева знакомила их с лучшими образцами мировой музыкальной литературы, развивая их художественный вкус, расширяя музыкальный кругозор. Уже в 1945 году коллектив насчитывал 78 человек, имел обширный репертуар, участвовал в концертах на агитплощадках, в цехах, смотрах художественной самодеятельности.

В 1945 году хор занимает первое место на городском и областном смотрах художественной самодеятельности, и впервые жюри областного смотра называет коллектив «хоровой капеллой». В апреле этого же года капелла занимает 3-е ме-

сто на Всесоюзном смотре в Москве и получает грамоту ВЦСПС.

Поездка в Москву стала знаменательным событием в жизни капеллы. Выступление в Большом зале Московской консерватории и Большом театре Союза ССР было для уральцев честью. Время, которое коллектив провел в столице, явилось для певцов настоящей школой исполнительского мастерства. Коллектив выступал перед крупнейшими мастерами музыкального искусства, с некоторыми из них взаимодействовал в непосредственном репетиционном процессе. Так, кратковременно с хором занимались А. В. Свешников, В. Г. Соколов³⁸. Определенным творческим зарядом стало и прослушивание в концертах Государственного хора русской песни, ансамбля ВЦСПС и других коллективов.

Позднее одна из участниц хора напишет: «Светлым воспоминанием для всех участников капеллы останется наша первая поездка в Москву в 1945 году. Само по себе пребывание в столице нашей Родины, во время смотра Художественной самодеятельности, явилось для рабочих и служащих Урала наградой за наши выступления перед народом, за нашу работу. Простые труженики пели со сцены Большого театра Союза ССР. Разве это не великое счастье?» [1, с. 3].

С этой поездки и выступления в Москве начинается новый этап в творческой жизни капеллы. С исключительным упорством коллектив приступил к дальнейшей трудной и многогранной работе, проявляя живейший интерес ко всему, что могло бы помочь успешно решать поставленные задачи. В это время в репертуаре капеллы появляются народные песни: «Колокольчик», «Тройка», «Гибель Варяга», «Бандура», швейцарская народная песня «Вернулся май» в обработке А. В. Свешникова. Хоровые сочинения русских композиторов: «Жаворонок» В. С. Калинникова, «Ночевала тучка» П. И. Чайковского, «Венецианская ночь» М. И. Глинки в обработке М. А. Балакирева, а также ряд песен советских композиторов – «Дороги» А. Г. Новикова, «Морская песня» А. В. Александрова и др.

³⁷ Александр Васильевич Преображенский (1880–1963) – русский хоровой дирижер, основатель кафедры хорового дирижирования Уральской государственной консерватории, профессор, народный артист Казахской ССР (1938), лауреат Государственной премии СССР (1946).

³⁸ Владислав Геннадиевич Соколов (1908–1993) – русский хоровой дирижер, композитор, общественный деятель, профессор Московской консерватории, народный артист СССР. В 1956 году организовал Государственный московский хор.

Выбор произведений указывает, с одной стороны, на рост исполнительского мастерства капеллы, с другой – на определенное влияние репертуара Государственного хора русской песни под руководством А. В. Свешникова. Подобная ориентация характеризует и ценностную направленность художественного вкуса слушательской аудитории послевоенного времени.

В конце 1947 года общественные организации завода и города в торжественной обстановке отметили пятилетний юбилей капеллы. Юбилей показал широкий интерес общественности к деятельности молодой хоровой организации. Была признана серьезная роль капеллы в процессе роста общей культуры города. И это не случайно. За прошедшие годы коллектив дал 300 концертов, в репертуаре насчитывалось около 80 сочинений.

Одна из репрезентативных черт Нижнетагильской хоровой капеллы – непрерывный поиск своего пути в искусстве. М. В. Толмачева считала, что рабочая хоровая капелла не должна слепо следовать по пути профессиональных хоровых коллективов – принципиальное положение творческой концепции коллектива заключалось в том, что хоровая капелла, родившаяся в рабочей среде, не должна от нее отрываться, не должна уходить от ее жизни. М. В. Толмачева писала: «Мы берем наиболее интересные и значительные произведения. В последнее время мы начали работу по сбору и изучению местного горнозаводского песенного фольклора. Мы уверены, что отдельные заводские и приисковые народные песни, в специальной обработке для хоровой капеллы, будут ценным пополнением нашего репертуара. В исполнении заводского хорового коллектива эти песни могут зазвучать с неожиданной покоряющей силой и выразительностью» [6, с. 10].

В 1951 году проходил II Всесоюзный смотр художественной самодеятельности. Около двухсот участников Свердловской области были удостоены чести выступать на заключительных турах в Москве. Хоровая капелла «Уралвагонзавода» заняла 3-е место, была награждена грамотой ВЦСПС и денежной премией. Наградой коллектива явилась и запись его концерта на Московской фабрике звукозаписи с последующей трансляцией по Центральному радиовещанию.

Не менее значительным событием этого года стал городской праздник песни в Нижнем Тагиле. Праздник песни – исключительно важное,

имеющее большое общественное значение массовое мероприятие, – состоялся 29 июля 1951 года. В нем принял участие сводный городской хор численностью в 800 человек. И именно хоровая капелла стала своеобразным стержнем большого сводного хора. Звучали: «Гимн Советского Союза» А. В. Александрова, «Не бывать войне-пожару» С. С. Туликова, «Гимн демократической молодежи» А. Г. Новикова, «Слався» М. И. Глинки и другие сочинения.

К десятилетнему юбилею (1952) капелла прошла достойный творческий путь и поднялась на высокую ступень профессионального исполнительского мастерства. За 10 лет работы коллектив разучил свыше 150 произведений, выступил в 500 концертах, на которых присутствовало свыше 1 млн 250 тыс. зрителей [2, с. 3,4].

Многое в успешной работе коллектива было predeterminedено методикой занятий. Главное в ней заключалось в систематичности занятий с планированием репертуара, с постепенным и последовательным его усложнением, овладением специальными знаниями по теории и истории музыки в области певческого искусства.

Следует подчеркнуть, что большую роль в усвоении материала играла отчетность певцов, которая заключалась в сдаче хоровых партий, проходившей как ансамблевое пение – по 1–2 певца в хоровой партии. Подобный подход развивал у участников чувство личной ответственности, повышал качество исполнения.

Важным в вокальной работе коллектива стало посещение участниками хора вокального кружка, в котором они совершенствовались как солисты, становились «запевалами», ведущими в хоровых партиях.

Большое место в деятельности коллектива занимала организационная работа: практически сразу после организации хорового коллектива на общем собрании хора было выбрано бюро капеллы, состоящее из семи человек. В его обязанности входило: вести работу по привлечению в коллектив новых участников, проводить и оформлять их прием, вести учет посещаемости занятий, концертов. Бюро принимало необходимые меры воздействия против нарушителей внутреннего распорядка работы капеллы или при недостойном поведении вне капеллы, оказывало моральную помощь и содействие в получении материальной помощи нуждающимся участникам капеллы.

Заметным явлением в системе учебной, воспитательной и общественной работы в капелле была стенная газета «Голос капеллы». Инициативная редакционная коллегия сделала эту газету отличным помощником руководителя и бюро капеллы в достижении поставленных целей перед хоровым коллективом. В ней были статьи о жизни и творчестве композиторов, многие номера тематически посвящались работе над отдельными хоровыми произведениями, в различных формах ставились вопросы культурной роли капеллы, рассматривались вопросы материального обеспечения хорового коллектива со стороны клуба.

К активному хоровому творчеству капелла привлекала разных людей. Выступая в цехах завода, капелла пробуждала у слушателей интерес к хоровой музыке. После таких концертов в капеллу приходили новые участники. Помимо этого на заводе были созданы новые цеховые хоры, которые насчитывали до 300 участников. Руководителями цеховых самостоятельных хоров становились рабочие завода – участники капеллы, не имеющие никакого музыкального образования. Среди них были: З. Смелянская, Я. Гендельман, Г. Зозуля, И. Едигарьева, З. Андреева, И. Власко и др. Такое широкое распространение на заводе хорового искусства выявило множество талантов и обеспечило капеллу «певческими резервами» на долгие годы.

После 10-летнего юбилея капеллы М. В. Толмачеву пригласили работать в Москву. Руководителем коллектива стал один из его молодых солистов Евгений Иванович Вакуленко. Выпускник дирижерско-хорового отделения Свердловского музыкального училища им. П. И. Чайковского, он любил свое дело, умел ладить с людьми и настойчиво развивал хоровое искусство в цехах завода. Вакуленко имел редкую способность к изучению языков и сольно исполнял песни на французском, английском, немецком, польском, грузинском, литовском и даже китайском языках.

В ноябре 1958 года на «Уралвагонзаводе» состоялось важное событие – открылся Дворец культуры. Хоровая капелла приобрела свой собственный дом, хорошо оборудованный класс для занятий, свою сцену.

С 1959 по 1965 год художественным руководителем капеллы становится Сергей Иванович Волков. Выпускник консерватории им. М. П. Му-

соргского, одаренный музыкант, он много времени и сил отдал дальнейшему творческому росту коллектива. Этот период был особым в жизни капеллы. При Волкове приходит новое, молодое пополнение, которое наравне с ветеранами заводского хорового движения активно продолжает традиции, заложенные первым руководителем М. В. Толмачевой. Сергей Иванович систематически проводил лекции-беседы о хоровой культуре нашей страны, знакомил участников хора с творчеством композиторов, чьи сочинения звучали в заводском Дворце культуры. Занимался он и повышением уровня музыкальной грамотности певцов. Своей главной задачей Волков считал вокальное воспитание коллектива – создание хора как совершенного музыкального инструмента. Не менее важной для него была и проблема репертуара. В концертные программы стали включаться более сложные сочинения, такие как «Венеция ночью» С. И. Танеева, «Патриотическая песня» М. И. Глинки, «Заздравная» А. Г. Арутюняна и др.

Одной из значительных работ хора становится концертное исполнение оперы С. В. Рахманинова «Алеко». Капелла исполнила оперу совместно с вокальным кружком и самостоятельными артистами впервые в Нижнем Тагиле на сцене Дворца культуры. Обращение капеллы к оперной музыке – тоже традиции коллектива прошлых лет. Выше упоминалось об исполнении в концертной постановке ряда фрагментов из опер русских и зарубежных композиторов в 1944 году.

Ярким событием в жизни капеллы этого периода явилось участие в сводном хоре – 800 человек при исполнении «Патетической оратории» Г. В. Свиридова, которое состоялось в 1963 году на Площади 1905 года в Свердловске.

Новый, зрелый этап в истории хоровой капеллы начался с 1965 года, когда на должность руководителя капеллы был приглашен из Томска Александр Степанович Файбусович, выпускник Уральской государственной консерватории. Его супруга – Тамара Михайловна Корунова, выпускница Свердловского музыкального училища – на долгие годы стала концертмейстером капеллы.

А. С. Файбусович был руководителем капеллы 9 лет, благодаря его увлеченности и энергии в коллектив были привлечены многие люди. Изменилось и направление в репертуаре кол-

лектива. Солисты вокальной студии с помощью всей капеллы и драмколлектива поставили оперу Е. И. Фомина «Мельник – колдун, обманщик и сват» и оперетту Т. Н. Хренникова «Сто чертей и одна девушка». В 1968 году состоялась третья поездка в Москву. В родной город академический хор привез звание народного коллектива.

В марте 1974 года в капеллу пришел новый руководитель – Александр Борисович Караулов, ставший одновременно и художественным руководителем Дворца культуры имени И. В. Окунева (1974–1980). А в сентябре этого же года у коллектива появился новый хормейстер – Борис Николаевич Гричениченко, который с марта 1975 года принял художественное руководство хором. Он получил именно то образование, которого в 1942 году остро не хватало М. В. Толмачевой – окончил по классу хорового дирижирования и сольного пения Омское музыкальное училище, а затем по классу хорового дирижирования – Челябинский институт культуры. Основная масса выступлений под руководством Бориса Николаевича приходилась на цеха родного завода, на концерты во Дворце культуры и в заводском поселке. Много выступлений было и в селах, окружающих Нижний Тагил.

Александр Борисович много внимания в своей работе уделял принципам вокального воспитания. С участниками капеллы, которые имели хорошие вокальные данные, он занимался отдельно, как с вокалистами, подбирая им соответствующий репертуар. Благодаря этим занятиям в концертное исполнение коллектива были включены сольные номера: русские народные песни, русские романсы, военные песни, арии из опер и др. Еще одним новаторством Александра Борисовича можно считать выделение из основного состава капеллы мужского ансамбля. Постепенно ансамбль приобретал самостоятельность, свой репертуар и стал выступать на сцене не только в составе хора, но и отдельно. Вскоре у ансамбля появилось свое имя – мужской вокальный ансамбль «Товарищ»³⁹.

В 1978 году за отличную работу капелла была премирована тридцатью путевками на ВДНХ. Часть из них досталась ансамблю «Товарищ». В Москве тагильчане смогли записаться на Центральном телевидении, а также вместе с заводским

³⁹ Дата основания мужского ансамбля «Товарищ» неизвестна.

ансамблем скрипачей и группой солистов заводского народного театра балета выступали в Доме культуры «Алмаз» в Сокольниках, где вызвали бурные аплодисменты москвичей.

После поездки в Москву хористы побывали в таких городах, как Красноуральск, Серов, Первоуральск, Невьянск. Не один раз они были в Свердловске, где пели с неизменным успехом в лучших дворцах культуры областного центра, в Свердловской филармонии и в Уральской консерватории.

В 1980-х годах во Дворце культуры имени И. В. Окунева начали работать народные университеты, создаваться различные самостоятельные коллективы, художественные кружки. Лекции о музыкальной культуре стали читаться не только хористам, но и другим исполнителям.

Всего за 1981 год капелла дала 25 концертов, и еще 12 концертов дали солисты капеллы. Внушительные цифры для коллектива, члены которого были заняты, прежде всего, на производстве.

В 1982 году в капелле насчитывалось 50 хористов. Пели рабочие и инженеры «Уралвагонзавода», учителя и работники дошкольных учреждений, примыкавших к заводу.

В завершающий период творческой деятельности капеллы (1990–2009) работа коллектива постепенно идет на спад. В этом усматриваются причины, прежде всего, общественно-политического порядка: 1990-е годы с их дестабилизацией, потеря прежних ценностных ориентиров, поиск новых в лоне церкви после ее легализации, а также в связи с 1000-летием Крещения Руси в 1988 году.

К началу этого трудного времени, в 1989 году эстафету руководства капеллой приняла Нина Анатольевна Федченко⁴⁰ – последний ее руководитель. К концу 1980-х репертуар капеллы составляли в основном произведения с сопровождением. Русская и западная духовная музыка *a cappella* присутствовала в репертуаре капеллы, но составляла лишь незначительную ее часть. Следствием такой диспропорции стала едва ли не утрата навыка исполнения хоровой музыки *a cappella*. Тем не менее коллектив начал подго-

⁴⁰ Нина Анатольевна Федченко – руководитель хоровой капеллы «Уралвагонзавода» с 1989 года по 2009 год. Окончила Тамбовский государственный институт культуры. Автор статьи благодарит Нину Анатольевну, а также Людмилу Викторовну Гафурову за предоставленную информацию о последних годах существования капеллы.

товку к проходившему в 1995 году Международному хоровому фестивалю в Греции, одним из условий участия в котором было исполнение произведений русской духовной музыки.

Находясь под впечатлением исполнения духовно-музыкальных сочинений на этом фестивале, Н. А. Федченко решила организовать в Нижнем Тагиле фестиваль русской духовной и народной музыки. Мечта была осуществлена в 1998 году: тогда, по благословению благочинного Горнозаводского церковного округа протоиерея Геннадия Ведерникова, состоялся первый фестиваль хоров, исполняющих духовную и народную музыку. Назывался он «России вечная душа», а главным организатором стала академическая хоровая капелла «Уралвагонзавода». Заложенная традиция нашла продолжение в фестивале духовной музыки под названием «Русь», который стал проводиться с 1999 года.

С программой духовных песнопений хоровая капелла принимала участие в концертах, проходивших в дни «Рождественских чтений» в Москве (2002). Там они познакомились с известными коллективами, единомышленниками по творчеству. Многие из них были приглашены в Нижний Тагил для участия в фестивале «Русь». Сложилась замечательная традиция: каждый год, в течение пяти лет, в заключительном концерте фестиваля все участники и коллективы объединялись в один большой сводный хор. Так, юбилейный фестиваль в 2004 году был завершён совместным выступлением сводного хора из двухсот участников.

Постепенно духовные песнопения стали занимать основное место в репертуаре заводского хорового коллектива. Светские хоровые жанры,

сочинения классического наследия, а также произведения крупной формы стали звучать реже. Причина этому крылась не только в обновлённых творческих приоритетах капеллы и её руководителя. Имела место ещё и причина, связанная с ослаблением профессионализма капеллы, что обуславливалось неровностью и нестабильностью певческого состава в трудные для страны годы. В результате, сложная хоровая музыка, прежде исполнявшаяся капеллой, теперь становилась просто ей не по силам. Заявил о себе и психологический фактор, связанный с разновозрастным контингентом капеллы: активные молодые люди, следовавшие идеям руководителя, и «ветераны» коллектива, часто не желавшие принимать новые запросы времени, в итоге, не смогли прийти к согласию. Постепенно эта проблема коснулась и руководства Дворца культуры, противостоявшего направлению, избранному Н. А. Федченко. Совокупность этих и других обстоятельств привела к тому, что в мае 2009 года коллектив с богатой историей, уникальной творческой лабораторией и обширной исполнительской географией, один из лучших самодеятельных академических хоровых коллективов Нижнего Тагила закончил свое существование.

В настоящее время новое руководство Дворца культуры готово рассмотреть вопрос, связанный с восстановлением хоровой капеллы. Имея в своем арсенале множество различных самодеятельных коллективов, включая Русский народный хор, руководители понимают, что отсутствие хорового коллектива академического направления является большим пробелом в хоровой культуре не только Дворца культуры, но и всего города.

Литература

1. Васина А. В обстановке заботы и внимания // Тагильский рабочий. – 1952. – № 20. – С. 3.
2. Епифанова Е. Поет капелла. Народному академическому – 35 лет // Машиностроитель. – 1977. – № 38 (8084). – С. 3, 4.
3. Материалы по деятельности Всероссийского хорового общества. Личный архив Г. П. Рогожниковой.
4. Православная газета [Электронный ресурс]: офиц. изд-е Екатеринбург. епархии Рус. православ. церкви. – Екатеринбург, 2004. – № 48 (321). – URL: <http://orthodox.etel.ru/2004/48/16kapella.htm>. (дата обращения: 28.01.2015).
5. Притяжение Эйдинова. Воспоминания, мат-лы, док.: сб. ст. и мат-лов / сост. О. С. Эйдинова, С. И. Мирошниченко. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2003.
6. Толмачева М. В. Тагильская хоровая капелла завода имени И. В. Сталина (опыт работы передовых коллективов музыкальной самодеятельности). – М., 1950. – 35 с.
7. Романовский Н. В. Хоровой словарь. – М.: Музыка, 2005. – 230 с. Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского. 75 лет истории: сб. ст. / ред.-сост.: Е. Н. Федорович, Л. К. Шабалина. – Екатеринбург, 2009. – 596 с.

References

1. Vasina A. V obstanovke zaboty i vnimaniia [In the environment of care and attention]. *Tagil'skii rabochii [Tagilsky worker]*, 1952, no 20, p. 3. (In Russ.).
2. Epifanova E. Poet kapella. Narodnomu akademicheskomu – 35 let [A choir is singing. People's academic choir is 35]. *Mashinostroitel' [Machine builder]*, 1977, no 38 (8084), pp. 3, 4. (In Russ.).
3. Materialy po deiatel'nosti Vserossiiskogo khorovogo obshchestva [Materials on the activities of Russian national choral society]. *Lichnyi arkhiv G.P. Rogozhnikovoi [Private archive of G.P. Rogozhnikova]*. (In Russ.).
4. Pravoslavnaia gazeta. Ofitsial'noe izdanie Ekaterinburgskoi eparkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Orthodox newspaper. Official edition of Yekaterinburg eparchy of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://orthodox.etel.ru/2004/48/16kapella.htm> (accessed 28.01.2015). (In Russ.).
5. Pritiazhenie Eidinova. Vospominaniia, materialy, dokumenty. Sbornik statei i materialov. Sost. O.S. Edinova, S.I. Miroshnichenko [Attraction of Eydinov. Memories, materials, documents. Collection of articles and materials. Comp. O.S. Jejdinova, S.I. Miroshnichenko]. Magnitogorsk, MaGK Publ., 2003. 288 p. (In Russ.).
6. Tolmacheva M.V. Tagil'skaia khorovaia kapella zavoda imeni I.V. Stalina (opyt raboty peredovykh kollektivov muzykal'noi samodeiatel'nosti) [Tagyl choir of the factory named after I.V. Stalin (experience of the advanced amateur choirs)]. Moscow, 1950. 35 p. (In Russ.).
7. Romanovskii N.V. Khorovoi slovar' [Choral dictionary]. Moscow, Music Publ., 2005. 230 p. (In Russ.).
8. Ural'skaia gosudarstvennaia konservatoriia im. M.P. Musorgskogo. 75 let istorii. Sb. statei. Red. i sost.: E.N. Fedorovich, L.K. Shabalina [Ural State Conservatory named after Mussorgsky M.P. 75 years of history. Compilation of Articles. Editor and compiler E.N. Fedorovich, L.K. Shabalina]. Ekaterinburg, 2009. 596 p. (In Russ.).

УДК 7.031.2 (477)(=411.16)

РЕМЕСЛО И ТОРА: ИСТОЧНИКИ, ВИДЫ И РЕПЕРТУАР ЕВРЕЙСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА

Котляр Елена Романовна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры декоративного искусства, Крымский инженерно-педагогический университет (г. Симферополь, РФ). E-mail: allenkott@mail.ru

Актуальность данного исследования связана с масштабным переосмыслением европейского культурного и художественного наследия на рубеже XX–XXI веков, в оценке которого все отчетливей стали звучать понятия единого пространства культуры, идентичности, универсальных архетипов и национального искусства. В Восточной Европе одним из таких ярких исторических и культурных явлений было еврейское местечко – реальный в своей географии и истории мир и одновременно мифопоэтический образ, ставший местом пересечения еврейской культуры с прочими национально-этническими культурами России. В еврейской историографии мир штетлов получил отдельное определение восточноевропейской еврейской цивилизации, которая более пяти веков оказывала значительное влияние на жизнь, быт, социальный и культурный облик титульных народов. Местечко стало микрокосмом еврейской цивилизации, который исследовали многие этнографы, художники и искусствоведы. В ранний советский период на базе материальной культуры местечек создавались многочисленные музеи, в том числе и еврейские, и строилась новая политика еврейской пролетарской культуры. Тяжелые последствия Гражданской войны и обеих мировых войн, тоталитарной советской политики, массовая эмиграция и десятилетия забвения разрушили этот мир, но он остался запечатлен практически во всех видах вербального и визуального искусства, в частности, в предметах декоративно-прикладного искусства. Цель исследования – через анализ произведений декоративно-прикладного искусства из музейных фондов и архивов проследить истоки социокультурной уникальности штетла, обусловленные иудейской религией, а также условиями компактного проживания евреев в «черте еврейской оседлости». С помощью методов исторического, культурологического, сравнительно-типологического и образно-

стилистического анализа автор рассматривает основные виды еврейского художественного ремесла, прослеживает устойчивый образно-символический строй в традиционных изображениях. Это позволяет сделать выводы о среде бытования носителей народного искусства, вывести на свет не изученные ранее оригинальные произведения еврейских мастеров, оценить степень мастерства и уровень художественности при сопоставлении идентичных по назначению предметов, выявить типологию традиционных форм и символики.

Ключевые слова: ремесло, еврейское традиционное искусство, канделябр, менора, Тора, сойфер, ааронид, левит, Галаха, респонс.

CRAFT AND TORAH: SOURCES, TYPES AND REPERTOIRE OF JEWISH TRADITIONAL ART

Kotlyar Elena Romanovna, Candidate of Art History, Docent, Docent of Department of Decorative Arts, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: allenkott@mail.ru

The relevance of study is connected with therethinking of European cultural heritage at the turn of the 20-21st centuries, in the estimation of which the concept of a single space for culture and national art began to sound more clearly. In Eastern Europe, a Jewish shtetl was one of such phenomena – a real world in its geography and history and at the same time a mythopoeic image – that became a crossroad of Jewish culture with other cultures of Russia. Severe consequences of the Civil War and both world wars, the totalitarian Soviet policy and emigration destroyed this world, but it remained captured in all types of art.

The works of Jewish artists were of not only applied, but also aesthetic relevance, caused by religious precepts for decoration. The sources of sustainable images used by masters for decoration were Jewish medieval manuscripts, as well as Western European engravings with samples of ornaments, including Arabesque Oriental motifs, which came to Europe during the Crusades.

The most common types of Jewish art were lapidary art, woodcarving, casting, chasing and engraving on metal, rezele (decorative carving on parchment), and artistic presentation of books.

A steady range of images and symbols, each of which had its meaning, can be traced in the works of arts and crafts. Among patterns, there are images of real and mythological animals, plants, individual objects of worship (for example, menorah, Torah). Allegorical imagery was associated with the prohibition on the image of a man in Judaism. Stylistic differences in the works from different regions allow us to trace their origin, as well as to classify the general trends of the shaped structure. The study of the formation of this art determines the actualization of the shtetl theme as a central topos of Jewish art masters of the Russian Empire.

Keywords: craft, Jewish traditional art, candelabra, menorah, the Torah, sofer, Aaronite, Levite, Halakha, responsa.

В связи с масштабным переосмыслением европейского культурного и художественного наследия на рубеже XX–XXI веков, в его оценке все отчетливей стали звучать понятия единого пространства культуры, идентичности, универсальных архетипов и национального искусства. В Восточной Европе одним из таких ярких исторических и культурных явлений было еврейское местечко – реальный в своей географии и истории мир и одновременно мифопоэтический образ, ставший местом пересечения еврейской культуры с прочими национально-этническими культурами

России. В еврейской историографии мир штетлов получил отдельное определение восточноевропейской еврейской цивилизации, которая более пяти веков оказывала значительное влияние на жизнь, быт, социальный и культурный облик титульных народов. Местечко стало микрокосмом еврейской цивилизации, который исследовали многие этнографы, художники и искусствоведы. В ранний советский период на базе материальной культуры местечек создавались многочисленные музеи, в том числе и еврейские, и строилась новая политика еврейской пролетарской культу-

ры. Тяжелые последствия Гражданской войны и обеих мировых войн, тоталитарной советской политики, массовая эмиграция и десятилетия забвения разрушили этот мир, но он остался запечатлен практически во всех видах вербального и визуального искусства, в частности, в предметах декоративно-прикладного искусства. Вследствие этого актуальным направлением в современном искусствоведении становится изучение и анализ памятников еврейского декоративно-прикладного искусства и выявление их типологических особенностей, характеризующих данный уникальный культурный пласт.

Цель исследования охарактеризовать еврейское традиционное декоративно-прикладное искусство штетлов в контексте общекультурного развития народов России, его виды, выявить основные типологические составляющие образно-пластического языка, проследить семантику символов.

Евреи в Российской империи издавна занимались ремесленным производством. Некоторые ремесла возникли в древности в связи с предписаниями еврейской религии: резники, портные, сапожники, изготавливающие традиционную одежду, ремесла в пищевом производстве, связанные с «кашрутом» – предписаниями, касающимися ритуальной чистоты пищи [10, т. 4, с. 210–213], шорники, мастера по обработке бронзы, серебра, камня, дерева, «сойферы» – переписчики Торы и другие. В XVI веке в еврейских местечках возникли первые еврейские ремесленные цехи [14, с. 31].

Произведения еврейских мастеров имели не только прикладное назначение, но и обладали эстетическими качествами, в соответствии с заповедью «хиддур мицва» – предписания украшать синагогу и предметы, использовавшиеся в обрядах и традиционной жизни. В своем респонсе – специфическом жанре разъяснений жизненных ситуаций через законы Торы и Галахи – раввин Минкис из Житомира в середине XIX века обосновывал использования традиционных образов, в частности, птиц и животных в росписях синагог и ритуальной увари, традицией, идущей испокон веков: «...почему отцы наши в больших местечках во всех синагогах делали изображения животных и птиц объемные и плоские вокруг Арон-кодеша, которые, очевидно, сделаны были по разумению великих из первых поколений, по

разуму подобных ангелам. ...Если действительно, не приведи Господь, был бы на то запрет, ни за что не согласились бы с этим великие из поколения в поколение, ведь все делалось в соответствии со взвешенным мнением учителей. И очевидно, не только не запрещено, но, напротив, благочестиво (на иврите «мицва») делать прекрасные изображения и цветы в наших синагогах, и нет в этом скрытой опасности» [13, с. 88–89].

Р. Минкис указывает на особое благочестие делать украшения. Он также свидетельствует о существовании устойчивой художественной традиции, перечисляя в едином контексте различные типы объектов, на которых появляются одни и те же изображения. Он также обосновывает законность данной традиции авторитетом учителей прошлых поколений. Подтверждение словам р. Минкиса мы находим в респонсах раввинов Германии XIII века, где говорится об изображениях животных, птиц и деревьев в синагогах. Каждый раз упоминаются уже существующие изображения, что подтверждает наличие непрерывной традиции, развивавшейся столетиями, вопреки устойчивым сомнениям по поводу уместности изображений в еврейской культуре.

До нашего времени из Средневековья дошел целый ряд еврейских иллюстрированных рукописей, сюжеты которых напрямую связаны с работами еврейских мастеров Восточной Европы. Мотивы средневековой миниатюры с орнаментальными композициями, символическими изображениями животных и растений встречаются в восточноевропейских синагогальных росписях [3, с. 391–395], традиционной резьбе надгробий – мацев [4, с. 32–51], в мизрахах, на страницах поздней рукописной книги [14, с. 88–90; 188].

Другим источником изобразительных мотивов традиционного искусства были гравюры с образцами орнаментов, привозимые из Западной Европы и широко использовавшиеся художниками, ювелирами, резчиками по дереву. Основой этих декоративных мотивов были арабески, пришедшие в Европу с Востока еще во время крестовых походов и представлявшие собой плетеные орнаменты, включавшие узоры из листьев, подвешенные на шнурах плоды, букеты, изображения птиц, драконов. Арабески заключались в затейливые рамки – картуши, изрезанные завитками [3, с. 392].

Общим стилем предметов декоративно-прикладного искусства, господствовавшим в еврейских местечках, был ориентированный на городского потребителя стиль барокко. В еврейском искусстве стиль барокко получил мощное самостоятельное развитие, которое стало восприниматься как проявление национального духа. Богатство барочных форм во многом обуславливалось и органично соединялось со стилистическим принципом ковровой декорации, характерным для восточной традиции и именуемым «*horog vasci*» – «боязнь пустоты», согласно которой произведение полностью декорировалось. Несмотря на ритуальную принадлежность, обрядовое искусство евреев несло отпечаток глубокого художественного вкуса.

Основу еврейского художественного творчества составляли не только сюжеты Торы и Талмуда, но также тайное учение Каббала [10, т. 4, с. 2–15] с ее мистицизмом и мощная фольклорная традиция, содержащаяся в «мидрашах» [10, т. 5, с. 336–340] и «Аггаде» [10, т. 1, с. 39–41]. На силу и выразительность еврейской народной культуры и искусства повлияло и распространение хасидизма, в связи с чем народные формы искусства приобрели оттенок мистериальности, связывавшей служение Богу с глубокими эмоциональными и мистическими переживаниями.

Объекты, обслуживавшие еврейскую религию, обряды и традиционную жизнь имели характерную для своих функций форму но, вместе с тем, несли отпечаток общей художественной традиции. Одним из наиболее ярких и самобытных видов еврейского народного искусства была резьба по камню, применявшаяся для декора надгробий – «мацев». Самые ранние из сохранившихся надгробий относятся к XVI веку. С XVII века надгробия начинают оформляться в виде портала, символизируя идею «врат», «входа» в потусторонний мир, или украшаться декоративными символическими изображениями. В восточноевропейских мацевах, в отличие от Западной Европы, роль композиционно-пластической доминанты играли изобразительные мотивы как культового, так и общечеловеческого содержания. В XVIII веке в резьбе надгробных стел утверждается изобразительное начало и выделяются региональные традиции [1, с. 69–73; 5, с. 34–36].

В синагогах и жилых домах было принято вешать декоративные панно из бумаги или пергамента – «мизрахи», которые указывали направление молитвы в сторону Иерусалима (востока). Написанное на этих панно слово «мизрах», означало в переводе с иврита «восток», а согласные буквы «МиЗРаХ» – скрывали аббревиатуру всего изречения «Мицад Зе Руах Хаим» – «с этой стороны дух жизни». Мизрахи были популярны в еврейском обиходе, и в их декоре использовали общие мотивы еврейского искусства, которые встречались в декоре синагог и синагогальной утвари, мацев, различных видах книжной графики [14, с. 87–88]. Симметричность композиции была обусловлена технологией вырезки из пергамента и бумаги – «рейзеле», которая заключалась в складывании мастером листа пополам и одновременном вырезании деталей справа и слева от сгиба. Затем «ажурная» вырезка накладывалась на лист темного цвета, подчеркивающего рисунок, и раскрашивалась. Колорит мизрахов отличался нарядностью и праздничностью, преобладали контрастные сочетания красного, желтого и черного цветов, иногда с вкраплениями холодных зеленых или синих оттенков.

К иллюстрированной книжной графике также относились «пинкасы» – своеобразные уставки различных обществ, существовавших в каждом местечке (общества изучения Мишны, Торы и пр.), а также общинные пинкасы, в которых, как в летописных книгах, фиксировались события еврейской жизни местечка. Участник экспедиции С. Анского Абрам Рэхтман писал: «Пинкас всегда считался драгоценной вещью. Было даже поверие, что в доме, где хранится пинкас, никогда не будет пожара, что беременная женщина будет легче рожать». Композиция и стилистика пинкасов заимствовались из европейских еврейских печатных книг XVI–XVII веков и испытывали на себе влияние местного народного искусства. Титульный лист пинкаса часто украшался барочным балдахином или порталом, декор страниц представлял собой композицию из орнаментальных бордюров, геометрических и растительных элементов, изображений символических животных [2, с. 102], широко использовались книжные виньетки и монограммы.

Среди других номинаций еврейской книжной графики особое место занимают богато де-

корированные: «ктуббы» – брачные контракты [10, т. 4, с. 612–614], «махзоры» – праздничные молитвенники [10, т. 5, с. 175–178]. Эти предметы часто были принадлежностью состоятельных слоев общины, подчеркивали религиозную и социальную значимость бракосочетания, а также важность и торжественность молитвенных ритуалов.

Единый сюжетно-символический репертуар объединял вышеуказанные предметы с разной синагогальной утварью. Высокохудожественными образцами ритуального текстиля были в синагогах «парохеты», завесы для алтарных шкафов Арон-кодеши, где находились свитки Торы. Как правило, они представляли собой сложную вышивку по шелку и бархату, нередко с объемным шитьем [10, т. 7, с. 830]. Среди предметов внутреннего убранства синагог, которые поддерживали в своих формах, декоре и характерной барочной стилистике общий художественный дух интерьера, были Арон-кодеши, «Бимы» – возвышения в центре молельного зала [10, т. 1, с. 434], аналои (штендеры) и скамьи. Их часто украшали резьбой по дереву. В полной мере сюда относится и ритуальная синагогальная утварь – пышные короны и футляры Торы [9; 10], семисвечники-меноры [10, т. 5, с. 260–262], ханукии [10, т. 9, с. 624–630] и пр., выполненные в технике литья, чеканки,ковки и гравировки металла – бронзы, серебра, меди, латуни [8; 9]. Обрядовая атрибутика одновременно являлась изобразительным символом: так, изображения менор, подсвечников и свитков были популярны в народном искусстве штетла. Оригинальным видом декоративного искусства являлись вырезанные из дерева пряничные доски – «Пурим бретель», которые использовали для штамповки теста и выпечки пряников во время праздника Пурим. Эти доски имели разную форму – круглую, многогранную, овальную, форму ромба, силуэта рыбы и пр., и на них вырезались традиционные еврейские сюжеты [11, с. 261].

В широкий круг изображений, сформированных на протяжении веков еврейским народным искусством, входили сюжеты, имевшие свое особое смысловое значение, выраженное через символические, аллегорические или метафорические формы. Вследствие запретов в иудаизме на человеческие изображения, были разработаны группы отдельных сюжетов и мотивов, заме-

няющих человеческий образ или выражающих человеческие благодетели. Среди них изображения рук как «образ целого» и огромный ряд символических животных, соотносившихся с различными ипостасями человеческой природы. Реальные и мифологические животные выражали также и иные сцены, нередко сочетаясь с другими изобразительными мотивами – обрядовыми синагогальными предметами.

Наиболее полный комплекс изображений встречался в декоре Арон-кодеши, находившегося у восточной стены молельного зала. В прямом и переносном смысле Арон-кодеши представлялся вратами, которые раскрывались во время молитвы (отсюда извлекалась Тора в процессе литургической службы). Он имел сложную форму пышно украшенного трех-четырёхъярусного портала. Каждый ярус украшался ажурными колонками, символизировавшими колонны «Яхин» и «Боаз», стоявшие перед входом в Иерусалимский храм. По обеим сторонам к алтарю примыкали резные створки, имеющие форму ветвей или ствола дерева, виноградной лозы, в листву которых вплетались фигурки животных и птиц. В композицию Арон-кодеши входили изображения скрижалей завета, благословляющих рук Аронов-священников, вазонов с древами жизни. Венчали всю конструкцию парные фигурки трубящих в шофар (бараний рог) грифонов и двуглавый орел с короной Торы – образ власти Всевышнего [14, с. 130–156], подобный изображениям на гербах европейских империй [13, с. 88–93]. В декоре Арон-кодеши использовались дерево, металл, нередко цветные стекла и полихромия [1, с. 59–60; 8, с. 167–174].

Композиционное построение и символика Арон-кодеши частично или полностью воспроизводились в мизрахах, пинкасах, мацевах, предметах синагогального обихода. Красноречивым примером этому является титульный лист пинкаса «Общества изучения Мишны» из Меджибожа (копия 1860 года) с изображением композиции алтарного шкафа. Мотив врат в мацевах выражен порталным обрамлением эпитафий с колонками и фронтоном, где нередко появлялись геральдические формы из декора Арон-кодеши (олени, держащие корону, руки Ааронида со львами по обе стороны, двуглавый орел с короной, грифоны с короной, и др. Подобно Арон-кодешу, ко-

лонками, менорами, львами, двуглавыми орлами и прочими изображениями украшались многие предметы синагогального ритуала (бимы, ханукки, люстры-пауки, кетер-торы и пр.) и утварь из домашнего обихода.

Главной синагогальной святыней, которой отводилось особое место в синагоге, являлась Тора. Со средневековья утвердилась традиция пышно украшения свитка Торы – его увенчивали богатые по форме и орнаментике навершия – короны из серебра, часто с позолотой и инкрустацией – «Кетер-Тора». На цепи подвешивалась специальная пластина с чеканным орнаментом – «торашилд» или «тас», содержащий надпись с названием праздника и служащий для быстрого нахождения нужного места в Писании. Корона Торы и тасы нередко украшались символическими изображениями, взятыми из традиционного декора арон-кодеша [9, с. 68].

В свою очередь, изображения свитков, скрижалей и короны часто встречаются на мацевах, в мизрахах, пинкасах, росписях синагог и др. видах народного искусства. Так, над Арон-кодешем деревянной синагоги в Смотриче находилась роспись со скрижалями и короной в окружении рук и занавеса. П. Жолтовский указывал, что такая попытка антропоморфного изображения божественной сущности была следствием распространения хасидизма и изменения отношения к религиозным предписаниям [8, с. 30]. Рука с листом и скрижалями, изображение пяти книг Пятикнижия стали частыми символами религиозной учености на мужских мацевах.

Одним из наиболее значимых синагогальных атрибутов являлась большая хануккия, девятиканделяберный подсвечник на праздник Ханукка, сделанный по подобию храмовой меноры [10]. Именно менора – семисвечный светильник, созданный, согласно библейскому тексту, по велению Всевышнего вместе с другими атрибутами Скинии у подножия Синая, и стал главным символом иудаизма и еврейского искусства. Типологически менорами называли синагогальные семисвечники (а девятисвечники – ханукальными менорами), все ветви которых были развернуты в одной плоскости. Они уподоблялись Древам жизни, и их «цветущие» формы усиливали эту символическую взаимосвязь. К меноре были близки и трех-, четырех-, пятисвечные светильники, из-

готовлявшиеся для богослужебных, ритуальных и бытовых нужд, а также «домашние» хануккии. Еврейские мастера изготавливали два основных типа ханукии: канделяберный, восходивший к меноре, и в форме подставки с ажурной спинкой, где на горизонтальной планке располагались емкости для масла, на которых крепились свечи, – это был реминисцент древних масляных ламп [6, с. 83–87, 93–99]. Изображения светильников также стали общераспространены и на надгробиях, мизрахах, пинкасах, парохетах.

Различные аспекты еврейского ритуала и истории могли иметь иносказательный визуальный образ. Так, символы «галута» – жизни в изгнании – были изображения музыкальных инструментов, развешенных на деревьях (иллюстрация к псалму 137 – «При реках Вавилона...»), – образ народа-изгнанника. В синагоге в Смотриче (XVIII век) в двух лепестках купола изображались руки с музыкальными инструментами – образ прославления Всевышнего. Такой прием представления элемента как символа целого использовался из-за запрета на изображение человеческой фигуры. Он широко распространялся и на надгробиях: рука со сломанной ветвью, благословляющие руки когенов, руки левитов с кувшином и пр.

Символом надежды на возвращение в землю обетованную – «геулу» – стало изображение Иерусалима и храма, которое встречалось в различных сюжетных и стилистических вариациях. В росписях синагоги в Ярышеве (XVIII век) храм был изображен в виде барочной ротонды, запертой на замок, а на мосту, ведущему к его входу, изображалась белая лошадь без всадника – намек на пришествие Мессии [15, с. 64]. Иной пример – храм в окружении деревьев с райской птицей на крыше и львом у входа на мизрахе XIX века. Условная передача архитектуры была призвана указать на принадлежность символа к данной категории библейских образов.

Среди других библейских мотивов встречались колонны Яхин и Боаз, символы мира и благополучия – пасущиеся рядом волки и ягнята, символы богатства – фарсисские корабли [16, с. 349]. Изображение корабля на надгробии означало переход – «отплытие» души в иной мир. Древо жизни и древо познания добра и зла [14, с. 31–34] – также распространенные библей-

ские мотивы. Первый из них трансформируется в вазон с цветами или виноградную лозу, иногда букет приобретает форму меноры. Символ райского изобилия подается в виде корзины с плодами – сюжет, который использовался повсеместно.

Особое значение и трактовку приобрели в еврейской художественной культуре знаки зодиака [14, с. 77–86]. Евреи использовали этот мотив и в позднеантичное время, и в данный период, вкладывая в языческие образы особый, еврейский подтекст. Будучи символом космоса и времени, в еврейской трактовке, особенно в росписях синагог, этот мотив соотносится с месяцами еврейского календаря [15, с. 350] и приобретает дополнительную эсхатологическую коннотацию. Раввины узаконивают зодиак, аллегорически связывая его с периодами еврейской истории (Песикта Раббати, 27–28). Другие комментаторы устанавливают связь между двенадцатью коленами Израиля и зодиаком (Ялкупт Шимони Левитикус, 418) [16, с. 183–185], который был популярным мотивом в европейских ктуббах [16, с. 88–89], символизировал благоприятное время для свадьбы и соединение супругов с гармоничными знаками.

В знаках зодиака часто использовался прием представления элемента, как символа целого: Стрелец – в виде руки с луком; Дева – в виде рук, вышивающих на пальцах; Близнецы – в виде двух сплетенных фигур без голов или двух рук, держащих атрибуты праздника Суккот. Популярны и разнообразны его трактовки в других видах еврейского искусства. Изображения отдельных знаков зодиака встречались на надгробиях, где указывали на дату смерти покойного, или были дословным переводом его имени (например, «Арье – Лейб» – «Лев»).

Изображения мифологических животных и птиц занимают чуть ли не самое весомое место в репертуаре еврейского искусства. Среди них – изображение «Левиафана» – гигантского морского чудовища в виде полурыбы-полузмеи [16, с. 96], окольцевавшего город (Иерусалима), и парного ему «Бегемота» (или символического быка – «шора») – крупнейшего представителя суши [16, с. 19], были репрезентациями животных, которые, согласно мидрашу, сойдутся в смертельной схватке во времена пришествия Мессии и будут поданы на пир праведников

[14, с. 91–95]. С этими животными часто изображались «лулав» (пальмовая ветвь) [16, с. 100–101] и «этрог» (цитрусовый плод) [16, с. 49–50] – растения, являющиеся атрибутами праздника Суккот, в день которого состоится пир.

К мессианским символам относилось и изображение медведей [16, с. 17–18], несущих виноградную гроздь на длинном шесте, лежащем на их плечах – интерпретация библейского сюжета о разведчиках, вернувшихся из Ханаана с плодами, свидетельством плодородия этой земли [6, с. 30; 20, с. 64–65]. Лев, символ храбрости и царского рода Давидова [12, с. 112; 20, с. 99–100], изображался в схватке с единорогом. К кругу мессианских образов относились и изображения химерических животных: грифонов, львиноголовых рыб.

Разное значение имели изображения птиц: так, райская птица символизировала уготованное место в раю для праведников, аист – образ праведника, а аист со змеей в клюве – победу добра над злом [14, с. 107–112]. **Двуглавый орел** символизировал власть Всевышнего [13, с. 97], змей вокруг Древа Познания или храмовой колонны иллюстрировал книгу «Брейшит» («Бытие»). Из других анималистических символов: слон с башней на спине был символом благочестия, олень – символ красоты, земли Израиля и всего еврейского мира [14, с. 95–99], бараний рог – шофар – являлся олицетворением призыва к молитве.

Многие анималистические символы многозначны. Так, мотив трех зайцев в круге символизировал бесконечное течение времени и одновременно высшее начало. Близкий к нему мотив трех рыб в круге кроме символа времени связывался с идеями потомства и плодородия, выражал аналогию между сыновьями Израиля и рыбами в море (Мидраш Рабба, 97:2). И. Хуберман рассматривала мотив трех рыб и трех зайцев в круге как символ трех стихий: воздуха, воды и огня [14, р. 148]. Этот мотив также входил в росписи многих синагог и использовался в декоре мацев.

Традиционные символы в декоре мацев были еще и персонификацией личности умершего. Светильники помещали только на женских надгробиях, подсвечник с одной свечой – на могиле девушки. Указанием на молодой возраст умершего служили изображения надломленной вет-

ви, цветка или свечи. Среди «мужских» знаков – маген-давид, книги, львы. На надгробиях конца XIX века в Черновцах изображена рука Бога, держащая цветущую ветвь и сорвавшийся с нее цветок – символический образ воли Всевышнего давать и забирать жизнь. Изображение животного часто олицетворяло в прямом переводе имя умершего: Арье – лев, Цви – олень, Дов – медведь, Зеев – волк. Указанием на принадлежность умершего к когенам – священникам, было изображение рук Ааронида. Символом рода левитов – служителей храма – являлись изображения кувшина или чаши [15, с. 71].

Традиционная жизнь евреев, мир Торы и устных преданий, мидрашей и фольклора, особенности синагогальной службы, мистицизм и мессианские чаяния возвращения из исторического изгнания «галута» в землю обетованную («геула»), а также влияние местных традиций и ремесел породили широкий круг еврейского традиционного искусства. Его составляли архитектура, убранство и росписи синагог, резной декор надгробий-мацев, элементы облачения и

украшения свитков Торы, миниатюры рукописей, ктуббы, мизрахи и прочие образцы декоративно-прикладного искусства, связанного с предметами, обслуживавшими еврейскую традицию и ритуал. Изучение этого пласта искусства обуславливает актуализацию темы штетла как центрального топоса творчества еврейских мастеров Российской империи. Анализ устойчивых элементов образно-символического строя традиционных изображений позволяет классифицировать их источники, трансформацию в зависимости от времени и месторасположения объекта, а также проследить дальнейшее использование в творческих работах мастеров еврейского декоративно-прикладного и станкового искусства.

Результаты данного исследования могут быть использованы для идентификации музейных экспонатов, относящихся к декоративно-прикладному искусству штетлов, лекций по истории искусства и культурологии, а также для участия в образовательных программах, направленных на возрождение культуры малых народностей Российской Федерации.

Литература

1. 100 еврейских местечек Украины: Подолия: Исторический путеводитель / сост. В. Лукин, Б. Хаймович. – Изд. 2. – Иерусалим; СПб., 1998. – Вып. 1. – 320 с.
2. 100 еврейских местечек Украины: Подолия: Исторический путеводитель / сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. – Иерусалим; СПб., 2000. – Вып. 2. – 704 с.
3. Бернштейн-Вишницер Р. Искусство у евреев в Польше и Литве // История евреев в России [под ред. А. И. Браудо, М. Л. Вишницер, Ю. Гессен и др.] – М.: Мир, 1914, т. XI: История еврейского народа, т. 1. – С. 390–405.
4. Глембоцька Г. Юдаїка. 3 історії приватного та музейного колекціонування у Львові // Образи зниклого світу: каталог виставки зі збірок Львівської галереї мистецтв, Львівського історичного музею, Музею етнографії та художнього промислу, Музею історії релігії, приватних колекцій. – Львів: Центр Європи, 2003. – С. 13–19.
5. Гоберман Д. Еврейские надгробия на Украине и в Молдове. – М.: Имидж, 1993. – Т. 4. – 336 с. – (Сер.: Шедевры еврейского искусства).
6. Жолтовский П. Н. Памятники еврейского искусства // Декоративное искусство СССР. – 1966. – № 9. – С. 28–33.
7. Кандель Ф. Очерки времен и событий: Из истории российских евреев. – Иерусалим: Тарбут, 1988. – Т. 1: До второй пол. XVIII века. – 198 с.
8. Канцедикас А. Бронза. – М.: Имидж, [1992]. – Т. 1. – 320 с. – (Сер.: Шедевры еврейского искусства).
9. Канцедикас А. Еврейское серебро России и Восточной Европы. – М.: Имидж, [1993]. – Т. 3. – С. 341–363. – (Сер.: Шедевры еврейского искусства).
10. Краткая еврейская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Ицхак Орен (Надель). – Иерусалим: Общ-во по исслед. еврей. общин: Центр по исслед. и документации восточ.-европ. еврейства: Еврей. ун-т в Иерусалиме, 1975–2001.
11. Липская А. Изделия ремесленников штетлов в коллекции Винницкого краеведческого музея // «Штетл» як феномен єврейської історії: матеріали 6-ї міжнародної наукової конференції (Київ, 31 серпня – 3 вересня, 1998). – К.: Інститут юдаїки, 1999. – С. 260–262.
12. Пережитое: сб., посвящ. обществ. и культур. истории евреев в России / под ред. С. М. Гинзбурга. – СПб., 1908, 1910, 1911, 1913.

13. Хонигсман Я. Из истории и культуры евреев Западной Украины в XVI– XVII веках // Єврейська історія та культура в Україні: матеріали IV міжнародної конференції (Київ, 2–5 вересня 1996). – К.: Інститут юдаїки, 1997. – С. 113–122.
14. Huberman I. Living Symbols. Symbols in Jewish Art and Tradition. – Israel: Modan, 1996. – 210 p.
15. Amishai-Maisels Z. Chagall and the Jewish Revival: Center or Periphery? // Tradition and Revolution The Jewish Renaissans in Russian Avant-Garde Art, 1912–1928. – Jerusalem: The Israel Museum, 1988. – P. 71–100.
16. Frankel E., Teutsch B. The Encyclopedia of Jewish Symbols. – Northvale; New Jersey; London: Jason Aronson Inc., 1995. – 235 p.

References

1. 100 evreiskikh mestecek Ukrainy: Podoliia. Istoricheskii putevoditel' [100 Jewish settlements in Ukraine: Podoliya: Historical Guide]. Ed. V. Lukin, B. Khaimovich. Jerusalem, St. Petersburg, 1998, 320 p. (In Russ.).
2. 100 evreiskikh mestecek Ukrainy: Podoliia. Istoricheskii putevoditel' [100 Jewish settlements in Ukraine: Podoliya: Historical Guide]. Ed. V. Lukin, B. Khaimovich, A. Sokolova. Jerusalem, St. Petersburg, 2000, 704 p. (In Russ.).
3. Bernshtein-Vishnitser R. Iskusstvo u evreev v Pol'she i Litve [Art of the Jews in Poland and Lithuania]. *Istoriia evreev v Rossii. T. XI. Istoriia evreiskogo naroda [The history Jews in Russia. Vol. XI. The history of the Jewish people]*. Moscow, Mir Publ., 1914, vol. 1. 550 p. (In Russ.).
4. Glembots'ka G. Iudaika. Z istorii pryvatnogo ta muzeinogo kolektsionuvannia u L'vovi [From the history of private and museum collecting in L'viv]. *Obrazy znyklogo svitu: katalog vystavki zi zbirk L'vivskoi galerei mystetstv, L'viv's'kogo istorychnogo muzeiu, Muzeiu etnografii ta khudozhn'ogo promyslu, Muzeiu istorii religii, pryvatnykh kolektsii [Photos vanished world: exhibition catalog from the collections of Lviv Art Gallery, Lviv History Museum, the Museum of Ethnography and Art, the Museum of the History of Religion and private collections]*. L'viv, Tsentr Evropy Publ., 2003, pp.13–19. (In Ukr.).
5. Goberman D. Evreiskie nadgrobiia na Ukraine i v Moldove [Jewish tombstones in Ukraine and Moldova]. Moscow, Imidzh Publ., 1993, vol. 4. 336 p. (In Russ.).
6. Zholtovs'kii P.N. Pamiatniki evreiskogo iskusstva [Monuments of Jewish Art]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR [Decorative Arts of the USSR]*, 1966, no 9, pp. 28–33. (In Russ.).
7. Kandel F. Ocherki vremen i sobytii: Iz istorii rossiiskikh evreev. T. 1: Do vtoroi poloviny XVIII veka [Sketches of times and events: From the history of Russian Jews. Vol. 1: To the second floor. XVIII century]. Jerusalem, Tarbut Publ., 1988, 198 p. (In Russ.).
8. Kantsedikas A. Bronza [Bronze]. Moscow, Imidzh Publ., 1992, vol. 1. 320 p. (In Russ.).
9. Kantsedikas A. Evreiskoe serebro Rossii i Vostochnoi Evropy [Jewish silver in Russia and Eastern Europe]. Moscow, Imidzh Publ., 1993, vol. 3. 400 p. (In Russ.).
10. Kratkaia evreiskaia entsiklopediia [Shorter Jewish Encyclopedia]. Ed. Itskhak Oren (Nadel). Jerusalem, Jewish University Publ., 1975–2001. (In Russ.).
11. Lipskaia A. Izdeliia remeslennikov shtetlov v kolektsii Vinnitskogo kraevedcheskogo Muzeia [Handicrafts shtetl in the collection of the Vinnytsia regional museum]. *"Shtetl" iak fenomen evreiskoi istorii: materialy 6-i mizhnarodnoi naukovoï konferentsii, (Kiiv, 31 serpnia – 3 veresnia, 1998) ["Shtetl" as a phenomenon of Jewish history: Proceedings of the 6th International Conference (Kyiv, August 31 – September 3, 1998)]*. Kiev, Instytut iudaiky Publ., 1999, pp. 260–262. (In Russ.).
12. Perezhitoe. Sbornik, posviashchennyi obshchestvennoi i kul'turnoi istorii evreev v Rossii [Experienced. Collection dedicated to the social and cultural history of the Jews in Russia]. Ed. C.M. Ginzburg. St. Petersburg, 1908, 1910, 1911, 1913. (In Russ.).
13. Khonigsman Ia. Iz istorii i kul'tury evreev Zapadnoi Ukrainy v XVI–XVII vekakh [From the history and culture of Jews in Western Ukraine in XVI–XVII centuries]. *Evreis'ka istoriia ta kul'tura v Ukraini: materialy IV mizhnarodnoi konferentsii, (Kiiv, 2–5 veresnia 1996) [Jewish History and Culture in Ukraine of the IV International Conference (Kiiv, September 2–5, 1996)]*. Kiev, Institut iudaiki Publ., 1997, pp. 113–122. (In Russ.).
14. Huberman I. Living Symbols. Symbols in Jewish Art and Tradition. Israel, Modan Publ., 1996. 210 p.
15. Amishai-Maisels Z. Chagall and the Jewish Revival: Center or Periphery? *Tradition and Revolution The Jewish Renaissans in Russian Avant-Garde Art, 1912–1928*. Jerusalem, The Israel Museum Publ., 1988, pp. 71–100.
16. Frankel E. The Encyclopedia of Jewish symbols. Northvale, New Jersey, London, Jason Aronson Inc. Publ., 1995, 235 p.

УДК 347.782

ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА И РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТВОРЧЕСКОГО СТИЛЯ

Ткаченко Людмила Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, директор института дополнительного профессионального образования, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Ткаченко Андрей Викторович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: ludmilatk@bk.ru

В работе рассматриваются понятия личность, индивид, индивидуальность, индивидуальный стиль художника. Многомерность понятия феномена личности послужила основанием для осознания междисциплинарного статуса проблемы личности, которую в равной мере изучают философия, социология, психология и другие науки. Каждая наука исследует отдельные грани личности человека. Человеческая личность раскрывается в своей целостности как деятельное существо, субъект выбора индивидуального жизненного пути, свободного, ответственного, целенаправленного поведения, обладающий целостной системой многообразных неповторимых индивидуальных качеств. Обращение к исследованию личности приводит к рассмотрению различных ориентаций: полярных, взаимодополняющих, таких как объективная и субъективная, детерминистская и индетерминистская, монологическая и диалогическая. Многообразие методологических ориентаций в изучении личности соответствует многообразию образов человека. Понятие личности человека отличают от понятий индивид и индивидуальность.

Для художника характерна определенная манера – это художественный почерк, совокупность приемов, индивидуальных стилистических и технических особенностей в творчестве. В конце XX века наблюдается развитие «индивидуального» стиля каждого отдельного художника. «Стиль» в отношении отдельного человека означает набор признаков, характеризующих индивидуальную манеру творца. В работе дано авторское определение понятия «индивидуальный стиль» художника.

Ключевые слова: личность, многообразие методологических ориентаций в изучении личности, индивид, индивидуальность, индивидуальные способности, творческое начало, индивидуальная манера художника, индивидуальный стиль.

THE ARTIST'S PERSONALITY AND DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL CREATIVE STYLE

Tkachenko Lyudmila Anatolievna, Candidate of Art History, Docent, Director of the Institute of Continuing Professional Education, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ludmilatk@bk.ru

Tkachenko Andrey Victorovich, Candidate of Art History, Docent of Department of Arts and Crafts, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ludmilatk@bk.ru

The paper deals with the concept of identity, individual, individuality, individual style of an artist. Multidimensionality of the concept of personality phenomenon served as the basis for understanding the status of interdisciplinary problems of personality, which is equally studied philosophy, sociology, psychology and other sciences. Each science studies individual facets of human personality. Human identity is revealed in its entirety as an active being, the subject choice of an individual way of life, a free, responsible, purposeful behavior, having an integrated system of multiple unique individual qualities. Appeal to the study of personality leads to the consideration of various orientations: polar, complementary, such as objective and subjective, deterministic and indeterministic, monologue and dialogue. The diversity of methodological orientations in the

study of personality corresponds to the diversity of human images. The concept of a person's identity different from that of the individual and personality.

For the artist, characterized by a certain manner, it is an artistic handwriting, a set of techniques, individual stylistic and technical features in the works. The end of the 20th century have seen the development of "individual" style for each individual artist. "Style" in relation to an individual means a set of features that characterize the individual style of the creator. In the paper the author's definition of "personal style" of the artist.

Keywords: personality, a variety of methodological orientations in the study of personality, individual, individuality, individual abilities, creativity, individual style of the artist's individual style.

Изучение творческих групп художников конца XX века в Сибири на примере группы «Бедная Лиза» ставит ряд вопросов: значимость личности, развитие индивидуального творческого стиля художника, взаимодействие личности и коллектива. XX век отмечен развитием «индивидуального» творческого метода каждого отдельного художника. Изучение творческой личности, картины мира художника, его индивидуального стиля обретает актуальность в связи с утверждением нового видения на место и роль человека-творца в развивающемся обществе, признание возможности его воздействия на умы человечества и на ускорение социального развития.

Исследование индивидуального авторского стиля, мироощущения, места художника в отечественном искусстве представляется невозможным без обращения к таким понятиям, как «личность», «индивид», «индивидуальность», «индивидуальный стиль».

Личность является объектом всех антропоцентричных отраслей знаний – философии, культурологии, истории, психологии, социологии, филологии и других наук. Теория личности изучается специальной дисциплиной персонологией, вышедшей из работ философов-функционалистов Ш. Ревунье и особенно Э. Мунье. Выдающийся представитель отечественной философии XX века Н. О. Лосский создал оригинальную систему персонализма. Он отмечал, что «во главе всех стоит личность, потому что только личность может быть творцом и носителем полноты бытия» [5, с. 91–92].

Понятие «личность» в европейских языках передается словами, происходящими от латинского *persona*, что обозначало «маска» (можно сравнить с русским «личина») – слепок с лица предка, ритуальная или театральная маска. Значение понятия менялось на протяжении истории развития человечества. В период Античности в правовом

смысле персоной считалось любое юридическое лицо, но не каждый человек (например, раб). Существенные черты личности появляются в Средневековье – нечто самостоятельное, одаренное разумом, обладающее достоинством. В «Новой философской энциклопедии» читаем: «Каждая личность есть индивид и субъект, но только обладание особым достоинством делает субъект личностью» [6, с. 400].

Теоцентрическое понятие личности сменилось в философии и культуре Возрождения на антропоцентрическое: личность стала отождествляться с яркой, многосторонней индивидуальностью, способной достичь всего, что захочет, такое значение остается актуальным до настоящего времени. Понимание личности в Новое время претерпевает изменения: личность отождествлялась с сознанием или самосознанием (Декарт, Фихте, Гегель), рассматривалась как цельная природа человека – единство души и тела (Ф. Бэкон), представлялась «как совокупность общественных отношений» (К. Маркс, Ф. Энгельс) или определялось, что «тело есть основной субъект личности» (Л. Фейербах) [6, с. 401].

В XX веке при всем разнообразии теоретических подходов к изучению личности, ее сущностью признается многомерность. Именно многомерность феномена личности послужила основанием для осознания междисциплинарного статуса проблемы личности, которую в равной мере изучают философия, социология, психология и другие науки.

Прежде чем приступить к рассмотрению понятия «личность» обратимся к определению «индивид» – это единичный представитель человеческого рода, единое природное существо; отдельный представитель человеческой общности [1, с. 536], единичное сущее, неразложенное на

элементы [6, с. 104]. Понятие «человеческий индивид» обозначает лишь принадлежность к человеческому роду и не включает конкретных социальных или психологических характеристик.

Существует несколько определений понятия «личность». Под «личностью» мы понимаем:

в философии:

- человека как субъекта отношений и сознательной деятельности [2, с. 344];

- устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующую индивида как члена общества или общности [7, с. 538];

в культурологии:

- целостного человека в единстве его индивидуальных способностей и выполняемых им социальных функций [4, с. 243];

в социологии:

- человеческого индивида как продукта общественного развития, субъекта труда, общения, познания, детерминированного конкретно-историческими условиями жизни общества [9, с. 256]. Обращение к социологической концепции может показаться не важным при изучении личности художника, так как отправной точкой социологических исследований личности является постижение не индивидуальных особенностей человека, а той социальной системы, в которую он включен и тех социальных функций и ролей, которые он в ней выполняет. Изучение социальной системы позволяет понять ценностные ориентации личности, ее притязания и идейную направленность, возможную степень ее творческого проявления. Для раскрытия особенности личности художника необходимо отметить, что социальное поведение демонстрируется не только сегодняшним положением человека, но и его прошлым жизненным опытом, а также характером усвоенных им культурных ценностей, в которых аккумулирована предшествующая история человечества. Каждый индивид как личность – это продукт не только существующих отношений, но и всей предшествующей истории, а также своего собственного развития и самосознания.

Таким образом, приходим к заключению, что определений понятия «личность» достаточно много, мы выделяем в них два значения: 1) человеческий индивид как субъект отношений и сознательной деятельности (лицо в широком

смысле слова) и 2) устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества.

В науке XX века человек-личность выступает как многомерный объект и раскрывается в своей целостности:

1. Как участник историко-эволюционного процесса, субъект выбора индивидуального жизненного пути, в ходе которого им осуществляется преобразование природы, общества и самого себя;

2. Как деятельное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми;

3. Как субъект свободного, ответственного, целенаправленного поведения, обладающий целостной системой многообразных неповторимых индивидуальных качеств.

В философии и гуманитарных науках выделяются полярные и вместе с тем взаимодополняющие ориентации, в которых акцентируются различные аспекты бытия личности: объективная и субъективная, детерминистская и индетерминистская, монологическая и диалогическая и др.

Для рассмотрения личности художника представляется важным обращение к субъективной ориентации, в которой личность предстает как активное, творческое начало, порождающее мир, проектирующее действительность и собственное будущее, выходящее в своих поступках и деяниях за пределы самого себя (например, в христианской антропологии, экзистенциализме, персонализме). Среди взаимодополняющих ориентаций, имеющих принципиальное значение для изучения личности художника, могут быть выделены монологическая и диалогическая ориентации. Первая проявляется в методологическом изоляционизме, антропоцентризме, человек при этом рассматривается вне мира, а мир вне человека. Вторая связана с включением личности в пространство межличностного и внутриличностного общения, диалога, в том числе диалога с самим собой (М. Бубер, Ж. Лакан, М. Бахтин).

Исследователи персоналистской ориентации (Э. Мунье, Ш. Ревунье) анализируют проблемы активности, самосознания и творчества личности, формирования человеческого «Я», борьбы мотивов, воспитания индивидуального характера и способностей, самореализации личностного выбора, непрерывного поиска смысла жизни в ходе жизненного пути и индивидуальности.

Многообразие методологических ориентаций в изучении личности соответствует и многообразию образов человека: «человек ощущающий», «человек-потребитель», «человек-деятель» и др. Остановимся на образе «человека-деятели», кем и является художник – основа для построения культурно-исторического, системно-деятельностного подхода к пониманию личности. Здесь личность понимается как субъект свободного, ответственного выбора, активно действующий в обществе и стремящийся к достижению целей. При оказании практической помощи личности при таком подходе, акцент делается на поиске оптимальных форм организации совместной деятельности и общения между людьми.

В рамках биологического, социологического и психологического подходов детерминация развития личности понимается как взаимодействие двух факторов – среды и наследственности. Являясь условием осуществления деятельности человека, социальная среда (общественные нормы, ценности, роли, церемонии, системы знаков, с которыми сталкивается индивид) представляет собой источник развития личности, а не «фактор», определяющий ее поведение. Основой и движущей силой развития личности выступает совместная деятельность и общение людей, посредством которых происходит приобщение личности к культуре.

Обратимся к понятию «индивидуальность». Оно выражает уникальное своеобразие человека, неповторимое сочетание природных особенностей (соматических, психологических, мировоззренческих) качеств, которые отличают данного человека от другого. «Индивидуальность» человека может быть рассмотрена как качество, формируемое на основе унаследованных задатков в процессе социализации, обучения и воспитания человека, но при этом одновременно предполагающее собственную трансформацию в ходе саморазвития, самоопределения и самопреодоления (то есть в процессе самореализации) личности [1, с. 538; 11, с. 210].

С одной стороны, индивидуальность личности связана с традициями. Выделение себя из социальной общности посредством осознания своей индивидуальности ограничивает власть традиций над личностью. С другой стороны, понятие «индивидуальность» необходимо для описания

динамики инновационных процессов и анализа ситуаций выбора и принятия решений.

В качестве субъекта культуры человек может быть охарактеризован с позиций общего и особенного, как личность и как индивидуальность. Понятие «личность» позволяет рассматривать человека как носителя определенных социальных качеств, общественных ролей, элемента структуры, а его деятельность соотносить с нормативно установленными принципами, обозначает те особенные соматические, психологические и мировоззренческие качества, которые отличают данного человека от всех других. Индивидуальность личности определяет ее духовный потенциал и теснейшим образом связана со свободой выбора и самоопределением. Природа человека оказывается «биполярной: в постоянной «нераздельности и неслиянности»... Западноевропейская культура провозглашает ценность индивидуального начала, причем постепенное накопление элементов индивидуальности определяет направление ее эволюции на уровне поступательного развития всей культуры, циклического развития каждой эпохи, на уровне развития мировоззрения отдельной личности, принадлежащей этой культуре» [7, с. 256].

Итак, понятие личность следует отличать от понятий индивида и индивидуальности. Соотношение понятий «индивид» (продукт антропогенеза), «личность» (индивид, усвоивший общественно-исторический опыт) и «индивидуальность» (индивид, преобразующий мир) может быть передано формулой: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» [6, с. 402].

В XX веке каждый художник стремился создать свой индивидуальный стиль. Понятие «индивидуальный» имеет несколько значений, схожих в разных словарях. Для рассмотрения стиля художника остановимся на следующем определении: личный, свойственный данному индивиду, отличающийся характерными признаками от других [8, с. 102].

Понятие «стиль» в отношении отдельного человека означает набор признаков, характеризующих индивидуальную манеру творца. Манера – это художественный почерк, совокупность приемов, индивидуальных стилистических и технических особенностей в творчестве художника.

Ценность индивидуальной манеры в искусстве была осознана вместе с раскрепощением индивидуальности в первой половине XVI века, что проявилось в выдвигании мощных независимых личностей и в возникновении искусства маньеризма. С этого момента личная манера художника становится постоянным и необходимым признаком творчества.

Явление «стиль» так же, как феномен художественности, ускользает от дефиниций и может быть адекватно выражено лишь на языке того искусства, которому оно принадлежит. Стиль есть «символическое выражение мироощущения». При этом человек является одновременно субъектом и объектом такого «мироощущения», частью «мировой картины». Поэтому существует столько же миров, а следовательно и стилей, сколько культур и людей, и даже для каждого человека в отдельности стиль – однажды существующее и никогда не повторяющееся переживание [10, с. 11].

Техника искусства как система определенных материалов, способов и приемов их обработки также участвует в создании стиля. Техника – часть цивилизации – входит в художественное творчество как «тело» искусства, соединяясь с его «душой» – художественно-образным смыслом. Но творчество начинается там, где кончается предметное утилитарное восприятие. Поэтому «стиль» – не содержание и не «внутренняя форма», а некая структура, существующая между ними и в представлении зрителя [10, с. 13].

Интуитивное суждение о ценности, художественное переживание становятся стилистическими оценками. Стиль – это художественный смысл формы. Состоявшийся стиль – признак «художественного согласия» творца, его эпохи, места действия, материала [3, с. 540].

Можно дать определение «индивидуальный стиль» художника. Это некая неповторимая субстанция на уровне ощущений художника и зрителя, выражающая всеобъемлющую целостность процесса художественного формообразования и создания художественного образа в определенном историческом времени и пространстве посредством совокупности индивидуальных стилистических и технических особенностей, приемов и признаков, характеризующих индивидуальную манеру творца [10, с. 13].

Специфика современного гуманитарного знания характеризуется взаимодействием объективного и субъективного, где личность рассматривается как активный субъект, преобразующий социальную действительность. Многомерность феномена личности послужила основанием для осознания междисциплинарного статуса проблемы личности, которую в равной мере изучают философия, социология, психология и другие науки. Что касается личности художника, то в рассматриваемый период наблюдается развитие «индивидуального» стиля для каждого отдельного художника. Понятие «стиль» в отношении отдельного человека означает набор признаков, характеризующих индивидуальную манеру творца.

Литература

1. Большая энциклопедия / под ред. С. А. Кондратова. – М.: Терра, 2006. – Т. 18. – 596 с.
2. Большая энциклопедия / под ред. С. А. Кондратова. – М.: Терра, 2006. – Т. 26. – 596 с.
3. Власов В. Г. Стили в искусстве: слов. – СПб.: Лита, 2003. – 792 с.
4. Культура и культурология: слов. / сост. и ред. А. И. Кравченко. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 528 с.
5. Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 416 с.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – 894 с.
7. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скаун, 1998. – 896 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 432 с.
9. Социологический словарь / под ред. С. А. Ерофеев. – М.: Экономика, 1999. – 428 с.
10. Ткаченко А. В., Ткаченко Л. А. Творчество скульптора А. П. Хмелевского в контексте художественных тенденций изобразительного искусства последней трети XX – начала XXI века. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2014. – 188 с.
11. Философский энциклопедический словарь / ред. кол. С. С. Аверинцев. – 2-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1989. – 815 с.

References

1. Bol'shaia entsiklopediia [Great Encyclopedia]. Ed. S.A. Kondratova. Moscow, Terra Publ., 2006, vol. 18. 596 p. (In Russ.).
2. Bol'shaia entsiklopediia [Great Encyclopedia]. Ed. S.A. Kondratova. Moscow, Terra Publ., 2006, vol. 26. 596 p. (In Russ.).
3. Vlasov V.G. Stili v iskusstve [Styles in Art: Dictionary]. St. Petersburg, Lita Publ., 2003. – 792 p. (In Russ.).
4. Kul'tura i kul'turologiia [Culture and Culture: Dictionary]. Comp. and ed. A.I. Kravchenko. Moscow, Academic Proect Publ., Ekaterinburg, Business Book Publ., 2003, 528 p. (In Russ.).
5. Losskii N.O. Mir kak osushchestvlenie krasoty [World as the implementation of beauty]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 1998, 416 p. (In Russ.).
6. Novaia filosofskaia entsiklopediia [The New Encyclopedia of Philosophy]. Ed. V.S. Stepina. Moscow, Mysl' Publ., 2001, vol. 2, 894 p. (In Russ.).
7. Noveishii filosofskii slovar' [Newest Philosophical Dictionary]. Comp. A.A. Gritsanov. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998, 896 p. (In Russ.).
8. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Dictionary of Russian language]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1990, 432 p. (In Russ.).
9. Sotsiologicheskii slovar' [Sociological dictionary]. Ed. S.A. Erofeev. Moscow, Economics Publ., 1999, 428 p. (In Russ.).
10. Tkachenko A.V. Tkachenko L.A. Tvorchestvo skul'ptora A.P. Khmelevskogo v kontekste khudozhestvennykh tendentsii izobrazitel'nogo iskusstva poslednei treti XX – nachala XXI veka [Creativity sculptor A.P. Hmelevskogo in the context of the artistic trends of the fine arts of the last third of the twentieth – the beginning of the twenty-first century]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2014. 188 p. (In Russ.).
11. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. count. S.S. Averincev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 815 p. (In Russ.).

УДК 778.5

«ОТТЕПЕЛЬНЫЙ» ЛЕНИН СЕРГЕЯ ЮТКЕВИЧА

Сопин Артем Олегович, аспирант, кафедра киноведения, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (г. Москва, РФ). E-mail: oarts@mail.ru

В статье предпринимается попытка рассмотреть фильм Сергея Юткевича «Рассказы о Ленине» (1957) в контексте времени и его творчества. В советское время этот материал вынужденно рассматривался с идеологических позиций, а в постсоветское не рассматривался вообще, несмотря на значительное место, занимаемое творчеством Юткевича в истории советского киноискусства. Политически непредвзятое обращение к анализу фильма представляется актуальным для изучения истории советского кино.

Целью статьи было рассмотрение наиболее характерных особенностей фильма в контексте времени, то есть и историческом, и творчески-биографическом. Так, рассматриваются обсуждение с актером трактовки главного героя; выбор визуальной эстетики, в том числе ситуация со сменой оператора; специфика построения художественного мира фильма (хронотопы Горок и «внешнего мира»).

Материалом статьи, помимо самого фильма, были переписка режиссера с актером (частично обнародованная ими самими при жизни, частично цитирующаяся по архивным источникам), а также воспоминания других создателей. Исследование проводилось комплексным методом, сочетающим традиционный критический анализ особенностей фильма с историческими, общеискусствоведческими, культурологическими и социологическими элементами.

В статье выявлены особенности фильма, позволяющие включить его в общекультурный и исторический контексты, высказаны и аргументированы предположения о новаторском характере фильма в историко-биографическом жанре.

Ключевые слова: Лениниана, Юткевич, образ исторического персонажа, биографический жанр, хронотоп, драматургия, визуальное решение кинофильма.

THE “THAW” LENIN BY SERGEI YUTKEVITCH

Sopin Artiom Olegovitch, Post-Graduate Student, Department of Film Study, S.A. Gerasimov All-Russian State University of Cinematography (Moscow, Russian Federation). E-mail: oarts@mail.ru

Sergei Yutkevitch began his career in the epoch of Soviet avant-garde in the 1920s. The fashion of films was always important for him, like the modernity of film's response as well. During his career Yutkevitch directed five films about Lenin. It wasn't only the necessity of the time in his case. He tried to create an ideal image of a chief of state and to make it in a modern fashion, not canonically.

Rasskazy o Lenine (Stories about Lenin, 1957) is the middle film of Yutkevitch's Leniniana. Made in the “thaw,” it describes Lenin as not only a leader but a human. Yutkevitch's vision of the character was discussed in his correspondence with actor Maxim Shtraukh who played this role. We can see how the director and the actor were exploring different images of the character for each “story” and how it was connected with the cinematographic trend in the Soviet cinema of that time.

During the shooting of the film, Yutkevitch changed director of photography Andrei Moskvina to Evgenii Andrikanis. It wasn't only production case but very important correction of Yutkevitch's point of the unity of the film visual image.

There are two main topics in the main (second) part of the film: the factory and Lenin's residence in Gorki. They are opposed to each other. The first one is the place of the “external” exposition of the character (his political opinions and disputes). The second one is the private place where the character is exposed in his reflections. The complex character created by the combination of two lines in the expressive dramaturgic structure was an innovation for the Soviet biographical cinema.

Keywords: Leniniana, Yutkevitch, image of historical character, biographical films, chronotope, dramatic composition, visual image of film.

Сергей Юткевич (1904–1985) прожил долгую жизнь в искусстве, чутко реагируя на изменения киноэстетики, но оставаясь верным подробной разработке выразительных средств, которой его «заразили» 1920-е и за которую не раз вешался на него ярлык «формалиста».

Точность реакции никогда не была для него данью моде. Будучи теоретиком кино, Юткевич и фильмами своими включался в эстетические споры.

Безусловно, долгое время анализ фильмов был зависим от политической конъюнктуры: заданного «сверху» шаблона восприятия в советские годы, который одновременно все холоднее (особенно ко времени выхода второго фильма) воспринимался «снизу», что, в свою очередь, стало не маргинальным, а основным в постсоветской рецепции.

Между тем, если, скажем, образ И. В. Сталина в кино, как правило, был лишь производной от взглядов на него в то или иное время, то Лениниана – явление совершенно иного качественного ряда. Во-первых, в одни и те же годы могли появляться во многом различные произведения – как по эстетике, так и по мировоззрению (разумеется, в отношении не оценки персонажа, но ракурса), – что говорит о большей авторской свободе. Во-вторых, сама фигура Ленина – более объемна и неоднозначна, связана со множеством исторических, социальных, даже культурологических явлений. Наконец, можно выделить несколько уровней взаимодействия авторов фильмов с материалом.

Первый – это естественное олицетворение – в той или иной степени – авторов с героем, которое оставалось в тени только в силу официально-

го отношения к теме. Особенно это касается более свободных (то есть более авторских) обращений к Лениниане в 1950–80-е.

К авторскому проникновению в материал (и это уже второй уровень) следует отнести размышления создателей фильмов о том, что окружает персонажа: от взаимоотношений с близкими до экономических, культурологических вопросов – и в заданном фабулой временном контексте, и – неизбежно – в применении ко времени авторов фильмов, а соответственно, – в достаточно широкой исторической перспективе, уже вне одномоментных привязок.

Наконец, третий уровень касается проблемы, всегда вызывавшей самые острые дискуссии: соотношения Ленина-персонажа с реальным историческим лицом, тем более в условиях идеологической заданности «сверху». В связи с этим чрезвычайно любопытны слова Ричарда Роуда – критика английского журнала «Sight and Sound» – о поздней картине Юткевича «Ленин в Польше» (1965), которые, пожалуй, могли бы стать своеобразным эпиграфом к экранной Лениниане: «Был ли Ленин действительно таким, каким он показан в фильме, – другой вопрос; во всяком случае, *хорошо, если бы он был таким* (курсив мой. – А. С.)» [5, с. 171].

Кинолениниана – это своеобразный свод размышлений без преувеличения крупных художников о том, каким должен быть идеальный руководитель государства – как по политическим, так и по человеческим качествам, – а также о переломной исторической ситуации в России начала XX века, когда актуализировались многие непреходящие проблемы и вопросы самого разного свойства (от экономических до культурных). Поэтому, чем дальше от времени, когда образ Ленина входил в официальную идеологию, тем больше Лениниана обнаруживает свою вневременность, а значит и актуальность.

По этой причине рассмотрение вопроса о соотношении персонажа и исторического прототипа не представляется значимым и будет затрагиваться в работе лишь постольку, поскольку этот вопрос влиял на восприятие фильмов современниками.

Выбранный нами для рассмотрения фильм «Рассказы о Ленине» (1957) представляется ин-

тересным по ряду причин. Хронологически расположенный в середине творческой жизни Юткевича, он и по поэтике своей стоит как бы на перепутье.

В фабуле первой новеллы («Подвиг солдата Мухина») по сценарию Н. Р. Эрдмана и М. Д. Вольпина переплетались тревожные сцены пребывания объявленного в розыск Ленина в Разливе с историческим анекдотом о солдате, попытавшемся спасти Ленина, не зная, что тот уже скрылся. С юмором описанный сценаристами солдат, у которого пробуждается революционное сознание, достаточно строгая черно-белая гамма, приобретающая поэтические черты в натурных сценах, следовали традиции «Человека с ружьем» (1938). Это была своеобразная ревизия художественного арсенала после перерыва в работе над темой, хотя к некоторым интересным чертам мы еще вернемся, говоря о второй новелле. Ею сначала должна была стать «Лишняя капля» по сценарию Погодина, но на этот раз в тексте не обнаружилось ни выразительных образов, ни новых интересных черт при показе Ленина, ни ярких исторических наблюдений, о чем Юткевич и Штраух сказали драматургу, но Погодин отказался от изменений. В результате второй новеллой «Рассказов о Ленине» стала «Последняя осень» Габриловича. Таким образом, в работе над фильмом Юткевич в последний раз встретился с прежним соавтором Погодиным и в первый – с будущим, Габриловичем. Кроме того, если первая новелла подводила промежуточный итог в работе над Ленинианой, то вторая стала прологом к новому этапу.

Уже сама идея создания цикла коротких рассказов о Ленине, предложенная журналистом С. Е. Гарбузовым и понравившаяся Юткевичу, обозначала новый подход к Лениниане. При Сталине предполагался показ вождя в отношении крупных событий, а не камерность, диктуемая малым метражом. В коротких рассказах, где нет места широким историческим панорамам, сам герой неизбежно занимает больше экранного времени, что обуславливает другую дистанцию между ним, авторами и зрителями. Соответственно, меняется интонация рассказа. Общественно-политические веяния приводят к трансформации эстетической системы.

М. И. Туровская и Ю. М. Ханютин, даже как бы сами удивляясь, заметили: «“Рассказы о Ленине” при всем трагизме ситуации одной из новелл, где Е. Габрилович показал Ленина уже умирающим, прекрасны и умиротворенны счастливой полнотой самого искусства» [7, с. 101]. Полнотой – значит, и многообразием... Сложность заключалась в том, что Юткевич находился в ситуации выбора эстетического пути, вернее, сверки своих эстетических «часов» с «часами» времени. Потому необходимо подробнее остановиться на разговоре об этом фильме.

В середине 1950-х годов возникло тяготение к современным темам как к более естественным, к простоте изображения, как под влиянием итальянского неореализма, так и в качестве антитезы по отношению к позднесталинскому кино. Ситуация эта была характерна в те годы для многих стран (вскоре начался бум «новых волн» в Европе), она многократно описана (см., например [4]). Идея создания коротких рассказов на локальные темы была в русле этой тенденции. Но Юткевич всегда стремился найти не только наиболее адекватное материалу воплощение, но одновременно и формально разнообразное!..

Процитируем слова режиссера, написанные в начале работы над «Рассказами...»: «Фильм стилистически должен представлять единое целое. Конечно, мне хочется сохранить и юмор первого рассказа, и психологическую интимность второго, и драматический лиризм третьего. Но в целом мне хочется объединить их строгой, почти документальной (без всякого подражания хроникальности) манерой, где главное <...> – это Ленин. Мне хочется преодолеть свойственную некоторым моим прежним работам “замкнутость” кадра, его композиционную “сделанность”. Здесь, наоборот, мне хочется, чтобы аппарат двигался свободно, чтобы за границей кадра чувствовалось всегда еще некое свободное реалистическое пространство. Мне хочется избежать какой-либо скованности, тесноты в атмосфере, окружающей персонажи» [6].

Заметим, что, говоря о единстве в главном, в трактовке образа Ленина, Юткевич отмечает специфику каждой из трех (тогда еще) новелл. И далее за словами, подтверждающими переход к упомянутой тенденции, к сдержанности

(«строгой, почти документальной»), следует пассаж о неприятии «скованности» и желании внести «свободное пространство» – природную стихию?.. Вспомним, что обновление эстетики шло в это время по пути отрицания не только помпезности (к скромности), но и холодности – в сторону романтической искренности, пусть «Павел Корчагин» (1956) А. А. Алова и В. Н. Наумова и вызывал пока споры в другом ключе – об усилении мрачных черт в изображении революционных лет (см., например [1, с. 10–19]). Впрочем, пока это только оговорки и уточнения.

Е. Н. Андриканис, снимавший фильмы Юткевича 1950-х годов, в начале лета 1957 года еще был занят в работе над советско-индийским «Хождением за три моря». Учитывая явное предполагаемое отличие от своих цветных костюмно-исторических картин начала 1950-х в черно-белых «Рассказах...», режиссер пригласил операторами на новый фильм А. Н. Москвина и В. К. Фастовича. Москвина – с его даром «светописи», создания выразительных кинематографических образов, в том числе на достаточно скромном внешне материале (как, например, в Трилогии о Максиме). Фастович прежде работал вторым оператором у Москвина и на съемках «Рассказов...», за исключением нескольких сцен без участия Ленина, оставался таковым, однако отметим, что после самостоятельно снятых им «Чужой родни» (1955) и «Солдата» (1956) его имя во многом связывалось с той самой правдивой, сдержанной интонацией. И вот в разгар съемок «Подвига солдата Мухина» и «Лишней капли» произошло важное, поворотное событие в определении эстетики будущего фильма: Москвин (вместе с Фастовичем) ушел с картины.

Из воспоминаний помощника оператора Й. А. Грицюса [2, с. 263–264] известно, что решение было принято в день студийного просмотра только что законченной картины М. К. Калатозова «Летят журавли» (1957). Юткевич, впечатленный, как и все, работой С. П. Урусевского, предложил Москвину внести больше экспрессии в изобразительное решение фильма. Москвин воспринял это как смену избранных принципов в угоду сиюминутной эффектности...

Насколько необоснованным было предложение Юткевича?

К концу лета, когда произошел разрыв с Москвиным, освобоодился Андриканис. Работа над «Лишней каплей» была прекращена по причинам сценарным и планово-календарным, зато для «Подвига солдата Мухина» он переснял большую часть павильонов. Я. Л. Бутовский в книге «Андрей Москвин, кинооператор» – внимательном, аналитическом творческом и человеческом портрете – упрекает снятую Андриканисом квартиру, где скрывался Ленин, – в огромности, кабинет генерала, по его мнению, «при коротком фокусе оказался преувеличенно высоким и узким» [2, с. 264].

Сцена в квартире – одна из первых в фильме и первая, где появляется Ленин. Комната действительно выглядит достаточно крупной, с графичными лучами света из окна. Она визуально напоминает кабинеты Ленина в Смольном и в Кремле из фильмов конца 1930-х годов, создавая своеобразный эффект узнавания. В этом смысле сцена служит «мостиком» от прежнего этапа Ленинианы к новому. Но в то же время мизансцены в комнате строятся, в основном, вокруг стола (только один раз Ленин отходит к окну). Любое действие связывается с выходом из комнаты (на кухню уходит Ефросинья Ивановна, с улицы приходит Свердлов), что одновременно подчеркивает и ограниченность пространства в комнате (уравновешивающую «взгляд» камеры Андриканиса), и наличие реальной среды за ее пределами, о чем Юткевич писал в приведенной цитате.

Что касается кабинета генерала, то тут использование короткофокусной оптики, в первую очередь, проявляется даже не столько в вытянутости помещения, сколько в гротескной трактовке сухопарой фигуры самого генерала в исполнении Б. В. Бибикова. Казалось бы, это противоречит словам о «преодолении композиционной “сделанности”», но письмо Юткевича было адресовано Штрауху, в нем уточнялось, что речь идет о главном в фильме, то есть образе Ленина. Данная сцена посвящена не равным врагам его даже (Керенскому, например), а исполнителям, выступающим в роли сыщиков (генерал дает наставления поручику). Стоит вспомнить, что линия поисков Ленина строится в сценарии Эрдмана и Вольпина на том, что и поручик, и добровольный сыщик-дачник, и решающий спасти Ильича Мухин ходят буквально вокруг героя, но никак не

могут его поймать. Если бы они были показаны серьезно, без тени комизма, эта линия вышла бы на первый план и «Подвиг солдата Мухина» стал бы триллером о преследовании.

Между тем, главный герой раскрывается вовсе не в том, как он уходит от преследователей (за вопросами конспирации как раз, в основном, следят Емельянов с сыном), а в его размышлениях о предстоящей революции, беседах с соратниками, прогулках в Разливе. Вряд ли эти сцены остались в фильме так, как их снял Москвин, только потому, что ушла летняя натура. В сценах в Разливе у Москвина важное место занимает состояние природы: переливы листья на солнце во время беседы с Дзержинским, серый закат над темной водой залива в сцене прощания. Ленин погружается в природную стихию, остается наедине с собой – это то вчувствование в состояние героя, через которое авторы позволяют увидеть его человеком, а не исторической функцией. Естественность, органичность соотношения Ленина и природы усиливает лирико-психологический, надфабульный план фильма.

Сама же фабула основывается на традиционно-детективной интриге с юмористическими обертонами, которая, пожалуй, является напоминанием об исторической ситуации 1917 года не только по событийному ряду. История поисков, где замешана политика и армия, с неправдоподобными слухами («Ленин в Стокгольме», – сообщает генералу агентура) отсылает к «сенсационным» разоблачениям тех лет (как Романовых с Распутиным, так и «немецкого шпиона» Ленина). Потому эти сцены Юткевич с Андриканисом преподносят иронически, стилизованно, подчеркивая тем самым их незначительность перед ленинской темой. Они «работают» не сами по себе, а в контрапунктическом взаимодействии с ней.

Эйзенштейн однажды написал: «Почему я люблю Прокофьева и Вагнера и не люблю Шостаковича и Хемингуэя <...>. Вторые – однолинейны. Первые – комплексны» [8, с. 393]. В работе над «Рассказами о Ленине» Москвин, по видимому, воспринял задачу единства как нахождение единого принципа восприятия реальности. Для Юткевича же контраст между сценами был только дополнительным способом более полного выражения ленинской темы, единство в трактовке которой никак не ставилось им под сомнение.

Тем более, если говорить не об отдельных приемах (выбор которых может меняться во время съемок, как, например, после просмотра «Летят журавли»), а об общей концепции, можно вспомнить слова Габриловича о Юткевиче: «Я никогда не встречался с ним по работе, но тут увидел в нем то, что потом всегда удивляло меня: точность цели, уверенность, прекрасную ясность <...>» [3, с. 406]. Подобное предощущение будущего фильма не могло не вступить в конфликт с не менее убежденным, но иным взглядом на конечный результат Москвина.

«Последнюю осень», ставшую второй новеллой, снимал один Андриканис (точнее, вместе со своей постоянной помощницей А. С. Ахметовой). Ознакомившись с местом съемок, Юткевич принял решение сделать ее цветной, так как «мягкий рассеянный свет дает возможность передать тонкую цветовую гамму» [9, с. 173]. Если первая новелла строилась на соотношении лирико-прозаических сцен с Лениным и условно-детективных – со шпиками, то во второй своего рода диалектическая двойственность свойственна непосредственно ленинской линии, так как главный герой участвует во всех значимых эпизодах фильма.

Двойственность эта, создающая единый мир вокруг Ленина периода Горок, выражается в двух линиях: близости смерти и «воли к жизни» (почти так называется любимый Лениным рассказ Джека Лондона). Первая фабульно представлена строго медицински и отчасти философско-политически (оторванность от «большой земли»), хотя вера в свои принципы относится ко второй – как и совершенно иная по тону, почти водевильная история любви медсестры Саши и электротехника Коли, которых Ильич по-отечески опекает.

За пределами Горок оказываются только два эпизода на заводе: доклад Саши о здоровье Ленина в начале фильма (и беседа Коли с Мышатовым) и митинг оппозиции. Оба призваны ввести тему народа – не только политически, но и как выражение того внешнего реального мира, от которого отъединен Ленин в Горках. В сцене доклада, который следует после короткой сцены знакомства Саши с Лениным, девушка становится медиумом между этими мирами: большим и малым. Ей даются наказы Ильичу от рабочих («чтоб поправлялся»), она вместе со всеми поет «Интернацио-

нал» «за здоровье товарища Ленина» – своего рода энергетический посыл, который ей следует передать. Использование Андриканисом короткофокусной оптикой в данном случае придает эмоциональный заряд мизансценам слушающих. Дальнейшая беседа с секретарем комячейки Мышатовым служит завязкой линии Саши и Коли. Весь первый эпизод на заводе подготавливает сцены в Горках.

На второй эпизод приходится смысловая кульминация: Ленин, несмотря на болезнь, прибывает на митинг и, опровергая слова оратора о необходимости фракций, демонстрирует свою уверенность в партии и дает своего рода наказ-завещание рабочим. Драматургически это выражение той связи с пролетариатом и с активной политической жизнью, о которой герой постоянно думал в Горках. Но если с точки зрения конструкции фильма этот эпизод был необходим, то решение его оказалось чрезвычайно трудным. С одной стороны, форма предсмертного обращения Ленина к народу была актуальна для 1957 года в свете «восстановления ленинских норм» в противовес «культу личности» Сталина, но с другой – оппонирует он в фильме троцкистам, выступавшим, как известно, именно против сталинской гегемонии...

Кроме того, как на этот раз справедливо заметил Бутовский, «оратор-оппозиционер с вытянутыми к камере руками превратился в карикатуру» [2, с. 264], которую не поддерживает никто в цеху. Но с ним и спорит – совершенно серьезно – Ленин, что неизбежно снижает пафос его речи. Впрочем, можно сказать, что конфликт трактовок (гротескный противник и серьезный герой), то есть конфликт эстетический, по-своему обостряет сцену, посвященную конфликту политическому.

Все конфликты, в которые вовлечен Ленин в Горках, находятся за их пределами: и с оппозицией, и с иностранными недоброжелателями. В усадьбе герой общается только с Крупской, сестрой Марией Ильиничной, начальником охраны Беловым и медсестрой Сашей. Уместно вспомнить размышления Эйзенштейна про бессознательную память об образе материнского лона, влияющую как на психофизические, так и на социальные аспекты: «В социальной биографии народов – это стадия, предшествующая классовому расслоению общества», – а в «Последней

осени» речь идет о двояко трактуемом времени провозглашения пути к бесклассовому обществу – и в то же время о кануне сталинской диктатуры... И далее: «В индивидуально-биологической биографии человека – это блаженное “утробное” состояние зародыша, свободного от условий борьбы за существование и существующего в состоянии невозмутимого благополучия сытости, тепла и защищенности от любых невзгод» [8, с. 301]. Безусловно, Ленин, наоборот, борется с болезнью и, по сути, со смертью, но Горки являются для него защищенным пространством, что Юткевич намеренно подчеркивал изобразительно: «Представь себе осень, дождливый вечер... <...>. Блики водяных струй отражаются на стенках уютной столовой и твоей спальни... Внутри свет мягкий, теплый, бликовый» [9, с. 175].

И та двойственность, которая была в социальном аспекте этого явления, обнаруживается и здесь: не столько в возможных подсознательных ассоциациях предсмертных месяцев Ленина с детством, сколько в живом представителе, образе детства и юности – Саше, полудевушке-полудевочке. Ильич рассказывает ей о своей женитьбе на Крупской (блестящий, ироничный и трогательный монолог Габриловича, оживленный, по-видимому, импровизационно Штраухом!), помогает советами Саше и Коле. Когда девушка приводит в Горки юношу для встречи с Лениным и после нее Ильич решает отправиться на митинг, где ему становится хуже, Саша считает себя преступницей – и тут Юткевич вводит тревожную музыку, показывает сверху маленькую фигурку волнуемой девушки на балконе, то есть «подыгрывает» ее состоянию, хотя вскоре Белов объяснит ей, что без волнений, без борьбы Ленин не может. Но потому режиссер и субъективизирует переживания Саши, что это та искренность, соприкоснуться с которой было необходимо Ильичу (для того же вводится новогодняя елка, устраиваемая Лениным для детей, которую наряжают Саша с Колей). Как писал А. С. Пушкин, «боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть», – и Ленин подпитывается этим. Сентиментальная наивность позволяет ввести ироническое отношение к событиям, во многом снижающее холодную патетику, свойственную иным обращениям к образу.

С другой стороны, беспечность этой линии оттеняет философско-политический план, во взаимодействии с которым и возникает свобода мыслительного процесса: он может перетекать от забастовок в Германии к женитьбе Саши, а от рассказа Джека Лондона к внутрипартийной оппозиции. Объединяющими началами являются актерская органика Штрауха и создание Юткевичем атмосферы, сообразной состоянию Ленина. О Штраухе трудно писать в отрыве от режиссуры: нюансы актерской игры (чуть прищуренный взгляд: и печально-предчувствующий, и подмигивающий молодым героям; усмешка, сменяемая возмущением) во многом поддерживают (и отчасти создают) тот баланс между трагичностью и жизнелюбием, который образует целостность фильма. Кстати, и в гриме Штраух просил подчеркнуть округлость, традиционно связываемую с гармонией (вспомним «круглого» Кутузова у Л. Н. Толстого): «У меня есть впадины на щеках, их не надо усугублять светом и подчеркивать, потому что у Ленина в этом месте – “яблочки”!» [10, с. 208].

Работая над «Последней осенью», Юткевич продолжал придерживаться линии правдоподобия среды, но оно было бы бессмысленно без правдоподобия психологических состояний («Я терпеть не могу ни “натурализма”, ни “физиологизма”» [9, с. 164], – писал он). Фильм обрамляется сценами приготовления усадьбы к приезду Ленина и ее закрытия после его смерти. Эти пролог и эпилог в какой-то степени можно сравнить с подготовкой к спектаклю: торжественно входит Белов, поднимает штору, открывает комнаты, а в конце также приводит все в порядок и удаляется по дорожке от дома. Такая параллель, вероятно, не подразумевалась осознанно, но речь в фильме и идет о последнем акте трагедии: несмотря на стремление Ленина к жизни, зритель знает о предопределенности финала (и создается ощущение, что уже знает Белов, когда только в первый раз проходит по усадьбе). Заметим, кстати, что тень от опускающейся шторы ранее была использована как метафора смерти Пушкина, а затем главного героя в «Лермонтове» (1943) А. А. Гендельштейна, поставленном под художественным руководством Юткевича. В этом образе – и торжественность, и сдержанность, и тактичность по отношению к материалу.

Внутри новеллы аналогичными метафорами психологической ситуации становятся кадры природы: элегическая осень (красота цвета – жизнь и увядание природы – смерть), вихрь, кружащий листья во тьме ночи. Юткевич отталкивается в каждом образе от реальной среды, но с помощью цвета, света и ритма акцентирует в ней оба начала (трагическое и оптимистическое), создающие эмоциональное поле фильма. Отсюда – слова Туровской и Ханютин о «счастливой полноте искусства».

Наконец, Юткевич не был бы Юткевичем, если бы не вышел за рамки традиционного повествования. На эмоциональном пике фильма, в сцене смерти героя, он вводит черную проклейку (с нарастающей музыкой) – это и минус-прием, отмечающий окончание пересечений состояний фильмовой реальности и героя, и, наоборот, самый субъективный кадр (только через восемь лет другую метафору смерти – красных коней –

создаст на экране С. И. Параджанов в «Тенях забытых предков»). Столь смелое нарушение монтажного киносинтаксиса не было характерно для кинематографа середины 1950-х (вскоре – более радикально – эту линию разовьет Ж.-Л. Годар).

Мне рассказывали, как недоверчиво шли студенты на предпремьерный просмотр во ВГИКе, ожидая холодно-официальную ленту, обменивались ироническими наблюдениями, а к началу второй новеллы затихли. Одновременно в другом конце зала кто-то, не выдержав новой дистанции по отношению к вождю, воскликнул: «Так с Лениным обращаться нельзя!» В «Рассказах о Ленине» Габрилович, Юткевич и Штраух перевели Лениниану на иной эстетический и эмоциональный уровень. Такой целостной взаимосвязи между внутренним состоянием героя и миром фильма, слежения за мыслительным процессом прежде не было не только в Лениниане, но и в других советских биографических лентах.

Литература

1. Аннинский Л. А. Шестидесятники и мы. – М.: Киноцентр, 1991. – 255 с.
2. Бутовский Я. Л. Андрей Москвин, кинооператор. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – 298 с.
3. Габрилович Е. И. Избр. соч.: в 3 т. – М.: Искусство, 1982. – Т. 1.
4. Кинематограф оттепели. – М.: Материк, 1996. – Вып. 1. – 262 с.
5. «Ленин в Польше»: Фильм о счастливом человеке. – М.: Искусство, 1968.
6. Российский государственный архив литературы и искусств. – Ф. 2758. – Оп. 1. – Ед. хр. 1613. – Л. 12.
7. Туровская М. И., Ханютин Ю. М. Верность искусству // Сергей Юткевич. – М.: БПСК, 1974.
8. Эйзенштейн С. М. Метод: в 2 т. – М.: Музей кино, Эйзенштейн-центр, 2002. – Т. 2.
9. Юткевич С. И. Контрапункт режиссера. – М.: Искусство, 1960. – 263 с.
10. Юткевич С. И. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Искусство, 1990. – Т. 2.

References

1. Anninskii L.A. Shestidesiatniki i my [Men of the 60s and we]. Moscow, Kinotcentr Publ., 1991. 255 p. (In Russ.).
2. Butovskii Ia.L. Andrei Moskvina, kinooperator. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2000. 298 p. (In Russ.).
3. Gabrilovitch E.I. Izbrannye sochineniia. V 3 tomakh [Selected Works. In 3 vol]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982, vol. 1. (In Russ.).
4. Kinematograf ottepeli [The cinematography of the 'Thaw']. Moscow, Materik Publ., 1996, iss. 1. 262 p. (In Russ.).
5. "Lenin v Polshe": Film o shchastlivom cheloveke [Lenin in Poland. The Film about the Happy Man]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. (In Russ.).
6. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva. F. 2758. Op. 1. Ed. Khr. 1613. L. 12.
7. Turovskaia M.I., Khaniutin Iu.M. Vernost' iskusstvu [The Faith to Art]. *Sergei Iutkevich*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. (In Russ.).
8. Eizenshtein S.M. Metod. V. 2 tomakh [Method. In 2 vol]. Moscow, Museum of Cinema Publ., Eizenshtein Center Publ., 2002, vol. 2. (In Russ.).
9. Iutkevitch S.I. Kontrapunkt rezhissera [The Counterpoint of a Director]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 263 p. (In Russ.).
10. Iutkevitch S.I. Sbraniie Sochinenii. V 3 tomakh [Collected Works. In 3 vol]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, vol. 2. (In Russ.).

УДК 785

ДИРИЖЕРСКИЙ ЖЕСТ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (О НОВОЙ ДИССЕРТАЦИИ ПО ТЕОРИИ ДИРИЖЕРСКОГО ИСКУССТВА)

Смирнов Борис Федорович, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры народных инструментов и оркестрового дирижирования, Челябинская государственная академия культуры и искусств, заслуженный работник высшей школы РФ (г. Челябинск, РФ). E-mail: smirnovbf@is74.ru

Наука дирижерского искусства развивается от узкотрактуемой мануальной техники к технологии и психологии дирижерского исполнительства. Одна из последних таких работ – диссертация О. С. Тремзиной на тему «Дирижерский жест как художественный феномен». Проблема заключается в том, что результат художественной деятельности дирижера всегда опосредован исполнительской деятельностью оркестра – коллективным субъектом, а это привносит элемент творческой непредсказуемости. Попытка осмыслить один из аспектов данной актуальной проблемы и предпринята в диссертационном исследовании.

Диссертант рассматривает онтологический (сущностный), компонентный (структурный) и семантический (смысловой) уровни корреляции дирижерского жеста и музыки, что, несомненно, является научной новизной. Далее дирижерский жест раскрывается как интонационно-ритмический феномен, перенимающий качества музыкальной интонации и ритма. Совершенно верный вывод диссертанта: интонация – основа интерпретационной (художественной) функции дирижерского жеста. Наконец, дирижерский жест рассматривается как модель художественно-выразительных средств коллективного творчества, то есть как интегрированный художественный феномен. И здесь высказанная идея – серьезная научная новизна диссертации. Впрочем, у нас появились и вопросы.

Главная претензия – к терминологическому аппарату исследования. Автор работы почему-то не анализирует базовое понятие искусства дирижирования – «мануальное движение» в связке с термином «дирижерский жест». Это неизбежно ведет к путанице и неточным выводам. Наш анализ дирижерского жеста и мануального выразительного движения дает им следующую характеристику. Дирижерский жест лаконичен во времени и пространстве, рационален и выполняет конкретную, прежде всего техническую задачу. Выразительное движение процессуально и эмоционально, воплощает художественные переживания дирижера, являясь носителем художественного образа. В силу этого утверждение автора диссертации о том, что дирижерский жест выступает как художественный феномен, ошибочно. Прикладной, служебный статус жеста определяет его как техническое средство для достижения художественной цели. Дирижерский жест даже иногда не может быть иллюстративным, тем более – театрализованным, как это утверждается в диссертации. Последнее противоречит интерпретационной функции искусства дирижирования. Неверные выводы – прежде всего следствие неразработанности понятийного аппарата исследования.

Тем не менее мы считаем, что в диссертации О. С. Тремзиной в целом достойно представлена концепция дирижерского жеста (по нашей версии – выразительного движения) как средства, инициирующего соответствующее музыкальное звучание оркестра, и как средства, воплощающего в себе это звучание. Оригинальность выдвинутых в работе научных идей очевидна. Результаты исследования расширяют представления специалистов о структуре и сущности дирижерско-исполнительского искусства.

Ключевые слова: дирижерский жест, выразительное движение, пластическая интонация, ритмопластика, художественная функция.

**CONDUCTOR'S GESTURE AS AN ARTISTIC PHENOMENON:
POLEMIC NOTES (A NEW THESIS ON ART OF CONDUCTING THEORY)**

Smirnov Boris Fedorovich, Doctor of Art History, Professor, Professor of Department of and Orchestra Conducting, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, Honorary Worker of Higher Education (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: smirnovbf@is74.ru

The science of art conducting was developing during the last decades and has turned from narrow-interpreted manual technique into conducting performing art technology and psychology. The last scientific research has resulted in the thesis by O.S. Tremzina on the topic "Conductor's gesture as an artistic phenomenon." The problem consists in the result of a conductor's artistic activity that is always indirect by performing activity of an orchestra which is a collective subject that always brings some creative unpredictability. The author of the thesis tries to comprehend one of the aspects of this problem which makes its research actual and important.

The writer of the thesis studies three levels of a conductor's gesture and music correlation: ontological (essential), component (structural) and semantic (notional), which is a new approach to the raised problem. Another important thing is to disclose conductor's gesture as an intonation-rhythmic phenomenon imitating the qualities inherent in musical intonation and rhythm. The writer of the thesis concludes by saying that intonation is the ground of a conductor's gesture interpretative (artistic) function. The conclusion of the writer of the thesis comes to understanding the conductor's gesture as collective creative activity artistic-expressive means model that makes it consider an integrated artistic phenomenon.

The idea proposed by the author is a serious innovation of the thesis though there are some questions to be answered.

Our main claim to be filed concerns the terms of the research. Thus the author gives no analysis of the fundamental notion of the art of conducting, i. e. "manual movement" in connection with the "conductor's gesture" term which results in a great deal of confusion and inaccurate conclusions. Meanwhile the analysis of a conductor's gesture and manual expressive movement leads to their following characteristics. A conductor's gesture is laconic in time and environment, rational and fulfils first and foremost the certain technical task. Expressive movement is procedural and emotional, i. e. it bears an artistic image emotional component. This is the reason why we disclaim the author's statement that a conductor's gesture acts as an artistic phenomenon. The applied official status of a gesture determines it first of all as a technical means to reach artistic aim. A conductor's gesture cannot lay a claim to priority in illustrating music, let alone some stage adaptation as it is stated in the thesis. Such gesture's qualities have nothing in common with the interpretative function of conducting art. Wrong conclusions prove therefore that the research conceptual terminology has been left undeveloped.

But in spite of all mentioned above we consider that the thesis by O.S. Tremzina in general contains conductor's gesture concept (in our version – expressive movement) both as the means initiating corresponding musical orchestra sound and implementing this sound in itself. All original scientific ideas reflected in the research work are obvious. The results of the research widen specialists' understanding the structure and essence of conducting performing art.

Keywords: conductor's gesture, expressive movement, plastic intonation, rhythm plastic, artistic function

Научные исследования по проблемам дирижерско-исполнительского искусства наконец-то выходят на свою истинную, сущностную дорогу. Если раньше, во II половине прошлого века, тематика немногочисленных диссертаций, а также учебных пособий сводилась преимущественно к узкотрактуемой технике дирижирования (что по тем временам объяснимо и оправдано), то в по-

следнее десятилетие все чаще появляются работы по технологии и психологии дирижерского исполнительства. В ноябре 2013 года автору данной статьи пришлось оппонировать в Российском (г. Санкт-Петербург) государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена диссертационную работу по проблеме художественно-невербальной коммуникации в дирижерском

исполнительстве [8; 9]. И вот новая диссертация О. С. Тремзиной «Дирижерский жест как художественный феномен» [10]⁴¹. По названию работы можно предполагать, что речь и здесь пойдет не просто о ремесленной технике дирижера, а об особой, выразительной технике дирижерско-художественного управления оркестровым (хоровым) исполнительством, в конечном счете – о художественной сфере, художественной функции дирижерского жеста. Именно она позволяет современному дирижеру быть не просто «отбивателем такта», а полноправным исполнителем, «ваяющим» визуально-кинетическую «скульптуру» музыкального произведения и, тем самым, эмоционально воздействуя на оркестрантов (хор) и даже на слушателей концерта.

Конечно, первооткрывателем художественной функции дирижерского жеста можно по праву считать И. А. Мусина. В своей широко известной и скромно названной книге «Техника дирижирования» [2] он четко зафиксировал ее три уровня: вспомогательная, выразительная и образно-выразительная (по нашей терминологии – художественная техника). Его последняя работа – «Язык дирижерского жеста» [3] – уточняет и развивает высказанные ранее ценные мысли. Однако еще рано говорить о том, что в данной сфере науки о дирижерском искусстве все уже ясно и нет никаких проблем, противоречий. Вопросов остается немало. Большинство их обусловлено той необычной исполнительской ситуацией, в которую неизбежно попадают и дирижер, и оркестр (хор). Эта ситуация заключается в том,

⁴¹ Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения состоялась в Саратовской государственной консерватории (академии) им. Л. В. Собинова 17 июня 2014 года. Научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой истории и теории исполнительского искусства и музыкальной педагогики Д. И. Варламов. Официальные оппоненты: доктор искусствоведения, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств Б. Ф. Смирнов; кандидат искусствоведения, профессор, народный артист РФ, лауреат государственной премии РФ, художественный руководитель и главный дирижер Саратовского академического театра оперы и балета Ю. Л. Кочнев. Ведущая организация – Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова.

что результат художественной деятельности дирижера всегда опосредован исполнительской деятельностью оркестра (хора) – коллективным субъектом. Именно это обстоятельство будет всегда приносить в дирижерско-оркестровое (хоровое) исполнительство элемент творческой непредсказуемости. Последнее же практически не поддается анализу. Об этом писал тот же И. А. Мусин, подчеркивая, что движения рук дирижера не дают непосредственно звукового результата и потому по ним сложно оценивать деятельность маэстро: «Поскольку дирижер не является непосредственным исполнителем произведения, постольку установление причинной (и следственной – Б. С.) связи между качеством исполнения и средствами, которыми оно достигнуто, весьма затруднительно, если не сказать, невозможно» [2, с. 6–7]. Тем не менее попытки осмысливать поднятые важные проблемы продолжаются, и в этом плане можно только приветствовать диссертацию О. С. Тремзиной, отмечая ее несомненную актуальность и перспективность дальнейшей разработки.

Содержание основного раздела диссертации в целом вполне убедительно. Здесь высказано много интересных мыслей. Одна из самых важных – вывод о трех уровнях корреляции дирижерского жеста и музыки – онтологическом (сущностном), компонентном (структурном) и семантическом (смысловом) [10, с. 62]. Диссертант последовательно выявляет принципы взаимосвязи, взаимовлияния рассматриваемых феноменов. Нет сомнения в том, что полученные результаты представляют собой новый взгляд на проблему соотношения дирижерского жеста и музыки в оркестровом (хоровом) исполнительстве.

Центральное место в диссертации занимает содержание второй главы, где дирижерский жест раскрывается как интонационно-ритмический феномен. Подчеркивается, что дирижирование как средство художественной выразительности воплощает в себе, прежде всего, музыкальную интонацию и ритм. Тем самым оно само выступает в роли пластической интонации и ритмической пульсации, перенимая качества, присущие музыкальной интонации и ритму – основным компонентам художественно-образного содержания. Ритмическая пластика дирижера, реализуясь через систему междольных аффтактов, оказывает

непосредственное и соответствующее психолого-эмоциональное воздействие на исполнителей [10; с. 86–87, 120–121]. Резюме диссертанта: «Интонация, являясь основной носительницей музыкального смысла, занимает главное место в интерпретационной функции дирижерского жеста» [10, с. 121]. Невольно вспоминается знаменитая фраза академика Б. В. Асафьева о том, что в дирижерском искусстве необходимо прежде всего интонировать музыку, а не «метрономировать» ее [1, с. 299]. В то же время интересны рассуждения диссертанта о неправомерности традиционного отнесения техники тактирования, обозначающей метроритм музыки, к второстепенным средствам дирижирования [10, с. 66]. «Метрическая пульсация дирижерских жестов, – читаем далее, – не просто передает музыкальный метр, но и усиливает его художественное воздействие» на оркестрантов, стимулируя качественный звуковой ответ [10, с. 86]. Достойная оценка проявления метра – этого «Царя музыки» (В. Г. Рахманинов) – в искусстве дирижирования!

Наконец, завершающий вывод диссертанта: «Жест (дирижерский – Б. С.) предстает как модель других художественно-выразительных средств коллективного творчества (а именно, средств композитора, исполнителя, музыкального звучания), что позволяет говорить о нем как об интегрированном художественном феномене» [10, с. 134]. Такое необычное мануальное выразительное средство воздействия на оркестр (хор) становится доминирующим во всей системе художественно-невербальной коммуникации коллективного творчества. Несомненно, высказанная идея – серьезная научная новизна диссертационного исследования, хотя здесь и есть вопросы (об этом ниже). Нельзя не согласиться с заключительным тезисом автора диссертации: «Дирижерская жестикуляция играет определяющую роль в коллективном творчестве, где высокохудожественное исполнение во многом зависит от уровня мануального пластического искусства дирижера» [10, с. 152]. Подобная значимость дирижерского жеста, конечно же, объясняется многогранностью его художественной функции, благодаря которой он выступает и как средство общения с оркестром (хором), и как средство художественного моделирования, артикуляции, предвосхищения и фиксации музыки.

Таким образом, в диссертационном исследовании О. С. Тремзиной достойно представлена концепция дирижерского жеста как средства, инициирующего соответствующее музыкальное звучание оркестра (хора), и как средства, воплощающего в себе это звучание. Выявлены компоненты музыкального искусства, порождающие дирижерское мануальное движение как уникальное средство интерпретации исполняемой оркестром (хором) музыки. Нет сомнения в том, что передача художественной информации от дирижера к оркестру и наоборот, а также собственно управление оркестром есть единый коммуникативный процесс, раскрывающийся с обеих сторон художественно-образное, эмоциональное содержание музыки и особенности ее личностно-дирижерской интерпретации.

На протяжении всей работы рассуждения исследователя опираются на множество первоисточников, анализ широкого круга научной литературы. Можно сказать, что это междисциплинарная работа, отражающая современный подход к изучению сложнейших проблем музыкально-исполнительского искусства, в частности – дирижерского. В целом избранный подход диссертанта к рассмотрению поставленных актуальных вопросов в конечном счете уточняет, углубляет и обогащает понимание природы, сущности и специфики дирижерского искусства.

Было бы удивительно, если б диссертационное исследование, посвященное сложнейшим проблемам дирижерского искусства, где столько «белых пятен», неразрешенных научных проблем, оказалось свободным от недостатков. Нет, они, на наш взгляд, есть. Так, рассуждая о дирижерском жесте, дирижерской и мануальной жестикуляции или просто жестикуляции, которые автор диссертации рассматривает по сути как понятия-синонимы [10, с. 3], следовало бы все же дать дифференцированную характеристику этим ключевым терминам (слова-синонимы не имеют абсолютно одинаковый смысл). Желательно было бы выявить сходство и различие между дирижерским жестом и жестом-ауфтактом, дирижерской жестикуляцией и техникой дирижирования, определить соотношение понятий «единичный дирижерский жест» и «мануальное искусство дирижирования» и т. д. Но главный недостаток, на наш взгляд, в том, что не анализируется фунда-

ментальное понятие искусства дирижирования – «мануальное движение» в связке с термином «дирижерский жест». Полагаем, что любая научная работа должна начинаться с уточнения профессионального терминологического аппарата. Поднятая проблема не раз рассматривалась нами в соответствующих работах [5; 6; 7]. Тем не менее, позволим себе вновь высказать свою точку зрения на ключевые понятия дирижерско-исполнительского искусства.

В теории дирижирования наиболее часто используются такие термины, как «движение» и «жест». Необходимо различать их как по внутреннему смысловому наполнению, так и по внешнему формальному проявлению. Исходный тезис здесь таков: любой жест есть движение, но не всякое движение есть жест. Движение, несомненно, несет в себе широкое, обобщающее начало. Жест, напротив, демонстрирует свое узкофункциональное значение. Не случайно логическое ударение на том или ином слове иногда называют звуковым жестом. Жест, фактически, есть кратковременное движение или даже остановка, то или иное положение руки. В связи с этим дирижерские жесты подразделяются на динамические и статические, фиксированные, которым, однако, все равно предшествует движение (например, поднятая вверх рука, призывающая оркестр к поддержанию соответствующей громкости звучания).

Таким образом, жест, в отличие от движения, лаконичен во времени и пространстве, функционально предельно конкретен и по форме максимально целесообразен. Так, К. А. Ольхов дает следующее определение (правда, неполное) дирижерскому жесту: «Единичный взмах руки от одной “точки опоры” до другой» [4, с. 12]. Дирижерский жест – относительно законченное смысловое образование, обычно отражающее рациональную сторону психики человека. Он всегда выполняет конкретную прикладную, служебную задачу и поэтому строго целенаправлен (показ вступления или снятия звучания, изменение темпа, динамики и т. д.). Очевидно, что жест, включенный в систему тактирования, вбирает в себя понятие «ауфтакт». Дирижерский жест – это не просто движение, это – сознательное, активное, волевое действие, это действенный жест. В семиотическом аспекте дирижерский жест – это всегда знак (элемент процесса коммуникации), сигнал

(материальный носитель информации) к тому или иному действию артистов оркестра (хора). В методическом аспекте в основе дирижерского жеста лежит тот или иной двигательный прием, формализованный способ его выполнения.

Выразительное движение, в противоположность жесту-действию, внешне отражает преимущественно эмоциональное состояние человека. Дирижерское выразительное движение непосредственно воплощает художественные переживания дирижера. Если жест как материальный знак является носителем понятия – идеальной логической мысли, то экспрессивное выразительное движение может быть носителем идеального художественного образа – его эмоционального компонента. В этом случае дирижерское выразительное (художественно-образное) движение можно рассматривать как своеобразный художественный знак художественно-семиотической системы. А если конкретнее – это двигательнопластический знак (по аналогии с музыкально-звуковым знаком), поскольку художественный образ здесь тесно «сращен» со своим материальным носителем – телесной пластикой. И все же эмоционально-выразительные движения в нашей жизни выполняют роль не столько своеобразных знаков, сколько средства непровольного «заражения» своими эмоциями других людей. То же – в дирижерско-оркестровом (хоровом) исполнительском искусстве.

Выразительные движения, включенные в систему тактирования (техническая сфера), становятся действенными ритмизованными движениями. В их основе лежат междольные ауфтакты. Благодаря им метроритмическая структура музыки находит свое проявление в одухотворенном пульсе мануального искусства дирижирования (так возникает понятие «моторика движения»). В конечном счете некой выразительностью обладают и все технические жесты дирижера.

Итак, невербальный мануальный язык дирижирования – сфера как нехудожественной, так и художественной семиотических систем при явном доминировании последней. Из этого следует: искусство дирижирования включает в себя неравнозначную двухуровневую психологическую структуру и выражает ее рациональный и, преимущественно, эмоциональный компоненты. Поскольку дирижерские жесты-действия пред-

ставляют меньшую часть структуры двигательнопластического процесса (бóльшая его часть – выразительные движения), то, следовательно, и чисто знаковые отношения, как и их понятийные значения, занимают соответственно небольшое «поле» в общем информационном спектре мануального искусства дирижирования (остальное место – за художественной образностью).

Итак, специфика дирижерского жеста-действия состоит в следующем:

- жест-действие, как правило, рационален, а также коммуникативен, лаконичен и целенаправлен;

- жест-действие как невербальный элемент знаковой системы, как информационный сигнал однозначен и конкретен;

- жест-действие моно- или полифункционален, но с одной доминирующей технической задачей;

- жест-действие проявляется во взаимодействии с выразительным движением.

Специфика дирижерского выразительного движения характеризуется так:

- выразительное движение преимущественно эмоционально, а также коммуникативно и процессуально;

- выразительное движение как невербальный элемент художественной системы, как первичная «клетка» образа многозначно;

- выразительное движение полифункционально и целеопределенно – в основном служит цели создания художественного образа;

- выразительное движение проявляется во взаимодействии с жестом-действием.

Таким образом, в теории музыкального исполнительства есть необходимость хотя бы условного разграничения понятий «движение» и «жест» во избежание их постоянного смешения, приводящего к путанице и ошибочным выводам. Так, на основе наших рассуждений трудно согласиться с утверждением автора диссертации о том, что дирижерский жест выступает как «достаточно самостоятельный полноценный художественный феномен, коррелирующий с содержанием музыки» [10, с. 62]. А с формой? Быть самостоятельным, да еще и полноценным художественным явлением дирижерский жест, как и дирижирование в целом, не может по определению. Прикладной, служебный статус дирижерского жеста определя-

ет его всего лишь как одно из средств для достижения высшей художественной цели – интерпретации музыки (действительно самостоятельного и полноценного вида искусства). К тому же дирижерский жест, как выяснилось, выполняет прежде всего техническую функцию (например, поддержка исполнительского ансамбля). В связи со сказанным необходимо признать формулировку темы диссертации – «Дирижерский жест как художественный феномен» – явно неудачной.

Особенно озадачил нас материал § 2 гл. III своей неожиданной постановкой проблемы – дирижерский жест как элемент театрализации...

По нашему мнению, данный материал диссертации имеет лишь косвенное отношение к теме исследования. Так называемый театраль- ный, театрализованный, иначе – иллюстратив- ный жест дирижера, «раскрашивающий» про- цесс исполнения, не имеет ничего общего с про- фессионально-управленческой, интерпретацион- ной функцией искусства дирижирования. За пре- делами этой функции дирижерского жеста нет и быть не может. Появляется актерство, мануальная пантомима. Но это уже другая профессия. Конечно, элементы театрализации или иллюстративно- сти в порядке исключения могут вкрапываться в общий дирижерский процесс – нет правил без исключений. Однако всем дирижерам, тем более начинающим, все же необходимо ориентировать- ся на устоявшиеся правила, сложившиеся нормы, фундаментальные законы дирижерского иску- ства, которые и нужно изучать.

А исключения, тем более связанные с ману- альным иллюстрированием экспериментальной, авангардной музыки, достаточно просто знать.

Высказанные нами замечания, как и поле- мические рассуждения, конечно же, серьезно не влияют на общее положительное впечатление от исследования. Диссертация О. С. Тремзи- ной, посвященная специфическим особенностям дирижерского жеста, несомненно, состоялась. Данное исследование, как уже отмечалось выше, весьма актуально и отличается оригинальностью выдвинутых научных идей. Каждому специали- сту, так или иначе связанному с дирижерской профессией, рекомендуем познакомиться с этим трудом. Будем ждать новых откликов, новых ин- тересных работ.

Литература

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. – 2-е изд. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Мусин И. А. Техника дирижирования. – Л.: Музыка, 1967. – 352 с.
3. Мусин И. А. Язык дирижерского жеста. – М.: Музыка, 2006. – 232 с.
4. Ольхов К. А. О дирижировании хором: крат. пособие. – Л.: Музгиз, 1961. – 108 с. – (В помощь педагогу-музыканту).
5. Смирнов Б. Ф. Дирижерско-симфоническое искусство: Музык.-эстет. и соц.-психол. аспекты: моногр. / Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Композитор, 2012. – 295 с.
6. Смирнов Б. Ф. Искусство дирижирования: Движение и жест: (опыт исслед.) / Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2000. – 14 с.
7. Смирнов Б. Ф. О художественной технике дирижера: (теорет. заметки) // Музык. акад. – 2004. – № 3. – С. 145–147.
8. Смирнов Б. Ф. Преломление художественно-невербальной коммуникации в дирижерском исполнительстве: полемические заметки (о новой диссертации по теории дирижерского искусства) // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – № 1 (37). – С. 77–81.
9. Соболева Н. А. Художественно-невербальная коммуникация и ее преломление в дирижерском исполнительстве: дис. канд. искусствоведения. – СПб., 2013. – 176 с.
10. Тремзина О. С. Дирижерский жест как художественный феномен: дис... канд. искусствоведения. – Саратов, 2014. – 168 с.

References

1. Asaf'ev B.V. Muzykal'naia forma kak protsess: v 2 kn. [Musical form as a process: Books 1 and 2]. Leningrad, Muzyka Publ., 1971. 376 p. (In Russ.).
2. Musin I.A. Tekhnika dirizhirovaniia [Technique of conducting]. Leningrad, Muzyka Publ., 1967. 352 p. (In Russ.).
3. Musin I.A. Iazyk dirizherskogo zhesta [Language of conductor's gesture]. Moscow, Muzyka Publ., 2006. 232 p. (In Russ.).
4. Ol'khov K.A. O dirizhirovanii khorom: kratkoe posobie [On choir conducting: short manual]. Leningrad, Muzgiz Publ., 1961. 108 p. (In Russ.).
5. Smirnov B.F. Dirizhersko-simfonicheskoe iskusstvo: Muzykal'no-esteticheskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: monografiia [Conducting-symphonic art: Music-esthetic and social-psychological aspects: monograph]. The Cheliabinsk State Academia of Culture and Arts. 2-nd edit., supplemented. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2012. 295 p. (In Russ.).
6. Smirnov B.F. Iskusstvo dirizhirovaniia: Dvizhenie i zhest: (opyt issledovaniia) [Conducting art: Movement and gesture (research experience)]. The Cheliabinsk State Academia of Culture and Arts. Cheliabinsk, 2000. 14 p. (In Russ.).
7. Smirnov B.F. O khudozhestvennoi tekhnike dirizhera: (teoreticheskie zametki) [On conductor's artistic technique (theoretical notes)]. *Muzykal'naia akademiia [Academy of Music]*, 2004, no. 3, p. 145–147. (In Russ.).
8. Smirnov B.F. Prelomlenie khudozhestvenno-verbal'noi kommunikatsii v dirizherskom ispolnitel'stve: polemicheskie zametki (o novoi dissertatsii po teorii dirizherskogo iskusstva) [Refraction of artistic non-verbal communication in conducting performing art: polemic notes (about a new thesis on the theory of conducting art)]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudartvennoi akademii kul'tury i iskusstv [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*. Cheliabinsk, 2014, no.1 (37), PP. 77–81. (In Russ.).
9. Soboleva N.A. Khudozhestvenno-verbal'naia kommunikatsiia i ee prelomlenie v dirizherskom ispolnitel'stve. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Artistic non-verbal communication and its refraction in conduction performance: thesis on application to the scientific degree of an art history candidate of science]. St. Petersburg, 2013. 176 p. (In Russ.).
10. Tremzina O.S. Dirizherskii zhest kak khudozhestvennyi fenomen. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Conductor's gesture as an artistic phenomenon: thesis on application to the scientific degree of art history candidate of science]. Saratov, 2014. 168 p. (In Russ.).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 2.1

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

В работе раскрывается содержание понятия «духовная культура общества». С этой целью анализируется наиболее распространенный в отечественной научной литературе аксиологический подход к пониманию духовности и духовной культуры. Сопоставляется ситуация с их рефлексией на Западе и в России, фиксируется ее сходство, прежде всего, в отношении образовательного и воспитательно-го процессов разных уровней. Автором используется нетрадиционный – инструментальный – подход к определению понятия духовной культуры общества, что дает возможность ее праксеологической интерпретации.

В теоретическом плане духовная культура трактуется посредством категории бесконечности мироздания и личности человека как основания доступной человеку формы трансцендирования. На этой платформе устанавливается соположенность духовности конфессионально-теистической, в частности, православно-христианской, с духовными компонентами светской культуры, транслируемыми фундаментальной наукой, философией, искусством.

В статье рассматриваются также теоретические и духовные основания реформирования современной педагогики, первично разработанные в эмиграции русским философом и богословом В. В. Зеньковским и получившие дальнейшее развитие в трудах отечественных мыслителей и ученых советского периода – С. Л. Рубинштейна, А. С. Арсеньева, А. В. Петровского и их последователей. Приводится также практически важная для образовательного сообщества духовно фундированная периодизация развития личности человека детского, подросткового и юношеского возраста.

В качестве значимого вывода приводится мысль о том, что духовная культура общества обладает имманентно-трансцендентной природой и включает в себя все религиозные, эзотерические, гуманитарные, художественные и научные практики, выводящие человека в надмирный горизонт.

Ключевые слова: духовная культура, духовно-нравственное образование и воспитание, бесконечность, христианство, ценности, истина, добро, красота, смысл.

SPIRITUAL CULTURE OF SOCIETY: CONTENT OF A CONCEPTS

Minenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

The substance of the concept of “spiritual culture of society”. To this end, the most common analyses in domestic scientific literature axiological approach to understanding the spirituality and spiritual culture. The situation with their reflection in the West and in Russia is compared and its similarities are recorded, especially in relation to education and educational processes at various levels. The author uses an unconventional – tool – an approach to the definition of the spiritual culture of the society that allows its praxeological interpretation.

In theoretical terms, spiritual culture is treated as category of the universe infinity and the human personality as the basis of available human form of transcendence. The juxtaposition of religious and theistic spirituality is set on this platform, in particular, the Orthodox Christian, spiritual components of secular culture, transmitted by basic science, philosophy, art.

The article also discusses the theoretical and spiritual foundations of modern pedagogy reform, initially developed in exile by Russian philosopher and theologian Vladimir Zenkovsky and further elaborated in the works of Russian thinkers and scientists of the Soviet period – Rubinstein, A. Arsenyev, A. Petrovsky and their followers. We also give practical importance to the educational community of spiritual well-founded periodization of the development of human personality: infant, adolescent and young age.

As the implications of the findings given the idea that the spiritual culture of society has immanent-transcendent nature, and includes all religious, esoteric, humanitarian, artistic and scientific practices that present human transcendence horizon.

Keywords: spiritual culture, spiritual and moral education and upbringing, infinity, Christianity, values, truth, goodness, beauty, meaning.

Прежде всего, следует отметить, что в культурологическом плане духовная культура общества соположена с культурой материальной. Оба типа культуры охватывают тотальность, с одной стороны, материально-предметной реальности общества с ее доминирующей утилитарной функциональностью, с другой – объектов культуры с преобладанием символической функциональности. Такое различие не влечет за собой субстанциального противопоставления по причине отсутствия в культуре общества объектов как чисто духовных, лишенных признаков материальности, так и абсолютно материальных, не обладающих идеальной составляющей (см. [14, с. 179]).

Тема духовности, духовной культуры общества находится в настоящее время на пике популярности и востребованности. Нередко высказывается мнение, что в результате произошедшей в России в XX веке революции большевики и атеисты «перехватили» это понятие у религии и, прежде всего, православия – по принципу «хоть какая-то польза от религии». Но исторически это не совсем точно, поскольку «духовность» как феномен и понятие обрела в нашей стране тотальность именно в 1990-е годы после очередной государственной катастрофы и крушения – теперь уже социализма. Духовности придается значимость одного из ключевых факторов возрождения страны. Так, В. А. Лекторский в состоявшейся дискуссии о соотношении духовности, творчества и нравственности утверждает: «Я убежден в том, что если Россия не сможет вернуться к духовности, она погибнет как великая и неповторимая

культура, а значит, и как страна» [9, с. 35]. Еще более значимо то, что понятия «духовное», или «духовно-нравственное», образование и воспитание вошли как базовые семантические единицы в государственную образовательную программу с введением два года назад обязательной школьной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ).

Поставим вопрос: является ли такая популярность «духовности» специфичной лишь современной России? Ответ однозначный: нет! В фундаментальном двухтомном исследовании «Духовность. Формы, принципы, подходы» нидерландский теолог К. Ваайман прослеживает исторические перипетии употребления этого понятия и приходит к выводу, что на протяжении XVIII–XIX столетий оно неуклонно снижалось, сойдя на нет к концу XIX века, на что были свои причины. Зато в XX столетии, особенно в последние его десятилетия, наблюдался неуклонный рост популярности понятия духовности. Автор рассматривает в первой главе 54 формы (виды, движения, комплексы) духовности! Ситуация зеркально отражает процесс в современной России, близка также западная и отечественная терминология. В 1993 году Британский национальный совет по образованию опубликовал меморандум «Духовное и нравственное развитие», хотя такие документы появлялись и раньше. Принципиально подчеркнем, что в названном документе духовность не связывается с развитием религиозных убеждений учащихся, то есть она надконфессиональна (см. [3, с. 49–54]).

Определений духа и духовности, не связывающих себя однозначно с той или иной религиозной конфессией, великое множество. Приведу одно из самых поэтичных, принадлежащее Дэвиду Бому – великому физика, ученику А. Эйнштейна. На конференции в Праге в 1992 году «Наука, духовность и глобальный кризис: в направлении мира с будущим» он говорил: «Что есть дух? <...> Это невидимая сила ветра, приводящая в движение деревья. Дух мы можем мыслить как невидимую силу – жизнедающую сущность, глубоко захватывающую нас, или как источник, который приводит в движение все, действуя из глубин... Дух не очевиден, не проявлен, не манифестирован <...> Он трудноуловим, тонок и, следовательно, противоположен тому, что манифестировано <...> Невидимый и неуловимый, он, однако, имеет решающее значение» [2, с. 8, 9]. Красиво! Но как с ним «работать»? Кроме того, возникает вопрос, оправдано ли такое расширение смысла «духовности» в обществах христианского ареала цивилизаций, где исходным являлся догмат о Духе Святом как одном из Лиц Бога-Троицы, или, по крайней мере, о «духовном» как непременно связанном с Церковью как религиозным и социальным институтом (духовное образование, духовное лицо и т. п.)? Ответ не лежит на поверхности.

Поэтому духовность не является понятием, содержание которого самоочевидно. Существует значительное расхождение между христианским и светским пониманием духовности. Православно-христианская трактовка духовности, хотя она и не выражена в систематических ученых трудах, логична и понятна православным людям. Известный русский богослов, эмигрант Павел Евдокимов пишет: «Слово “духовный” отсылает к Святому Духу и указывает на уровень бытия, свойственный “рождению свыше”» [6, с. 25]. А профессор А. И. Осипов отмечает, что в свете православного мировоззрения разговоры о духовности беспредметны, если не признается существование святого Духа: «В абсолютном смысле духом является Бог... И согласно христианскому пониманию, духовен тот, кто наиболее уподобился Богу, то есть стал богоподобен» (цит. по [5, с. 88]). Существуют и современные, более основательные церковные разработки по

духовности, в качестве примера можно привести глубокие мысли протоиерея Александра Салтыкова относительно специфики православной духовности. Он выделяет такие черты православной духовности как ее центрированность на «феномене Образа», иконографический канон как соборный опыт Церкви, символичность духовности, а также ее связь с категорией духовного подвига, основанного на «трезвении ума» (см. [12, с. 83–86]).

Но как только мы обращаемся к светской традиции трактовки духовности, мы попадаем в мир мнений, которые сильно расходятся со сказанным. Например, у профессора В. Д. Шадрикова милосердие и сострадание как проявления духовности восходят к заботе об отдельных членах сообщества, свойственной еще членам животного стада предчеловека. Чаще всего духовность в светской традиции получает если не сугубо интеллектуальную, знаниевую, то, по крайней мере, морализаторскую или эстетизированную трактовку. Речь идет о традиционном сведении духовного к высшим ценностям человека, общества, культуры. Нет числа определениям духовности, даваемым в аксиологическом ракурсе. Возникает по-своему упорядоченная и, на первый взгляд, приемлемая конструкция. Ключевые категории, которые охватывают всю полноту духовного измерения человека и общества в таком подходе, это Истина, Добро, Красота. Об этом знали уже древние греки. Но сюда нужно включить также Святость и Смысл. Соответственно, это такие сферы культуры как: наука – мораль – искусство – религия – философия. Категориально это обобщила В. Г. Федотова, выделившая типы духовности: теоретизм, этизм, эстетизм и религиозность (см. [13]).

Таким образом, каждой связанной с духовностью области культуры соответствует своя сверхценность. Узвимое место такой конструкции состоит в том, что до середины XIX столетия понятие ценности в прямом смысле слова не было известно ни древней (греко-римской), ни средневековой европейской культурам. Кроме того, не всякая наука или искусство, конвенциональная нерефлексивная мораль или даже религиозное верование несут в себе духовное – в смысле доброе, нравственное начало. Уже не говоря о том, что согласно христианской позиции духовность

может быть не только благодатной, но и «темной», злой силой. О «Духе зла» писали великие русские поэты, его изображали художники.

Нельзя не отметить в данном подходе такой признак, как символический язык, на котором представлены и транслируются в культуре высшие духовные ценности. Это действительно существенный момент, без которого эти ценности всего лишь «слова». Символизм в культуре – многосложное явление, на которое в связи с духовностью одной из первых в новейшей литературе обратила внимание в Е. В. Золотухина-Аболина (см. [8, с. 15–16]). Суть в том, что смыслы, транслируемые символом, не определены в своих границах, их объем не задан однозначно, поэтому смысл символов потенциально безграничен.

Несмотря на широкий поток публикаций и мероприятий о духовности – диссертации, статьи, книги, симпозиумы и конференции, – представляется справедливым критическое, можно сказать «отрезвляющее», замечание на этот счет известного культуролога А. Я. Флиера. Он считает, что современные гуманитарные и искусствоведческие исследования ограничены узкой методологической базой, чрезмерно привязаны к метафизическим категориям, типа «духовности» – «популярной, но абсолютно не операциональной с точки зрения научного познания категории...» [14, с. 75]. Но что означает «операциональность»? Исток понятий операциональности, инструментальности восходит еще к философии Д. Беркли, но основательно они были введены в употребление американским философом Д. Дьюи (1859–1952), который не признавал фактов как «чистых» данных. Комментаторы пишут о его позиции: «Ничто не дано иначе, как в отношении к идее или оперативному плану, что всегда можно зафиксировать символическими терминами... Операциональны и идеи, и факты. Идеи операциональны, ибо они по своей природе суть проекты вторжения в существующие условия. Факты как следствия организации и выбора тоже операциональны». И еще: «Важно, чтобы идеи не теряли связи с практикой, ибо идеи – логические или научные – всегда функции реальных проблем <...> Таким образом, смысл инструментализма таков: истина не в адекватности мышления бытию, скорее она “в надежности ведущей

идей”» [11, с. 327, 328]. Эти положения важны в контексте дальнейших рассуждений.

Если понятие духовности может и должно быть операциональным, то для какой области исследований или социальных практик оно имеет принципиальное значение? Современное православно-христианское богословие функционирует в рамках давно наработанного понятийного аппарата и не нуждается во введении новых смутных понятий. Соотношение, например, души и духа в психологической структуре человека в историческом и актуальном ракурсах рассматривается в традиционных терминах «дихотомия» и «трихотомия». Появляются убедительные, много проясняющие результаты, достигнутые, например, в работе философа А. Р. Фокина (см. [15]). Поэтому нам представляется, что в наибольшей мере в рефлексии понятия духовности и ее реально применимых результатах в современном российском обществе нуждаются образовательные структуры и педагогические практики. В них формально уже сейчас встроено «духовно-нравственное образование и воспитание» обучаемых. Но пока они теоретически и методически большей частью «безосновны» и действуют надежным «методом» проб и ошибок, за исключением учреждений, которые находятся под патронажем узкого слоя хорошо подготовленных православных педагогов, в частности, через Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет и доросшие до сопоставимого с ним уровня теологические образовательные учреждения.

Поэтому требуется концептуализация духовности. В связи с этим духовность, на наш взгляд, необходимо связать с представлением о бесконечности. В ранее опубликованных работах (см. [10, с. 85–114 и др.]) мы уже обращали внимание на роль категории бесконечности в европейской философии, науке и культуре Нового времени. В частности, было показано, что реально в мышлении европейцев функционировало понятие потенциальной, экстенсивной бесконечности, наглядным образом которой является пример Аристотеля с рядом натуральных чисел – никогда не завершимым! Понятие же актуальной, завершенной бесконечности, как качественной и интенсивной, вводится лишь тео-

логически и относится скорее к апофатическому (отрицательному) богословию. Немецкий теолог Фр. Шлейермахер (1768–1834), а вслед за ним переводчик его работы «Речи о религии» С. Л. Франк глубоко раскрыли роль интуиции бесконечности для всякого религиозного сознания. Поэтому, не вдаваясь в повторы и аргументацию, мы можем проецировать это положение не только на институционально оформленные конфессии, но и на любые духовно-религиозные феномены. Очевидно, что духовная культура шире понятия религиозной культуры. И мы, наконец, подходим к искомому – определению содержания понятия духовной культуры общества.

Все что размыкает точечное существование человека в бесконечный во времени, пространстве и качественных состояниях мир – то и обладает существенным признаком духовного. Отсюда: наука может быть сугубо прагматичной технонаукой, нацеленной на наращивание технической мощи человечества, что и происходило в последние десятилетия XX столетия и далее. Но она может быть и духовно-ангажированным занятием, как то было у великого И. Ньютона. Иначе говоря, духовное в культуре общества и в индивидуальном сознании – это манифестация реальности с точки зрения целого, которое уходит в бесконечность и для человека полностью непостижимо. О духовной составляющей каждой из пяти вышеназванных категорий и сфер культуры можно говорить отдельно, везде есть своя, не лежащая на поверхности специфика. Приведем, кажется, удачный пример. К. Ваайман отмечает факт проведения в 1994 году в Лондоне конгресса на тему «Образование, духовность и целостная детская личность», посвященный роли духовности в воспитании, обучении и образовании. Детская духовность связана, с точки зрения участника – Р. Коулса, – с вопросами о смерти, о жизни на земле и об окружающей среде. Нетрудно заключить: все три вопроса носят, по крайней мере, планетарный характер, размыкаются в бесконечность и вечность (см. [3, с. 50]).

Идея бесконечности как неотъемлемая компонента любого истинно-духовного опыта вошла в арсенал западной теологии и отечественной философии и богословия. Но вызывает удивление тот факт, что в западной новоевропейской

философской антропологии, в учениях о человеке его богоподобная бесконечность оказалась идеей слабо концептуализированной, по сути маргинальной и второстепенной. И заслуга всестороннего осмысления и развития принципа бесконечности человека, нужно прямо сказать, принадлежит именно русской философии конца XIX – первой трети XX столетий. Начинать нужно с основателя русской философской школы В. С. Соловьева. Принципиально же идею бесконечности личности во всех ее аспектах и следствиях развили такие мыслители, как Б. П. Вышеславцев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин. Каждый из них работал в этом направлении по-своему. Пальму первенства в смысле хронологии и диалектического искусства развития идеи следует отдать Б. П. Вышеславцеву (см. [4]).

Перестройку психологии в свете категории бесконечности человека основательно наметил в работе «Душа человека» С. Л. Франк (см. [16]). По близости к христианской догматике наиболее интересен Л. П. Карсавин. Но наиболее точные формулы для определения сущности феномена бесконечности в сопряжении с воспитанием и образованием детей и подростков предложил известный русский философ и теоретик педагогики Василий Васильевич Зеньковский (1882–1962). Подчеркивая основополагающее значение чувства бесконечности, он пишет: «Духовная жизнь в человеке есть непрестанное, неутомимое искание Бесконечности, и как раз этой его чертой оно сообщает человеку тот *élan spirituel*, который движет человека к Богу» [7, с. 150]. И еще: «Существенное и основное в духовной жизни заключается в искании Бесконечного и Абсолютного. Это искание есть самое основное и глубокое в нас, есть неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущей духу <...> Из этого искания Абсолютного надо исходить... в раскрытии “тайны свободы”. Свобода онтологически возможна лишь потому, что душа сопряжена с Бесконечностью, что и освобождает ее от плена различным отдельным, временным влечениям. Эта обращенность души к Бесконечному, эта ненасытная жажда быть в нем, эта невозможность всецело уйти в что-либо частичное, временное – и есть основа свободы нашей, возвышающей нас над законом причинности, над порядком природы» [7, с. 50].

Зеньковский, пожалуй, является единственным, кто обратил внимание на возможность и необходимость выстраивания педагогики на основе категорий свободы и бесконечности личности. В перечисленном ряду мыслителей ему свойственны некоторые отличительные особенности. Прежде всего, это четкость формулировок в смысле соответствия восточно-христианскому богословию. Например, о том, что акцентирование бесконечности тварного мира ведет не к Богу, а к пантеизму и другие. Следует отметить также стилистическую и эстетическую законченность его формул, граничащих с поэтическим уровнем (например, выражение о присутствии человеку «томлении духа о бесконечности!»). В. В. Зеньковским во всей полноте была поставлена задача перехода русской педагогики от материалистического к христианскому пониманию человека. В своих работах, написанных в период руководства педагогическим кабинетом при Парижской Православной богословской академии, он исходил из тезиса, что кризис современной ему педагогики преодолевается пересмотром ее натуралистических положений и переводом теории и практики воспитания и образования на позиции христианского учения о человеке. В связи с этим отмечал: «Необходимо вернуться к христианской антропологии, чтобы в свете ее основных понятий осмыслить содержание педагогического опыта, накопленного за долгие годы творческих исканий» [7, с. 5–6].

Великая заслуга В. В. Зеньковского состоит в том, что он является первым и, пожалуй, до сих пор единственным русским мыслителем, сделавшим попытку ввести непосредственно в педагогическую теорию принцип бесконечности личности и сделать из этого выводы. И, нужно сказать, попытку недооцененную и мало востребованную. Одной из причин этой недооценки является, видимо, то, что за упомянутыми категориями конечного и бесконечного скрывается богатая и сложная предыстория европейской философской и научной мысли. И философско-антропологический и педагогический труд В. В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934), посвященный этой теме, выступал лишь как верхушка айсберга.

В практическом плане очень важна идея В. В. Зеньковского о соотношении периодов раз-

вития личности ребенка с развитием его способности внутреннего осознания своей причастности Божественной бесконечности. Каждый период от раннего детства до юности характеризуется у него своими особенностями отношения к бесконечности. Практическая полезность этой периодизации оправдывает хотя бы краткое ее изложение.

Раннее детство (до 7 лет) характеризуется непосредственной открытостью ребенка «дыханию бесконечности». Если вспомнить способность детей в указанном возрасте к спонтанному, непредсказуемому творчеству, то это выражение не покажется риторикой. *Второе детство* (от 7 до 12–13 лет) – утрата «томления о бесконечности», возраст послушания и интенсивного овладения нравственными и социальными нормами; возраст подражания взрослым, наиболее благоприятный для традиционного воцерковления (хождение в храм, молитвы и т. п.). *Отрочество* (12–16 лет) – открытие в себе подростком внутренней бесконечности на основе пробуждения пола; возраст сопротивления социальной среде, ее нормам и стереотипам. *Юность* (после 16–16,5 лет) – возвращение детской открытости бесконечности (см. [7, с. 110–125]). Из этой периодизации возникает для педагога много будоражающих мысль проблем и вопросов. Например, приемлем ли его подробно обоснованный тезис о том, что подлинное воцерковление возможно лишь в юношеском возрасте? В таком случае, как выстраивать образовательные программы и методики по православному, например, циклу для более раннего возраста? Многие внешне интересные положения и обобщения этого теоретика христианской педагогики требуют практической апробации в условиях современного образовательного процесса.

В поисках теоретических основ православная педагогика все же не может останавливаться на идеях почти вековой давности, она должна опираться и на более современные научные разработки. Подлинным триумфом идей русских мыслителей о бесконечности как главном внутреннем стержне духовной жизни человека явилась их полная конвергенция с идеями некоторых отечественных психологов 1960–1990-х годов, работавших в совершенно ином концептуальном и социальном контексте. Они шли от логики построения теории личности как центральной темы

психологии. Первым здесь следует назвать Сергея Львовича Рубинштейна, патриарха советской материалистической психологии. К 1959 году, году его смерти, им была написана позднее опубликованная работа «Человек и мир», в которой он обосновывает необходимость перехода психологии от узких, конечных категорий субъекта и объекта, бытия и сознания к более широким и разомкнутым в бесконечность – человек и мир. Интересно отметить, что с русским философским наследием он не был знаком. Получив образование в Германии, и будучи поклонником немецкой мысли, он русскую философию сознательно игнорировал и, видимо, ощущал себя первооткрывателем. Далее следует назвать современно-отечественного философа А. С. Арсеньева. В 1960-е годы независимо от С. Л. Рубинштейна, а после знакомства с его работой став поклонником и апологетом последнего, формулирует сходные идеи, полагая, что именно на основе представления о бесконечности личности будет заново выстроена новая психология будущего (см. [1]). Его интерпретация этого представления является наиболее резкой, критической и бескомпромиссной по отношению к традиционной психологии.

Возможно поэтому научное сообщество психологов большей частью игнорирует существование автора, его публикаций и идей. Наконец, для психологов традиционной ориентации, видимо, больший интерес может представить концепция личности А. В. Петровского. Она возникла как итог многолетних исследований в рамках созданного им направления – психологии неадаптивной активности личности. Этот ученый полагает, что завершенная теория личности не может быть построена без постулирования так называемого трансфинитного «Я». Понятие заимствовано им из математической теории множеств и на русский язык может быть переведено лишь приблизительно – как «Я, стоящее над бесконечностью».

Подводя некоторый итог сказанному, отметим, что духовная культура общества, обладая имманентно-трансцендентной природой, включает в себя все религиозные, эзотерические, гуманитарные, художественные и научные практики, выводящие человека в надмирный горизонт. При таком понимании нет необходимости отлучать от духовности светские формы культуры, так же как считать благодатные проявления Духа фантазиями верующих.

Литература

1. Арсеньев А. С. Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // *Вопр. философии.* – 1993. – № 5. – С. 130–160.
2. Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменений в культуре // *Человек.* – 1993. – № 1. – С. 7–17.
3. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы: пер. с нидерл.: в 2 т. – М.: Библио-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2009. – Т. 1. – XXVI, 590 с.
4. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати // *Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса.* – М.: Республика, 1994. – С. 14–152.
5. Дивногорцева С. Ю. Духовное образование в контексте православной культурной традиции // *Духовно-нравственная культура: мат-лы первого Фестиваля духовной культуры (Москва, 2005 год).* – М.: Ин-т экспертизы образов. программ и гос.-конфессион. отношений, 2006. – С. 88–94.
6. Евдокимов П. Н. Этапы духовной жизни. От отцов-пустынников до наших дней: пер. с фр. – М.: Свято-Филаретов. Москов. высш. православ.-христиан. шк., 2003. – 232 с.
7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1993. – 224 с.
8. Золотухина-Аболина Е. В. О специфике высших духовных ценностей // *Философские науки.* – 1987. – № 4. – С. 11–18.
9. Лекторский В. А. Духовность и рациональность // *Вопр. философии.* – 1996. – № 2. – С. 31–35.
10. Миненко Г. Н. Эволюция и революция в культурно-исторической динамике человека. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 327 с.
11. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: пер. с итал. – СПб.: Петрополис, 1997. – Т. 4: От романтизма до наших дней. – 849 с.
12. Складорова Т. В. Ценности православной культуры в православном образовании // *Духовно-нравственная культура: мат-лы первого Фестиваля духовной культуры (Москва, 2005 год).* – М.: Ин-т экспертизы образов. программ и гос.-конфессион. отношений, 2006. – С. 78–87.

13. Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки // *Вопр. философии*. – 1987. – № 3. – С. 35–39.
14. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
15. Фокин А. Р. Соотношение души и духа в греческой и латинской патристике // *Человек*. – 2009. – № 3. – С. 82–92.
16. Франк С. Л. Душа человека // Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – С. 3–206.
17. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи: пер. с нем. – М.; Киев: REFL-book-ИСА, 1994. – 432 с.

References

1. Arsen'ev A.S. Razmyshleniia o rabote S.L. Rubinshteina "Chelovek i mir" [Reflections on C.L. Rubinstein's "Man and the World"]. *Vopr. filosofii [Questions of Philosophy]*, 1993, no 5, pp. 130–160. (In Russ.).
2. Bom D. Nauka i dukhovnost': neobkhodimost' izmenenii v kul'ture [Science and Spirituality: the need for change in the culture]. *Chelovek [Human]*, 1993, no 1, pp. 7–17. (In Russ.).
3. Vaaiman K. Dukhovnost'. Formy, printsipy, podkhody [Spirituality. Forms, principles and approaches]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sviatogo apostola Andreia Publ., 2009, vol. 1. XXVI, 590 p. (In Russ.).
4. Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. Problemy Zakona i Blagodati [Ethics transfigured Eros. Problems of Law and Grace]. *Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa [Ethics transfigured Eros]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 14–152. (In Russ.).
5. Divnogortseva S.Iu. Dukhovnoe obrazovanie v kontekste pravoslavnoi kul'turnoi traditsii [Theological education in the context of the Orthodox cultural tradition]. *Dukhovno-nravstvennaia kul'tura. Materialy pervogo Festivalia dukhovnoi kul'tury (Moskva, 2005 god) [Spiritual and Moral Culture. Proceedings of the first festival of spiritual culture (Moscow, 2005)]*. Moscow, Institute of expertise of educational programs and church-state relations Publ., 2006, pp. 88–94. (In Russ.).
6. Evdokimov P.N. Etapy dukhovnoi zhizni. Ot otsov-pustynnikov do nashikh dnei [Stages of the spiritual life. From the Desert Fathers to the present day]. Moscow, St. Filaret Moscow Higher Orthodox Christian School Publ., 2003, 232 p. (In Russ.).
7. Zen'kovskii V.V. Problemy vospitaniia v svete khristianskoi antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow, Brotherhood of St. Vladimir Publ., 1993, 224 p. (In Russ.).
8. Zolotukhina-Abolina E.V. O spetsifike vysshikh dukhovnykh tsennostei [On the specifics of the highest spiritual values]. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 1987, no 4, pp. 11–18. (In Russ.).
9. Lektorskii V.A. Dukhovnost' i ratsiona'nost' [Spirituality and rationality]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1996, no 2, pp. 31–35. (In Russ.).
10. Minenko G.N. Evoliutsiia i revoliutsiia v kul'turno-istoricheskoi dinamike cheloveka [Evolution and revolution in cultural and historical dynamics of man]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004, 327 p. (In Russ.).
11. Reale D., Antiseri D. Zapadnaia filosofia ot istokov do nashikh dnei. T. 4. Ot romantizma do nashikh dnei [Western philosophy from the beginnings to the present day. Vol. 4. From Romanticism to the present day]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 849 p. (In Russ.).
12. Skliarova T.V. Tsennosti pravoslavnoi kul'tury v pravoslavnom obrazovanii [Values of Orthodox culture in the Orthodox education]. *Dukhovno-nravstvennaia kul'tura. Materialy pervogo Festivalia dukhovnoi kul'tury (Moskva, 2005 god) [Spiritual and Moral Culture. Proceedings of the first festival of spiritual culture (Moscow, 2005)]*. Moscow, Institute of expertise of educational programs and church-state relations Publ., 2006, pp. 78–87. (In Russ.).
13. Fedotova V.G. Dukhovnost' kak faktor perestroiki [Spirituality as a factor adjustment]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1987, no 3, pp. 35–39. (In Russ.).
14. Flier A.Ia. Kul'turologiia dlia kul'turologov. Uchebnoe posobie dlia magistrantov, aspirantov i soiskatelei [Cultural Studies for cultural studies: a textbook for undergraduates, graduate students and applicants]. Moscow, Soglasie Publ., 2010, 672 p. (In Russ.).
15. Fokin A.R. Sootnoshenie dushi i dukha v grecheskoi i latinskoi patristike [Ratio of soul and spirit in Greek and Latin patristic]. *Chelovek [Human]*. 2009, no 3, pp. 82–92. (In Russ.).
16. Frank S.L. Dusha cheloveka [Soul of man]. *Frank S. L. Real'nost' i chelovek [Frank S.L. Reality and people]*. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 3–206. (In Russ.).
17. Shleiermakher F. Rechi o religii. Monologi [Speeches about religion. Monologues]. Moscow; Kiev, REFL-book-ISA Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ В РОССИИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Степанцова Евгения Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: ev67@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь российской правовой нормативности с социокультурными процессами. Как абстрактная модель общественных отношений и поведения людей правовая норма не навязывается насильно, а является продуктом развития общества. Подчеркивается, что нормы права определяются историческим развитием социума, устанавливаются и обнаруживаются в органическом развитии народного духа. «Восточная» слабость российского права в условиях приоритета конвенциональных и моральных регуляторов на практике привела к неправомерному насилию. Отмечается, что норма права является продуктом социокультурного развития общества, воспринимается обществом как социальная необходимость. Для устойчивости нормативно-правовой системы опасен конфликт между законодательной и исполнительной властью. Преодоление такого конфликта возможно в процессе нахождения компромиссных вариантов среди всех субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях существования социального согласия. Формирование норм права должно способствовать стабилизации (уравновешиванию) поведенческих ожиданий и коллективно принятых решений на основании общественного консенсуса.

Ключевые слова: договор, закон, поведение, ментальность, нормативность, консенсус.

SOCIO-CULTURAL ASPECT OF LEGAL NORMATIVITY IN RUSSIA

Zolotukhin Vladimir Mihailovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Political Relations and Law, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

Stepantsova Evgeniya Viktorovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Department of Sociology, Political Relations and Law, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ev67@yandex.ru

Speaking as a sample and/or rule (standard) behavior law defines the boundaries (limits), in which, there are some phenomenon or object, while retaining their quality and without losing its essence. Anyway, they are reflected in the socio-cultural stereotypes, broadcast through social institutions, including various media. A direct impact on the effectiveness of the law is provided by social factors, and essential to the full knowledge of the legal norms study of their creation and actions in specific historical conditions of real life. The rule of law, determined by the historical development of society that is installed and detected in the organic development of the national spirit. As an abstract model of social relations and human behavior, the law is not imposed by force, and is a product of the society development and must be perceived by the society as a social necessity, and landmark of conduct in all spheres of life.

The development of the law in the period of social evolution of Russia gives the right to assume that in medieval society there was serious legal culture, influencing the formation of socio-political thought. Characteristically, this idea developed in the context of class inequality and struggle, but also with the significant

influence of religious dogmata. This process, far from perfect, we observed in the development of the Russian legal system, where legal norms and socio-political development of the state are not only inextricably linked, but also significantly affect the socio-cultural space, reflected in the Russian daily mentality. When the rules of law reflect the needs of social development, the interests of the nation and of all mankind reveal not formally abstract set of laws and their system, contributing to the preservation of the society. For optimal creation and application of legal norms, there must be a necessary analysis and consideration of public opinion, because the most important characteristic of the legal norm is its social significance and necessity.

Compliance of the rules of law is a fundament of legitimacy of any state. Any rule of law to some extent restricts personal freedom of an individual, and legitimacy limits ability of authorities. Violation of the law in all spheres of life has gradually led to destruction of the very idea of a fair state, which exists for the benefit of people. As noted by F.A. Hayek, it is invalid to specify the rules of law in respect of individuals and their privileges, because if at the time of adoption of the law is the result, it is known, such a law is not a tool that free persons can use at their discretion. For the stability of the regulatory system the conflict between the legislative and executive power is dangerous. Overcoming such a conflict is possible in the process of finding a compromise among all subjects of law-making and law-enforcement activities in the conditions of existence of social agreement. Consensus should be based on the fundamental principles and norms. First of all, the recognition of entities, as equal participants in public relations, having the opportunity to influence the development of these relations.

Keywords: treaty, law, behavior, mentality, normativity, consensus.

Понятие «норма», в том числе правовая, означает правило, образец, стандарт, руководящее начало. Социальная ценность ее состоит в том, что она определяет границы (пределы), в которых существует то или иное явление или объект, сохраняя при этом свое качество и не утрачивая своей сущности. Так или иначе, они отражаются в социокультурных стереотипах, транслируются через социальные институты, в том числе различными СМИ, и формируют «новые» социокультурные нормы поведения. Последние могут быть как вновь формирующие, так и приобретающие актуальность «забытые» нормы. Критериями для определения их значимости (позитивность и/или негативность) выступают вновь формируемые общественные (социокультурные) ценности и, не в последнюю очередь, – их носители.

Создание норм права ориентируется на объективные потребности общества и субъективные потребности индивида. Следовательно, непосредственное влияние на эффективность норм права оказывают социальные факторы, а необходимым условием всестороннего познания правовых норм является изучение их создания и действия в конкретных исторических условиях реальной жизни.

Чтобы правовая норма могла реализовываться, она должна быть усвоена субъектами правовых отношений и закреплена в мотивах и целях индивида. Как говорил Руссо: «Закон существует

всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ» (цит. по [13, с. 36]). Поэтому необходимо формирование правильного отношения к закону, в том числе и не согласного с ним социального меньшинства. Зачастую мнение меньшинства, а не толпы, бывает более справедливым и разумным. Если есть желание улучшить жизнь человека, для начала надо выяснить, совпадают ли взгляды разных людей на жизнь и ее улучшения.

По мнению Ю. Хабермаса, одним из способов формирования правильного понимания является дискуссия. Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо принять, наконец, какое-то решение [13, с. 37]. Такое принятие большинством определенной нормы права считается условно одобренным меньшинством. Ю. Хабермас соглашается с Дж. Фребедем в том, что при этом согласии от меньшинства никто не требует, чтобы оно отказывалось от своей *воли*, чтобы оно объявляло свое *мнение* ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации

своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним [13, с. 37]. Именно правильное понимание и применение норм права в социуме гарантирует достижение общественно-значимых целей: свободы, справедливости, благополучия.

Имея общий характер, правовая норма адресована не отдельному лицу, а кругу лиц, определяемых типическими признаками. Она рассчитана на регулирование не единичного, отдельного отношения, а вида общественных отношений. Как абстрактная модель общественных отношений и поведения людей правовая норма отличается от решений государственных органов по конкретным делам. Она не навязывается насильно, а является продуктом развития общества и должна восприниматься обществом, как социальная необходимость, ориентир поведения во всех сферах жизни – экономической, политической, социальной, семейно-брачной и других.

Нормы права, как и право в целом, определяются историческим развитием социума, устанавливаются и обнаруживаются в органическом развитии народного духа. По выражению Н. Н. Алексеева, оно является тем, что уже существует в «духе народа» [1, с. 241]. Как подчеркивают Н. А. Толстых и В. А. Трусов, «выявление формирования и выражение различных интересов, с одной стороны, их согласование, «усреднение», компромиссность – с другой, позволяют закрепить в праве некую меру «общезначимых интересов» [10, с. 11].

В качестве примера мы можем привести понимание договора в российском правосознании. Договор как один из первых институтов права определяет стандарт (правило) поведения, отражающий культуру его участников. По мнению Краснова, историческо-правовое значение договоров заключается в том, что они являются первыми, дошедшими до настоящего времени письменными правовыми документами [6, с. 33]. В результате письменность, которая обслуживала торговые сделки и иные имущественные отношения, превратилась в мощное средство фиксации законов и их исполнения. Помимо регламентации торговли договоры между Русью и Византией 911 и 944 годов регулируют ряд юридических казусов, связанных с уголовным и имущественным (гражданским) правом.

По словам русского либерала П. Б. Струве, нравственное сознание народа, его национальный дух находят свое воплощение в культуре – той непосредственной среде, где формируется волевое и сознательное начало нации – государство. Богатство, глубина и самобытность культуры определяют силовые возможности государства, его способность подчинять другие нации и государства. В этом плане борьбу между нациями и государствами Струве рассматривает как борьбу культур: побеждает та культура, в которой уровень правового и морального сознания, степень дисциплины и порядка оказываются выше (см. [9]).

В России, в силу социально-исторических особенностей развития, рационализм в западноевропейском варианте возникнуть не мог. Экономическое поведение здесь часто имеет иррациональный характер, и экономическая выгода иногда упускается из-за влияния субъективного восприятия окружающих и причастности к коллективному духу. Это отличительная особенность российского человека вносит моменты неопределенности в ситуации, сопряженные с экономическим выбором. Более того, в России мы наблюдаем «зарегулированность» русской жизни, наличие бесчисленных обременительных норм и правил. Одновременно все эти бесчисленные нормы и правила повсеместно игнорируются, что жизнь движется по каким-то своим особым законам, а то и вовсе напоминает «бои без правил».

Для российской правовой системы цивилизационно характерны исключительно устойчивые многовековые традиции абсолютного подчинения права политическому устройству («закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»). «Восточная» слабость российского права в условиях приоритета конвенциональных и моральных регуляторов на практике привела к неправомерному насилию. На данный аспект обращает внимание Л. Фишман [12], анализируя русскую модель управления, которая может быть кратко охарактеризована как система отношений между централизованной властью и обществом, разделенным на первичные социальные ячейки (кластеры). Кластеры внутри себя законами не регулируются. Государственная власть также соблюдает законы – постольку поскольку. Однако законов принимается много, в том числе при попытках принудить кластеры делать что-то необходимое государству.

Законы обычно не исполняются по молчаливому соглашению между властью и обществом. Но потенциально каждый может быть уличен в неисполнении закона или несоответствии идеологии (религии) и «взят за шкуру». Ситуация потенциальной виновности всех и каждого поэтому – обычное дело для так называемой «русской модели управления», в которой государство изначально воспринимается и действует как нечто *внешнее* по отношению к обществу.

На всем протяжении исторического развития России происходило доминирование нравственных ценностей традиционного общества, которые обладали более сильным регулятивным действием, чем правовые нормы. Акцентируя внимание на том, что Россия является государством, во-первых, полиэтническим, а во-вторых, светским, необходимо констатировать, что в настоящее время сосуществуют и имеют одинаковое значение как идея национального единства, так и религиозная идея, оказывающие влияние на формирование нормативности поведения, в частности правовой нормативности.

Развитие законов в период общественной эволюции России дает право считать, что уже в средневековом обществе существовала серьезная правовая культура, влияющая на формирование социально-политической мысли. Характерно, что такая мысль развивалась в условиях классового неравенства и борьбы, а также при значимом влиянии религиозных догм. С развитием общества законы государства пересматривались и обновлялись с целью справедливого регулирования социальных отношений. И этот процесс, пусть далеко и не идеальный, мы наблюдаем в развитии российской правовой системы, где правовые нормы и социально-политическое развитие государства не только неразрывно связаны, но и существенным образом влияют на социокультурное поле (пространство), отражаемое в российской повседневной ментальности. Ментальность же, как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана (см. [4]).

Под социокультурным (социальным) полем, в данном случае, мы понимаем участок социального пространства, обладающий в результате повышенного уровня внутреннего взаимодействия особой атмосферой, имеющей силовой харак-

тер по отношению к попавшим туда индивидам. Так, одно социальное поле является подсистемой другого и само включает в себя более мелкие социальные поля. Кроме того, поля формируются в разных плоскостях и в результате переплетаются друг с другом самым причудливым образом: страна, регион, отраслевая и профессиональные общности, город, университет, предприятие, факультет, учебная группа, клуб любителей, компания друзей и т. д.

По мнению К. А. Феофанова, «для восточных (азиатских) правовых систем, прежде всего исламской, индусской и буддийской, по численности охвата населения наиболее распространенных в современном мире, характерен приоритет традиций, выраженных в виде определенного набора представлений, обычаев, навыков и привычек практической деятельности, передаваемых из поколения в поколение. Этот комплекс основанных на религии ценностно-нормативных и культурно-институционально-традиционных образов при минимальной рецепции элементов западного (европейского) права, которое все же оказывает воздействие через прошлый метрополитно-колониальный опыт и современные процессы глобализации, всегда является детерминирующим в конкретной правоприменительной практике» [11, с. 82].

Когда нормы права отражают потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества, раскрывается не формально-абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества. В данном случае норма права создает равновесие в обществе и укрепляет его, поскольку формирует предсказуемое поведение индивида и его отношение другому лицу и ко всему обществу. Для оптимального создания и применения тех или иных правовых норм необходим анализ и учет общественного мнения, поскольку важнейшим признаком законной нормы является ее социальная значимость и необходимость. Социальными факторами, влияющими на применение норм права, являются политический режим государства, активность политических партий и общественных объединений, состояние экономики и благосостояния населения, образованность правоприменителей и всех слоев общества, социально-научные исследования и разработки, социально-демографические условия (числен-

ность, плотность и состав населения, занятость, уровень преступности).

Широкие границы вариативности социокультурной практики характеризуются отсутствием удерживающих человека в культуре механизмов за исключением самоопределенности самого человека, в абсолютном большинстве, имеющих корни в ценностных нормативах прошлого. Например, с точки зрения применения религиозных норм, санкции в исламском праве не являются четко определенными: важнейшей является такая религиозная санкция, как «состояние греха». В отдельных сферах общественных отношений (отрасль личного статуса) нормы права исполняются добровольно, практически без государственного вмешательства. Юристы привержены неизменной и неподвижной системе. Не допускается говорить о каких-то заимствованиях мусульманским правом иностранных идей и положений... Доктрина ислама не допускает, чтобы законодатель мог изменять нормы права, составляющие священное мусульманское право; это запрещение не препятствует тому, чтобы различными путями – полицейскими или процессуальными – властитель в мусульманских странах фактически парализовал действие той или иной правовой нормы или подчинил ее применение различным условиям, не затронув ортодоксальных принципов (см. [3]).

При разрешении конфликтов в буддийских обществах доминируют «правила вежливости, приличия, морали, чести, общественной морали, а не право. Суд редко используется для защиты личных интересов. Идеальной является ситуация, когда законы вообще не применяются, а судебные решения не выносятся. Неприязнь к праву усугубляется плохой организацией правосудия. Так, правосудие в Китае в течение веков отправлялось администраторами, сдавшими для занятия поста экзамены литературного характера» [11, с. 84–85].

Исторический опыт, да и современные процессы, особенно в мусульманских странах, показывают, что, с одной стороны, многие религиозные нормы являются сильными сдерживающими факторами для верующих, запрещая совершать некоторые виды преступлений (злоупотреблять спиртными напитками и т. д.) [7, с. 81–82]. С другой, они могут являться источником порождения религиозного фанатизма, углублять расовую нетерпимость и национальную рознь, а с правовой

точки зрения – закреплять основания для социального неравенства и препятствовать духовному развитию личности.

В России, интересен процесс формирования гражданско-правовых отношений на основе взаимодействия норм права и социально-политических взглядов. Советский правовед Ю. Гейман в конце 20-х годов напишет: «Хозяйственное законодательство военного коммунизма представляет сложный замкнутый круг неправовых по своей природе норм и норм публично-правовых, крайне ограниченных в своем объеме... они просто указывают путь, по которому пойдет хозяйственное право пролетарского государства к неправу, к административно-техническому регулированию, к своей противоположности» (цит. по [13, с. 159]). Гражданский кодекс, принятый в 1922 году, устанавливал порядок защиты имущественных прав только в случае их соответствия социально-хозяйственному назначению. Это давало большой простор для толкования закона.

Однако весь предыдущий социально-правовой опыт и будущее покажут, что именно формальная определенность нормы права в процессе тысячелетнего развития позволяет использовать право в упорядочении социально-политических отношений и целенаправленном развитии общества. Буква закона всегда стоит над субъективно толкуемым духом закона, и нельзя подменять законность целесообразностью. «В условиях глубоких мега- и микроуровневых общественных изменений, – как подчеркивает Р. Ф. Степаненко, – в том числе по причине неконсеквентности проводимых правовых реформ в современной России, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, юридическую маргинальность следует расценивать как неизбежное явление, побочный продукт всевозможных модернизаций, обуславливающих как “пограничность” правового состояния (положения) значительного числа российских граждан, так и отчужденность ценностно-нормативного пространства от смысла права, в том числе субъектами, его конструирующими» [8, с. 101].

Соблюдение норм права лежит в основе правозаконности любого государства. Любая норма права в какой-то мере ограничивает личную свободу индивида, а правозаконность ограничивает возможности властей. По классическому опреде-

лению А. Дайси, правозаконность – это абсолютный авторитет и главенство действующего законодательства, противопоставленные произвольным распоряжениям властей и исключаящие произвол с их стороны (цит. по [14, с. 123]). К сожалению, понятие правозаконности и приоритет норм права в России практически полностью утратили свое значение в период 30–50 годов XX века.

Попирание норм права во всех сферах жизни постепенно привело к разрушению самой идеи справедливого государства, которое существует для блага людей. Ф. А. Хайек в своих размышлениях об ошибочной политике тоталитарного и авторитарного правления указывает на недопустимость конкретизации норм права в отношении отдельных людей и их привилегий. Он утверждает, что если в момент принятия закона известен его результат, такой закон уже не является инструментом, который свободный человек может использовать по своему усмотрению. Это инструмент, с помощью которого законодатель воздействует на людей, преследуя свои цели [14, с. 126].

Опираясь на эволюционную эпистемологию (общечеловеческие нормы социального поведения запрограммированы филогенетически и устанавливаются наследственно), можно сказать, что развитие социокультурных процессов имеет две стороны. С одной – степень заинтересованности общества в целом, его классов, социальных групп, территориальных общностей и их ментальности. С другой стороны – политические и социальные установки властных структур, помогающие культуре самоидентифицировать себя. Например, имея определенные врожденные структуры мышления, все люди, всех народов и культур, сами определяют основы своей логической структуры языка и логику мышления.

Пагубно отражается на нравственности и культуре народа, унижает его достоинство неблагоприятное положение дел с правами человека (механизм реализации и их культура соблюдения на протяжении длительного времени) в России. При утрате старых ориентиров и не получив новых, сегодня на средний уровень общественного сознания (ментальность) населения обрушиваются потоки низкопробной литературы, пошлой рекламы, и общий стиль СМИ, пытающихся привлечь к себе внимание сенсациями, сплетнями, оккультными сообщениями. Так можно долго и неплохо жить, даже не решая некоторых проблем,

которые в той или иной степени ощущаются частью граждан или даже многими из них. Мы можем говорить о ментальной терпимости русского народа, но не о его толерантности как в отношении себя, так и в отношении власти. Ответственность имеет место только на индивидуальном уровне, что способствует усилению агрессивности и деструктивности в обществе, а не сохранению его целостности и социокультурной идентичности.

Придерживаясь понимания социокультурного процесса как интеграционного взаимодействия поликультурных сообществ в рамках единого пространства, необходимо учитывать действие социокультурного закона. Его действие позволяет прогнозировать и преодолевать социальные конфликты. Суть социокультурного закона, согласно А. С. Ахиезеру, заключена во «взаимопроникновении культуры и социальных отношений в процессе воспроизводственной деятельности субъекта», где «соблюдение единства социальных отношений и культуры – жизненно важный императив, представляющий собой закон воспроизводственной деятельности» [2, с. 482]. Для уравнивания и воспроизводства субъекта необходима его собственная интеграция, предотвращающая распад и нахождения меры своего уравнивания. Данный закон является способом разрешения социокультурного противоречия, которое «возникает в результате освоения субъектом противоречий между его воспроизводственной деятельностью и энтропийными процессами, опасностями во всех формах, которые постоянно дезорганизуют общественного субъекта, его социальные отношения и культуру» [2, с. 481].

Как уже нами отмечалось [5, с. 389], «для устойчивого состояния нормативно-правовой системы опасен конфликт между законодательной и исполнительной властью». Своевременное преодоление такого конфликта возможно в процессе нахождения компромиссных вариантов среди всех субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности в условиях существования социального согласия при развитии общественных отношений. В конечном счете, это должно способствовать стабилизации (уравниванию) поведенческих ожиданий и коллективно принятых решений. В этом случае необходимо действие такого принципа права, как обязательное доведение норм права до сведения субъектов, попадающих в поле действия такой нормы. Обнаrodование правовых норм предполагает не только

официальную публикацию, но и толкование, разъяснение их смысла.

Консенсус должен опираться на фундаментальные принципы и нормы, в частности правовые. Прежде всего, это признание субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений. Решающим выступает фактор взаимной полезности, предполагающий взаимную заинтересованность сторон, уважение и учет их интересов, в частности, способность жертвовать частью собственных интересов ради максимизации общего блага. Фактор взаимной полезности должен распространяться не только на индивидуальном уровне, но и быть включенным во взаимодействие различных социальных и политических групп социума. Для успешного противостояния развитию различных деструктивных процессов

необходимо воспитание и возвращение конфликтных компетентностей человека, чтобы человек осознал (мог осознать) конфликт как явленное в нем объективное противоречие. На противоречие, явленное в конфликте, можно ответить агрессией, попытаться победить его в буквальном, силовом смысле слова. Ни в первом, ни во втором случае противоречие не исчезнет, конфликт лишь на какое-то время затаится, спрячется, но обязательно вернется, может быть, в еще более сложном виде. Одним из инструментов в этом случае является расширение социокультурного диалога на основе переговоров как снятие этого противоречия через умение договариваться. Чем больше способов разрешать конфликт знает человек, тем более он способен к продуктивному взаимодействию.

Литература

1. Алексеев С. С. Философия права. – М.: Норма, 1999. – 336 с.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): слов. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 1998. – Т. 2: Теория и методология. – 720 с.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. – М., 1999. – 400 с.
4. Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и культурологический аспекты российской ментальности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 29, ч. 1. – С. 17–24.
5. Золотухин В. М., Степанцова Е. В. Социально-философский аспект правовой нормы // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. – 2013. – 12 (59) дек. – Ч. 1. – С. 386–390.
6. Краснов Ю. К. История государства и права России: учеб. пособие. – М.: Рос. пед. агентство, 1997. – 288 с.
7. Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсесянц В. С. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
8. Степаненко Р. Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 98–103.
9. Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. – М.: Республика, 1997. – 527 с.
10. Толстых Н. А., Трусов В. А. Понятие, содержание права // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 5–13.
11. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов // Соц.-гуманитар. знания. – 2009. – № 5. – С. 79–94.
12. Фишман Л. Имитация миссии // Нева. – 2014. – № 12. – С. 163–174.
13. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 года). – М.: Наука, 1992. – 176 с.
14. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопр. философии. – 1990. – № 11. – С. 121–132.

References

1. Alekseev S.S. Filosofia prava [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 1999. 336 p. (In Russ.).
2. Akhiezer A.S. Rossiia: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaia dinamika Rossii). T. 2. Teoriia i metodologiya. Slovar' [Russia: a critique of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Vol. 2. Theory and methodology. Dictionary]. 2 th ed. Novosibirsk, Sibirskii chronograf Publ., 1998. 720 p. (In Russ.).
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti [Major legal systems of today]. Moscow, 1999, pp. 76–79. (In Russ.).
4. Zolotukhin V.M., Rodionov A.C. Sotsial'no-filosofskii i kul'turologicheskii aspekty rossiiskoi mental'nosti [Socio-philosophical and cultural aspects of the Russian mentality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Arts], 2014, no. 29, part 1, pp. 17–24. (In Russ.).

5. Zolotukhin V.M., Stepanstova E.V. Sotsial'no-filosofskii aspekt pravovoi normy [Socio-philosophical aspect of legal norms]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of natural Sciences and Humanities]*, 2013, no 12 (59), December, part 1, pp. 386–390. (In Russ.).
6. Krasnov I.K. Istoriia gosudarstva i prava Rossii. Uchebnoe posobie [History of state and law of Russia. The tutorial]. Moscow, Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo Publ., 1997. 288 p. (In Russ.).
7. Kudriavtsev V.N., Kudriavtsev I.V., Nersesians V.S. Sotsial'nye otkloneniia. Vvedenie v obshchuiu teoriiu [Social deviance. Introduction to the General theory]. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1984. 320 p. (In Russ.).
8. Stepanenko R.F. Prichinnost', poniatie i vidy pravovoi marginal'nosti [Causation, the concept and types of legal marginality]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2014, no 6, pp. 98–103. (In Russ.).
9. Struve P.B. Patriotika. Politika, kul'tura, religiia, sotsializm [Patriotica. Politics, culture, religion, socialism]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 527 p. (In Russ.).
10. Tolstykh N.A., Trusov V.A. Poniatie, sodержanie prava [The notion of the content of the right]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2014, no 6, pp. 5–13. (In Russ.).
11. Feofanov K.A. Tsvilizatsionnye determinanty prava: kommunikativnye tekhnologii na sluzhbe politicheskikh rezhimov [Civilizational determinants rights: communication technologies at the service of political regimes]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia [Social Sciences and Humanities]*, 2009, no 5, pp. 79–94. (In Russ.).
12. Fishman L. Imitatsiia missii [Simulation of the mission]. *Neva [The Neva]*, 2014, no. 12, pp. 163–174. (In Russ.).
13. Habermas Iu. Demokratiiia. Razum. Nравstvennost'. (Lektsii i interv'iu. Moskva. Aprel' 1989) [Democracy. Mind. Morality. (Lectures and interviews. Moscow, April 1989)]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 176 p. (In Russ.).
14. Haiek F. Doroga k rabstvu [The road to serfdom]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 1990, no. 11, pp. 121–132. (In Russ.).

УДК 930.85«1917/1922»

ЭКСТРЕМИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛЬШЕВИЗМА: УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (1919–1922 ГОДЫ)

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@kemsu.ru

В статье рассматриваются экстремистские проявления в политической культуре большевиков периода Гражданской войны на востоке России. Подробное внимание уделено реконструкции конкретно-исторической обстановки и исследованию направленности политического действия коммунистической партии, а также особенностям ее взаимоотношений с политическими оппонентами.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, большевизм, Гражданская война, политическая культура, репрессии, Сибирь, Дальний Восток.

EXTREMISM IN POLITICAL CULTURE OF BOLSHEVISM: THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER IN EASTERN RUSSIA (1919–1922)

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@kemsu.ru

The article deals with manifestations of extremism in political culture of Bolsheviks during the Civil War in the East of Russia. Underattention to detail reconstruction of the concrete historical situation and study orientation of political action of the Communist Party, and especially its relations with political opponents.

The study of historical experience of political action of Bolsheviks in the period under review, suggests the prevalence of extremism, an extreme form of radicalism in their political culture. These forms were expressed in the deployment of repression and terror against not only Bolsheviks, but also seeking an alliance with Bolsheviks' political forces, as well as in acts of political revenge, move away from the tolerance and compromise, desire to establish a totalitarian one-party political system in the liberated eastern territories of Russia.

Keywords: radicalism, extremism, Bolshevism, Civil War, political culture, repression, Siberia and the Far East.

Проблема политической культуры большевизма только начинает ставиться в научной литературе культурологического, политологического, психологического характера [2; 11; 26]. Политическая культура любой партийной группировки в политической культурологии определяется как система ценностей, символов и установок, направленных на политическое действие. В поведении большевиков, особенно в период Гражданской войны, преобладали, прежде всего, экстремальные формы политического действия при практическом отсутствии толерантности и культуры компромисса, хотя в предшествующий исторический период компромисс не был чужд социал-демократам Сибири и Дальнего Востока [14].

Однако, в разгар Гражданской войны существенным образом поменялись социокультурные условия: субъекты политического действия практически непрерывно находились в экстремальной ситуации, которая приобрела значение постоянного фактора политической жизни. По справедливому замечанию И. Б. Орлова: «Революционистская ментальность была ориентирована на определенный тип социального поведения, направленного на немедленное и радикальное переустройство общественных основ с применением крайних методов» [18, с. 120]. Самым «крайним методом» явился развернутый большевиками после освобождения от Колчака восточных регионов страны террор против политических и идеологических оппонентов.

Специфические особенности политической культуры любой партии детерминированы ее историческим опытом. Поэтому, без подробного изучения конкретно-исторической обстановки и направленности действий самой партии невозможно сделать заключение о состоянии и направлении ее политической культуры.

Во второй половине 1919 года Красная армия переходит в решительное наступление на Вос-

точном фронте. В августе создаются чрезвычайные органы управления освобождаемой от колчаковцев территорией – Сибревком и губернские военно-революционные комитеты. Одновременно формируются СибЧК, губернские чрезвычайные комиссии (губЧК). Контроль за чекистами на местах предоставляется организациям одной коммунистической партии, для чего в коллегии губЧК вводятся представители губкомов РКП (б).

Конфронтационность как непоколебимая уверенность в правоте своих действий и принципов стала основой деятельности большевиков на освобожденных территориях. Чекистские органы выполняют репрессивно-карательные функции в отношении общественно-политических деятелей, не поддержавших еще первую советскую власть. С приходом в Сибирь Красной армии органами СибЧК были арестованы 63 кооператора, среди которых были беспартийные и придерживающиеся кадетских, меньшевистских, эсеровских взглядов. Часть из них были позже расстреляны [7, с. 263–264].

Экстремизм в политической культуре большевизма того времени выразился в нежелании идти на компромисс даже с бывшими соратниками по социал-демократической партии – меньшевиками. 14 ноября 1919 года войска Красной армии заняли колчаковскую столицу г. Омск, взяв в плен 30 тыс. человек. Были арестованы и некоторые члены Российского правительства адмирала Колчака. По приговору Чрезвычайного трибунала при Сибревкоме четверо из них, в том числе социал-демократ Л. И. Шумиловский, были расстреляны. Л. И. Шумиловский возглавлял Министерство труда Российского правительства и много сделал для смягчения «рабочего вопроса». Его стараниями не был отменен 8-часовой рабочий день, сохранены профсоюзы (см. [15, с. 64–68]).

Репрессии большевиков коснулись и тех политических сил, которые уже не могли составить

конкуренции большевизму. Месть за прошлое политическое противостояние стала составной частью большевистского экстремизма.

Победившие большевики распространили на Сибирь существующий в Советской России запрет на политические партии монархического и либерального направлений. Однако оформленных организаций этих партий в Сибири не существовало, за исключением организаций конституционно-демократической партии, открыто поддерживавших диктатуру А. В. Колчака, и, со всей вероятностью, должных стать одними из первых объектов большевистских репрессий. Но, как справедливо отмечает М. В. Шиловский, кадетские организации превентивно прекратили работу уже во второй половине 1919 года [23, с. 357]. В новых условиях ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке кадеты не смогли претендовать на роль политической партии, реализующей цели борьбы с большевиками [1, с. 101].

Что касается умеренно-социалистических партий, то они после колчаковского переворота поддерживали большевиков. Анализ документов ЦК РСДРП, направленных на места в 1919–1920 годах позволяет сделать вывод, что социал-демократы (меньшевики) относились к большевикам как к «заблудшим товарищам», способным отказаться от однопартийной монополии и перейти к системе «однородной» социалистической власти [16].

Подобные иллюзии питали эсеров, которые выступили в ноябре 1919 года инициаторами формирования объединенного социалистического антиколчаковского блока, затеяв переговоры с меньшевиками и большевиками. В результате такой блок, под названием Политцентр, был создан в Иркутске, но в последний момент коммунисты отказались войти в этот, по их мнению, «эсеро-меньшевистский» орган.

Политцентр внес большой вклад в создание Народно-революционной армии и подготовку антиколчаковского выступления. Бои в Иркутске продолжались до 4 января 1920 года, когда колчаковский Совет министров вынужден был передать власть Политцентру, который начал переговоры с представителями красных по вопросу прекращения Гражданской войны и основания в Сибири «демократического строя». Однако успешный ход переговоров не помешал местным коммунистам осуществить план по отстранению Полит-

центра от власти и передаче ее большевистскому Иркутскому военно-революционному комитету. Вскоре было упразднено детище Политцентра – Временный совет сибирского народного управления (ВССНУ), состоящий из представителей земств, профсоюзов, городских самоуправлений, кооперативов и контролируемый меньшевиками и эсерами. По инициативе большевиков состоялись выборы в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в котором они, используя «административный ресурс» получили подавляющее количество мест – 346, в то время как меньшевики всего 25 мест, а правые эсеры и того меньше – 16 мест [7, с. 261]. **Начала формироваться** так называемая «полуполупартийная» система как переходный этап к однопартийной. Политический тоталитаризм на основе однопартийности стал главной целью действий большевиков.

Неудачная попытка установления демократической власти на многопартийной основе при опоре на гражданское общество была предпринята и в Красноярске. Здесь в декабре 1919 года создается Комитет общественной безопасности (КОБ) из представителей земств, профсоюзов, кооперативов. Идя навстречу надвигающейся с Красной армией советской власти, по инициативе КОБа было принято решение о выборах в Совет рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось 1 января 1920 года. В партийном отношении Совет состоял из социал-демократов, эсеров и коммунистов, но последние, не желая делиться властью, еще до прихода Красной армии в Красноярск организовали восстание своих сторонников, передавшее всю полноту власти большевистскому военно-революционному комитету, который распустил многопартийный Совет [21, с. 377–379].

Угроза коммунистических репрессий заставляла расставаться с властью «демократов» и в других местах. Так, в результате отступления атамана А. Д. Кузнецова, власть в г. Благовещенске оказалась в руках представителей гражданского общества в лице Временного совета демократических самоуправлений, который просуществовав один день вынужден был 6 февраля 1920 года передать ее большевистскому Совету рабочих и крестьянских депутатов [10, с. 126].

После занятия Красной армией сибирских городов, коммунисты не жаловали помогающих им в борьбе против Колчака меньшевиков и эсеров, применяя «мягкие» формы репрессий: отказ в ле-

гализации, роспуск вооруженных частей. Даже после инициирования социал-демократами антиколчаковского выступления Барабинского полка в Новониколаевске, социал-демократической организации было отказано в легализации с приходом Красной армии в город [17, с. 584]. В Томске вооруженное восстание возглавил военно-революционный комитет, состоящий из коммунистов, эсеров, меньшевиков и анархистов. Однако после занятия города красными, эсеро-меньшевицким частям было предложено разоружиться и передать всю власть назначенному Реввоенсоветом 5-й армии ревкому [3, л. 14].

С укреплением большевистской власти политические репрессии ужесточались. Решением Томского губревкома эсерам и меньшевикам запрещалось устраивать свои собрания в городе. Подобное решение принял 3 апреля 1920 года Омский губком РКП(б). Распоряжением Иркутского губревкома от 8 июня 1920 года была распущена местная организация партии социалистов-революционеров (подробнее см. [6, с. 14–16]).

Организации ПСР и РСДРП вынуждены были действовать нелегально, а кое-где перейти к подготовке решительной борьбы с большевистской властью. Одну из нелегальных организаций в Томске весной 1920 года возглавлял меньшевик А. И. Гаврилович. В контакте с ней находились небольшие антибольшевистские группы по всей губернии. Налаживалась связь с единомышленниками Красноярска и Омска [25, с. 171]. Одновременно в Томске действовала тайная эсеровская организация, имевшая паспортное бюро, шифры, оружие, типографию [20, с. 289].

В свою очередь к решительным действиям вынуждены были перейти и органы ЧК. Первой крупной операцией томских чекистов стала ликвидация организации А. И. Гавриловича в ночь на 14 мая 1920 года. Спустя несколько недель 44 ее участника были расстреляны, остальные приговорены к различным срокам заключения [20, с. 291]. В июле 1920 года в Томске была раскрыта подпольная организация с участием эсеров. Губернский комитет ПСР был разгромлен. 14 августа 1920 года 25 активных участников организации расстреляны по приговору губЧК (подробнее см. [6, с. 16]).

Под влиянием репрессий и по инициативе властей начинается кампания массового отречения эсеров и меньшевиков от своих партий. Местные органы коммунистической прессы публику-

ют индивидуальные и коллективные заявления о выходе из партий и самороспуске целых организаций (см., например [19; 8; 5]).

Со второй половины 1920 года часть бывших «красных» партизан, боровшихся против Колчака повернули свое оружие против большевиков. Эти крестьянские «мятежи», направленные против продрозверстки, были жестоко подавлены большевиками военно-репрессивными методами. В партийном отношении некоторые руководители отрядов объявили себя анархистами. Что касается социал-демократов, то их участие в партизанских отрядах не замечено, а участие эсеров исчислялось единицами тех, кто был плохо связан партийной дисциплиной [24, с. 133].

Центральные и сибирские комитеты ПСР и РСДРП предостерегали членов своих партий от участия в вооруженной борьбе против большевиков. В свою очередь, коммунисты не решились еще в 1920-е годы полностью официально запретить деятельность оппозиционных социалистических партий. А в районах восточнее Иркутска большевики вынуждены были даже пойти на временную коалицию с меньшевиками и эсерами в органах управления Временной земской власти Прибайкалья, правительства Приморской областной земской управы, Дальневосточной республики. В отношении последней в заявлении большевиков говорилось, что «буферное государство не примет коммунизм за форму и будет носить народный, широко демократический характер» [12, с. 148–149; 22, с. 119–127].

Более жесткую позицию заняли большевики в отношении так называемой «читинской пробки» – белогвардейского режима атамана Г. М. Семенова в Восточном Забайкалье. Несмотря на стремление атамана к «демократизации», вызвавшееся, в частности, в созыве Восточно-Забайкальского Народного собрания, куда вошли и коммунисты, в октябре 1920 года Народно-революционная армия Дальневосточной республики заняла Читу. Часть семеновцев, оказавшихся на территории КВЖД по договоренности с властями ДВР, были в январе 1921 года отправлены на родину. Но власти Дальневосточной республики нарушили свои гарантии и большинство солдат и офицеров, желающих возвратиться домой, были подвергнуты репрессиям в форме отправки их на принудительные работы в шахты Забайкалья [21, с. 37].

После ликвидации «читинской пробки» территория Дальневосточной республики распростерлась от Байкала до Тихого океана, а столица ее перенесена из Верхнеудинска в Читу. Существующая в республике многопартийность и достаточно высокая роль гражданского общества не способствовали развертыванию широких политических репрессий. Есть сведения о разгоне 1921 года по инициативе коммунистов Съезда амурских хлеборобов в Тарбогатае и аресте членов эсеровской партии в Нерчинске [4, л. 30–95].

Гораздо больший размах репрессий характерен для советской Сибири. В августе – сентябре 1921 года Иркутская губЧК провела аресты эсеров и меньшевиков. В сентябре в Томске проведены аресты активных эсеров – студентов медицинского факультета университета и деятелей кооперации. 21 октября в Томске были арестованы 13 эсеров, 8 меньшевиков, 21 кадет. В ночь на 7 ноября арестованы группы эсеров в Новониколаевске, Барнауле, Кольчугино, Тайге [6, с. 275].

В 1922 году ГПУ проводит массовые операции против эсеров в целом по стране. В Сибири в марте подверглась полному разгрому Омская организация ПСР. Арестовано более 60 человек [13, с. 103–104]. В августе политические карательные органы проводят операции по уничтожению эсеровских организаций во всех сибирских губерниях. В то время жестких карательных мер в отношении политических арестантов не применялось. Так, арестованные сибирские эсеры и меньшевики в своем большинстве были просто высланы с мест проживания в другие губернии Сибири.

Линия на разрыв с эсерами и меньшевиками со стороны российских коммунистов была поддержана властями ДВР. 19 декабря 1921 года председатель Совета министров ДВР коммунист П. М. Никифоров объявил о расторжении коалиции с меньшевиками и эсерами и выводе их из состава правительства Дальневосточной республики [9, с. 177]. Однако на массовые аресты членов некоммунистических организаций большевики пока не решились.

Тем не менее, в июне 1922 года, в Благовещенске за публикацию в эсеровской газете «Дело народа» статей, «раскрывающих государственную тайну и клевету на политический суд ДВР», был арестован редактор-эсер В. А. Кузнецов, а также редактор меньшевистской газеты «Вол-

на» Е. Х. Лобжанидзе. Аресту подверглись также эсер А. В. Сторожев и руководитель организации РСДРП Амурской области С. П. Никифоров. Арестованные были отправлены под конвоем в Читу, но вскоре их освободили и они вернулись домой [12, с. 148–149].

22 июля 1922 года по инициативе коммунистов был принят «Закон об ответственности за злоупотребления свободой слова и печати», который устанавливал уголовную ответственность за клевету на государственные органы ДВР. Трактывался он весьма широко и был направлен против оппонентов большевиков. Коммунисты также установили монополию на распределение бумаги и распространение печати вдоль Транссиба. Под предлогом нехватки бумаги закрывались эсеровские и меньшевистские газеты. Прекратил выход центральный печатный орган Дальбюро ПСР газета «Труд» и орган Дальцентра РСДРП газета «Наш голос». Были запрещены эсеровские газеты «Дело народа», «Крестьянский труд» (Верхнеудинск) и меньшевистские «Голос социал-демократа» и «Волна» (Благовещенск) [12, с. 179].

В конце 1922 года политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась. Потерпело поражение «белоповстанческое» движение в Приморье и Народно-революционная армия ДВР 25 октября вошла во Владивосток. Сразу же были произведены массовые аресты меньшевиков, эсеров и представителей других политических партий и некоммунистических организаций в городах Дальнего Востока. 15 ноября вся территория ДВР вошла в состав советской России и репрессивная политика против политических оппонентов продолжилась уже на основе советских законов и политических традиций российских большевиков.

Таким образом, изучение исторического опыта политического действия большевиков в рассматриваемый период позволяет сделать вывод о преобладании экстремизма – крайних форм проявления радикализма в их политической культуре. Эти формы выражались в развертывании репрессий и террора против не только большевистских, но и стремящихся к союзу с большевиками политических сил, а также в осуществлении актов политической мести, отходе от курса на толерантность и компромиссы, стремление к установлению тоталитарной однопартийной политической системы на освобожденных восточных территориях России.

Литература

1. Авдошкина О. В. Сибирские и дальневосточные организации партии кадетов в годы Гражданской войны // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918–1922. – Хабаровск, 2007. – Вып. 5.
2. Булдаков В. П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. – М., 1996. – С. 4–17.
3. Государственный архив Новосибирской области. – Ф. П-1. – Оп. 3. – Д. 2.
4. Государственный архив Хабаровского края. – Ф. П-44. – Оп. 1. – Д. 166.
5. Дело революции. – 1920. – 11 апр.
6. Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири: от распада к самоликвидации. – Новосибирск, 1997.
7. Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. 1917–1923 годы. – Новосибирск, 2002.
8. Знамя революции. – 1920. – 16 мая.
9. Каплин С. Большевики на Дальнем Востоке. 1918–1922. – М., 1960.
10. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Октябрь 1917 – ноябрь 1922 года. – Новосибирск, 2002.
11. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. – СПб., 2001.
12. Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 годов. – Хабаровск, 2005.
13. Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы НЭПа. – Новосибирск, 1982.
14. Макаруч С. В. Социалисты на востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале Гражданской войны // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 23.
15. Макаруч С. В. Шумиловский Леонид Иванович // История «белой» Сибири в лицах: биограф. справ. – СПб., 1996. – С. 64–68.
16. Меньшевики в 1919–1920 годы: сб. док. – М., 2000.
17. Новосибирск: энцикл. – Новосибирск, 2003.
18. Орлов И. Б. Политическая культура России XX века: учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2013.
19. Советская Сибирь. – 1920. – 31 марта.
20. Томская область: истор. очерк. – Томск, 1994.
21. Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке. 1920–1922 годы. – Хабаровск, 1996.
22. Ципкин Ю. Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. 1918–1922. – Хабаровск, 1999.
23. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 годов. – Новосибирск, 2003.
24. Шишкин В. И. Гражданская война в Сибири. 1929 год // Сибирь в период Гражданской войны: учеб. пособие. – Кемерово, 1995.
25. Энциклопедия Томской области. – Томск, 2008. – Т. 1.
26. Яров С. В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 годах. – СПб., 1999.

References

1. Avdoshkina O.V. Sibirskie i dal'nevostochnye organizatsii partii kadetov v gody Grazhdanskoj voiny [Siberian and Far East Organization Cadet Party during the Civil War]. *Iz istorii Grazhdanskoj voiny na Dal'nem Vostoke. 1918–1922 [History of the Civil War in the Far East. 1918–1922]*. Khabarovsk, 2007, Iss. 5. (In Russ.).
2. Buldakov V.P. K izucheniiu psikhologii i psikhopatologii revoliutsionnoi epokhi (Metodologicheskii aspekt) [To the study of psychology and psychopathology of the revolutionary era (Methodological aspect)]. *Revoliutsiia i chelovek. Sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Revolution and people. Socio-psychological aspect]*. Moscow, 1996, pp. 4–17.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti [State Archives of Novosibirsk region]. F. P–1. Op. 3. D. 2. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia [State Archives of Khabarovsk Krai]. F. P–44. Op.1. D.166. (In Russ.).
5. Delo revolyutsii [The revolution], 1920, April 11. (In Russ.).
6. Dobrovolskii A.V. Sotsialisty-revoliutsionery Sibiri: ot raspada k samolikvidatsii [Sotsialisty-Revolutionaries Siberia from decay to self-destruct]. Novosibirsk, 1997. (In Russ.).
7. Dobrovolskii A.V. Esery Sibiri vo vlasti i v oppozitsii. 1917–1923 godu [SRs Siberia in power and in opposition of 1917–1923]. Novosibirsk, 2002. (In Russ.).

8. Znamia revoliutsii [Banner revolution], 1920, May 16. (In Russ.).
9. Kaplin S. Bol'sheviki na Dal'nem Vostoke. 1918–1922 [Bolsheviks in the Far East. 1918–1922]. Moscow, 1960. (In Russ.).
10. Kokoulin V.G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabaikal'e i na Dal'nem Vostoke. Oktiabr' 1917 – noiabr' 1922 goda [Political parties in the struggle for power in the Trans-Baikal region and the Far East. October 1917]. November 1922. Novosibirsk, 2002. (In Russ.).
11. Kolonitskii B.I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda [Symbol of power and the struggle for power: to the study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, 2001.
12. Kuz'min V.L., Tsipkin Iu.N. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period Grazhdanskoi voiny 1917–1922 godov [SRs and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil War 1917–1922]. Khabarovsk, 2005. (In Russ.).
13. Kuchemko N.M. Ukreplenie sotsialisticheskoi zakonnosti v Sibiri v pervye gody NEPa [Strengthening of socialist legality in Siberia in the early years of the NEP]. Novosibirsk, 1982. (In Russ.).
14. Makarchuk S.V. Sotsialisty na vostoke Rossii: politicheskaiia kul'tura kompromissa nakanune i v nachale Grazhdanskoi voiny [Socialists in eastern Russia: political culture of compromise before and at the beginning of the Civil War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no 23. (In Russ.).
15. Makarchuk S.V. Shumilovskii Leonid Ivanovich [Shumilovskii Leonid]. *Istoriia "beloi" Sibiri v litsakh. Biograficheskii spravochnik [History "white" Siberia in persons. Biographical Directory]*. St. Petersburg, 1996, pp. 64–68. (In Russ.).
16. Men'sheviki v 1919–1920 godakh. Sbornik dokumentov [The Mensheviks in 1919–1920. Proc. Documents]. Moscow, 2000. (In Russ.).
17. Novosibirsk. Entsiklopediia [Novosibirsk. Encyclopedia]. Novosibirsk, 2003. (In Russ.).
18. Orlov I.B. Politicheskaiia kul'tura Rossii XX veka. Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov [Political Culture of Russia in the twentieth century. The textbook for students of university]. Moscow, 2013. (In Russ.).
19. Sovetskaia sibir' [Soviet Siberia], 1920, 31 March. (In Russ.).
20. Tomskaia oblast'. Istoricheskii ocherk [Tomsk region. Historical Review]. Tomsk, 1994. (In Russ.).
21. Tsipkin Iu.N. Beloe dvizhenie na Dal'nem Vostoke. 1920–1922 godu [White movement in the Far East. 1920–1922]. Khabarovsk, 1996. (In Russ.).
22. Tsipkin Iu.N. Dal'nevostochnaia respublika: opyt demokraticheskoi al'ternativy [For East republic: the experience of democratic alternative]. *Iz istorii grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke. 1918–1922 [From the history of the Civil war in the Far East. 1918–1922]*. Khabarovsk, 1999, pp. 119–127. (In Russ.).
23. Shilovskii M.V. Politicheskie protsessy v Sibiri v period sotsial'nykh kataklizmov 1917–1920 goda [Political processes in Siberia during the social upheavals of 1917–1920]. Novosibirsk, 2003. (In Russ.).
24. Shishkin V.I. Grazhdanskaia voina v Sibiri. 1929 god [The Civil War in Siberia. 1929]. *Sibir' v period grazhdanskoi voiny. Uchebnoe posobie [Siberia during the Civil War. The textbook for students of university]*. Kemerovo, 1995. (In Russ.).
25. Entsiklopediia Tomskoi oblasti [Encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk, 2008, vol. 1. (In Russ.).
26. Iarov S.V. Proletarii kak politik. Politicheskaiia psikhologiia rabochikh Petrograda v 1917–1923 godakh [Proletarian as a politician. Political psychology workers of Petrograd in 1917–1923 years]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).

УДК 008:001.8

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Буряк Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор кафедры ЮНЕСКО «Возобновляемая энергетика и устойчивое развитие», Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь, РФ). E-mail: buryakvv@mail.ru

Замятина Эльга Владимировна, аспирант, кафедра рекламы и культурологии, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева (г. Красноярск, РФ). E-mail: ellie4ka@mail.ru

Глобализация, информационное общество и проблемы ноосферного развития человечества стали значимыми факторами планетарного генезиса культуры. Каждый из указанных факторов – феномен, обладающий собственной спецификой. Исследование феномена культурной глобализации предполагает использование комплексного методологического инструментария. Тем более, если рассматривается динамический аспект планетарных социокультурных трансформаций в ноосферном контексте. Поэтому поиск адекватных методологических инструментов для познания функционирования социокультурных процессов в современном мире – актуальная тема современных наук о культуре. Цель статьи – показать специфику методологических стратегий в сфере изучения культуры. Проанализированы способы функционирования социокультурных практик внутри планетарных трансформаций, воздействие вертикального и горизонтального трансферов культурных потоков на формирование глобализованного социокультурного пространства. Определены специфические особенности современной культурной ситуации в контексте ускоренной динамики планетарных трансформаций. Применительно к культурным практикам рассмотрены познавательные возможности методологических парадигм и соответствующих им методов изучения культуры. Анализ различных современных исследовательских подходов, с целью понимания сущностных особенностей функционирования глобализованной культуры, позволил определить специфику познавательных подходов в условиях междисциплинарности. В результате анализа экспонирована методологическая диверсификация в области междисциплинарных культурных исследований и введены в научный оборот современные источники данных по методологии гуманитарных и социальных наук. Показано, что преодоление методологической ограниченности стратегий изучения локальных и глобальных культурных феноменов позволяет оптимизировать процесс изучения социокультурного бытия; использование различных методологических подходов по отношению к исследованию одних и тех же культурных процессов – необходимый шаг для производства объективных знаний о современной социокультурной реальности.

Ключевые слова: культура, глобализация, методология, междисциплинарность.

METHODOLOGICAL RESEARCH STRATEGY OF CONTEMPORARY CULTURE

Buryak Viktor Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Department of Philosophy, Professor of the UNESCO Department “Renewable Energy and Sustainable Development”, Taurida Academy of V.L. Vernadsky Crimea Federal National University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: buryakvv@mail.ru

Zamyatina Elga Vladimirovna, Post-Graduated Student, Department of Advertising and Culturology, M.F. Reshetnev Siberian State Aerospace University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ellie4ka@mail.ru

Globalization, information society and human development issues of noosphere become significant factors of the genesis of the planetary culture. Each of these factors is a phenomenon that has its own characteristics. Research of the phenomenon of cultural globalization involves the use of complex methodological tools. Especially if we consider the dynamic aspect of planetary socio-cultural transformations in the context of the noosphere. Therefore, search for appropriate methodological tools to understand the functioning of the socio-cultural processes in the modern world is relevant for topic contemporary cultural sciences. The purpose of the article is to show the specificity of methodological strategies in the field of cultural studies. Ways of sociocultural functioning of the practitioner in planetary transformations, impact of vertical and horizontal transfers of cultural streams on formation of the globalized sociocultural space are analyzed. Specific features of a modern cultural situation in the context of the accelerated dynamics of planetary transformations are defined. In relation to cultural practitioners, informative opportunities of methodological paradigms and the methods of studying of culture corresponding to them are considered. The analysis of various modern research approaches, for the purpose of understanding of intrinsic features of functioning of the globalized culture, allowed to define specifics of informative approaches in the conditions of interdisciplinarity. As a result of

research methodological diversification in the field of interdisciplinary cultural researches is exhibited and modern sources of data on methodology of humanitarian and social sciences are introduced into scientific circulation. It is shown that overcoming the methodological limitation of strategy of studying the local and global cultural phenomena allows to optimize process of studying the sociocultural life; use of various methodological approaches in relation to research of the same cultural processes is a necessary step for production of objective knowledge of modern sociocultural reality.

Keywords: culture, globalization, methodology, interdisciplinary.

Социокультурная деятельность в эпоху глобализации динамична и носит комплексный характер. Комплексные противоречивые процессы глобализации являются значимой проблемой для исследователей, изучающих планетарную социокультурную сферу. Исследовательская парадигма изучения глобализированной культуры как специфического объекта определяется тремя фундаментальными составляющими: ноосферогенезом, глобализацией и экспоненциальной эволюцией информационного общества [1, с. 6–7]. Однако, ноосфера, глобализация и информационное общество как предметные сферы обладают собственной спецификой, требующей специального исследовательского инструментария. При этом и сами культурные феномены представляют собой комплексные объекты. Уяснение механизмов транскультурной коммуникации в глобализованном информационном обществе в данной эпистемологической ситуации предполагает применение специфицированных методологий. Наиболее значимой познавательной парадигмой в этом случае являются комплексные междисциплинарные исследования социокультурных феноменов. Актуальность изучения междисциплинарной парадигмы методологических стратегий исследования современной культуры заключается, прежде всего, в анализе инновационных теоретических подходов построения релевантного представления об определяющих факторах ее формирования.

Современное планетарное социокультурное пространство представляет собой нестационарный комплексный феномен, находящийся в условиях глобализированной сети обмена образами, практиками повседневности и ценностями. В условиях информационного общества актуальной проблемой является понимание механизма ускоренного трансфера и планетарной циркуляции артефактов, образов, символов, что, в конечном счете, зависит от работы фундаментальных механизмов глобализированных меметических

потоков [5; 13; 22]. Для понимания того, что представляет собой современная глобализированная культура, необходимо получить и объективные знания о триггерах планетарных культурных потоков [2, с. 11–12]. Следовательно, в эпистемологическом фокусе наиболее значимой будет презентация темы природы ценностей и генерируемых смыслов.

Социальная и культурная антропология тесно связаны с развитием социальных и естественных наук. Однако компетенции социальных теоретиков, культурных антропологов и культурологов не всегда ясно определены. За более чем столет предмет и методологии исследования общества, культуры и человека специфицировались и дифференцировались настолько, что ни один исследователь не в состоянии обладать равносильными экспертными компетенциями во всех этих сферах познания. Это результат исторической коэволюции направлений, школ, методологических стратегий в сфере наук о культуре. Здесь мы имеем дело с феноменом слияния предметных полей и, следовательно, побочным эффектом методологической интерференции. Теоретические достижения в области социальной и культурной антропологии являются необходимыми основаниями эффективного изучения общества, культуры и человека, как показывают составители энциклопедии по теоретическим проблемам изучения социальной и культурной антропологии Джон МакГи Ричард Вормс [14]. Эффективность современного научного знания обусловлена принятием методологической парадигмы междисциплинарного подхода [3, с. 98]. Для получения объективных знаний о культуре предлагается установить баланс эмпирических методов и теоретических подходов.

Культурная динамика всегда пребывала в зависимости от генерации смыслов и производства коммуникативных практик, как отмечают Грант и Маклолин [9]. Процесс интеграции отдельных

культур в глобализированное социокультурное пространство в конечном счете зависит от интенсивности горизонтального трансфера ценностей [2, с. 406]. В пределах компетенции национальных культурных программ и продуктивности инновационных тенденций, посредством интенсификации глобализированных массмедийных трендов, культурное строительство осуществляется как реализация специфических социокультурных проектов. Значимые комплексные явления в планетарном культурном пространстве нуждаются в осознании существа происходящих событий. Для реализации этого познавательного акта необходимы эпистемологические технологии специализированных методологических подходов [17]. Поэтому именно принцип междисциплинарности позволяет культурологии (*cultural studies*) в наибольшей степени оптимизировать изучение современных культурных практик и ландшафтов.

Очевидно, что в центре современного аксиологического пространства и глобального семиозиса находится индивидуум, который спонтанно, но достаточно стереотипно структурирует социокультурное пространство повседневности. Мир культуры, «данный в ощущениях», индивидуум пропускает через когнитивную призму медийной селекции. При этом нужно понимать, что информационно фундированные глобализированные культурные процессы носят ускоренный характер. Такие определяющие феномены, как скорость и мобильность культуры, существенно влияют на глобальный трансфер ритуалов, образов и повседневных поведенческих моделей [26]. Для понимания сути происходящих планетарных социокультурных трансформаций на стыке методологических стратегий искусствоведения, культурологии, философии культуры, социальной теории и социологии культуры формируются специфические концептуальные подходы [11; 16; 28].

Трансформации культуры – отнюдь не единообразный консолидированный процесс. Культурная динамика всегда пребывала в зависимости от генерации смыслов и производства коммуникативных практик, как отмечают Грант и Маклолин [9]. Процесс интеграции отдельных культур в глобализированное социокультурное пространство, в конечном счете, зависит от интенсив-

ности горизонтального трансфера ценностей [2, с. 406]. Социокультурная динамика разнонаправлена и многовекторна, именно поэтому культурные процессы в эпоху исторических трансмутаций рассматриваются в формате автономных многоуровневых «потоков». По мнению Ападурай, глобальное как таковое может проявляться в контекстах экономического, идеологического, политического, технологического и коммуникативного трансферов [4]. Многомерный характер разноуровневых планетарных процессов требует рассмотрения специфических особенностей глобального, регионального, локального и глокального аспектов современной социокультурной динамики.

Все, что обычно подразумевается под «культурой», представляет собой конгломерат артефактов, ритуалов, коммуникативных трансакций и практик повседневности. При этом социокультурные комплексы находятся в процессе перманентной динамической трансформации [2, с. 10–11]. Методологические подходы для описания и объяснения природы многомерных культурных процессов весьма важны при получении объективных знаний о феноменах, которые номинируются как «культура». Для понимания культурной динамики используются подходы, рассматривающие специфику диалектического взаимовлияния вертикального и горизонтального трансфера социокультурных практик [2, с. 23–24].

Дополнительная методологическая сложность возникает в условиях агрессивной политики мультикультурализма и идеологически ангажированного принципа политкорректности. Значимые комплексные явления в планетарном культурном пространстве начинают нуждаться в осознании существа происходящих событий. Для реализации этого познавательного акта необходимы эпистемологические технологии специализированных методологических подходов [17].

В качестве промежуточного результата методологических дискуссий возникло понятие «культурной гибридности» (*cultural hybridity*) [25, с. 117–118]. Определяющими векторами исследования динамического аспекта планетарных социокультурных трансформаций в ноосферном контексте являются триггеры фундаментальных противоречий между глобальным и локальным существованием культурных форм [2, с. 417].

На сегодняшний день выделяются две контрдикторных тенденции: *межкультурного взаимодействия* с элементами интеграции, «гибридизации», «креолизации» культуры и «ассамбляжности» культурных практик. И, напротив, – *межкультурных конфликтов*, осуществляемых посредством перманентного столкновения культур и цивилизаций, вплоть до «культурных войн» [21]. Следовательно, для понимания ключевых механизмов новой культурной ситуации необходимо исследовать как предпосылки, причины и движущие силы глобализации, способы функционирования социокультурных практик внутри планетарных трансформаций, так и воздействие вертикального и горизонтального трансферов культурных потоков на формирование глобализованного социокультурного пространства. Нужно учитывать также специфику производства глобальной культуры, где существенные планетарные изменения происходят не только на основе экономических, политических, социокультурных и технологических «платформ», но, главным образом, в пространстве коммуникативно-информационных потоков.

Институциональная основа национальных культур обусловлена некоммерческим характером деятельности индивидуумов. Традиционные культурные проекты фундированы, прежде всего, тысячелетней эволюцией этно-национальных практик, которые имеют тенденцию к ретроспективности и аксиологическому консерватизму. Поэтому изучение такого типа культур опирается на историко-культурные исследовательские методы. Это проявляется в выделении локальных этнических, религиозных, национально-исторических, эстетических форм, характерных для устойчивой циркуляции этнокультурных архетипов [23, с. 1–2]. Глобальная культура посредством упрощенных эстетических, массмедийных, популярных торговых брендов, ангажирована, главным образом, потребительскими инстинктами «народных масс». На основе экономически эффективных корпоративных интересов коммерческих брендов с использованием массмедийных стереотипов и примитивных клише в постмодерном социокультурном пространстве (*postmodern cultural life*) формируется массовая культура [25, с. 72]. Развивается конфликт между принципами развития консервативной этнонациональной культурной традиции (локальные

культуры) и радикально «инновационной» в формальном плане, коммерциализированной массовой культурой (основой глобализированной культуры). В их противостоянии возникает планетарный фронт глобальных культур (симбиоз локального и глобального содержания культурных практик) [20]. В пределах компетенции национальных культурных программ и продуктивности инновационных тенденций, посредством интенсификации глобализованных массмедийных трендов, культурное строительство начинает осуществляться как реализация специфических социокультурных проектов. Результаты культурологической рефлексии начинают зависеть не только от способа производства смыслов и ценностей в рамках реализации конкретных социокультурных проектов, но также от направленности информационно детерминированных культурных потоков, формируемых массмедийными инструментами информационной глобализации [2, с. 247–248]. Другое фундаментальное противоречие находится в сфере производства самого по себе «культурного контента» и заключается в постоянно углубляющемся конфликте между ценностями народной (массовой) и классической (в соответствующих контекстах – элитарной, *high culture*) культуры [25, с. 32–33].

Еще одно значимое противоречие связано с антагонистическим сосуществованием множества автономных этнонациональных культур и субкультур в рамках конкретной национальной культуры. По ходу развертывания глобальных коммерциализированных культурных трендов (таких как «макдональдизация», «голливудизация», «диснейлендизация» культуры и др.) происходит стандартизация, гомогенизация и унификация культурных кодов, что ведет к феномену мозаичности планетарной культуры [7; 19]. Данные процессы способствуют радикальной фрагментации традиционных культур и их уязвимости перед агрессивными глобализованными маркетинговыми культурными формами.

Ускорение трансфера социальных и культурных потоков в глобальном масштабе имеет позитивные и негативные эффекты. В планетарных масштабах появляются множественные кризисные симптомы и, кроме того, увеличивается число социокультурных рисков. Например, глобализация, в конечном счете, несет угрозу национальным, этническим, социокультурным идентичностям, ра-

дикально уменьшая разнообразие, в том числе – культурное [24, с. 75]. Реальное этнокультурное разнообразие – это условие воспроизводства национальной культурной традиции. Очевидный негативный эффект глобализации – гомогенизация культурной составляющей. Наиболее явный симптом тотального упрощения и унификации культурных форм – «макдональдизация». Это знаковое парадигмальное явление проанализировал в своих социально-критических исследованиях Д. Ритцер [18; 19]. Агрессивная тотальная интервенция примитивных клише массовой денационализированной культуры, особенно в последние годы посредством Интернет, неизбежно приводит к эффекту гомогенизации локальных культур.

Ученые, специализирующиеся в области культурных исследований, конструируют эффективные методы для изучения социокультурного бытия. [16]. Методологии исследования социокультурных событий необходимы для аутентичного понимания специфики конкретной автохтонной культуры (*indigenous methodologies*). В ходе изучения специфики производства локализованных приоритетов и ценностей вырабатываются исследовательские инструменты. Однако многие культурологические подходы оказываются в значительной степени сциентизированы. Позитивистская идеология и эмпирические установки из предметных областей традиционной культурной антропологии смещаются в область изучения инфосферы [6]. Дело в том, что сегодня посредством глобализированной медиасферы пространственно разделенные индивидуумы и сообщества оказываются взаимосвязаны. Именно поэтому исследование культурных практик происходит в контексте планетарной масс-медийной реальности.

Значительную роль в создании комплексной парадигмы производства научных исследований играл период Нового времени. Именно тогда появились первые научные исследовательские программы [12]. Во второй половине XX века методологическая ситуация характерная для культурологии в широком смысле, и особенно в сфере компетенции *cultural studies*, начала неуклонно трансформироваться. Сохранение методологического баланса между сугубо теоретическими и эмпирическими исследованиями в области культурологии – «вечная» комплексная задача, что с очевидностью проявляется в области культурной антропологии, где пересеклись дискурсы

идеологии колониализма, естествознания и социального дарвинизма. Первые материалы о примитивных культурах исследователи получали «из рук» колониальной администрации, миссионеров, путешественников и этнографов [15, с. 1–2]. По сути, это были случайные артефакты, избранные нарративы и их непрофессиональные интерпретации. Сегодня в условиях планетарной инфосферы методы сбора материалов, пожалуй, даже избыточны. Исследователи в области социальных наук считают, что рациональная методология работает в сферах применения качественных и количественных методов. Уже давно существуют две исследовательские традиции, которые акцентируют внимание на качественных и количественных аспектах норм, обычаев, ритуалов повседневности, практиках, коммуникативных актах. Так, Гэри Герцц и Джеймс Махони показывают, что две методологические парадигмы (каллитативная и квантитативная) являются отражением различных подходов к пониманию культуры. Основные различия между этими двумя подходами определяются тем или иным набором инструментальных средств, которые используются в области социальных наук и наук о культуре. Методы включают в себя: описание объектов исследования, измерений, анализ данных, выделение целей, установление причинно-следственных связей и построение верифицируемых моделей. Наконец, затем уже выстраиваются концепции и осуществляется проектирование перспектив. Принципиальные различия между качественными и количественными методами являются не альтернативами, а скорее, взаимодополнительными опциями [8].

В методологическом кластере исследований культуры артикулируется инструментальный комплекс значимых подходов в тематических рамках гуманитарных дисциплин и социальных наук. Главным эпистемологическим барьером в области преодоления междисциплинарной методологической мозаичности является дисциплинарная герметичность. Задача исследователей современного глобализированного культурного пространства, таким образом, состоит в том, чтобы преодолеть узкоспециализированную дисциплинарную методологическую ограниченность и выйти за пределы устойчивых ригидных академических барьеров [10; 27].

Только на основе междисциплинарных дискуссий, использования кросс-культурных подходов, можно эффективно обсуждать актуальные вопросы, связанные с появлением пост-культурных феноменов (*post-cultural manifestations*), которые множатся в эпоху глобализации [29]. Эпистемологически оправданный императив междисциплинарности необходим для релевантной реконструкции прошлого культурной эволюции, а также для анализа настоящего и прогнозирования будущего мировой культуры в широком диапазоне тем.

Одна из ключевых методологических проблем с целью точного выделения объекта исследования в области культуры заключается в проведении эпистемологических демаркационных границ между социальными и культурными практиками. Это может быть сделано посредством спецификации феноменов культурной сферы (артефактов, образов, символов) и предметов социальной сферы (легитимизированных норм, практик, ритуалов коммуникации). Методологические компетенции нуждаются в установлении экспертной квалификации философов, культурологов, искусствоведов, историков культуры и антропологов. Представляется, что оптимизация методологических подходов в междисциплинарном поле исследований зависит от консолидиро-

ванной позиции специалистов, чей приоритетный объект – культура в качестве динамичного комплексного феномена [10].

Проблематика осуществления методологических стратегий в условиях изучения культуры как многомерного феномена может быть раскрыта благодаря эпистемологически адекватным познавательным инструментам. Анализ различных современных исследовательских подходов, с целью понимания сущностных особенностей функционирования глобализированной культуры, позволил определить специфику познавательных подходов в условиях междисциплинарности. В результате исследования экспонирована методологическая диверсификация в области междисциплинарных культурных исследований и введены в научный оборот современные источники данных по методологии гуманитарных и социальных наук. Показано, что преодоление методологической ограниченности стратегий изучения локальных и глобальных культурных феноменов позволяет оптимизировать процесс изучения социокультурного бытия; использование различных методологических подходов по отношению к исследованию одних и тех же культурных процессов – необходимый шаг для производства объективных знаний о современной социокультурной реальности.

Литература

1. Буряк В. В. Ноосферогенез, глобализация и современное информационное общество: моногр. – Симферополь: Ариал, 2014. – 220 с.
2. Буряк В. В. Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст: моногр. – Симферополь: Диайпи, 2011. – 462 с.
3. Шостка В. И. Методология современной науки: проблема формирования междисциплинарного подхода // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – 2014. – № 274. – С. 97–100.
4. Appadurai Arjun. *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization (Public Worlds)*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 229.
5. Brodie R. *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. – Carlsbad, CA: Hay House, 2011. – 256 p.
6. Durham Meenakshi Gigi (Ed.), Kellner Douglas M. (Ed.). *Media and Cultural Studies: Keywords*. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2012. – 648 p.
7. Fishman Charles. *The Wal-Mart Effect: How the World's Most Powerful Company Really Works – and How It's Transforming the American Economy*. – London: Penguin Books, 2006. – 352 p.
8. Goertz Gary, Mahoney James. *A Tale of Two Cultures: Qualitative and Quantitative Research in the Social Sciences*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2012. – 238 p.
9. Grant Colin B., McLaughlin Donal. *Language-meaning-social Construction Interdisciplinary Studies*. – Amsterdam, NY: Rodopi, 2001. – 213 p.
10. Kothari C.R. *Research Methodology: Methods and Techniques*. – New Delhi, India: New Age International Ltd. Publishers, 2013. – 418 p.
11. Kovach Margaret Elizabeth. *Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations, and Contexts*. – Toronto: University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2010. – 216 p.

12. Lindberg David C. The Beginnings of Western Science: The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, Prehistory to A.D. 1450. – Chicago: University Of Chicago Press, 2008. – 480 p.
13. Lynch A. Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society: The New Science of Memes (The Kluwer international series in engineering & computer science). – NY: Basic Books, 1996. – 208 p.
14. McGee R. Jon. Warms Richard L. Theory in Social and Cultural Anthropology: An Encyclopedia. – Thousand Oaks, California: SAGE Publications, 2013. – 1056 p.
15. Monaghan John, Just Peter. Social and Cultural Anthropology: A Very Short Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 176 p.
16. Pickering Michael (Ed.). Research Methods in Cultural Studies (Research Methods for the Arts and the Humanities). – Edinburgh, Scotland, UK: Edinburgh University Press, 2008. – 256 p.
17. Repko Allen F., Newell William H., Szostak Rick. Case Studies in Interdisciplinary Research. – London: SAGE Publications, 2011. – 330 p.
18. Ritzer George (Ed.). McDonaldization: The Reader. – Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc, 2009. – 464 p.
19. Ritzer George. The McDonaldization of Society. – Thousand Oaks, California: Pine Forge Press, 2007. – 320 p.
20. Robertson R. The Three Waves of Globalization: A History of a Developing Global Consciousness. – London.: Zed Books, 2003. – 288 p.
21. Saunders Frances Stonor. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. – New York: New Press, 2013. – 448 p.
22. Shifman Limor. Memes in Digital Culture (MIT Press Essential Knowledge). – Cambridge MA: The MIT Press, 2013. – 216 p.
23. Smith Anthony D. The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2008. – 264 p.
24. Steger M. B. Globalization: A Very Short Introduction. – Oxford.: Oxford University Press, 2003. – 168 p.
25. Storey John. Inventing Popular Culture: From Folklore to Globalization. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2003. – 162 p.
26. Tomlinson J. The Culture of Speed. The Coming of Immediacy. – Thousand Oaks, California.: Sage Publications Ltd., 2007. – 180 p.
27. Trochim William, Donnelly James P. The Research Methods Knowledge Base. – Mason, Ohio: Atomic Dog., 2006. – 361 p.
28. White Mimi (Ed.), Schwoch J. (Ed.). Questions of Method in Cultural Studies. – Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2006. – 336 p.
29. Witte Anne E. Past and Future Culture. – Charleston, South Carolina: BookSurge Publishing, 2010. – 268 p.

References

1. Buriak V.V. Noosferogenez, globalizatsiia i sovremennoe informatsionnoe obschestvo [Noospherogenesis, globalization and modern information society]. Simferopol, Arial Publ., 2014. 220 p. (in Russ.).
2. Buriak V.V. Dinamika kul'tury v epokhu globalizatsii: noosfernyi kontekst [Dynamics of culture in the era of globalization: noosphere context]. Simferopol, Diaipi Publ., 2011. 462 p. (in Russ.).
3. Shostka V.I. Metodologiya sovremennoi nauki: problema formirovaniia mezhdistsiplinarnogo podkhoda [Methodology of modern science: the problem of the formation of an interdisciplinary approach]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia [Culture of the Black Sea]*. Simferopol', 2014, no 274, pp. 97–100. (in Russ.).
4. Appadurai Arjun. *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization (Public Worlds)*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
5. Brodie R. *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. Carlsbad, CA, Hay House, 2011. 256 p.
6. Durham Meenakshi Gigi (Ed.), Kellner Douglas M. (Ed.) *Media and Cultural Studies: Keywords*. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell, 2012. 648 p.
7. Fishman Charles. *The Wal-Mart Effect: How the World's Most Powerful Company Really Works – and How It's Transforming the American Economy*. London, Penguin Books, 2006. 352 p.
8. Goertz Gary, Mahoney James. *A Tale of Two Cultures: Qualitative and Quantitative Research in the Social Sciences*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 2012. 238 p.
9. Grant Colin B., McLaughlin Donal. *Language-meaning-social Construction Interdisciplinary Studies*. Amsterdam, NY, Rodopi, 2001. 213 p.
10. Kothari C.R. *Research Methodology: Methods and Techniques*. New Delhi, India, New Age International Ltd. Publ., 2013. 418 p.

11. Kovach Margaret Elizabeth. Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations, and Contexts. Toronto, University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2010. 216 p.
12. Lindberg David C. The Beginnings of Western Science: The European Scientific Tradition in Philosophical, Religious, and Institutional Context, Prehistory to A.D. 1450. Chicago, University Of Chicago Press, 2008. 480 p.
13. Lynch A. Thought Contagion: How Belief Spreads Through Society: The New Science of Memes (The Kluwer international series in engineering & computer science). NY, Basic Books, 1996. 208 p.
14. McGee R. Jon. Warms Richard L. Theory in Social and Cultural Anthropology: An Encyclopedia. Thousand Oaks, California, SAGE Publications, 2013. 1056 p.
15. Monaghan John, Just Peter. Social and Cultural Anthropology: A Very Short Introduction, Oxford, Oxford University Press, 2000. 176 p.
16. Pickering Michael (Ed.). Research Methods in Cultural Studies (Research Methods for the Arts and the Humanities). Edinburgh, Scotland, UK, Edinburgh University Press, 2008. 256 p.
17. Repko Allen F., Newell William H., Szostak Rick. Case Studies in Interdisciplinary Research. London, SAGE Publications, 2011. 330 p.
18. Ritzer George. McDonaldization: The Reader. Thousand Oaks, California, SAGE Publications, Inc. 2009. 464 p.
19. Ritzer George. The McDonaldization of Society. Thousand Oaks, California, Pine Forge Press, 2007. 320 p.
20. Robertson R. The Three Waves of Globalization: A History of a Developing Global Consciousness. London, Zed Books, 2003. 288 p.
21. Saunders Frances Stonor. The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. New York, New Press, 2013. 448 p.
22. Shifman Limor. Memes in Digital Culture (MIT Press Essential Knowledge). Cambridge MA, The MIT Press, 2013. 216 p.
23. Smith, Anthony D. The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell, 2008. 264 p.
24. Steger M.B. Globalization: A Very Short Introduction. Oxford, Oxford University Press, 2003. 168 p.
25. Storey John. Inventing Popular Culture: From Folklore to Globalization. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell, 2003. 162 p.
26. Tomlinson J. The Culture of Speed. The Coming of Immediacy. Thousand Oaks, California, Sage Publications Ltd., 2007. 180 p.
27. Trochim William, Donnelly James P. The Research Methods Knowledge Base. Mason, Ohio, Atomic Dog, 2006. 361 p.
28. White Mimi (Ed.), Schwach J. (Ed.). Questions of Method in Cultural Studies. Hoboken, New Jersey, Wiley-Blackwell, 2006. 336 p.
29. Witte Anne E. Past and Future Culture. Charleston, South Carolina, BookSurge Publishing, 2010. 268 p.

УДК 930.253(571.17)

КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРХИВНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДОКУМЕНТАМИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ К НИМ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ): 1943–2013 ГОДЫ

Ворушина Анна Петровна, главный архивист отдела комплектования Государственного архива Кемеровской области, магистрант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).
E-mail: ann_035@mail.ru

Паршукова Алена Сергеевна, заведующая отделом комплектования Государственного архива Кемеровской области, магистрант, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).
E-mail:love-kem@bk.ru

Авторами рассматривается процесс комплектования фондов Государственного архива Кемеровской области учреждениями культуры за 1943–2013 годы. Проблема формирования архивного фонда

Кемеровской области документами учреждений культуры и его использования до настоящего времени не была предметом специального исследования.

Для всестороннего раскрытия темы была изучена литература по ряду научных дисциплин: истории России, истории государственных учреждений, организации архивного дела, теории архивоведения, источниковедения, документоведения. В статье рассмотрены количественные показатели данного процесса, состояние научно-справочного аппарата к фондам учреждений культуры и особенности, возникающие в процессе комплектования архива документами учреждений данного типа. Обобщающие количественные показатели, по которым можно характеризовать процесс комплектования, фондирования и использования документов учреждений культуры, подведомственных Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области представлены в табличном виде. Одним из наиболее важных направлений своей деятельности Государственный архив Кемеровской области ставит обеспечение ретроспективной информацией, имеющей важную научную, социальную и культурную значимость, организаций и учреждений области, а также исследователей, которые работают с документами архива. Для реализации данного направления главной задачей является совершенствование в Государственном архиве Кемеровской области системы научно-справочного аппарата к документам архива, представляющей комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых архивных справочников, баз данных о составе и содержании документов. Сегодня для многих специалистов и архивистов-практиков очевидна необходимость в активизации разработки федеральными органами государственной власти современных перечней документов, образующихся в процессе их деятельности, а также в процессе деятельности подведомственных им организаций, с указанием сроков их хранения. Современные реалии требуют новых подходов к их разработке с акцентом на отраслевой состав документации, поскольку в федеральных органах исполнительной власти образуется значительный комплекс типовых управленческих архивных документов уже нашедших отражение в действующем Перечне типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения.

Ключевые слова: комплектование, Государственный архив Кемеровской области, учреждение культуры, список организаций-источников комплектования, научно-справочный аппарат.

STOCKING THE ARCHIVAL FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE DOCUMENTS OF CULTURAL INSTITUTIONS AND FINDING AID FOR THEM (E. G., THE STATE ARCHIVE OF KEMEROVO REGION): 1943–2013

Vorushina Anna Petrovna, Chief Archivist of Acquisition, State Archives of Kemerovo region, Master Undergraduate, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ann_035@mail.ru

Parshukova Alena Sergeevna, Head of Department of the Civil Code, State Archives of Kemerovo region, Master Undergraduate, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: love-kem@bk.ru

The authors consider the process of acquisition of State Archives of Kemerovo region cultural institutions for the period of 1943–2013. The article deals with the quantitative indicators of this process, state finding aid for cultural institutions and features that arise in the process of acquisition of archive documents of institutions of this type.

In modern conditions, society turns to understanding the social processes, different periods of the Russian history, seeking to obtain objective information about the past, to enter into scientific use a new layer of historical sources with general cultural, historical, and natural value.

Before the archival institutions of Russia had three primary objectives: acquisition of the state archives, the organization of storage and accounting documents, as well as their use. All three of these problems are very important, but the question of acquisition are of particular importance. The reason is that, in contrast to

the preservation and use of interarchival functions, the function of acquisition is interdisciplinary in nature. This implies a corresponding normative, legal and methodological support. Secondly, and most importantly, it is from recruitment, i. e. on how fully and accurately it will be selected and transferred to the State Archives a documentary evidence of a particular era, and will depend on source base of historical science.

Problems of the state and community archives are not only in the plane of the improvement of archival and related legislation, regulatory updates and methodological support of the archives in this direction. Much depends on the state of departmental document storage and logistics, financial and staffing activities of state and municipal archives.

The use of archival documents in the public interest is a major and very important task in the activities of the state archives. State Archives of Kemerovo region still continues to proactively inform the public about the availability of documents in the collections, publications, documents, organize the work of the reading room, issuing certificates, the performance of different types of queries. However State Archives of Kemerovo region pays considerable attention to the popularization stored documentary complexes and museum objects, by organizing various exhibitions (stationary, mobile, virtual exhibitions), excursions, day “open door” meetings with schoolchildren and students.

Archival industry has always been considered a highly specialized and more closed than other areas of culture. But in accordance with the present constitution of archives related to general issues of science, culture and is a full-fledged component in addition to the library, museum business and other socio-cultural areas. Important public and social function of archives and their employees, unfortunately, is not obvious and, according to many, is reduced only to the storage of documents. Only the involvement of archives in the common cultural space of the region can overcome this prejudice, show the importance and, if you like, competitiveness archives at the present stage of development of society.

Keywords: acquisition, State Archives of Kemerovo region, cultural institutions, the list of organizations, sources of acquisition, finding aid.

В современных условиях общество обращается к осмыслению социальных процессов, отдельных периодов отечественной истории, стремясь получить объективную информацию о прошлом, ввести в научный оборот новый пласт исторических источников, имеющих общекультурное, историческое, краеведческое значение.

Перед архивными учреждениями России стоят три основные задачи: комплектование государственных архивов, организация хранения и учета документов, а также их использование. Все эти три задачи очень важны, но вопросы комплектования имеют особое значение. Объясняется это тем, что, в отличие от обеспечения сохранности и использования, которые являются внутриархивными функциями, функция комплектования носит межотраслевой характер. Это подразумевает и соответствующее нормативно-правовое и методическое обеспечение. Во-вторых, и это главное, именно от комплектования, то есть от того насколько полно и качественно будут отобраны и переданы в государственные архивы документальные свидетельства той или иной эпохи, будет зависеть источниковая база исторической науки.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1943 года по 2013 год. Выбор нижней границы объясняется тем, что в 1943 году Президиум Верховного Совета СССР указом от 26 января принял решение о выделении из Новосибирской области Кузбасса и о создании на его территории Кемеровской области с административным центром в городе Кемерово. В новую область вошли 9 городов и 23 района [1, л. 3]. В том же году на основании решения № 555 Кемеровского облисполкома от 3 сентября 1943 года в целях концентрации, хранения и изучения архивных материалов был создан отдел Госархивов УНКВД Кемеровской области, а в его составе – Государственный архив Кемеровской области [2, л. 11–14]. С этой даты архивисты всей Кемеровской области ведут отсчет своей службы, именно эту дату можно считать началом формирования архивного фонда Кемеровской области. Верхней хронологической границей исследования является современный период – 2013 год. Обозначенная граница позволяет изучить, проанализировать и сравнить нормативно-правовые документы архивной отрасли, состав и структуру принятых

на государственное хранение документальных комплексов (фонды органов власти, учреждений, общественных организаций, личного происхождения) до настоящего времени. Также обоснованием верхней границы исследования является проведение очередной паспортизации архивов России, статистические показатели и итоги которой обобщены и опубликованы.

Географические рамки работы ограничены территорией Кемеровской области, так как в ней рассматриваются процессы формирования и комплектования архивного фонда только данного субъекта Российской Федерации, территория которого за исследуемый период оставалась неизменной.

Проблема формирования архивного фонда Кемеровской области документами учреждений культуры и его использования до настоящего времени не была предметом специального исследования. Для всестороннего раскрытия темы была изучена литература по ряду научных дисциплин: истории России, истории государственных учреждений, организации архивного дела, теории архивоведения, источниковедения, документоведения.

Список организаций-источников комплектования ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области» (далее – ГАКО), согласованный протоколом ЭПК архивного управления Кемеровской области от 28.08.2014 № 8, ведется с учетом требований Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» [18], «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» [17] и Методических рекомендаций «Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов» [15].

По состоянию на 01.10.2014 в списке организаций-источников комплектования ГАКО – 159 организаций, из них 31 – исполнительные органы государственной власти, 17 – учреждения здравоохранения, 14 – учреждения культуры, 18 – образовательные учреждения, 12 организаций – частной формы собственности, 39 – общественных организаций и политических партий. По всем организациям определена полная фор-

ма приема документов, потому что, с нашей точки зрения, исходя из объемов документов, образующихся в организациях, их функционально-профильной направленности, а также исходя из современных тенденций унификации документов, – это оптимальный вариант.

В мае 2013 года ГАКО был проведен мониторинг сети государственных организаций, подведомственных органов власти Кемеровской области. Всем органам исполнительной власти Кемеровской области были разосланы письма-анкеты с просьбой предоставить списки сети подведомственных учреждений и организаций. Из 32 органов исполнительной власти – 12 не имеют ни сети подведомственных организаций, ни структурных подразделений. Еще два исполнительных органа власти в структуре имеют отделения, управления, количество которых колеблется от 28 до 36; 17 органов исполнительной власти имеют сеть подведомственных организаций и структурные подразделения. Всего функционирует 231 государственное учреждение, однако не все учреждения стоит включать в Список № 1, так как организации одной отрасли и направления имеют однотипные функции и состав документов.

Научно-справочный аппарат – структурированная совокупность элементов описаний документов (вторичной документной информации), представленных в различных видах архивных справочников, базах данных, предназначенных для поиска документов и документной информации.

Научно-справочный аппарат учреждений культуры – источников комплектования ГАКО представлен традиционно, а именно исторические справки, описи дел, предисловия к описи, титульные листы к описи.

Система научно-справочного аппарата к документам архива – это комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых архивных справочников, баз данных о составе и содержании документов, создаваемых на единой научно-методической основе для поиска документов и документной информации в целях эффективного использования.

В настоящее время в России происходят процессы, связанные с развитием информационного общества, архивные учреждения являются одним из важнейших центров, хранящих историко-документальное наследие России. Среди функций

любого архивного учреждения следует выделить использование архивных источников, информирование общества об имеющихся документальных богатствах. Большое значение при этом имеет научно-справочный аппарат архива, во многом помогающий облегчить поиск необходимых источников и работу с ними. Архивные учреждения наряду с комплектованием, учетом и обеспечением сохранности документов, создают и совершенствуют научно-справочный аппарат к документальным комплексам, обеспечивающий общественные потребности в ретроспективной документной информации.

В соответствии с федеральным законом РФ № 125-ФЗ от 22 октября 2004 года «Об архивном деле в Российской Федерации» провозглашен принцип публичности архивов и их равной доступности для любого физического и юридического лица. Это означает возможность получения доступа не только к любым открытым документам, но и к имеющейся открытой системе научно-справочного аппарата. Поэтому понятны те высокие требования, которые предъявляются к ней в настоящее время. Необходимость осмысления современного состояния научно-справочного аппарата связана также и с введением в научный оборот новых комплексов документов, внедрением информационных технологий и формированием на их основе архивного информационного пространства.

Одним из наиболее важных направлений своей деятельности ГАКО ставит обеспечение ретроспективной информацией, имеющей важную научную, социальную и культурную значимость, организаций и учреждений области, а также исследователей, которые работают с документами архива.

Для реализации данного направления главной задачей является совершенствование в ГАКО системы научно-справочного аппарата к документам архива, представляющей комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых архивных справочников, баз данных о составе и содержании документов.

На данный момент оцифрован весь научно-справочный аппарат учреждений культуры, являющихся источниками комплектования ГАКО, что в свою очередь облегчает работу по поиску необходимой информации как сотрудникам архива, так и исследователям.

Обобщающие показатели, по которым можно характеризовать процесс комплектования, фондирования и использования документов учреждений культуры, подведомственных Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области представлены в таблице 1, разработанной и составленной авторами.

Таблица 1

Количественные показатели документов учреждений культуры в фондах ГАКО: объемы документов и даты их передачи

Наименование показателя	Единицы измерения	Количество
Учреждения культуры, подведомственные Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области	Количество учреждений культуры	25
Учреждения культуры Кемеровской области, подведомственные Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области, включенные в Список № 1 ГАКО	Количество учреждений культуры	14
Фонды учреждений культуры в ГАКО	Количество фондов в ГАКО	12
Наличие исторической справки к данным фондам	Историческая справка в деле фонда	12
Дата первой передачи документов на государственное хранение	№ и дата акта приема-передачи	21.03.1964 Р – 436 акт приема-передачи № 1
Дата самого раннего документа в составе фондов учреждений культуры	Дата документа	1922 год Р – 1088 «Кемеровский областной краеведческий музей»
Дата самого позднего документа в составе фондов учреждений культуры	Дата документа	2010 год Р – 1364 Р – 1391

Окончание таблицы 1

Наименование показателя	Единицы измерения		Количество	
Объем документов, поступивших от учреждений культуры на государственное хранение в ГАКО:	Дел	% от общего числа дел	4090	100
а) управленческой документации	Дел	% от общего числа дел	4056	99,17 %
б) фотодокументов	Дел	% от общего числа дел	34	0,83 %

Данная таблица была составлена на основе писем-ответов от организаций на письма-анкеты и данных дел фондов организаций, уже переданных на государственное хранение в ГАКО [3–14]. Показатели таблицы свидетельствуют о том, что Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области имеет 25 подведомственных организаций. В Список № 1 ГАКО включено 14 учреждений культуры, то есть больше половины, которые отражают достаточно полный состав документов организаций данного типа.

Впервые документы учреждений культуры были переданы в 1964 году, что может свидетельствовать об утрате некоторых документальных материалов за ранние периоды других учреждений, так как к 1964 году архивная служба Кемеровской области и ГАКО существовали уже 20 лет. В некоторой степени эту версию подтверждает и дата самого раннего документа в составе фондов учреждений культуры – 1922 год, то есть в данном случае документы находились на ведомственном хранении до передачи в ГАКО в течение 42 лет! Сегодня срок ведомственного хранения для учреждений культуры субъекта федерации составляет 10 лет [18, ст. 22].

2010 год – дата самого позднего документа в составе фондов учреждений культуры: Р – 1364 Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» Р – 1391 «Кемеровский областной музей изобразительных искусств» – свидетельствует об отсутствии необ-

ходимых условий ведомственного хранения документов, что подтверждается данными паспортов архивов организаций. Организации – источники комплектования ежегодно направляют в ГАКО заполненный паспорт архива организации по установленной форме.

Что касается объема и состава документов учреждений культуры, поступивших в ГАКО, то данные показатели свидетельствуют о том, что в составе учреждений культуры хранится практически только управленческая документация – 99,17 % и лишь 34 ед. хр. фотоматериалов. Именно аудиовизуальные документы (к которым относятся и фотоматериалы) «повышают» как историческую ценность фонда в целом, так и экспозиционную в частности. Данный фактор необходимо учесть сотрудникам ГАКО при работе с организациями на этапе научно-технической обработки и подготовки документов организаций к ведомственному хранению.

Для данных учреждений помимо традиционных видов документов постоянного срока хранения, в процессе деятельности формируется следующий специфический состав документов: ведомости успеваемости, расписания занятий, документы (планы, протоколы, анализ) по воспитательной работе, планы практик, документы о рекламной деятельности, о культурном сотрудничестве, презентациях, книги учета выездов театральных коллективов, книги учета материальных ценностей, сценарии концертов, спектаклей, буклеты, фотографии о деятельности, сметы на поставку спектакля, материалы по подготовке областных конкурсов, фестивалей, квалификационные требования, материалы популяризации, книги поступлений музейных предметов, протоколы закупочных комиссий, акты выдачи музейных предметов, справочные картотеки, реставрационные карточки и паспорта, дела выставок, методические разработки, тексты лекций, документы по развитию музеев, акты списания литературы, читательские формуляры, документы по проведению конференций.

За последние годы в учреждениях культуры, а именно в библиотеках и музеях, значительно изменился видовой состав документов. Это связано с появлением новых отделов и структурных подразделений, занимающихся информационны-

ми и компьютерными технологиями. Также это связано с тем, что в современных условиях эти учреждения ищут новые пути взаимодействия с потенциальными посетителями, пользователями. В результате появления новых видов работ, выполняемых этими учреждениями, в делопроизводстве создаются плановые, отчетные и регламентирующие документы, касающиеся именно этих участков.

Сегодня для многих специалистов и архивистов-практиков очевидна необходимость в активизации разработки федеральными органами государственной власти современных перечней документов, образующихся в процессе их деятельности, а также в процессе деятельности подведомственных им организаций, с указанием сроков их хранения. Современные реалии требуют выработки новых подходов к их разработке с акцентом на отраслевой состав документации, поскольку в федеральных органах исполнительной власти образуется значительный комплекс типовых управленческих архивных документов уже нашедших отражение в действующем Перечне типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения [16].

Представляется, что такие крупные отраслевые системы как здравоохранение, образование, культура и другие, должны иметь такие отраслевые перечни документов, которые распространялись бы не только на организации, подчиненные министерствам, осуществляющие нормативно-правовое регулирование в этих отраслях, но и на негосударственные организации, осуществляющие свою деятельность в этих сферах. Полагаем, что методические рекомендации Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела станут действенным инструментом для федеральных органов исполнительной власти при разработке ими соответ-

ствующих перечней и позволят активизировать их работу в этом направлении.

Проблемы комплектования государственных и муниципальных архивов лежат не только в плоскости совершенствования архивного и смежного законодательства, обновления нормативного и методического обеспечения деятельности архивов в этом направлении. Многое зависит от состояния ведомственного хранения документов и материально-технического, финансового и кадрового обеспечения деятельности государственных и муниципальных архивов.

Использование архивных документов в интересах общества является основной и очень важной задачей в деятельности государственных архивов. ГАКО по-прежнему продолжает инициативное информирование общества о наличии документов в фондах, публикации документов, организует работу читального зала, выдачу справок, исполнение запросов различных видов. Вместе с тем ГАКО уделяет значительное внимание популяризации хранящихся документальных комплексов и музейных предметов, путем организации различных выставок (стационарных, передвижных, виртуальные выставки), экскурсий, дней «Открытых дверей», встреч со школьниками и студентами.

Архивная отрасль всегда считалась узкоспециализированной и более закрытой, чем другие направления культуры. А ведь в соответствии с действующей конституцией архивное дело отнесено к общим вопросам науки, культуры и является ее полноценной составляющей наряду с библиотечным, музейным делом и иными социокультурными областями. Важная общественная и социальная функция архивов и их работников, к сожалению, неочевидна и, по мнению многих, сводится лишь к хранению документов. И только вовлечение архивов в единое культурное пространство региона позволяет преодолеть это предвзятое отношение, показать важность и, если хотите, конкурентоспособность архивов на современном этапе развития общества.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-650. – Оп. 8. – Д. 1.
2. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-790. – Оп 1. – Д. 110.
3. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-436.
4. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-963.
5. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-969.
6. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-984.

7. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1088.
8. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1131.
9. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1329.
10. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1364.
11. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1375.
12. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1391.
13. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1398.
14. Государственный архив Кемеровской области. – Дело фонда. – Р-1416.
15. Методические рекомендации «Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов» [Электронный ресурс] // Росархив: сайт / ВНИИДАД, 2012. – URL: http://archives.ru/documents/rekomend_organizatsionno-istochniki-komplektovaniya.shtml
16. Приказ Минкультуры РФ от 25.08.2010 № 558 «Об утверждении “Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://archives.ru/documents/ministry-orders.shtml>
17. Приказ Минкультуры от 18.01.2007 № 19 «Об утверждении “Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках и организациях РАН”» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusarchives.ru/news/prikmkmk19_07.shtml
18. Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (в ред. Федеральных законов от 04.12.2006 № 202-ФЗ, от 01.12.2007 № 318-ФЗ, от 13.05.2008 № 68-ФЗ, от 08.05.2010 № 83-ФЗ, от 27.07.2010 № 227-ФЗ). «Собрание законодательства РФ», 25.10.2004, № 43, ст. 4169, «Российская газета», № 237, 27.10.2004. Вступил в силу 27.10.2004. Изменения, внесенные Федеральным законом от 13.05.2008 № 68-ФЗ, вступили в силу – 16.05.2008. «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4196, «Российская газета», № 169, 02.08.2010. Вступил в силу (за исключением отдельных положений) 03.11.2011.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. F. R-650. Op. 8. D. 1. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. F. R-790. Op. 1. D. 110. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-436. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-963. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-969. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-984. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1088. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1131. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1329. (In Russ.).
10. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1364. (In Russ.).
11. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1375. (In Russ.).
12. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1391. (In Russ.).
13. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1398. (In Russ.).

14. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [State Archives of Kemerovo region]. Business Fund. P-1416. (In Russ.).
15. Metodicheskie rekomendatsii "Opredelenie organizatsii-istochnikov komplektovaniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivov". [Guidelines' definition of organizations sources for state and munisipal archives]. *Rosarkhiv. VNIIDAD, 2012* [*Rosarkhiv, VNIIDAD, 2012*]. Available at: http://archives.ru/documents/rekomend_organizatsii-istochniki-komplektovaniya.shtml (In Russ.).
16. Prikaz Minkul'tury RF ot 25.08.2010 № 558 "Ob utverzhdenii 'Perechnia tipovykh upravlencheskikh arkhivnykh dokumentov, obrazuiushchikhsia v protsesse deiatel'nosti gosudarstvennykh organov, organov mestnogo samoupravleniia i organizatsii, s ukazaniem srokov khraneniia'" [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of 25.08.2010 № 558 "On approval of the 'List of standard management of archival documents generated in the course of business, public bodies, local authorities and organizations, with an indication of the shelf life'"]. Available at: <http://archives.ru/documents/ministry-orders.shtml> (In Russ.).
17. Prikaz Minkul'tury ot 18.01.2007 № 19 "Ob utverzhdenii Pravil organizatsii khraneniia, komplektovaniia, ucheta i ispol'zovaniia dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiiskoi Federatsii i drugikh arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh, muzeiakh i bibliotekakh i organizatsiakh RAN" [Order of the Ministry of Culture of 18.01.2007 № 19 "On approval of Rules of organization of storage, acquisition, registration and use of documents of Archival fund of the Russian Federation and other archival documents in state and municipal archives, museums and libraries and organizations of the RAS"]. Available at: http://www.rusarchives.ru/news/prikmkmk19_07.shtml (In Russ.).
18. Federal'nyi zakon ot 22.10.2004 № 125-FZ "Ob arkhivnom dele v Rossiiskoi Federatsii" (v red. Federal'nykh zakonov ot 04.12.2006 № 202-FZ, ot 01.12.2007 № 318-FZ, ot 13.05.2008 № 68-FZ, ot 08.05.2010 № 83-FZ, ot 27.07.2010 № 227-FZ). "Sobranie zakonodatel'stva RF", 25.10.2004, № 43, st. 4169, "Rossiiskaia gazeta", № 237, 27.10.2004. Vstupil v silu 27.10.2004. Izmeneniia, vnesennye Federal'nym zakonom ot 13.05.2008 № 68-FZ, vstupili v silu – 16.05.2008. "Sobranie zakonodatel'stva RF", 02.08.2010, № 31, st. 4196, "Rossiiskaia gazeta", № 169, 02.08.2010. Vstupil v silu (za isklucheniem otdel'nykh polozhenii) 03.11.2011 [Federal Law of 22.10.2004 № 125-FZ "On Archive of the Russian Federation" (in red. Federal Law of 04.12.2006 № 202-FZ of 01.12.2007 № 318-FZ of 13.05.2008 № 68 FZ, from 08.05.2010 № 83-FZ of 27.07.2010 № 227-FZ). "Meeting of the legislation of the Russian Federation", 25.10.2004, № 43, Art.4169, "Rossiiskaia Gazeta", № 237, 27.10.2004. Entered into force on 27.10.2004. Changes made to the Federal Law of 13.05.2008 № 68-FZ, entered into force – 16.05.2008. "Meeting of the legislation of the Russian Federation", 02.08.2010, № 31, art.4196, "Rossiiskaia Gazeta", № 169, 02.08.2010. Entered into force (with the exception of certain provisions) 03.11.2011]. (In Russ.).

930.253(571.17)

ИНТЕГРАЦИЯ УЧЕТА ДОКУМЕНТОВ КПСС В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕТА АРХИВНОГО ФОНДА РФ: СПЕЦИФИКА КУЗБАССА

Карпинец Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Институт экологии человека СО РАН, доцент кафедры новейшей отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: naukarpinets@mail.ru

Кокорникова Наталья Олеговна, магистрант, Кемеровский государственный университет, заместитель главного хранителя фондов, Государственный архив Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: kogars1@mail.ru

Актуальность представленной статьи определяется теоретическим и практическим опытом архивной службы Кемеровской области в осуществлении процесса интеграции учета документов КПСС

в систему учета Архивного фонда РФ. Основными материалами для создания статьи послужили документы Государственного архива Кемеровской области (ГАКО), впервые вводимые в научный оборот, также нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня.

Ключевые слова: Архивный фонд РФ, Государственный архив Кемеровской области, интеграция, учет документов, партийный фонд, список фондов, карточка фонда, листы фондов, итоговая запись, реестр описей.

INTEGRATION OF THE ACCOUNTING OF THE CPSU DOCUMENTS INTO THE SYSTEM OF STATE ACCOUNTING OF ARCHIVAL FUND OF THE RUSSIAN FEDERATION: SPECIFICS OF KUZBASS

Karpinets Aleksey Yurievich, Candidate of Historical Sciences, Docent, Research Associate of Laboratory of History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS, Docent of Department of Contemporary National History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: naukarpinets@mail.ru

Kokornikova Natalya Olegovna, Master Undergraduate, Kemerovo State University, Deputy Chief Keeper of Funds, State Archive of Kemerovo region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kogars1@mail.ru

Relevance of the presented article is defined by theoretical and practical experience of archival service of Kemerovo region in implementation of process of integration of accounting the CPSU documents into system of accounting the Archival fund of the Russian Federation. The work purpose is to generalize practice of realization of process of integration during 1991–2013, to reveal specifics of Kuzbass. As the main materials for creation of article the documents of the State Archive of Kemerovo Region for the first time introduced into scientific circulation, also normative legal acts of federal and regional level served. They served as the key principles and methods of this article creation: the historicism which allowed to reconstruct process in a chronological order, comparative analysis promoting the detection of specifics of Kuzbass in practical implementation of the law “About Party Archives”. As a result of the conducted research, the authors came to the following conclusions: for over 20 years in accordance with the recommendations of Federal Archival Agency of Russia, the basic rules, guidelines State archive of the Kemerovo region conducted a range of activities, providing the record stored in CPSU archive documents with the state archives of organizational and methodological basis. At the moment the plan of integration activities is almost done on the following parameters: reconciliation availability of reporting forms by party funds (case foundation, acts of check, check sheet, list), preparation of final accounts, changes in leaf Foundation, formation and management of the Fund, preparation and maintenance of a register of inventories, the question of the integration of finding explanatory notes (specifying the records of all changes in the name of founder of archival fund, to proceed with the preparation of the historical references to the funds, registration of title pages, maintain a computerized database) is opened.

Keywords: Archival Fund of the Russian Federation, State Archive of Kemerovo region, integration, accounting of documents, party fund, list of funds, card of fund, sheets of funds, total record, register of inventories.

Указом Президента РСФСР Б. Н. Ельцина от 24 августа 1991 года за № 83 «О партийных архивах» центральные и местные архивы КПСС были переданы в ведение государственной архивной службы. С этого момента огромный массив исторических документов, в значительной

степени неисследованных, стал доступным для широкой общественности. Передача фондов «партийных архивов» в состав государственной части Архивного фонда РФ на местах, в субъектах РФ, осуществлялась по-разному. В ряде регионов были созданы различные самостоятельные

учреждения: центральные государственные архивы общественных объединений, государственные архивы современной документации, центры документации новейшей истории, филиалы государственных архивов, специализированные архивохранилища, соответствующие отделы, которым на государственное хранение передавались документы КПСС.

На территории Кузбасса огромный массив исторических документов бывшего партархива (1118 фондов, 301 389 ед. хр.) был присоединен к уже учтенному на тот момент в Государственном архиве Кемеровской области объему документов. Специфика рассматриваемого региона заключается в том, что в Кемеровской области не было создано ни специального отдела, ни специализированного архивохранилища, партийный архив целиком и полностью вошел в состав Государственного архива Кемеровской области [1, с. 4–5].

Архивные документы учреждений, организаций, предприятий, органов КПСС и ВЛКСМ региона вошли в состав государственной части Архивного фонда РФ, что предопределило необходимость их включения в систему государственного учета Архивного фонда РФ и осуществления архивных технологий учета на основе единой методики с государственными архивами. В свою очередь это вызвало необходимость осуществления процесса интеграции учета документов бывших партийных архивов в систему государственного Архивного фонда РФ.

Процесс интеграции обосновывался, прежде всего, практической потребностью, что было связано с реализацией расширения доступа исследователей к документам КПСС/ВЛКСМ, необходимостью приведения действовавших в них правил учета документов в соответствие с правилами учета документов государственных архивов, в большей степени отвечающими задачам обеспечения сохранности и всестороннего использования документов в интересах широкого круга граждан, а не только партийных работников и историков партии [2, с. 16].

Интеграция учета документов партийных архивов в систему государственного учета Архивного фонда РФ представляет собой проведение комплекса работ, обеспечивающих учет хранящихся в них документов на единой с государственными

архивами организационно-методической основе [6, с. 3]. Интеграция учета – это многоуровневый процесс, который зависит от системы учета бывшего партийного архива, от количества людей им занимающихся, их компетентности и пр.

Необходимо отметить единство подходов партийных и государственных архивов к определению объектов учета: и в тех, и в других учет велся по фондам, коллекциям и единицам хранения. В состав основных учетных документов входили следующие элементы научно-справочного аппарата архива: книга поступлений, книга фондов, опись дел, карточка фонда, дело фонда, паспорт архива. Нужно учитывать, что архивные технологии ведения этих учетных документов не обеспечивали принцип пофондового учета дел [3, с. 15].

Учет партийных фондов имел ряд особенностей. Запись об изменении объема фонда в партархивах составлялась только суммарно, с нарастающим итогом и отмечалась в карточке фонда, а не по описям. В книге поступлений фиксировались объемы дел, поступивших от всех первичных партийных организаций того или иного партийного органа (горкома, райкома) общим количеством. Таким образом, система учета не предусматривала заведения полного комплекса основных учетных документов на каждый фонд и не обеспечивала динамики изменений объемов дел по каждой описи. Дела фондов составлялись только на основные, более значимые фонды. Со всем не составлялись итоговые записи к описям: количество учитывалось по последнему валовому номеру, что не всегда соответствует действительности, так как не всегда учитывались литерные, пропущенные, не поступившие номера единиц хранения. В фондах – большое количество описей, опись аналогична годовому разделу описи в госархиве. Состав документов постоянного хранения смешан в одной описи с документами по личному составу. Итак, следует констатировать факт определенных различий в системах учета партархива и Государственного архива Кемеровской области [5, с. 45].

Изучение действовавшего порядка учета документов в партийных архивах, в основе которого лежали требования «Правил работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, институтов истории партии – филиалов ИМЛ при ЦК КПСС»,

показало единство подходов партийных и государственных архивов к определению объектов учета и, частично, к составу и функциональному назначению основных учетных документов. В партийных архивах учет велся по архивным фондам, коллекциям и единицам хранения, а в состав основных учетных документов входили: книга поступлений, книга фондов (список фондов), опись дел, карточка фонда (заменяющая лист фонда), дело фонда, паспорт архива.

Следует учесть, что в отличие от государственных архивов порядок ведения этих учетных документов не в полной мере обеспечивал принцип пофондового учета дел. Это выражалось в отсутствии полного комплекса основных учетных документов к каждому фонду и особой методики их заполнения. Дела фондов и карточки фондов (заменяющие листы фондов) составлялись только на основные фонды. Записи об изменениях объемов фондов делались в учетных документах не отдельно по каждому фонду или описи, а суммарно [6, с. 20–23].

Итак, в книге поступлений фиксировались объемы дел, поступивших от всех первичных партийных организаций того или иного райкома, и вместо номеров фондов, объемы которых увеличились, указывалось: *«разные фонды»*. Также поступали и при заполнении карточек фондов (заменяющих листы фондов) в отношении описей. Не были определены состав и формы актов, документирующих результаты работы с фондами, практиковалось внесение изменений в учетные документы на основании книг выдачи дел из архивохранилищ, протоколов экспертно-методической комиссии. В результате не всегда возможно проследить по учетным документам изменения объемов фондов и описей и документально подтвердить их причины.

Ограниченность доступа исследователей в партийные архивы, при котором большинство документов рассматривались как секретные или ограниченного доступа, явилась причиной отсутствия специально организованного учета документов, содержащих сведения, составлявшие государственную тайну, что и в государственных архивах остается объективной необходимостью.

К другим особенностям учета следует отнести существовавшую в партийных архивах

практику включения в учетные документы, в том числе и в книги поступлений, сведений только об обработанных и внесенных в описи делах. В карточке фонда (заменяющей лист фонда) отсутствовала графа для учета необработанных дел. Если документы, как правило, личного происхождения, поступали в россыпи, то они учитывались лишь после их описания. Практиковалось исключение из карточки фонда (заменяющей лист фонда) на основании книги выдачи дел из архивохранилищ материалов, передаваемых сотрудникам на так называемое «усовершенствование научнотехнической обработки» (то есть на переработку фондов). Имело место пересоставление (перепечатка) списка фондов, при этом в новый список не включались данные о переданных, ликвидированных, объединенных фондах и свободных номерах, а для подсчета имеющихся в наличии фондов вводилась дополнительная графа *«I (№ n/n)»*. Поскольку фонды выбывали и после перепечатки списка, последний номер указанной графы не соответствовал фактическому наличию фондов в архиве, отсутствовали итоговые записи к списку фондов, а, следовательно, и документальное подтверждение количества фондов, находящихся на хранении, учет переданных, ликвидированных фондов, свободных номеров. Не составлялись итоговые записи и к так называемым «открытым описям» первичных организаций: количество включенных в них дел учитывалось по последнему валовому номеру, что не всегда соответствовало действительности, так как при нумерации могли быть допущены ошибки (пропущенные номера, дела за литерными номерами).

Необходимо отметить и некоторые особенности систематизации дел в фондах партийных архивов, сказывающиеся на порядке учета их документов. В частности, это связано с наличием в них множества небольших по объему описей, каждая из которых аналогична годовому разделу описи в государственном архиве, только без единой валовой нумерации. Экземплярность описей не превышала двух. Особо следует сказать о порядке учета документов по личному составу, что связано с особенностями составления описей в партийных органах. Так, в отличие от государственных учреждений, организаций, предприятий, где на этот вид документов составлялись от-

дельные описи, в партийных органах документы по личному составу на технический персонал при сдаче на хранение в партийный архив включались в описи дел основных структурных подразделений. Примерно половину документов партийных архивов составили так называемые «дела персонального характера» по учету руководящих кадров, приеме в кандидаты и члены КПСС, парткомиссий, пенсионные дела. К ним следует отнести и учетно-партийные документы, включая учетные карточки образца 1973 года, принятые после августа 1991 года [4, с. 17–18].

С целью исполнения указа Президента от 24 августа 1991 года «О партийных архивах» с ноября 1991 года Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) ведет работу по интеграции учета документов и фондов бывшего архива Кемеровского обкома КПСС в систему государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации. В этой связи было организовано проведение комплекса мероприятий, направленных на совершенствование данного направления деятельности. В частности, был составлен план работы по интеграции учета и дальнейшему его совершенствованию.

Работа по интеграции учета велась как попутно (по результатам приема дел на госхранение, проверки наличия и состояния дел), так и на основе целевой выверки учетных документов. Первым этапом стала выверка списка фондов, для чего использовался старый список. Просматривались переписка бывшего партархива о передаче фондов, книга выбытия дел, отчеты архива. В целом, по результатам работы по состоянию на 01.01.2013 составлена итоговая запись к списку фондов, который включил 2804 фонда. Вторым этапом выверки учетных документов явилось уточнение паспортных данных о количестве находящихся на хранении описей. Эта работа была проведена на основе проверки их наличия. Результаты были оформлены соответствующими актами. Третий, наиболее трудоемкий этап предполагал уточнение количества дел, включенных в каждую опись, объем каждого фонда. Эта работа проводится путем проверки правильности составления итоговых записей к описям и на основе составления итоговых записей к «открытым» описям. Проверяется валовая нумерация дел в описях, правильность и пол-

нота отражения в них движения дел в результате работ, проводимых ранее с фондом. Технические ошибки, обнаруживаемые при выверке валовой нумерации дел в описях, оформляются актами о технических ошибках и учитываются в итоговой записи к описи, листе фонда, при составлении паспорта архива. Четвертый, последний этап выверки учетных документов заключается в проверке достоверности показателя паспорта путем суммирования данных об объеме всех фондов [3, с. 5–8].

С 1991 года в ГАКО учет партийных фондов стали вести по следующим учетным документам: список (книга) фондов, книга учета поступлений, лист фонда, описи дел, паспорт архивохранилища, дело фонда, лист-заверитель, паспорт архива, книга учета текущих изменений в составе и объеме фондов. Поступление каких-либо объемов стали фиксировать в единой для госархива книге поступлений дел на госхранение, которая является документом централизованного учета. Фонды бывшего партийного архива, ставшие частью фондов ГАКО без их перенумераций в учетных документах получили букву «П», отделяемую от цифрового обозначения номеров чертой (*П-1* и т. д.).

С целью реализации принципа пофондового учета документов целесообразно составление карточек фондов или листов фондов. В нашем случае в обязательном порядке были составлены листы фондов на каждый фонд. Листы фондов дали возможность увидеть количество дел в фонде и по отдельной описи. На все 2804 фонда с литерой «П» были составлены листы фондов. По ним было подсчитано общее количество описей – 6861. Составлен реестр описей, заполнение данного реестра продолжается и сейчас. Также, было заведено 2804 дела фондов, что соответствует общему количеству имеющихся партийных фондов. Описи сохранили свои номера в пределах фонда. Новые описи, составленные в период 1991–2013 годов учетные номера получили по листу фонда. Продолжается работа по составлению итоговых записей к описям, где оговариваются литерные, пропущенные, выбывшие номера единиц хранения. Проведена паспортизация архивохранилищ. На все фонды был заведен комплекс документов, но без карточки фондов. В настоящее

время она не нужна, поскольку составляется лист фонда. Также, была заведена книга учета текущих изменений в объеме и составе фондов, в которой фиксируются все текущие изменения, связанные с партийными фондами [2, с. 17–21.]

Подводя итоги деятельности работников ГАКО по реализации процесса интеграции учета документов КПСС в систему государственного учета Архивного фонда РФ за период с 1991 по 2013 год следует отметить, что был осуществлен ряд мероприятий, направленных на включение партийного архива в систему государственного учета ГАКО. На данный момент план интеграционных мероприятий практически выполнен по следующим показателям: выверка наличия учетных форм по партийным фондам (лист фонда, дело фонда, акты проверки, лист проверки, опись, составление итоговых записей, внесение изменений в лист фонда, формирование и ведение дел фондов, составление и ведение реестра описей). В рамках завершения процесса интеграции в настоящее время активно заполняется база данных «Архивный фонд», что является неотъемлемой частью внедрения партийных фондов в состав Архивного фонда РФ. Данная программа явля-

ется автоматизированным комплексом, обеспечивающим создание информационного массива о составе и содержании документов, состоянии их сохранности и научно-справочного аппарата на уровне фонда и описи, что позволяет осуществить информационное обеспечение функций государственного учета, контроль над состоянием научно-справочного аппарата, за хранением документов. Информационной основой ввода в базу данных являются сведения из основных и вспомогательных учетных документов: листы и карточки фондов, их замещающие, книги фондов (списки фондов), описи документов. В заключение нужно указать, что, по нашему мнению, автономное существование партийных архивов, функционировавших независимо от единой государственной системы, не способствовало созданию и развитию единого научно-справочного аппарата (НСА), как последней стадии труда архивистов, которая связана с сохранением и введением в общественный оборот документальных богатств, осуществление же процесса интеграции учета документов КПСС в систему государственного учета Архивного фонда РФ позволило упорядочить НСА архивной службы [4, с. 10].

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-513. – Оп. 14. – Д. 213.
2. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-513. – Оп. 14. – Д. 229.
3. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-650. – Оп. 1. – Д. 538.
4. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-650. – Оп. 1. – Д. 540.
5. Государственный архив Кемеровской области. – Ф. Р-650. – Оп. 1. – Д. 567.
6. Рекомендации по интеграции учета документов бывших партийных архивов в систему государственного учета Архивного фонда Российской Федерации / ГАС России. – М., 1995. – С. 3–31.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [National Archives of the Kemerovo region]. F. R-513. Op.14. D. 213. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [National Archives of the Kemerovo region]. F. R-513. Op.14. D. 229. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [National Archives of the Kemerovo region]. F. R-650. Op.1. D. 538. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [National Archives of the Kemerovo region]. F. R-650. Op.1. D. 540. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti [National Archives of the Kemerovo region]. F. R-650. Op.1. D. 567. (In Russ.).
6. Rekomendatsii po integratsii ucheta dokumentov byvshikh partiinykh arkhivov v sistemu gosudarstvennogo ucheta Arkhivnogo fonda Rossiiskoi Federatsii [Guidelines on the integration of the accounting documents of the former party archives in the government's accounting system Archive Fund of the Russian Federation]. Moscow, 1995, pp. 3–31. (In Russ.).

УДК 94

ПОЧЕТНОЕ ГРАЖДАНСТВО В ИСТОРИИ КУЗБАССА

Акуленко Илья Вячеславович, аспирант, Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова, сотрудник аппарата Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (г. Москва, РФ). E-mail: akulenko@live.ru

Сословие почетного гражданства в Российской империи появилось не случайно; образование в конце XVII века сословия именных, а затем почетных граждан позволило российскому правителю решить сразу несколько актуальных задач. Среди этих задач можно отметить снятие социального напряжения, проблему интеграции новых подданных различного вероисповедания и этнических групп в состав Российского государства, выделение граждан и наделение их специальными привилегиями, чтобы они могли приносить пользу на благо государства, и другие задачи. Преимущества именных граждан, закрепленные Екатериной II в «Жалованной грамоте городам», заключались в следующем: освобождение от телесного наказания, рекрутской повинности, им разрешалось иметь загородные дворы и сады (кроме заселенных имений) и передвигаться по городу в карете, запряженной парой и четверней лошадей. Звание именных граждан передавалось по наследству, что делало их выраженной сословной группой. Внуки именованных граждан, отцы и деды которых несли это звание беспорочно, по достижении ими 30 лет от роду могли просить о присвоении им дворянства. В 1832 году император Николай I установил манифестом сословие почетных граждан. Почетные граждане стали делиться на личных и потомственных. Известными представителями данного сословия стали семьи Морозовых, Рябушинских, Гучковых. Звание почетного гражданина было упразднено декретом ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». Вскоре, по похожим принципам, но только на благо города, было решено награждать особо отличившихся на благо населенного пункта званием почетного гражданина. Создание нового звания не только помогло решать задачи государственного масштаба, но и подтолкнуло развитие меценатства, культуры, науки и системы государственного управления на местах и во всей российской экономики.

Ключевые слова: почетное гражданство, сословие, преимущество, звание, российский император, городской совет, Щегловск, Кузбасс, Кемерово.

HONORARY CITIZENSHIP IN THE HISTORY OF KUZBASS

Akulenko Ilya Vyacheslavovich, Post-Graduated Student, M.V. Lomonosov Moscow State University, Central Election Commission of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: akulenko@live.ru

There was no accident in appearing of an honorary citizenship class in the Russian Empire in the 1890s. It helped to solve several problems: removal of social tensions, integration problem of other worship and new ethnic groups, choosing people and giving them special privileges for the benefit of the Russian State. Advantages of eminent citizens in patent letters written by Ekaterina II were: exemption from corporal punishment, conscription, ability in owning country yards and gardens (except for populated estates), moving around city in a carriage pulled by 2 or 4 horses. Titles of eminent citizens were inheritable. Grandchildren of eminent citizens who were bearing the title blamelessly could ask for nobility on reaching 30 years old. In 1832, Emperor Nikolai I established the manifest about a class of honorary citizens. Honorary citizens were divided in personal and hereditary. The Morozov, Ryabushkinky, Guchkov families were the famous representatives of this class. The title of honorary citizen was removed by the Soviet Decree from November 11 (24) 1917 about abolition of classes and civil officials. Soon it was decided (on the similar principals) to reward honored citizens with "honorary citizen" title for the benefit of the city. New title establishment not only helped

to solve the problem of national scale but also encouraged the development of patronage, culture, science and municipal administration system in the whole Russian economics.

Keywords: honorary citizenship, class, advantage, title, Russian emperor, city council, Scheglovsk, Kuzbass, Kemerovo.

Свое начало сословие почетных граждан получило в 1785 году, с принятием Екатериной II «Жалованной грамоты городам», или «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», в которой полноправные граждане (горожане) уже именовались городскими обывателями. В этом большом по объему правительственном документе регламентировались жизнь и сословная структура городов, были определены права и обязанности каждого разряда городских жителей, порядок управления городом [24, с. 159]. Все население города разбивалось на шесть разрядов, в «Жалованной грамоте городам» есть специальный раздел об именитых гражданах, которые составили пятый разряд городских обывателей. Сюда входили представители верхних слоев купечества, которые выделялись своим богатством, кредитоспособностью, общественным влиянием, а также представители науки и искусства. Преимущества разряда именитых граждан заключались в следующем: именитые граждане освобождались от телесных наказаний и рекрутской повинности (она заменялась денежным взносом), им разрешалось иметь сады, загородные дворы, приобретать морские и речные суда, пользоваться при передвижениях экипажами, запряженными двумя или четырьмя лошадьми. Последнее особенно сблизало данное сословие с дворянами, подчеркивало положение в городе, в обществе. Чтобы получить звание именитого гражданина, представителям купечества нужно было объявить за собой капитал не менее пятидесяти тысяч рублей, большая сумма для того времени [1, с. 12].

Верхушка купечества желала пополнить ряды дворян, воспользоваться всеми преимуществами этого сословия для увеличения своих богатств. «Жалованная грамота городам» оставляла им только надежду на полное равенство прав, в ней предусматривалось, что внуки именитых граждан, если им исполнилось тридцать лет, могут просить дворянства. Сам момент для такого прошения мог наступить только через сорок-пятьдесят лет, что делало этот пункт лишь

формальным, лишенным реального содержания. Вместе с тем эта уступка купечеству, незначительная по своим социальным последствиям и не затрагивавшая коренных интересов дворянского сословия, сделалась сигналом для некоторых из представителей дворян, следствием которого стал указ Александра I, отменявший разряд именитых граждан для купечества и сохранявший его лишь для ученых и художников [22]. Данный указ вызвал недовольство, так как даже самое почетное купеческое семейство немедленно обращалось в класс мещан или сельских обывателей, а значит подлежало рекрутской повинности, телесному наказанию и лишалось всяких привилегий.

В Российской империи продолжалось развитие экономики: увеличивалось промышленное производство, происходил процесс дифференциации производства, внедрялись новые технологии изготовления товаров, постоянно возрастало количество людей, занятых в промышленности и торговле, возрастало влияние купеческого сословия – как на общество, так и на российского императора, что, несомненно, вызывало беспокойство у представителей дворянского сословия, ведь самым простым решением было причислить наиболее влиятельных представителей к дворянскому сословию. Разрешением сложившейся ситуации стал заниматься лично император Николай I, и в декабре 1826 года был образован секретный комитет, в состав были включены особо доверенные лица, имевшие опыт в составлении проектов государственных реформ.

После продолжительного обсуждения и внутренней борьбы, развернувшейся вокруг этого проекта, был подготовлен соответствующий императорский манифест: «Права и преимущества, дарованные грамотою 1785 года городам и обывателям их, с того времени в течение столь многих лет по движению торговли и промышленности сделались настоящему положению их в некоторых частях несоразмерными» [5]; «желая новыми отличиями более привязать городских обывателей к состоянию их, от процветания коего зависят и

успехи торговли и промышленности, мы признали за благо права и преимущества их упрочить нижеследующими постановлениями: в состоянии городских обывателей устанавливается новое сословие почетных граждан» [21].

В тридцати параграфах этого документа определялся порядок создания вводимого в России нового сословия. Пржнее звание именитых граждан упразднилось. Почетное гражданство разделялось на потомственное и личное. Потомственное почетное гражданство могли получить законные дети личных дворян, чиновников и духовных лиц, награжденных российскими орденами. Первоначально награжденные любой степенью ордена Св. Анны автоматически становились потомственными дворянами, однако с 1845 года это положение было изменено. Было установлено, что впредь только первая степень ордена дает потомственное дворянство, а остальные степени – только личное. Исключением являлись лица купеческого сословия и мусульмане, которые при награждении любой из степеней ордена, кроме первой, дворянами не становились, а получали статус почетных граждан. Потомственными почетными гражданами становились дети духовенства, а позже к ним были добавлены и дети магометанского, протестантского духовенства. С помощью образования нового сословия удалось определить статус евреев [17]. Что касается купцов, то потомственное почетное гражданство предоставлялось купцам первой и второй гильдий, имевшим звания коммерц- и мануфактур-советника и получившим российский орден [20].

Почетное гражданство могло быть даруемо лично иностранным ученым, художникам, торгующим капиталистам и хозяевам значительных мануфактурных и фабричных заведений, даже не вступившим в российское подданство. В таком случае преимущества почетного гражданства присваивались иностранцам особым указом. Круг лиц, обладавших основаниями для получения почетного гражданства, постоянно расширялся – главным образом за счет выпускников различных учебных заведений, а также тех, которые работали на капиталистических предприятиях и в имениях крупных помещиков (управляющие, агрономы, инженеры, техники). Манифестом от 10 апреля 1832 года [4, с. 5] предусматривались привилегии и преимущества почетных граждан. Пер-

воначально в нем были перечислены пять таких преимуществ (льгот): освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, телесного наказания, право участвовать в выборах в городское самоуправление и быть избранным на городские общественные должности, право именовать себя во всех анкетах почетными гражданами с присоединением к званию указания принадлежности к гильдии (для купцов) [16, с. 80].

Статус потомственного почетного гражданина имел преимущество перед званием купца: он был наследственным и поэтому более привлекательным для человека, жаждавшего обрести больше личных и имущественных прав [9, с. 144], но, несмотря на принятие манифеста, серьезный разрыв в преимуществах между дворянским сословием и почетными гражданами сохранился. Многие известные предприниматели являлись представителями сословия почетных граждан: Прохоровы были причислены к этому разряду в 1830-е годы, Крестовниковы – в 1833 году, Гучковы – в 1835 году, Четвериковы – в 1840 году, Морозовы – в начале 1840-х годов, Солодовниковы – в 1855 году, Варгунины – в 1862 году, Вишняковы – в 1870 году, Найденовы – в 1872 году, Рябушинские – в 1879 году, соответственно они получили право на общий гражданский титул «ваше благородие» [2, с. 12].

Сословие почетных граждан расширялось не только за счет представителей промышленников, предпринимателей и их семей. С помощью этого инструмента император также решал сложные геополитические задачи, а именно стала возможной интеграция местных сообществ и народностей в состав Российской империи. С помощью включения в сословие почетных граждан российский император наделял определенные группы населения привилегиями, положенными с присвоением звания, для более гибкого управления территорией: причисление к сословию почетных граждан было положено врачам, учителям и художникам в польских губерниях [18], тифлисским первостатейным макалакам, признанным в данном звании особой тифлисской комиссией [19, с. 1–53].

Положение о почетных гражданах устанавливало строгий порядок и процедуру получения документов о почетном гражданстве. Желающий получить звание почетного гражданина должен

был обратиться в городскую думу с ходатайством. После рассмотрения ходатайства о присвоении звания почетного гражданина Сенат выдавал соответствующий документ: потомственным почетным гражданам – грамоту, личным почетным гражданам – свидетельство. С 1847 года потомственные граждане и личные дворяне записывались в пятую часть городской обывательской книги, их списки публиковались в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях». В год это звание получали более 2 тыс. человек. Например, в 1858 году было зафиксировано 21,4 тыс. почетных граждан. При переписи населения в 1897 году в Российской империи численность населения составила 129,9 млн человек, из них почетных граждан с членами семей – 600 тыс. человек. В Томской губернии, в состав которой входила современная Кемеровская область, проживало почти 2 млн человек, из них 5 337 человек почетных граждан и купцов (при переписи представители данных сословий заносились в единую группу), это было 0,28 % от всего населения Томской губернии [10, с. 16–18].

Наряду с личным и потомственным почетным гражданством, ставшей неотъемлемой частью социальной структуры Российской империи, возникает новая форма – почетный гражданин города. Данная форма почетного гражданства не связывалась ни с вероисповеданием, ни с имущественным цензом, ни с местом в табели о рангах. Оно присваивалось органами городского самоуправления (городские думы, городские управы) лицам, в качестве поощрения за особые заслуги перед городом, такие как вклад в экономическое развитие города, культурной среды, развитие благотворительной деятельности и др.

Почетное гражданство городов отличалось своим национальным своеобразием, порожденным традициями, уходящими в глубь веков, и географическими особенностями. Как правило, инициатива об избрании почетным гражданином города исходила от городской думы реже от губернатора и общественных организаций. На заседании думы каждой возможной кандидатуре давалась разносторонняя характеристика, выступали представители общественных организаций, а иногда и губернатор, после чего путем голосования принималось окончательное решение о присвоении звания почетного гражданина на

имя министра внутренних дел, который и должен был перепроверить полученные данные из города и доложить императору.

Грамота (диплом) о присвоении звания почетного гражданина города изготавливалась в муниципальном образовании. В тексте обычно перечислялись заслуги почетного гражданина перед городом, местными жителями. Иногда грамота вставлялась в красивый футляр, изготовленный в национальном стиле муниципального образования, который мог содержать гербовую символику, карту, герб города и др. Портреты всех почетных граждан вывешивались в здании городской думы или на центральной площади, на специальной конструкции [1, с. 25–26].

Почетное гражданство городов находилось за пределами сословной структуры российского общества, оно не затрагивало имущественные права и привилегии. Официально почетными гражданами городов могли стать представители любых сословий.

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, установления советской власти, образования Совета народных комиссаров во главе с В. И. Лениным декретом ВЦИК и СНК в 1917 году [6, с. 43] все ордена, звания, чины, сословия, в том числе и почетных граждан, были упразднены. Так как звание почетный гражданин города не носило сословный характер, поощрение данным титулом было временно приостановлено.

После Октябрьской революции современная Кемеровская область становится частью Западно-Сибирского края, затем – Новосибирской области. 30 марта 1918 года Томский губернский исполком постановил образовать новый уезд. Образующий уезд стал именоваться Щегловским и преобразовал с. Щеглова Верхотомской волости в уездный город Щеглов. Уже в 1921 году в Кузбассе начинается подъем добычи угля. Это позволило ему в последующем пятилетии занять ведущее место в создании базы коксохимического производства. Большое количество интернациональных колонистов внесли живое творческое начало в хозяйственную жизнь молодого города. В 1924 году Щегловский и Кузнецкий уезды были выделены из Томской губернии и преобразованы в отдельный Кузнецкий округ, административным центром которого стал город Щегловск.

С развитием промышленного строительства начинает расти и город. В июне 1930 года

сессия городского совета рассмотрела эскизный проект планировки Щегловска, согласно которому город проектировался на 130 тыс. жителей. При рассмотрении проекта возник вопрос о названии города, в обсуждении которого активное участие приняли горожане. Все единодушно соглашались с тем, что название по имени бывшего торгового села Щеглова не имеет прямой исторической связи с городом, основанным на базе добычи и переработки каменного угля [23]. Поэтому горсовет обратился в президиум Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета с ходатайством о переименовании Щегловска в город Кемерово. Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета согласился с предложением [11]. В 1943 году, в целях увеличения добычи угля, выпуска металлов и военной продукции для нужд фронта на предприятиях Кузбасса, Президиум Верховного Совета СССР указом от 26 января принял решение о выделении из Новосибирской области Кузбасса и о создании на его территории Кемеровской области. В новую область вошли 17,5 % территории Новосибирской области, 9 из 12 городов областного подчинения, 17 из 20 рабочих поселков, 23 из 75 районов. Население Кемеровской области составило 42 % от численности всего населения Новосибирской области. Областным центром стал город Кемерово.

В советском периоде российской истории решили вернуться к званию почетный гражданин го-

рода со следующей официальной формулировкой: «В ознаменование пятидесятилетия Советского государства и в целях поощрения трудящихся, показывающих высокие образцы гражданского долга и трудовой доблести, а также активно участвующих в общественной, политической и культурной деятельности, учредить звание почетного гражданина города».

Исполнительный комитет Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся 7 декабря 1966 года принял решение об учреждении звания «Почетный гражданин города». Его предполагалось присуждать наиболее отличившимся горожанам за многолетний труд и особые заслуги в развитии экономики, культуры, науки, народного образования, здравоохранения и общественной жизни с вручением специальных знаков отличия: атласной ленты цвета флага РСФСР с изображением республиканского герба с надписью «Почетный гражданин города Кемерово» и соответствующего диплома [15]. В этот же день решением исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся первым почетным гражданином города Кемерово стал врач Михаил Алексеевич Подгорбунский, его имя носит Кемеровская городская клиническая больница № 3. Вашему вниманию предлагается таблица, в которой указаны все обладатели почетного звания в алфавитном порядке, дата награждения, а также биографические факты (см. табл. 1).

Таблица 1

Список почетных граждан города Кемерово

Ф. И. О.	Краткая биография и дата награждения
1. Алексеева Алена Сергеевна	Заслуженный мастер спорта России по плаванию, член сурдолимпийской сборной команды России по плаванию, бронзовый призер Сурдолимпийских игр 2009 года, многократный победитель чемпионатов мира и Европы. Неоднократная чемпионка и рекордсменка чемпионатов России. Звание «Почетный гражданин города Кемерово» было присвоено в 2009 году
2. Балибалов Иван Алексеевич	Автор первого издания книги «Кемерово», вышедшей в 1957 году, удостоен премии и диплома I степени Союза журналистов СССР. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26.03.2008 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»
3. Булгаков Анатолий Иванович	Работал бригадиром бригады проходчиков шахты «Северная», руководимая им бригада одной из первых на шахте в Кузбассе освоила проходческие комбайны. «Заслуженный шахтер РСФСР», полный кавалер орденов «Трудовая Слава». Решением исполкома Кемеровского городского Совета народных депутатов трудящихся удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово» в мае 1988 года

Ф. И. О.	Краткая биография и дата награждения
4. Вдовин Николай Михайлович	Более 50 лет трудился над созданием отечественных разработок в химической промышленности, заслуженный работник химической промышленности. За большие заслуги в развитии химии награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. В 1976 году удостоен звания Героя Социалистического Труда. Решением исполкома Кемеровского городского Совета депутатов в мае 1988 года присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово».
5. Жмурко Василий Кириллович	Заслуженный работник МВД СССР, полковник милиции в отставке, 33 года отдал охране общественного порядка, из них 21 год – в городе Кемерово. Награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26.03.2008 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»
6. Завадская Галина Игнатьевна	Работала детским врачом в Доме ребенка, затем главным врачом детской инфекционной больницы и главным педиатром г. Кемерово. Избиралась депутатом Кемеровского городского Совета народных депутатов. Заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Ленина. По решению Кемеровского исполкома городского Совета депутатов в мае 1988 года ей присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
7. Корякова Надежда Федоровна	Директор муниципального образовательного учреждения «Детский дом – школа № 1». Заслуженный учитель школы РСФСР, Отличник народного просвещения, кавалер ордена Почета, награждена медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро», дипломом лауреата премии им. М. А. Аверина. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26.03.2010 удостоена звания «Почетный гражданин города Кемерово»
8. Кривова Полина Ильинична	Всю жизнь занималась обучением и воспитанием детей в различных учебных заведениях, в последние годы до пенсии работала заместителем директора школы-интерната № 13. За многолетний добросовестный труд награждена орденом «Знак Почета», является отличником народного образования. Решением исполкома Кемеровского городского Совета депутатов в мае 1988 года ей присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
9. Леонов Алексей Архипович	Дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, генерал-майор авиации, кандидат технических наук, заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. 2 апреля 1967 года, в день Космонавтики, исполком Кемеровского городского Совета народных депутатов присвоил ему звание «Почетный гражданин города Кемерово»
10. Мартемьянов Владимир Давыдович	Заслуженный мастер спорта СССР (авиационный спорт), обладатель 24 золотых и 5 серебряных медалей, награжден орденом Трудового Красного Знамени. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 30.05.2003 ему присвоено звание «Почетный гражданин города «Кемерово» (посмертно)
11. Михайлов Владимир Васильевич	В декабре 1991 года стал главой города Кемерово, четырежды (в 1996, 1999, 2003, 2008 годах) кемеровчане переизбирали его в качестве своего градоначальника. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 29.04.11 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»
12. Перфильев Александр Ильич	Основатель, организатор пассажирских перевозок и автомобильного транспорта города Кемерово. Кавалер орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, ветеран труда. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 26.03.2010 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»
13. Плотников Дмитрий Михайлович	Работал бригадиром комплексной бригады треста «КемеровоХимстрой». Награжден орденами «Знак Почета», двумя орденами «За доблестный труд». Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. В мае 1988 года решением исполкома Кемеровского Совета народных депутатов ему присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»

Окончание таблицы 1

Ф. И. О.	Краткая биография и дата награждения
14. Подгорбунский Михаил Алексеевич	Основатель Кузбасской хирургии, делал первые операции на легких, пищеводе, сердце, грудной полости. Заслуженный врач РСФСР, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер семи боевых и трудовых орденов, многих медалей. Решением исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 07.12.1966 ему присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
15. Раздаев Виталий Александрович	Более 25 лет посвятил футбольной команде «Кузбасс», Мастер спорта, в 1986 году награжден почетным знаком «За развитие физкультуры и спорта». Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 05.07.98 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»
16. Селиванов Василий Андреевич	Работал главным художником города Кемерово. Заслуженный работник культуры. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов в июле 1998 года ему присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
17. Сычев Александр Терентьевич	Работал в органах государственной власти. Награжден правительственными наградами: орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За особый вклад в развитие Кузбасса» I степени, «60 лет Кемеровской области», «За достойное воспитание детей». В 2005 году постановлением Кемеровского городского Совета народных депутатов за высокие заслуги перед городом ему присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
18. Тулеев Аман Гумирович	Пятнадцать лет А. Г. Тулеев работает в органах государственной власти. С 1997 года является губернатором Кемеровской области. Заслуги отмечены рядом орденов и медалей. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов в ноябре 2006 года ему присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово»
19. Юров Геннадий Евлампиевич	Автор тринадцати стихотворных сборников, пяти публицистических книг, редактор 12 выпусков альманаха «Красная горка», автор слов Гимна Кузбасса. Заслуженный работник культуры России. Решением Кемеровского городского Совета народных депутатов от 30.05.2003 удостоен звания «Почетный гражданин города Кемерово»

Из вышеуказанной таблицы мы можем сделать вывод, что почетными гражданами города являются лишь 19 человек за все время (почти 50 лет) существования почетного звания. К сожалению, официальный сайт города [8] должным образом не обновляется в отношении почетных граждан, поэтому для полной уверенности полноты списка мы проанализировали все выпуски городской газеты «Кемерово» [3] на предмет статей о почетных гражданах, и данная таблица была дополнена. Организацию работы по отбору кандидатур и присвоению звания осуществляет комиссия по присвоению звания «Почетный гражданин города Кемерово» (далее – комиссия) в составе представителей общественности, Кемеровского городского Совета народных депутатов и администрации города. Состав комиссии формирует

Кемеровский городской Совет народных депутатов. В виде исключения комиссия может принять решение об отборе для присвоения звания двух кандидатур. Информация о присвоении звания и биография награжденного публикуются в печатных средствах массовой информации (городская газета «Кемерово»).

В соответствии с уставом города Кемерово и положением «О Почетном гражданине города Кемерово» звание «Почетный гражданин города Кемерово» является высшим знаком признательности, которое присваивается гражданам Российской Федерации или гражданам других государств, внесшим выдающийся вклад в [14]:

- социально-экономическое развитие г. Кемерово, повышение его роли и авторитета в России и на международной арене;

- укрепление демократии и защиты прав человека;

- науку, искусство, духовное и нравственное развитие общества.

Звание «Почетный гражданин города Кемерово» (далее – звание) присваивается гражданам Российской Федерации или гражданам других государств, внесшим выдающийся вклад в социально-экономическое развитие города. Звание может быть присвоено также гражданам Российской Федерации, родившимся, жившим или проживающим в городе Кемерово, совершившим выдающиеся ратные подвиги, научные открытия, показавшим высокие образцы гражданского долга и трудовой доблести во имя Отечества.

Лицу, удостоенному звания «Почетный гражданин города Кемерово», вручается свидетельство о присвоении звания, нагрудный знак (см. рис. 1), лента (см. рис. 2) и соответствующее удостоверение. Одновременно с внешними атрибутами почетному гражданину вручается премия.

Рисунок 2. Лента «Почетный гражданин города Кемерово»

Рисунок 1. Нагрудный знак «Почетный гражданин города Кемерово»

Фотография (портрет) помещается в «Галерею Почетных граждан города Кемерово» (см. рис. 3) и имя навечно заносится в «Книгу Почетных граждан города Кемерово» [13]. Книга ведется управлением делами администрации города Кемерово и хранится в приемной главы города.

Рисунок 3. Галерея Почетных граждан города Кемерово

Почетный гражданин г. Кемерово имеет право:

- публично пользоваться этим званием;
- быть безотлагательно принятым главой города, председателем и депутатами Кемеровского городского Совета народных депутатов, иными должностными лицами органов городского самоуправления, руководителями муниципальных учреждений, организаций, предприятий;
- вносить вопросы на рассмотрение органов городского самоуправления;
- присутствовать на мероприятиях, посвященных Дню города, другим праздникам и событиям;
- получать ежемесячную денежную выплату в размере 5 770 рублей; ежегодную денежную выплату ко Дню города в размере 7 700 рублей. (С 1 января 2013 года размер ежемесячной денежной выплаты гражданам, удостоенным звания «Почетный гражданин города Кемерово», равен 8000 рублей. Также установлена ежегодная денежная выплата ко Дню города в сумме 10 600 рублей) [15].

Во времена Российской империи была достаточно распространенной практика награждения представителей правящего класса подобным почетным званием. Так, например, всем известный министр финансов С. Ю. Витте, помимо города Архангельска, избирался почетным гражданином Нижнего Новгорода и Оренбурга, во времена Советского Союза такими почетными гражданами становились космонавты. Например, А. А. Леонов, который, помимо почетного гражданина города Кемерово, является почетным гражданином более 30 городов мира: Вологда, Калининград, Пермь, Чугуев, Кременчуг, Белгород, Череповец, Нальчик, Караганда, Аркалык, Джезказган, Калуга, Гагарин, Киржач, Ленинск; Друскининкай (Литва); Альтенбург (бывшая ГДР); Устье-на-Лабе (Чехословакия); София, Плевна, Пловдив, Варна, Видин, Русе, Свищев, Коларов град, Силистрия (Болгария); Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Атланта, Нашвилл, Хаитсвилл, Оклахома, Сан-Антонио, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Солт-Лейк-Сити (США).

Среди награжденных особенно хотелось бы выделить земляков-кемеровчан, которые всю жизнь посвятили развитию города:

Раздаев Виталий Александрович – живая легенда Кемеровского футбола, спортивная гордость города. Родился в 1946 году в г. Анжеро-Судженске. Свой двухсотый мяч забил в ворота противника на футбольном поле стадиона «Химик» в городе Кемерово. Участвовал в футбольном матче с московским «Спартаком», где футбольная команда «Кузбасс» одержала победу. Неоднократно признавался лучшим спортсменом года, защищал спортивную честь города, участвовал в международных матчах. Его общественная работа многие годы связана с подготовкой спортивного резерва для команды «Кузбасс»;

Вдовин Николай Михайлович родился в 1918 году в селе Усманка Мариинского уезда, окончил Кемеровский коксохимический техникум, работал на коксохимзаводе, откуда ушел на фронт. После войны вернулся на завод. Работая, продолжил учебу – в 1958 году окончил Всесоюзный заочный политехнический институт. С 1960 года как молодой специалист работал на химкомбинате (ныне АОЗТ «Азот») начальником производства аммиака и метанола, затем стал главным инженером предприятия. В 1962 году за разработку новых катализаторов при пуске капролактама награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1963–1966 годы был директором комбината, но администраторские обязанности его не удовлетворяли, и он вернулся на должность главного инженера. В Николае Михайловиче удивительно соединились качества профессионального инженера-производственника и талантливого исследователя. В 1972 году он защитил диссертацию, получив степень кандидата технических наук. Н. М. Вдовин – автор 24 изобретений с общим экономическим эффектом на миллионы рублей, многие из которых запатентованы в Японии, ФРГ, ЧССР. Наряду с производственной практикой занимался преподавательской деятельностью: с 1981 по 1992 год читал курс лекций в Кузбасском политехническом университете. Скончался в 1999 году. После его смерти на доме, где он жил, установлена мемориальная доска;

Кривова Полина Ильинична – коренная кемеровчанка. Училась в школе № 12. Окончание школы совпало с началом Великой Отечественной войны. По направлению райкома комсомола работала пионерской вожатой в школе № 33.

После уроков вместе со школьниками обрабатывала поля, выращивала овощи, организовывала концерты в госпиталях. А после войны экстерном сдала экзамены в педучилище и начала работать учителем начальных классов в школе № 33. Окончив педагогический институт, преподавала русский язык и литературу, работала завучем в школе № 10. С 1964 года работала заместителем заведующего городского отдела народного образования в г. Кемерово. Неоднократно избиралась председателем горкома профсоюза работников просвещения. Полина Ильинична ушла из жизни 23 февраля 2004 года;

Мартемьянов Владимир Давыдович родился в г. Кемерово в 1936 году в семье служащего. В 1954 году окончил 10 классов средней школы № 33 и одновременно Кемеровский областной аэроклуб. В большой спорт Владимир пришел уже зрелым и опытным летчиком. В 1962 году по результатам зональных соревнований Сибири и Дальнего Востока был приглашен в сборную команду Советского Союза. С 1964 года почти бесменный абсолютный чемпион Советского союза по высшему пилотажу. Парторг и капитан сборной. В 1966 году и еще четыре раза становился абсолютным чемпионом Советского Союза по самолетному спорту. В том же году, в Москве, Вла-

димир Давыдович завоевал звание абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу. Учился заочно на факультете журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. За несколько дней до гибели закончил рукопись книги о своих товарищах по авиации «Я люблю тебя, небо». 13 апреля 1970 года во время подготовки к VI чемпионату мира погиб в Эссентуках из-за разрушения самолета. После его гибели в СССР были учреждены соревнования его имени. Наряду с многочисленными спортивными наградами, титулами и званиями – четырехкратный абсолютный чемпион СССР по самолетному спорту [8].

Это далеко не все выдающиеся люди, которых подарил нам Кузбасс. Помимо звания «Почетный гражданин города Кемерово» в Кузбассе присуждается звание «Почетный гражданин Кемеровской области» [7], число награжденных данным званием – более 200 человек.

Награждение званием почетного гражданина города не только дает право пользоваться почетом у кемеровчан и материальными поощрениями, но и накладывает особую ответственность, потому как почетный гражданин города должен выступать связующим звеном между представителями государственных структур и местными жителями.

Литература

1. Беляев И. Н. Два века почетного гражданства России: История. Право. Современность. – Смоленск: Смолен. город. тип., 2001. – 428 с.
2. Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 года. – М.: ИРИ, 1994. – 272 с.
3. Городская газета «Кемерово». 2013. – № 35. – 30 авг.
4. Горячев А. П. Как получить почетное гражданство // Свод относящихся законов, образцы прошений и ходатайств и руководящие указания. – СПб., 1911. – 32 с.
5. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875–1883. – Т. I–III.
6. Декрет ВЦИК и СНК от 11 (24) нояб. 1917 «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Декреты Советской власти. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. – Т. I. – С. 72.
7. Закон Кемеровской области от 14 февр. 2005 года № 32 – ОЗ «О наградах» [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/990305056>
8. Кемерово [Электронный ресурс]: официальный сайт администрации города. – URL: <http://www.kemerovo.ru/?page=61>
9. Миронов Б. Н. Социальная история России. – СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. – Изд. Центр. статист. ком. М-ва внутр. дел / под ред. Н. А. Тройницкого. – 1904. – Кн. 79. – Томская губерния.
11. Постановление Президиума ВЦИК от 27 марта 1932 года «О переименовании города Щегловска в город Кемерово».
12. Решение исполнительного комитета Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся от 7 декабря 1966 года «Об учреждении звания “Почетный гражданин города”».

13. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 23.01.2008 № 68 «Об утверждении положения “О звании “Почетный гражданин города Кемерово”».
14. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 24.06.2005 № 253.
15. Решение Кемеровского городского Совета народных депутатов от 30 ноября 2012 года № 187 «Об установлении в 2013 году размеров денежных выплат гражданам, удостоенным звания “Почетный гражданин города Кемерово”».
16. Роговин Л. М. Почетное гражданство: законы и разъяснения Сената и министерств о причислении почетных граждан, о правах и преимуществах этого сословия. Награды за отличия на благотворительном и общепольном поприщах. – СПб., 1914.
17. Свод законов Российской Империи. Второе собрание. Высочайше утвержденное Положение о евреях от 31 мая 1835 года.
18. Свод законов Российской империи. Второе собрание, 1831. – Т. 6. – № 4869.
19. Свод законов Российской империи. Второе собрание, 1835. – Т. 9. – № 7560а.
20. Свод законов Российской Империи. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 15 ноября 1843 года.
21. Сенатские ведомости. Манифест от 10 (22) апреля 1832 года. Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан. – СПб., 1832.
22. Указ Александра I от 1 января 1807 года.
23. Федеральный портал PROTOWN.RU [Электронный ресурс]. – URL: http://www.protown.ru/russia/obl/history/history_405.html
24. Шмелев Г. Н. Акты царствования Екатерины II. Учреждения для управления губерний и жалованные грамоты дворянству и городам. Москов. высш. жен. курсы. – М., 1907.

References

1. Beliaev I.N. Dva veka pochetnogo grazhdanstva Rossii: Istoriia. Pravo. Sovremennost' [Two centuries of honorary citizenship in Russia. History. Law. Sovremennost']. Smolensk, Printing House of Smolensk, 2001. (In Russ.).
2. Bokhanov A.N. Delovaia elita Rossii 1914 goda [Russian business elite 1914]. Moscow, IRI Publ., 1994. 272 p. (In Russ.).
3. Gorodskaiia gazeta “Kemerovo” [Town newspaper “Kemerovo”], 2013, no 35, 30 August. (In Russ.).
4. Goriachev A.P. Kak poluchit' pochetnoe grazhdanstvo [How to get an honorary citizenship]. *Svod otnosiashchikhsia zakonov, obratzysy proshenii i khodataistv i rukovodiashchie ukazaniia* [Set of related laws, samples of petitions and applications and guidelines]. St. Petersburg, 1911. (In Russ.).
5. Gradovskii A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava [Beginning of Russian state law]. St. Petersburg, Printing House M.M. Stasiulevicha, 1875–1883, vol. I–III (In Russ.).
6. Dekret VTsIK i SNK ot 11 (24) noiabria 1917 “Ob unichtozhenii sloslovii i grazhdanskikh chinov” [Decree of VCIK and SNK from 11 (24) of November 1917 «About the destruction of classes and civil ranks]. *Dekrety Sovetskoi vlasti* [Decrees of Soviet power]. Moscow, Politliteratura Publ, 1957, vol. I, p. 72. (In Russ.).
7. Zakon Kemerovskoi oblasti ot 14 fevralia 2005 goda № 32 – OZ “O nagradakh” [Law of Kemerovskaya region from 14 of February 2005, no 32 – OZ “About awards”]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/990305056>. (In Russ.).
8. Ofitsial'nyi sait Administratsii goroda Kemerovo [Official website of Kemerovo administration]. Available at: <http://www.kemerovo.ru/?page=61>. (In Russ.).
9. Mironov B.N. Sotsial'naia istoriia Rossii [Russian social history]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000, vol. I. 548 p. (In Russ.).
10. Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi Imperii [The first nationwide population census in Russian Empire Publication of the central statistical committee]. Edited by N.A. Troinitskii, 1904. Book 79, Tomskaiia guberniia. (In Russ.).
11. Postanovlenie Prezidiuma VTsIK ot 27 marta 1932 goda “O pereimenovanii goroda Shcheglovskia v gorod Kemerovo” [Resolution of VCIK presidium from 27 of March 1932. “About renaming Scheglovsk city into Kemerovo”]. (In Russ.).
12. Reshenie ispolnitel'nogo komiteta Kemerovskogo gorodskogo Soveta deputatov trudiaschikhsia ot 7 dekabria 1966 goda “Ob uchrezhdenii zvaniia “Pochetnyi grazhdanin goroda” [Decision of the Executive committee of Kemerovo city council of People's deputies from 7 of December 1966 “approval of the establishment of “Honorary city citizen” title”]. (In Russ.).

13. Reshenie Kemerovskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov ot 23.01.2008 № 68 “Ob utverzhdenii polozheniia “O zvaniii “Pochetnyi grazhdanin goroda Kemerovo” [Decision of the Executive committee of Kemerovo city council of People’s deputies from “Approval of “Of title “Honorary city Kemerovo citizen”]. (In Russ.).
14. Reshenie Kemerovskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov ot 24.06.2005 № 253 [Decision of the Executive committee of Kemerovo city council of People’s deputies from 24.06.2005, no 253]. (In Russ.).
15. Reshenie Kemerovskogo gorodskogo Soveta narodnykh deputatov ot 30 noiabria 2012 goda № 187 “Ob ustanovlenii v 2013 godu razmerov denezhnykh vyplat grazhdanam, udostoennym zvaniia “Pochetnyi grazhdanin goroda Kemerovo” [Decision of the Executive committee of Kemerovo city council of People’s deputies from 30 ноября 2012, no 187 “Approval of the establishment of 2013 cash benefit for citizens, awarded the title “Honorary city Kemerovo citizen”]. (In Russ.).
16. Rogovin L.M. Pochetnoe grazhdanstvo: zakony i raz’iasneniia Senata i ministerstv o prichislenii pochetykh grazhdan, o pravakh i preimushchestvakh etogo sosloviia. Nagrady za otlichii na blagotvoritel’nom i obshchepoleznom poprishchakh [Honorary citizenship: laws and clarification of the Senate and the Ministries of reckoning honorary citizens, rights and benefits of this class. Awards for the differences in the general and charitable interest]. St. Petersburg, 1914. (In Russ.).
17. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Vtoroe sobranie Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o evreiakh ot 31 maia 1835 goda [The Code of Laws of the Russian Empire. The second collection. Highest Approval of the Regulation about the Jews from 31 of May 1835]. (In Russ.).
18. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Vtoroe sobranie [The Code of Laws of the Russian Empire. The second collection], 1831, vol. 6, no 4869. (In Russ.).
19. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Vtoroe sobranie [The Code of Laws of the Russian Empire. The second collection], 1835, vol. 9, no 7560a. (In Russ.).
20. Svod zakonov Rossiiskoi Imperii. Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta raspublikovannoe 15 noiabria 1843 goda [The Code of Laws of the Russian Empire. Highest approved by the Council of State est. 15 of November 1843]. (In Russ.).
21. Senatskie vedomosti. Manifest ot 10 (22) apreliia 1832 goda. Ob ustanovlenii novogo sosloviia pod nazvaniem Pochetnykh grazhdan [Senate Gazette. Manifest from 10 (22) of April 1832. About the establishment of a new class named honorary citizens St. Petersburg]. (In Russ.).
22. Ukaz Aleksandra I ot 1 ianvaria 1807 [The decree of Alexander I from 1 of January 1807]. (In Russ.).
23. Federal’nyi portal PROTOWN.RU [Federal portal PROTOWN.RU]. Available at: http://www.protown.ru/russia/obl/history/history_405.html. (In Russ.).
24. Shmelev G.N. Akty tsarstvovaniia Ekateriny II. Uchrezhdeniia dlia upravleniia gubernii i zhalovannye gramoty dvorianstvu i gorodam. Moskovskie vysshie zhenskii kursy [Acts of the reign of Catherine II. Institution to manage the provinces and charters nobility and cities. Moscow Higher Courses for Women]. Moscow, 1907. (In Russ.).

УДК 008:93/99

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВОПРОСЫ МИКРОИСТОРИИ

Нестерова Светлана Валентиновна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии, Алтайский государственный аграрный университет (г. Барнаул, РФ). E-mail: philosophyasau@mail.ru

В предложенной публикации предпринята попытка реконструкции истории жизни и деятельности разветвленного дворянского рода Дымманов, имевших западное происхождение. Его представители, став подданными Российской империи, оставили определенный след в истории и культуре страны, проявив себя на военном, духовном и культурном поприще.

Актуальность данной работы подчеркивается тем, что интерес к человеку, отдельным слоям общества и их повседневной жизни неоднократно поднимался в социогуманитарных исследованиях на протяжении XX века и продолжает занимать умы представителей отечественной и западной научной мысли (Школа «Анналов», труды историков-медиевистов и т. д.).

Целью публикации является обращение к реконструкции биографий целого рода, что позволяет выявить не только частные эпизоды прошлого, но и отразить определенные историко-культурные процессы конкретной эпохи через биографии отдельных лиц.

Использование метода биографических реконструкций предполагает обращение к ряду гуманитарных дисциплин: культурологии, истории, генеалогии, социологии и т. д.

Результатом данной статьи является выявление разнообразной информации о многочисленном дворянском роде Дымманов, поставившем офицерские кадры в российскую армию на протяжении более полутора столетий, а также характеристика социальных институтов и дворянского сословия на протяжении XIX – начала XX века.

Таким образом, обращение к подобным фактам и событиям истории позволяет найти в прошлом параллели с современностью и выявить глубинные связи российской и западной культур.

Ключевые слова: историческая антропология, междисциплинарный подход, контекстуальная биография, культурно-историческое прошлое, российское дворянство.

WESTERN CULTURE REPRESENTATIVES IN THE RUSSIAN EMPIRE SERVICE. QUESTIONS OF MICROHISTORY

Nesterova Svetlana Valentinovna, Doctor of Culturology, Docent, Professor of Department of Philosophy, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: philosophyasau@mail.ru

The article presents a characterization of social structure of the Russian society of the XIX century, the nobility in the Dymmanov family, whose ancestors in the earlier period of Russian history moved from one of the European countries (Germany or Austria) to Russia.

The publication also reflected a number of laws and governmental structures that perpetuated their privileged position in community.

The relevance of the publication is proved by the interest of scientific community in the United States and Europe to the private lives of ordinary people, certain population groups, professional subcultures, etc., which was covered by a number of scientific publications.

The method of biographical reconstructions “family history” used by the author, not only helps to recreate the life history of the individual members of the Dymmanov genes over a very long period, but also provides insight into the cultural and historical panorama of the era to which they belonged.

Having become citizens of the Russian Empire, some members of this family were elected by the nobility self-government for elected positions of district police chiefs and exercised judicial and administrative authorities in the cities of Vitebsk province in the first half of the XIX century. Others (and they were the majority) devoted themselves to military career that was considered the most prestigious in the society. They served in the Russian Imperial Army, participated in many military campaigns: the war of 1812 and foreign campaigns of the Russian army, the Crimean War of 1853–1856, the Great Patriotic War of 1941–1945.

Some members of this family, converted to Orthodoxy, became part of the Russian clergy and religious activities in their homeland, Vitebsk province, in the late XIX – early XX century.

Among the members of the Dymmanov family, there was a journalist, as well as a number of teachers in rural public schools.

The information search about one of the most important representatives of the family, France Yakovlevich Dymmane, military chief of Ufa, General Major, retired, hero of the defense of Sevastopol during the Crimean War, helped to gather quite broad information about this family, as well as restore a related line, coming from his ancestors, his descendants from the end of the XVIII century to the first half of the XX century.

Keywords: anthropology, interdisciplinary approach, contextual biography, cultural and historical past, the Russian nobility.

Проблемы региональной истории и культуры стали активно исследоваться в российском обществе еще с 1920-х годов. Обращаясь к краеведам-любителям начала XX века, представители научной мысли подчеркивали необходимость изучения исторического прошлого, включающего в себя и биографии людей предыдущих эпох. Как отмечала Е. Н. Клетнова, «...быстро несущийся поток времени уносит в прошлое целые общественные группы людей, с их своеобразным бытом, особой психологией. Если не начать теперь же собирание относящихся к ним данных, то многое бесследно исчезнет... Пусть... это будут средние, обыкновенные, ничем не выдающиеся люди. Для науки, поскольку она интересуется наиболее типичным, этого рода человеческие документы представляют особый интерес» [10, с. 50–51].

Интерес к исследованиям подобного рода был характерен и для представителей западных научных школ и направлений. Приоритет здесь принадлежит Школе «Анналов» («Новой исторической науке») – научному направлению во Франции, связанному с изданием журнала «Анналы» (1929–1939), основателями которого были историки-медиевисты М. Блок (1886–1944) и Л. Февр (1878–1956).

Среди характерных черт, отличающих данное направление, – концепция реконструкции событий и фактов, имевших место в определенные исторические эпохи, разработанная М. Блоком и предполагавшая междисциплинарный подход.

Центральным предметом изучения истории, по Блоку, является человек, повседневная жизнь людей, проходящая в «длительной временной протяженности». Интерес к обществу как к целостной системе сочетался у него с интересом к человеческой биографии [2, с. 17; 9, с. 82].

Развитие антропологии привело к появлению в 70-е годы XX века ее нового направления – исторической антропологии, которая, имея в разных странах свои отличительные черты, изучала социокультурную историю человечества с использованием методов истории, антропологии, а также кросс-культурных исследований.

Проблемы простого человека, его личностные характеристики являются объектом исследования микроистории, получившей распространение в Италии с 1970-х годов. Представляет

интерес типология исторических биографий, разработанная одним из представителей данного течения Д. Леви.

В контексте данного исследования наиболее приемлемой является так называемая «контекстуальная биография», в которой «основное значение имеют атмосфера и исторические события конкретной общественной эпохи, в которой реализуется себя личность. Жизнь человека является своеобразной иллюстрацией культурно-исторического контекста. Общественные условия предопределяют жизненный путь личности. Поэтому задача биографа – реконструировать социальный контекст и вписать в него особенности сознания, поведения, творческие достижения личности» [8, с. 4; 17, с. 78].

Следует отметить и биографическую реконструкцию, предложенную отечественными исследователями, предполагающую «монографическое описание отдельных фамилий с ориентацией на восстановление истории жизни людей, находящихся в родственной связи, с акцентом на событиях и фактах, стратегиях жизни и передачи последующим поколениям, «полезных ресурсов» (моральных принципов и ценностей, культурных ресурсов, профессиональной ориентации и т. п.)». Данный метод – family history – получил распространение за рубежом, а также вызвал интерес российских исследователей [4, с. 166; 1, с. 106].

Таким образом, следует констатировать, что проблемы исторического познания, микроистории, реконструкции биографий сегодня также актуальны, как и столетие назад в отечественном краеведении.

Современные реалии, всколыхнув историческую память, высветили в прошлом отдельные события, имена людей и факты их жизни до этого, может быть, представлявшиеся не слишком значительными на фоне смены исторических эпох, революционных и военных катаклизмов.

Речь пойдет о многочисленной семье, чьи предки приехали с Запада, – дворянском роде Дымманов, ставших гражданами России и служивших ей верой и правдой на военном, гражданском и духовном поприще. Откуда они прибыли – сказать сложно. С большой долей вероятности можно предположить, что с немецких территорий, так как их фамилия имеет австро-немецкое происхождение.

На начальном этапе исследования интерес вызвал, как казалось, уфимский воинский начальник Франц Яковлевич Дымман, отставной генерал-майор, участник Крымской войны 1853–1856 годов, герой обороны Севастополя [12]. Поиски сведений, связанных с его именем, позволили выявить информацию о целом весьма разветвленном роде, хотя и недостаточно полную, но все же позволяющую проследить историю династии в течение, примерно, двух столетий.

В поиске информации, помимо архивных документов, помощь оказали адрес-календари и памятные книжки Витебской губернии XIX – начала XX века, которые зафиксировали и помогли найти представителей династии Дымманов. Облегчали поиск членов данного рода и те обстоятельства, что, во-первых, фамилия их достаточно редкая, во-вторых, – локальная территория проживания носителей этой фамилии – Витебская губерния, а впоследствии – и Уфимская губерния (место жительства Ф. Я. Дыммана).

Первоначальное предположение, что все выявленные лица являлись родственниками, а не случайными людьми с одинаковой фамилией, получило полное подтверждение документами Третьего департамента Сената, где указывается дворянское происхождение членов этой семьи и место их жительства – Витебская и Уфимская губернии. О чем в рукописных документах за 1813–1894 годы. «О сопричислении к дворянскому состоянию. Литера “Д” сделана запись под номером 3980 за 1871, 1874, 1892 годы; в документах за 1894–1917 годы – в Описи дел Правительствующего Сената по департаментам Герольдии и Третьему о потомственных дворянах записано четверо представителей этой фамилии (№ 8131–8134), причисленных к дворянству или получивших документы по этому поводу в течение 1906, 1911, 1913 годы [19].

На данный момент пока затруднительно выявить степень родства отдельных представителей рода Дымманов ввиду недостаточности сведений об этом, тем не менее некоторые родственные ветви его можно проследить. В частности, можно выстроить прямую родственную линию, где центральной фигурой для исследователя является отставной генерал-майор Франц Яковлевич Дымман. Со своим прадедом – Петром (о кото-

ром ничего не известно) Франц Яковлевич находился в третьей степени кровного родства по восходящей линии, то есть счет идет от данного лица к его предкам: отцу, деду и прадеду. Степень кровного родства – это связь одного лица с другим посредством рождений, поэтому счет степеней определяется числом рождений между данными лицами (между правнуком (Франц Яковлевич) и его прадедом (Петром) – 3 рождения). Таким образом прослеживается родственная линия: Франц Яковлевич – Яков Данилович (исправник) – Данило Петрович (поручик) – Петр.

Ряд степеней, которые непрерывно следуют одна за другой, образуют родственную линию. Степень, от которой идут две или более линии, по отношению к ним называется коленом (Петр), а эти линии по отношению к своему колену – отраслями или поколениями (Данило, Яков, Франц). Продолжая выявление степеней кровного родства, идущих от Франца Яковлевича, можно выстроить также прямую родственную линию, на этот раз – нисходящую (то есть от данного лица к его потомкам: сыновьям, внукам и т. д.): Франц Яковлевич – его сыновья: Сергей Францевич (эстандарт-юнкер, служил в 5-й кавалерийской дивизии) и Павел Францевич (отставной поручик) – внуки: Сергей Павлович (математик, преподаватель училища), Александр Павлович (участник Второй мировой войны, воевал на Дальнем Востоке), Михаил Павлович (военный радист, участник обороны Севастополя во время Второй мировой войны), Нина Павловна (училась в Томском университете, впоследствии – сотрудник Омского СХИ).

Остальные родственные линии представителей династии Дымманов проследить не удалось ввиду отсутствия полной информации, хотя представилась возможность выявить близкое родство (родные братья и сестры) отдельных членов этого рода в некоторых поколениях. В начале XIX века уездными дворянскими самоуправлениями Витебской губернии были избраны исправниками четверо родных братьев (сыновья Данилы Петровича): Яков, Данило, Людвиг, Иосиф.

Также в XIX веке выявлены отдельные представители боковых линий рода (по отношению к Ф. Я. Дымману). Боковыми линиями (одна по отношению к другой) считаются два или более

поколения, происходящие от одного общего для них родоначальника [5] (в данном случае, предположительно, от Петра). Так, в первой трети XIX века известны родные братья Григорий Александрович (подпоручик Могилевского пехотного полка, участник войны 1812 года) и Ефим Александрович (штабс-капитан Измайловского полка).

В начале XX века в российской армии и на духовном поприще служили родные братья Дымманы: Владимир Лаврентьевич и Константин Лаврентьевич – оба в чине полковника, окончили военные академии; в Витебской губернии – Иоанн Антонович и Владимир Антонович – православные священники, а также родные сестры и брат: Зинаида Ефимовна, Ольга Ефимовна, Лидия Ефимовна и Иоанн Ефимович – преподаватели волостных народных училищ и церковно-приходской мужской школы этой же губернии.

Следует отметить одну особенность: все перечисленные родные братья и сестры (представители разных боковых линий рода Дымманов) избирали один и тот же вид деятельности.

Вероятнее всего, что среди основателей этой династии присутствовали военные, это подтверждается наличием чина подпоручика у первого (из известных на данный момент) представителя этой семьи Данилы Петровича, а также воинских чинов у его потомков в последующих поколениях рода вплоть до середины XX века.

В семье Дымманов, помимо 11 военных (один из которых был морским офицером), было 4 исправника, 1 журналист, 2 священника и 6 преподавателей народных училищ в Витебской губернии. Среди них четыре женщины, три – родные сестры: Зинаида, Ольга и Лидия окончили женское училище духовного ведомства, двое мужчин – окончили либо учились в духовной семинарии.

В России гражданская служба с начала XVIII века была регламентирована рядом законодательных документов: «Табелью о рангах» (введена Петром I в 1722 году), «Генеральным регламентом» (1729), «Уставом о службе по определению от правительства» (1832).

Согласно Табели о рангах все чины делились на 14 классов, к каждому классу приписывался чин. Низшим классом был XIV, высшим – I. Все чины подразделялись на три типа: военные,

статские (гражданские) и придворные. Прохождение гражданской службы начиналось с низшего класса. Военные чины считались выше соответствующих им гражданских, а также придворных чинов. Подобный приоритет давал преимущество военным чинам при переходе в дворянское сословие.

Российское дворянство было весьма неоднородно. Помимо богатого титулованного дворянства (в конце XIX века насчитывалось около 250 родов) существовал достаточно обширный контингент дворян мелкопоместных либо вообще беспоместных, находящихся на службе и получивших дворянство непосредственно через военную или гражданскую службу. Так, причисление к потомственному дворянству, передававшемуся по наследству, в 1722–1845 годах, давал первый обер-офицерский чин прапорщика (XIV класс), в то время как на гражданской службе до 1856 года для этого нужно было получить чин VIII класса (коллежского асессора) [15, т. 6, № 3890].

Дворяне, владевшие недвижимым имуществом, вносились в родословные книги той губернии, где это имущество находилось. Сюда же заносились лица, получившие дворянство благодаря чину или ордену и не имевшие имения [3, с. 193–194].

Среди привилегий, которое давало дворянство, – начало военной карьеры сразу в чине офицера. Вместе с тем каждый представитель этого сословия должен был служить на военной либо гражданской службе до старости или потери здоровья. Таким образом, российское дворянство было сословием служилым, достаточно открытым для представителей низших сословий, преуспевших на государственной службе.

Большое значение для оформления дворянства как привилегированного сословия, расширения его прав, сыграли законодательные акты Екатерины II: «Губернская реформа» 1775 года, которая наделила дворян правом на избрание в административные и судебные структуры [15, т. 20, № 14392] и «Жалованная грамота дворянству» от 21 апреля 1785 года [15, т. 22, № 16187], где помимо прав и привилегий (освобождение от налогов, телесных наказаний и т. д.) оформлялась корпоративная организация дворянства и сословное самоуправление на местах.

Потомственное дворянство формально обладало одинаковыми правами, однако различалось наличием и размером имущества, которым владело [3, с. 106–107].

Участие дворян в органах сословного самоуправления и принадлежность к дворянскому обществу зависели от двух факторов: наличия и размеров недвижимого имущества, а также внесения в родословные книги.

В результате «Губернской реформы» 1775 года была создана система судебно-административных установлений, включавшая в себя поветовые суды (уездные структуры), верхний и нижний земские суды. Верхний земский суд выступал как апелляционная инстанция по отношению к нижнему. Нижний земский суд представлял собой орган сословного самоуправления – выборную коллегиальную структуру, избираемую местным дворянским обществом сроком на три года в составе: земского исправника (капитан-исправник) и двух-трех земских заседателей (выборные лица для работы в судебных учреждениях, представляли различные сословия: дворян, горожан и т. д.). Также в нижний земский суд направлялись два заседателя, представляющие государственных крестьян.

Решения нижнего земского суда, не удовлетворявшие какую-либо из сторон, могли быть пересмотрены в уездном суде – среднем звене системы судебно-административных установлений.

Просуществовав с таким названием, нижний земский суд в 1837 году был трансформирован и переименован в земский суд (верхний земский суд был упразднен еще ранее в 1796 году). Возглавлявший нижний земский (впоследствии земский) суд земский исправник на протяжении 1775–1862 годов избирался органами дворянского самоуправления сроком на три года.

В ведение исправника находилась общественная безопасность, полицейское делопроизводство. Полномочия его распространялись на весь уезд, кроме губернских и иных городов, имевших свою полицию [6; 7; 9; 13; 14; 16; 21].

Очевидно, представители рода Дымманов уже не считались иностранцами, поскольку прожили не одно поколение в России, а потомственное дворянство, полученное Данилой Петровичем (чин XIII класса – подпоручик), образование его сыновей и их деловые качества позволили

занять им заметные должности в уездах Витебской губернии первой половины XIX века. Сам Данило Петрович был избран местным дворянским обществом на должность подсудка (старинный земский чин) в Поветовом суде – помощника судьи или лица, заменяющего его, в г. Сураже Витебской губернии в 1808 году [18, ч. 2, с. 419]. Его четверо сыновей, имевшие гражданские чины коллежских регистраторов (Данило Данилович и Яков Данилович – XIV класс) и титулярных советников (Людвиг Данилович и Иосиф Данилович – IX класс), не будь они уже потомственными дворянами, согласно своим чинам могли бы автоматически иметь право на дворянство, но личное. Служили, начиная с самого младшего чина, – начала карьерной лестницы. Все четверо занимали выборную должность исправника – начальника уездной полиции (осуществлявшего полицейско-административную власть в уезде – низшей административной единице, где проживало до 20–30 тыс. человек мужского пола) в городах Витебской губернии: Витебске, Велиже, Сураже. Также там занимали ранее должности (кроме Якова Даниловича) заседателей в Земском и Уездном судах на протяжении почти сорока лет (с 1806 по 1842 год).

Выборы в уездное дворянское самоуправление сыновей Данилы Петровича на должности заседателей и далее – исправников – свидетельствовали об их прочном положении в Витебской губернии, весьма высоком социальном статусе и уважении, которыми они пользовались в местном обществе.

Так, Данило Данилович избирался в Земском суде в г. Велиже (Витебской губернии) заседателем (1806–1813, 1815), исправником (1818) [18, с. 398, 428, 418, 396, 400, 414, 429, 427, 433, 450], чин XIV класса, коллежский регистратор.

Яков Данилович – исправник в г. Сураже Витебской губернии (1812, 1818), чин XIV класса, коллежский регистратор [18, ч. 1–2, с. 450].

Людвиг Данилович, отставной капитан (чин IX класса) – исправник в Нижнем Земском Суде в г. Витебске (1824–1825), заседатель в Уездном Суде в г. Сураже (1835–1838) [17, ч. 2, с. 363, 375; 18, ч. 2, с. 345, 356–357, 401, 385].

Служебную деятельность Иосифа Даниловича можно проследить на протяжении 15 лет

(1827–1842). Начал гражданскую службу в качестве заседателя в Нижнем Земском Суде г. Суража Белорусско-Витебской губернии, спустя четыре года (с 1831 года) занял должность исправника, которую исполнял по 1842 год. О его наградах ничего не известно, однако продвижение по карьерной лестнице – достаточно быстрое получение чинов, особенно в 40-е годы XIX века (коллежский регистратор, чин XIV класса [1827]; губернский секретарь, чин XII класса [1834]; коллежский секретарь, чин X класса [1839]; титулярный советник, чин IX класса, [1840] позволяют утверждать, что чины он получал не только за выслугу лет, но и в качестве награды, что практиковалось в то время [17, ч. 2; 18, ч. 2, с. 404, 412, 331, 337, 339, 349, 345, 357, 401, 385, 377, 351, 221, 223].

Таким образом, второе поколение представителей рода Дымманов, родившихся во 2-й половине XVIII века и находившихся на выборных должностях по 40-е годы XIX века, ассимилировалось в российском обществе и органично вошло в круг уездного дворянства Витебской губернии.

Дальнейшее изучение дворянского рода Дымманов и его многочисленных представителей предполагает продолжение поиска документов в архивах РФ.

В заключении следует отметить, что в свете сегодняшних событий обращение к подобным фактам истории приобретает особый смысл и интерес, позволяя в прошлом найти параллели с современностью, выявить глубинные связи российской и западной культур.

Литература

1. Берто Д., Малышева М. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку // Биограф. метод в социологии: история, методология и практика. – М., 1994. – С. 94–147.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986.
3. Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие / Федерал. арх. агентство, ВНИИДАД; отв. сост. С. Н. Романова; сост.: И. И. Глуховская, М. П. Дьячкова, В. И. Звавич и др. – М., 2004.
4. Григоричев К. В. Метод биографических реконструкций в изучении историко-демографических процессов // Гуляевские чтения: мат-лы первой, второй и третьей ист.-архив. конф. – Барнаул, 1998. – Вып. 1. – С. 165–170.
5. Григоровский С. О родстве и свойстве. – СПб., 1894.
6. Заседатель [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/131650> (дата обращения: 01.09.2014).
7. Земские суды [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1499694> (дата обращения: 01.09.2014).
8. Иконникова С. Н. Биография как социокультурное измерение истории [Электронный ресурс] // Культурол. журн. – 2011. – № 4(6). – С. 1–6. – URL: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf (дата обращения: 13.03.2015).
9. Исправник [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/115061> (дата обращения: 01.09.2014).
10. Клетнова Е. Н. Изучение родного края. – М.; Пгг., 1923.
11. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области. – Ф. И-13. – Оп. 1. – Д. 74.
13. Совет [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/940742> (дата обращения: 01.09.2014).
14. Подсудок [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1600673> (дата обращения: 01.09.2014).
15. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [собр. 1-е. По 12 дек. 1825 года: Т. 1. – 45. – [СПб.], 1830–1851.
16. Присяжный [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/977086> (дата обращения: 01.09.2014).
17. Российский государственный исторический архив. Адрес-календарь Белорусско-Витебской губернии.
18. Российский государственный исторический архив. Адрес-календарь Витебской губернии.
19. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1343. – Оп. 20 (1813–1894), 35 (1894–1917).

20. Репина Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1998. – Вып. 2. – С. 76–100.
21. Уездный суд [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1655578> (дата обращения: 01.09.2014).

References

1. Berto D., Malysheva M. Kul'turnaia model' russkikh narodnykh mass i vynuzhdennyi perekhod k rynku [Russian cultural patterns of the masses and the forced transition to the market]. *Biograficheskii metod v sotsiologii: istoriia, metodologiia i praktika [Biographical method in sociology: history, methodology and practice]*. 1994, pp. 94–147 (In Russ.).
2. Block M. Apologia istorii ili remeslo istorika [Apology of history or craft of the historian]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 174 p. (In Russ.).
3. Genealogicheskaia informatsiia v gosudarstvennykh arkhivakh Rossii. Spravochnoe posobie [The genealogical information in the state archives of Russia: A Reference Guide]. Compiled by S.N. Romanova, I.I. Glukhovskaia, M.P. Diachkova, V.I. Zvavich et al. Moscow, Federal. Arch. Agency VNIIDAD Publ., 2004. 280 p. (In Russ.).
4. Grigorichev K.V. Metod biograficheskikh rekonstruktsii v izuchenii istoriko-demograficheskikh protsessov [Method of biographical reconstructions in the study of historical and demographic processes]. *Guliaevskie chteniia. Materialy pervoi, vtoroi i tret'ei istoriko-arkhivnykh konferentsii [Gulyaev's reading. Matt. the first, the second and the third hist., archive. conf.]*. Barnaul, 1998, iss. 1. 354 p. (In Russ.).
5. Grigorovskii S. O rodstve i svoistve [About kinship]. St. Petersburg, 1894. 30 p. (In Russ.).
6. Zasedatel' [Assessor]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/131650>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
7. Zemskie sudy [Zemsky courts]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1499694>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
8. Ikonnikova S.N. Biografiia kak sotsiokul'turnoe izmerenie istorii [Biography as a socio-cultural dimension of history]. *Kul'turologicheskii zhurnal. Elektronnoe periodicheskoe retsenziruемое nauchnoe izdanie [Journal of Cultural Research. Electronic periodical publication of reviewed research]*. 2011, no 4 (6), pp. 1–6. Available at: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf (accessed 13.03.2015). (In Russ.).
9. Ispravnik [The district police officer]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/11506>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
10. Kletnova E.N. Isuchenie rodnogo kraia [The study of the homeland]. Moscow, Petrograd, 1923. 86 p. (In Russ.).
11. Gritsanov A.A. Noveishii filosofskii slovar' [Modern Philosophical Dictionary]. Minsk. Skakun Publ., 1998. 896 p. (In Russ.).
12. O"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Cheliabinskoi oblasti [United State Archives of Cheliabinsk region], f. I–13, op.1, d. 74. (In Russ., unpublished).
13. Povet [Powiat]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/940742>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
14. Podsudok [Podsęde]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1600673>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie 1-e. Po 12 dekabria 1825 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire from 1649. Meeting 1. On 12 December 1825]. St. Petersburg, 1830–1851, vol. 1–45.
16. Prisiazhnyi [Juryman]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/977086>. (accessed 09.01.2014). (In Russ.).
17. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. *Adres-kalendar' Belorussko-Vitebskoi gubernii [The Russian State historical archive. Address calendar of Belarussian-Vitebsk province]*. (In Russ.).
18. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. *Adres-kalendar' Vitebskoi gubernii [The Russian State historical archive. Address calendar of Vitebsk province]*. (In Russ.).
19. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [The Russian State historical archive], f. 1343, op. 20 (1813–1894), 35 (1894–1917). (In Russ., unpublished).
20. Repina L.P. "Personal'naia istoria": biografiia kak sredstvo istoricheskogo poznaniia ["Personal History": A Biography as a means of historical cognition]. *Kazus: individual'noe i unikal'noe v istorii [The casus: individual and unique in history]*. Moscow, 1998, iss. 2, pp. 76–100. (In Russ.).
21. Uezdnyi sud [A chief court of uезд]. Available at: <http://dis.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1655578> (acctsstsd 09.01.2014). (In Russ.).

УДК 7.021; 792.08; 7.036

СЦЕНИЧЕСКОЕ РЕЧЕВОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА: ЛОГИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ⁴²

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, директор института театра, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Актуальность осмысления сценического речевого искусства советского периода объясняется отсутствием исчерпывающей научной рефлексии по данному вопросу и своевременностью переосмысления художественной культуры 1917–1990 годов.

Автор связывает цель статьи с обоснованием логико-стилистических канонов, действовавших в указанный период в соцреалистических образцах сценического речевого искусства. Материалом для проведенного исследования послужило речевое искусство, принадлежащее советской официальной культуре. В статье использован культурно-исторический подход. В качестве методологической опоры используется ранее разработанная автором типология публичной речевой культуры.

Автор утверждает, что сценическое речевое искусство официальной ветви советской культуры принадлежит риторическому типу. В публикации устанавливается соответствие между общими принципами социалистического реализма, ценностными установками сценического речевого искусства и его технологическими канонами. В соответствии с целью в статье установлены и обоснованы технологические каноны, которые связаны с логикой и стилем сценического речевого искусства. Автор определяет значение термина «канон» применительно к сценическому речевому искусству, аргументирует действие двух логико-стилистических канонов: «приоритет текста» и «киллюстративность». При обосновании канонов сценического речевого искусства автор прибегает к исследованиям лингвистов, акцентирует внимание на связи лексики, синтаксиса и звучащей со сцены речи.

Ключевые слова: сценическое речевое искусство, советская официальная культура, метод социалистического реализма, ценностные установки, технологические каноны.

STAGE SPEECH ART IN THE CONTEXT OF THE SOCIALIST REALISM: LOGICAL-STYLISTIC CANONS

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Art History, Docent, Director of Institute of Theater, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

The object of the article is stage speech art, which belongs to the official branch of Soviet culture. The author explains the urgency of the comprehension of the stage speech art of Soviet period by the absence of scientific reflection of this question and by the timeliness of its reconsideration. The previously developed by the author typology of public speech culture is used as the methodological support of this research. This typology obtains confirmation of belonging the rhetorical type of the stage speech art of the official branch of Soviet culture in the article.

The purpose of the article is formulation of logical stylistic canons of stage speech art of the official branch of Soviet culture. The principles of socialist realism and the value installations of stage speech art are analyzed here. The possibility of applying the value installations of stage speech art as the criteria of the identification of rhetorical type models is argued. The correspondence between the general principles

⁴² Статья издана при финансовой поддержке РГНФ и коллегии администрации Кемеровской области в рамках научно-исследовательского проекта № 15-14-42001 «Искусство Кузбасса в контексте развития региона (период 1990–2010 годов)».

of socialist realism, the value installations of stage speech art and its technological canons is established in the publication. The author determines the meaning of the term “canon” in connection with to stage speech art, he establishes and bases the technological canons, connected with logic and style of stage speech art, argues the action of two logical stylistic canons: “the priority of a text” and “illustrative quality.” The results of studies of linguists are used for the substantiation of the logical stylistic canons of stage speech art. There is an accent on the connection of vocabulary, syntax and stage speech.

The article testifies to early forming the canon of “text priority,” explained the principle of its realization in the stage speech art. The author gives special attention to the argumentation of the “illustrative quality” canon. The technology of the application of an illustrative approach in the process of the stage embodiment of author's text is revealed in the article. The author proves the presence of the connection between using the simple speech tasks in the process of work with the text and illustrative style in the stage speech art.

Keywords: stage speech art, Soviet official culture, the method of socialist realism, value installations, logical-stylistic canons.

Если изменения в языке советского периода получили освещение в работах лингвистов, то модификации публичной речи и особенности ее сценического варианта еще не обрели исчерпывающей научной рефлексии, в то время как представляют собой несомненный интерес. Объяснением привлекательности феномена сценического речевого искусства советского периода являются две его особенности: отсутствие однородности и подчиненность идеологическим канонам. Речевая культура в целом, и речевое искусство в частности, безусловно, зависимы от тенденций национального языка, поэтому имеет смысл заметить, что исследователи указывают на разделение языка советского периода и при этом используют многообразие формулировок. Однако «большинство языковедов предпочитают все-таки говорить не об особом языке или даже субязыке, а о вариантах языка, о лексике и фразеологии сопротивления, о лексике неравенства, об официозном и антиофициозном стиле и т. п.» [1]. Разделение на официальную и неофициальную культуру нашло свое выражение и в сценическом речевом искусстве. Государственная цензура ориентировала искусство на отражение идей марксизма-ленинизма, совпадение с задачами строительства коммунизма, соотнесение с методом социалистического реализма. И нужно отметить, что большая часть сценического речевого искусства советского периода развивалась в контексте официальной культуры. Анализ этой части сценического речевого искусства посвящена данная статья. Интерес представляет установление соответствия принципов соци-

алистического реализма, ценностных установок сценического речевого искусства и свойственных ему технологических канонов. Однако объем статьи не позволяет подробно рассмотреть все технологические каноны, поэтому первоначально будет установлено общее соответствие между принципами социалистического реализма и ценностными установками сценического речевого искусства, а уже на этой платформе выявлены каноны, определявшие логику и стиль звучащей речи.

Принципы соцреализма в ценностных установках сценического речевого искусства советского периода

Рассмотрение сценического речевого искусства, развивавшегося в контексте официальной культуры, невозможно вне метода социалистического реализма, который, как известно, был сформулирован советскими деятелями культуры в 1932 году и охватывал все сферы художественной практики (литературу, драматургию, кинематограф, живопись, скульптуру, музыку и архитектуру). Позиции социалистического реализма: **принцип народности** (герои произведений должны были являться выходцами из народа), **принцип партийности** (обусловленность истины принятой идеологией), **принцип конкретности** (изображение действительности в соответствии с доктриной исторического материализма – первичностью материи и вторичностью сознания) обусловили ветвь официальной культуры советского периода. Они же определили ценностные установки и технологические каноны сценического речевого искусства, принадлежащего этой ветви.

Пожалуй, *принцип конкретности* следует считать определяющим для таких образцов сценического речевого искусства. Идеологическая цензура советского государства определила сжатие смысловых уровней звучащего слова до единственного идеологически разрешенного значения. Идеинные установки коммунистической партии и правительства, во многом блокировавшие свободу личности, тем не менее, не игнорировали традиционных нравственных ценностей. Платформу идеологии советской официальной культуры составило соединение политических (идей коммунизма и социализма) и традиционных нравственных ценностей. Эта идеология пронизывала образцы сценического речевого искусства (выступления актеров, чтецов, авторов-исполнителей), принадлежащие ветви официальной культуры. Поэтому содержательная основа подтекста сценической речи (даже в лирике), как правило, опиралась на конкретный, общепринятый (во многом социально окрашенный) смысл. Смысловому значению, наполнявшему речевое искусство актеров и чтецов, были не свойственны множественность, обтекаемость, расплывчатость. Напротив, сценическое речевое высказывание отличалось однозначностью смысла. *Принцип конкретности* нашел выражение в *ценностной установке «однозначность смысла»* высказывания и предопределил для сценического речевого искусства логико-стилистические каноны, которые будут рассмотрены далее.

Ценностная установка «однозначность смысла» отличалась своими плюсами и минусами. В настоящее время, в современном культурном контексте второго десятилетия XXI столетия, в условиях утраты идеалов, размытости ценностей, безусловным плюсом видится предельная ясность личностной позиции художника (режиссера, актера, чтеца). Эта максимальная ясность отношения к действительности формировалась на платформе выбора лишь между двумя возможными вариантами: «хорошо – плохо», «белое – черное», «добро – зло», «женское – мужское», «“за” – “против”» и т. д. Такое условие выбора, конечно, дисциплинировало, сосредотачивало и акцентировало внимание на предпочтенных ценностях, устанавливало четкие нравственные правила. Безусловно, с одной стороны,

это сужало возможные версии оценки событий, отношения к действительности, варианты поведения, а с другой – исключало, блокировало путаницу в этических, эстетических, художественных ценностях и служило формированию отчетливой личностной позиции, которая так значима в сценическом речевом искусстве. При этом этические и эстетические оценки имели предельно ясное соотношение – пары категорий «добро – прекрасное», «зло – безобразное» представляли собой неразрывное единство. Как указывает В. В. Чепурина, в театральном искусстве разных эпох эти соотношения нередко нарушались: «Эстетические зрелища часто не согласуются с моральными принципами... Нравственно-положительные реакции и отклики могут оказаться снятыми в эстетических оценках, и наоборот» [10, с. 6]. Следует обратить внимание на то, что официальная культура XX века отвергала подобные сочетания, что и способствовало формированию отчетливой личностной позиции субъекта речевого искусства. В условиях определяющей роли социалистического реализма безусловным «плюсом» являлось отсутствие «шатаний» в выборе этических ценностей. Идеология Советского Союза и «назначенный» на роль «официальной религии» метод социалистического реализма требовали утверждения гуманистических идеалов (или, по меньшей мере – их декларации).

Однако *ценностная установка «однозначность смысла»* содержала и свой минус. Как известно, однозначность смысла вероятна при условии уже принятого решения (сформированной позиции), а принятое решение – это финальная стадия процесса. В то время как сам процесс мышления невозможен без метаний, проб и промахов. Его протекание всегда сопряжено с отсутствием ясности в понимании того или иного события и сопровождается муками нахождения точного решения, истинно верной позиции. Именно эти обстоятельства способствуют вариативности восприятия, провокации нескольких смысловых рядов (что крайне важно в искусстве), а значит возникновению интересных и сложных голосоречевых подтекстов в сценических условиях. Тогда как ход размышлений в опоре на изначально определенные тезисы советской идеологии тянул за собой однозначность транслируемого

смысла, предельную понятность, абсолютную ясность мысли и (зачастую!) наивность и неорганичность сценической рефлексии. И эти последствия, безусловно, являются «минусом» *ценностной установки «однозначность смысла»*.

Если *принцип конкретности* находил выражение в *ценностной установке «однозначность смысла»*, то *принцип партийности* – в *ценностной установке «пафосная воодушевленность»*. Эта ценностная установка более всего корреспондировалась с такой категорией классической эстетики как категория возвышенного. Термин «пафос» (как риторическая категория) был изначально раскрыт Аристотелем. В трактатке Аристотеля, пафос представлял собой прием, при котором эстетика предствования передается через трагедию героя. В сценическом речевом искусстве категория возвышенного проявлялась наиболее рельефно в жанре театральной трагедии (как античной, так и классицистской). Позднее, в работах Гегеля, понятие пафоса расширилось. Оно вмещало в себя уже не только трагическую, но и торжественную эстетику. Сценическому речевому искусству, принадлежащему официальной ветви советской художественной культуры, оказалась свойственна торжественная эстетика. Патетика советского речевого искусства имела социальную, агитационную опору и служила инструментом партийной идеологии. А. Синявский отмечал: «Социалистический реализм исходит из идеального образца, которому он уподобляет реальную действительность. Наше требование – правдиво изображать жизнь в ее революционном развитии – ничего другого не означает, как призыв изображать правду в идеальном освещении, давать идеальную интерпретацию реальному, писать должное как действительное. Ведь под “революционным развитием” мы имеем в виду неизбежное продвижение к коммунизму, к нашему идеалу, в преображающем свете которого и предстает перед нами реальность. Мы изображаем жизнь такой, какой нам хочется ее видеть и какой она обязана стать, повинувшись логике марксизма» [9, с. 450]. В сценическом речевом искусстве, принадлежащем официальной ветви советской культуры, это стремление нашло свое выражение в идеальной интерпретации реальной действительности. Изображение жизни в ореоле «революционного развития», утверждение насту-

пления «светлого будущего», акцентирование героических поступков создавало почву для культивирования торжественной эстетики, актуализации пафосного звучания. Внутренним эмоциональным основанием для мелодики воодушевления социально-идеологической природы служила не эмпирически найденная актером, а внушенная действующей идеологией оценка событий действительности. Таким образом, *принцип партийности* нашел свое выражение в сценическом речевом искусстве через следование *ценностной установке «пафосная воодушевленность»*.

Третий принцип социалистического реализма (*принцип народности*) также проявился в сценическом речевом искусстве, принадлежащем официальной ветви советской художественной культуры, через *ценностную установку «внешнее изящество (или благозвучие)»*. Он корректировал и выбор репертуара, и тип чтеца (тип лирического героя), и содержательное значение благозвучия речевого искусства. Казалось бы, *принцип народности* должен блокировать *ценностную установку «внешнее изящество (или благозвучие)»*, традиционную для сценического речевого искусства. Однако он внес лишь редакцию в ее понимание. Рассмотрение всех ценностных установок, отвечающих принципам социалистического реализма (несмотря на то, что далее внимание будет уделено лишь одной из них) обусловлено наличием их крепкой связи друг с другом. Заметим, названные ценностные установки в одной из своих работ мы аргументировали как дифференцированные критерии, предназначенные для выявления образцов речевого искусства, соответствующих системе стандартов «Парадигма красноречия» (риторическому типу) (см. [8]). Здесь подчеркнем, что в данном случае указанные ценностные установки также выполняют функцию критериев, позволяющих определить принадлежность образца к определенному типу речевого искусства. «*Однозначность смысла*», «*пафосная воодушевленность*», «*внешнее изящество (или благозвучие)*» – являются одновременно и ценностными установками и критериями. Соответствие им образца сценического речевого искусства свидетельствует, во-первых, о его принадлежности ветви советской официальной культуры, во-вторых – риторическому типу и парадигме красноречия.

Ценностная установка «однозначность смысла» и логико-стилистический канон «приоритет текста»

Рассмотрим подробнее *ценностную установку «однозначность смысла»* и логико-стилистический **канон «приоритет текста»**. Однако прежде мотивируем использование термина «канон». Нужно сказать, что при анализе сценического речевого искусства, принадлежащего ветви советской официальной культуры, нельзя забывать о жесткой идеологической регламентации. Как известно, в советский период официальная цензура многое решала в оценке искусства, от творческой деятельности режиссеров и артистов требовалось соответствие принципам социалистического реализма. Это требование и служило платформой для оформления определенных норм в речевом искусстве. В связи с этим, в отношении сценического речевого искусства, принадлежащего ветви советской официальной культуры, вполне обосновано использование термина «канон». Если ценностная установка задавала общее направление, то канон работал как конкретное правило, установленная норма, служил технологическим основанием процесса присвоения авторского текста, логики и стилю высказывания. Каноны сценического речевого искусства, принадлежащего официальной ветви советской культуры, предопределяли действия в области методики сценического речевого искусства. К действиям такого рода относились, например: выбор авторского текста, способ его сценического воплощения, стиль сценического речевого искусства. Посредством канонов ценностные установки получали реализацию в сценическом речевом искусстве.

Ценностная установка «однозначность смысла» находила свое воплощение, прежде всего, посредством **канона «приоритет текста»**. Ее действие начиналось уже на этапе выбора литературного текста, проявлялось в процессе его воплощения, выражалось в сценическом стиле и получало завершение в театральной критике. Как известно, отбор текстов для публичного звучания (в спектакле, на эстраде, в кинематографе) подвергался серьезному фильтру, проверялся на соответствие принятому идеологическому курсу. Содержание литературных текстов обязано было отвечать избранным мировоззренческим положениям – идейным принципам строительства

коммунизма. Этот подход изначально обуславливал приоритет текста как такового в процессе сценического воплощения.

Нужно заметить, что истоки формирования **канона «приоритет текста»** следует искать даже не в ранней театральной традиции, а в церковной декламации. И здесь в самый раз привести пример тех областей речевого искусства, в которых сохраняется не только приоритет, но абсолютный пиетет перед текстом (словом-первоисточником). Уточним, что имеем в виду церковную декламацию, в которой и в настоящее время слово-первоисточник решает все. В церковной декламации любой конфессии чтение духовных текстов требует главенства слова над индивидуальным отношением персоны, которая его произносит. Для того чтобы не уйти от главной линии своих рассуждений (то есть от сценического речевого искусства советского периода) избежим подробных исторически подкрепленных доводов, но аргументируем свою мысль фактами современной культуры. Например, в настоящее время абсолютный пиетет перед текстом (словом-первоисточником) подтверждают конкурсы чтецов Корана в мусульманской культуре (крайне популярные в последние годы!) (см. [6]) и деканальные съезды чтецов в культуре католичества. На значимость и главенство духовного текста указывают Положения международных конкурсов чтецов Корана и высказывания участников деканальных съездов чтецов. Так одна из участниц четвертого деканального съезда чтецов в Храме Непорочно-го Сердца Пресвятой Девы Марии (г. Кемерово, март 2014 года) отмечает: «Чтец – это пророк в современном мире, выходя к амвону, его задача донести Божье Слово всем людям – он говорит не от себя, а то, что уже сказал Бог. Донести Бога... И здесь важно все: твой внешний вид и твои жесты, то, как ты говоришь, или поешь, но самое главное твое осознание – ты читаешь Его послание к народу» [5]. Если в церковной декламации действие **канона «приоритет текста»** обосновано духовно-религиозной идеей, то в случае со сценическим речевым искусством советского периода (светским, но идеологически ориентированным) – социалистическим мировоззрением. Как видим, и в том, и в другом случае (и в церковной, и в светской областях коммуникации) следование **канону «приоритет текста»** продиктова-

но функцией трансляции содержащихся в тексте идейных смыслов. В контексте метода социалистического реализма названный канон решает задачи продвижения, популяризации, пропаганды совершенно определенного мировоззрения, и, конечно, несет в себе однозначность смысла. Если в обстоятельствах церковной коммуникации необходимость в выборе текста отсутствует (это Коран и Библия), то в условиях сценического речевого искусства, принадлежащего ветви советской официальной культуре, поиск текста в опоре на требование популяризации идеалов социализма и коммунизма актуален. В связи с этим, важно отметить, что предпочтение при выборе текста для сценического воплощения отдавалось стихотворному, прозаическому и публицистическому материалу, имеющему абсолютно ясную идеологическую направленность, однозначную политическую позицию. Наряду с **каноном «приоритет текста»** *ценностная установка «однозначность смысла»* получала реализацию и благодаря **канону «иллюстративность»**.

Ценностная установка «однозначность смысла» и логико-стилистический канон «иллюстративность»

Значимость в государственной системе ревностно охраняемой идеологии, задачи продвижения, популяризации идеалов социализма и коммунизма оказали свое влияние на язык (его лексику, синтаксис), а уже через него на устную речь и ее сценический вариант. Как уже было отмечено выше, об изменениях в языке советского периода написано немало работ. Этот аспект привлек внимание исследователей уже в начале XX столетия и нашел отражение в публикациях по лингвистической советологии, в которых предметом изучения послужила языковая политика в СССР. Рассмотрение этого аспекта в задачи данной статьи не входит, интерес представленного материала концентрируется на сценическом слове, но упоминание об изменениях в языке необходимо и обусловлено его крепкой связью со звучащей речью. Любые модификации в общей языковой системе, так или иначе, находят свое отражение и в художественных вариантах языка, и в интересующем нас сценическом речевом искусстве. Поэтому в размышлениях о сценическом речевом

искусстве представляются крайне полезными заключения лингвистов, касающиеся языка и речи. Они глубже раскрывают причины утверждения **канона «приоритет текста»**, тесно связанного с **канонем «иллюстративность»**.

Так, например, любопытны выводы известного лингвиста С. И. Ожегова относительно особенностей языка советского периода. В статье «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху», указывая на некоторые явления в истории русской лексики послереволюционного периода, он отмечал, что необычайное развитие получили новые устойчивые словосочетания. По убеждению С. И. Ожегова, они отражали «новые оттенки мысли, новые отношения действительности (*проверка исполнения, дело чести, чувство нового, поджигатели войны, темпы роста, резервы производства, новатор производства, мастер чего-нибудь*, например, *мастер меткого выстрела, производственный ритм, узловые вопросы, торговая сеть, полевой стан, не сдавать темпов, успокаиваться на достигнутом, делиться опытом, подхватить инициативу*)» [7]. Все приведенные устойчивые словосочетания содержат явную смысловую идеологическую окраску и доподлинно передают социально-культурный контекст советского периода. Конечно, не только идеологически окрашенные слова и обороты выражали ментальность советского периода. Однако именно они использовались особенно часто и, в связи с этим, выполняли функцию активного словарного запаса, а значит – задавали ракурс в отношении к действительности и, как следствие, – в исполнительском подтексте сценического речевого искусства. Безусловно, особенности ритмического и фонетического строя слов и устойчивых оборотов, составляющих активный словарный запас языка, влияют на интонационно-мелодические особенности звучащей речи, на стиль сценического речевого искусства. Факт актуализации такого рода устойчивых словосочетаний не мог не отразиться на идеологизации советского сценического речевого искусства. Правда, в указанной статье «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху» С. И. Ожегов не касается этого вопроса, анализ черт идеологии в сценическом речевом искусстве не входил в его задачи.

Этот аспект косвенно раскрывается в работе С. Якобсона и Г. Д. Лассвелла «Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943)». Авторы статьи, анализируя первомайские лозунги, выявляют так называемые «символы действия». Они отмечают: «**Символы действия** – глаголы и выражения, использующиеся в заявлениях, требующих участия аудитории: *Победа, победный, Успех, Да здравствует...! Долой...! <...>*». Некоторые лозунги адресованы определенным группам. Именно это, по-видимому, усиливает воздействие на аудиторию (“адресация”, “обращение”). Другое средство “интенсивности”, “усиления воздействия на аудиторию” – использование “обвинения” или “одобрения” вместо “утверждения как факта”» [11]. Далее авторы формулируют шесть категорий, относимых к символам действия, которые для размышлений о сценическом речевом искусстве советского периода содержат особый интерес. Во-первых, названные символы действия подтверждают факт идеологизации сценического речевого искусства (и здесь, как видим, не только **принцип конкретности** и **ценностная установка «однозначность смысла»**, но и **принцип партийности** с его **ценностной установкой «пафосная воодушевленность»** играли значимую роль). Во-вторых, указанные С. Якобсоном и Г. Д. Лассвеллом символы действия позволяют удостовериться в правомерности логико-стилистических канонов, действующих в области технологии сценического речевого искусства, принадлежащего ветви официальной культуры советского периода. Дело в том, что в мастерстве актера XX столетия (имеющего прямое отношение к сценическому речевому искусству) именно категория «действие» постепенно занимала ведущую позицию (правда, заметим, немаловажен и сам характер действия). Приведем символы действия так, как они сформулированы С. Якобсоном и Г. Д. Лассвеллом:

I. Описание: “1 Мая – праздник трудящихся”.

II. Одобрение: “Да здравствует коммунистическая партия России”.

III. Обвинение: “Долой армии империализма”.

IV. Призыв: “Внимательно следите за заговорами наших врагов”.

V. Адресация: “Рабочие, крестьяне, красноармейцы...”.

VI. Самоидентификация: “...Коммунистическая партия России – партия рабочего класса, партия Ленина”» [11].

При условии осведомленности развития педагогики сценической речи нетрудно прийти к выводам о том, что символы действия, выявленные лингвистами С. Якобсоном и Г. Д. Лассвеллом в первомайских лозунгах, очень близки мировоззренческим основам части сценического речевого искусства советского периода. Например, в очерках развития советского искусства художественного чтения Н. Ю. Верховский отмечал в 1950 году: «В условиях все большего распространения марксизма-ленинизма <...> советские чтецы стали активными участниками культурной революции, научились глубоко осмысливать и толковать исполняемые ими произведения в духе советской социалистической идеологии» [3, с. 7]. Как видим, по своему эмоциональному посылу выводы лингвистов С. Якобсона и Г. Д. Лассвелла совпадают с наблюдениями театрального критика, исследователя искусства художественного слова Н. Ю. Верховского. Кроме того, названные С. Якобсоном и Г. Д. Лассвеллом символы действия («описание», «обвинение», «одобрение», «призыв») имеют свои аналоги в технологиях обучения мастерству актера и сценической речи. Они зафиксированы в учебных пособиях XX столетия как, так называемые, «простые речевые задачи», к которым относятся действия: «описать», «обвинить», «одобрить», «призвать».

Конечно, опора на простые речевые задачи способствует наполнению звучащего слова не только определенным эмоциональным, но и волевым содержанием. При этом прямолинейность простых речевых задач обеспечивает предельную отчетливость звучащей речи, ясность личностного отношения к произносимому, внятность смыслового посыла и придает речевому образцу качество однозначности смысла. Простые речевые задачи выступают как одно из звеньев технологии обучения речевому искусству (технологии сценического воплощения текста), определяющих впоследствии стиль образцов речевого искусства. Правда, простые речевые задачи (которые так хороши для формирования и реализации волевого посыла)

мало эффективны в создании тех речевых образов, где требуются не только ясность позиции, но также импровизация, тонкость нюансов, сиюминутность рождения мысли-слова и чувства-слова. В то время как закономерным следствием опоры на простые речевые задачи становится иллюстрация, а функции звучащего слова ограничиваются функцией декоративности.

При упоминании о функции декоративности уместно привести высказывание одного из самых авторитетных специалистов в области речевой подготовки актеров, заведующего кафедрой сценической речи Санкт-Петербургской академии театрального искусства В. Н. Галендеева. Он отмечает: «Есть две функции речи в театре. Одна функция – чисто эстетическая, декоративная, и с этой точки зрения более всего важны красота тембра, полнозвучие, безукоризненная слышимость, фонетическая полнота. Долгое время все были убеждены, что «декоративность» и есть важнейшая функция сценической речи. О второй функции до Станиславского никто специально не задумывался. Я имею в виду сценическую речь как проводник непосредственного психологического импульса, речь, отражающую внутреннее содержание момента. На практике актеры, конечно, так или иначе передавали эту жизнь образа в своей речи, но это происходило почти неосознанно» [4, с. 346–347]. В связи с этим заметим, что речевое искусство советского периода хронологически берет свое начало в 1917 году, когда концепция К. С. Станиславского лишь формировалась. В то время как технология декламации, для которой главной ценностью изначально выступал текст (даже не слово, а хорошо и качественно озвученный актером текст), крепко укоренилась в театральной культуре. Кроме того, для образцов речевого искусства, принадлежащих ветви советской официальной культуры, слово выступало не столько «проводником непосредственного психологического импульса» и «внутреннего содержания момента», сколько средством трансляции идеологически выверенного и утвержденного отношения к явлениям действительности. В таком речевом искусстве актер (или чтец) – это, по сути дела, оратор, исполняющий роль посредника между государством и зрителями. Кроме того, большая часть образцов сценического речевого искусства, принадлежащих ветви со-

ветской официальной культуры, создавалась, как правило, на основе литературного материала, не требующего обнаружения многосложности смысла. Выполнение задачи политической пропаганды диктовало выбор литературной основы речевого искусства и его смысловое содержание. Поэтому наглядного озвучивания литературного текста с акцентом на красоту тембра, безукоризненную слышимость, фонетическую полноту оказывалось вполне достаточно. Таким образом, в сценическом речевом искусстве, принадлежащем ветви советской официальной культуры, утвердился **канон «иллюстративность»**. Он выражал себя через наглядное озвучивание текста, его «показ» изобразительно-выразительными средствами голоса и речи.

Нужно сказать, что **канон «иллюстративность»** следует рассматривать как вполне органичный для традиционного искусства начала XX столетия. В свою очередь для технологии речевой подготовки актеров указанного периода естественна популярность иллюстративного подхода. Однако, и **канон «приоритет текста»**, и **канон «иллюстративность»**, полностью соотносившиеся с методом социалистического реализма и способствовавшие укреплению идеологии советского государства, вместе с тем вступали в противоречие с прогрессивными тенденциями театрального искусства XX столетия, не корреспондировались с ориентацией искусства на свободу сценической импровизации. Как известно, на протяжении всего XX столетия актерское мастерство стремилось вырваться из-под власти текста, искало ему (тексту) альтернативную опору, утверждало нелитературную природу сценического слова, низвергало и клеймило искусство декламации. Театральная реформа К. С. Станиславского поменяла парадигму актерского искусства, нанесла удар по декламации, послужила разрушению **канона «приоритет текста»** и **канона «иллюстративность»**.

Нужно заметить, что иллюстративный подход к сценическому воплощению текста вообще довольно традиционен для театрального речевого искусства в целом. В случае же с образцами речевого искусства, принадлежащими ветви советской официальной культуры, иллюстративный подход особенно естественен и органичен. *Ценностная установка «однозначность смысла»*, незыблемый

авторитет и главенство текста (**канон «приоритет текста»**) вполне соотносятся с иллюстрацией его содержания. При актерском анализе и присвоении художественного текста с предельно ясной социальной позицией нет основания, резона, мотива, для поиска «второго плана» (так называемого «скрытого», значимого содержания). Изначальный курс на отстаивание социалистических ценностей и осуждение альтернативной позиции (а значит нивелирование потребности обнаружения скрытых смыслов) не открывал в советский период широкого выбора в области внутреннего действия, в области актерского мастерства и ориентировал на важность трансляции самого текста, на его внешне качественное озвучивание. Поскольку концепция (используя современный термин) сценического воплощения была задана изначально (отстаивание идеалов коммунизма), то от актера требовалось лишь освещение и наглядное разъяснение прошедшего фильтр цензуры авторского текста – то есть его иллюстрации.

Здесь хотелось бы уточнить, что под иллюстративностью сценического речевого искусства мы понимаем повествовательность, сосредоточенность на сюжете как на основном объекте внимания при сценической трансляции авторского текста. Именно сюжет воспринимается в первую очередь и поэтому выступает как наиболее легко «считываемый» смысл, а значит как поверхностный слой текста. Сосредоточенность на сюжете отчасти обуславливал литературоцентризм, влияние которого обеспечивало самодостаточность авторского слова. Иллюстративность звучащего слова в системе координат парадигмы красноречия выступала в качестве нормы. В речевом искусстве **канон «иллюстративность»** подвергся мощной ревизии лишь в XX столетии, при оформлении новой системы стандартов – парадигмы драматизма. Однако в речевом искусстве любого культурно-исторического периода всегда находятся образцы, главная ценность которых состоит в иллюстрации сюжета, а значит в трансляции легко «считываемого» смысла, поверхностного слоя текста. Современные педагоги сценической речи для обозначения указанной тенденции нередко используют термин «рисует текст». На рубеже XX–XXI столетий «иллюстрирование» текста расценивается не только как проявление консерватизма, но как архаичность.

Однако еще раз подчеркнем, действенность – это признак сценического речевого искусства совершенно иной системы стандартов – парадигмы драматизма. Поэтому негативная оценка образцов сценического речевого искусства, в которых главным является мастерство наглядного показа, которые подчинены **канону «иллюстративность»**, объективна лишь в системе координат парадигмы драматизма. В то время как из шкалы ценностей парадигмы красноречия сценическое речевое искусство, иллюстрирующее сюжет, не выбивается. В настоящее время встречаются примеры речевого искусства, в которых мастерство проявляется в иллюстрации сюжета, в иллюстрации авторского текста. Например, в условиях концерта с конкретной идеологической и социальной направленностью востребован и актуален литературный текст с изначально понятным смыслом и явным политическим содержанием, а значит – абсолютно уместен и стиль речевого искусства, опирающийся на иллюстративный подход к воплощению художественного материала.

В образцах сценического речевого искусства, принадлежащих ветви советской официальной культуры, иллюстративный подход состоял в озвучивании художественного текста с акцентом на определенных словах, речевых тактах (словосочетаниях, фразах), транслирующих ценности социализма без глубинного вникания в его довербальные связи. Упрощенно иллюстративный подход продемонстрирован в кинофильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (режиссер Элем Климов). Вспомним ту сцену, в которой дети учат стихи о лагере. В этот момент директор лагеря – товарищ Дынин (которого играет актер Евгений Евстигнеев) делает замечание относительно выразительности произнесения текста: «Мы бодры, веселы». Он формулирует свое замечание как риторический вопрос, обращенный к детям: «“Бодры” надо говорить бодрее, а “веселы”?»». И здесь догадливый мальчишка отвечает: «Веселее!». Если это перевести на язык методики речевого обучения, то мы имеем дело с буквальным пониманием смысла текста, с примером иллюстративного подхода к его сценическому воплощению.

Действие **канона «иллюстративность»** в речевом искусстве можно наблюдать и в фильме режиссера Бориса Барнета «Поэт». В одном

из эпизодов поэты на вечере читают свои стихи (действие картины разворачивается в момент Октябрьского переворота). Это чтение, конечно, нельзя назвать авторским (хотя персонажи, читающие текст являются авторами – они поэты), потому что поэтов играют актеры. Иллюстративный подход проявляется в том, что основу речевого искусства составляет показ, демонстрация какого-то одного отношения, одной эмоциональной реакции – в данном случае, пафоса удовольствия от революции. Здесь нет места множественности эмоциональных реакций, отсутствуют микрособытия, нет смены настроений. Все окрашено одной краской и голосо-речевая выразительность опирается на вариации в рамках динамического диапазона лишь в пределах одной эмоциональной реакции, а волевой посыл укладывается в простую речевую задачу.

Заметим, что к началу XXI столетия среди театральных педагогов сценической речи прогрессивной тенденцией считается даже на начальном этапе обучения применять упражнения, построенные на кантлене (текучести и непрерывности) действия, а не на простых речевых задачах (см. [2]). Выполнение простой речевой задачи довольно не продолжительно по времени. Сценическое исполнение, опирающееся на простые речевые задачи, чревато схематизмом сценического существования и несет в себе опасность иллюстрации. В этом смысле простые речевые задачи «работают» только при создании образцов речевого искусства, призванных в качестве трансляции однозначных смыслов. Например, в самом тексте, впрямую акцентирующем социальные смыслы, нет необходимости глубинного погружения в довербальное содержание, нивелирована потребность в актерской импровизации. В таких текстах уже сверхзадача, связанная с продвижением социальных идей (в советском речевом искусстве – идеалов коммунизма), вполне «укладывается» в волевое обвине-

ние, одобрение, призыв. В образцах сценического речевого искусства, принадлежащих ветви советской официальной культуры, не отклик и рефлексия на микрореакции партнера, а бойкий волевой посыл оказывается наиболее эффективным средством воздействия на зрителя. В то время как кантлена действия требует от актера не только большой концентрации внимания на конкретном партнере (с целью распознавания его реакций и предвидений его поступков), но и провоцирует на импровизацию в процессе сценического существования. Эта установки на кантлену действия и импровизацию препятствуют так называемому «раскрашиванию» текста, его иллюстрации. Поэтому **канон «иллюстративность»**, соотносимый с *ценностной установкой «однозначность смысла»*, имеет основания «прижаться», прежде всего, в той части сценического речевого искусства, которая служит задачам идеологии, принадлежит социальному вектору. Подчеркнем, **канон «иллюстративность»** (во многом реализуемый посредством простых речевых задач) и отражающий *ценностную установку «однозначность смысла»* формирует стиль образцов сценического речевого искусства, принадлежащих ветви советской официальной культуры.

Таким образом, логико-стилистическими канонами образцов сценического речевого искусства официальной ветви советской культуры являются **канон «приоритет текста»** и **канон «иллюстративность»**. Через эти каноны, определявшие технологию речевого искусства, проявлялось влияние метода социалистического реализма. *Ценностную установку «однозначность смысла»* и названные каноны целесообразно использовать в качестве критериев, позволяющих определять принадлежность образца речевого искусства к официальной ветви советской культуры. Кроме того, соответствие этим критериям указывает на принадлежность парадигме красноречия, риторическому типу.

Литература

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая советология [Электронный ресурс]: моногр. – Екатеринбург, 2009. – 274 с. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/budaev-chudinov-09.htm>
2. Васильев Ю. А. Сценическая речь: ощущение – движение – звучание. Вариации для тренинга: учеб. пособие. – СПб.: СПГАТИ, 2005. – 342 с.
3. Верховский Н. Ю. Книга о чтецах. – М.; Л., 1950. – 284 с.

4. Галендеев В. Н. Не только о сценической речи: моногр. – СПб.: СПГАТИ, 2006. – С. 346–347.
5. Комолова Н. Провозглашение Божьего Слова [Электронный ресурс]. – URL: <http://catholic.tomsk.ru/2014/03/11/.html-1>
6. Конкурс чтецов Корана [Электронный ресурс]. – URL: <http://muslim.msk.ru/articles/120/2129/>
7. Ожегов С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху [Электронный ресурс] // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М., 1974. – С. 20–36. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/ozhegov-74d.htm#1>
8. Прокопова Н. Л. Культурно-историческая обусловленность критериев оценки речевого искусства риторического типа // Вест. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 381. – С. 101–107.
9. Терц Абрам (А. Д. Синявский). Что такое социалистический реализм // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / сост. Е. М. Великанова. – М.: Юнона, 1989. – С. 425–460.
10. Чепурина В. В. Эстетические и этические пределы современных текстов: заметки о «новой драме» // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Традиция в истории искусств: сб. науч. тр. / под ред. Г. А. Жерновой. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Вып. 8. – С. 5–14.
11. Якобсон С., Лассвелл Г. Д. Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 1 (21). – С. 123–141. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/yakobson-lasswell-07.htm>

References

1. Budaev E.V., Chudinov A.P. Lingvisticheskaja sovetologija [Linguistic of sovetologiya]. Ekaterinburg, 2009. 274 p. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/budaev-chudinov-09.htm> (In Russ.).
2. Vasil'ev Iu.A. Stenicheskaja rech': oshchushchenie – dvizhenie – zvuchanie. Variatsii dlja treninga [Stage speech: sensation – motion – sounding. Variations for the training]. St. Petersburg, 2005. 342 p. (In Russ.).
3. Verkhovskii N.Iu. Kniga o chtetsakh [Book about the elocutionists]. Moscow, Leningrad, 1950. 284 p. (In Russ.).
4. Galendeev V.N. Ne tol'ko o stenicheskoi rechi [Not only about the stage speech]. St. Petersburg, 2006, pp. 346–347. (In Russ.).
5. Komolova N. Provozglashenie Bozh'ego Slova [Proclamation of the God word]. Available at: <http://catholic.tomsk.ru/2014/03/11/.html-1> (In Russ.).
6. Konkurs chtetsov Korana [Competition of the elocutionists of the Koran]. Available at: <http://muslim.msk.ru/articles/120/2129/> (In Russ.).
7. Ozhegov S.I. Osnovnye cherty razvitiia russkogo iazyka v sovetskuiu epokhu [The basic features of the development of the Russian language in the Soviet epoch]. *Ozhegov S.I. Leksikologija. Leksikografiia. Kul'tura rechi. [Ozhegov S.I. Lexicology. Lexicography. Culture of speech]*. Moscow, 1974, pp. 20–36. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/ozhegov-74d.htm#1> (In Russ.).
8. Prokopova N.L. Kul'turno-istoricheskaja obuslovlennost' kriteriev otsenki rechevogo iskusstva ritoricheskogo tipa [Cultural-historical conditionality of the criteria of evaluation of rhetorical type vocal skill]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, 2014, no 381, pp. 101–107 (In Russ.).
9. Terts Abram (A. D. Siniavskii). Chto takoe sotsialisticheskii realizm [What is the socialist realism]. *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Siniavskogo i Daniela [Price of metaphor or Crime and the punishment of sinyavskogo and Daniel]*. Moscow, 1989, pp. 425–460 (In Russ.).
10. Chepurina V.V. Esteticheskie i eticheskie predely sovremennykh tekstov: zametki o "novoi drame" [Aesthetical and ethical limits of the contemporary texts: note about "new drama"]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriia i opyt. Traditsiia v istorii iskusstv [Skill and art study: theory and the experience: Tradition in the history of the skills]*, 2010, iss. 8, pp. 5–14 (In Russ.).
11. Iakobson S., Lasswell G.D. Pervomaiskie lozungi v Sovetskoi Rossii (1918–1943) [First-of-May slogans in Soviet Russia (1918–1943)]. *Politicheskaja lingvistika [Political linguistics]*. Ekaterinburg, 2007, iss 1 (21), pp.123–141. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics2/yakobson-lasswell-07.htm> (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Хижняк Наталья Леонидовна, кандидат педагогических наук, заместитель начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: hnl@ako.ru

В научной статье авторы рассматривают вопросы развития художественной одаренности детей в новых социально-культурных условиях, обозначенных в «Основах государственной культурной политики в Российской Федерации». Авторы отмечают, что новые парадигмы развития экономических и социальных сфер жизнедеятельности предъявляют иные, новые, требования к личности с развитыми креативными способностями, гибкостью в принятии решений и нестандартным мышлением, которые присущи одаренному человеку. Особо отмечается необходимость изучения вопросов детской одаренности и системного подхода в ее развитии, учитывая раннее проявление именно художественной одаренности. Основываясь на предлагаемых учеными критериях классификации видов художественной одаренности, авторы отмечают, что работа с одаренными детьми выступает одним из вариантов конкретной реализации права личности на индивидуальность, а одаренность является по своему характеру многомерным явлением.

Ключевые слова: креативность, критерий, одаренность, социально-культурные условия, творчество, художественная одаренность детей.

DEVELOPMENT OF ART GIFTED CHILDREN IN NEW SOCIO-CULTURAL CONDITIONS

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Khizhnyak Natalia Leonidovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Culture and National Policy of Kemerovo region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: hnl@ako.ru

In the scientific article, the authors examine the development of artistic talents of children in the new socio-cultural conditions outlined in the Principles of state cultural policy in the Russian Federation. The authors note that the new paradigm of development of economic and social spheres of life imposes certain new requirements for the individual with the development of creative abilities, flexibility in decision making and innovative thinking, which are inherent to human talent. The emphasis is laid on the need to examine the issues of children's giftedness and systematic approach in its development, considering it as an early manifestation of artistic talent. Based on the classification criteria proposed by scientists kinds of artistic giftedness, the authors note that working with gifted children is one of the options given to the person as the right to individuality and giftedness is by its nature a multidimensional phenomenon.

Keywords: creativity, criterion, endowments, socio-cultural conditions, creative, artistic talent of children.

В Указе Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении «Основ государственной культурной политики»» отмечается, что «выявление одаренных в разных сферах детей, создание условий для их индивидуального обучения, их педагогическое и психологическое сопровождение в период получения образования, создание условий для их профессиональной деятельности после завершения образования» [11] является одной из задач государственной культурной политики в области просвещения.

Современные условия и новые парадигмы развития экономических и социальных сфер жизнедеятельности (образования, науки, культуры и т. п.) выдвигают на передний план иные инновационные подходы, требующие от человека гибких решений и нестандартного мышления, умения быстро и эффективно ориентироваться в сложном лабиринте постоянных социально-экономических изменений [6]. Новые требования общества к людям, способным к творческому преобразованию действительности на благо себе и окружающим, становятся особой потребностью социально-экономического прогресса в современном мире, а от одаренных личностей как драгоценного ресурса нации напрямую зависит прогресс цивилизации.

Талант как производное одаренности развивается в течение всей жизни и при определенных условиях, созданных в семье, в образовательных учреждениях и организациях, в социуме, в обществе, может проявляться в большей или меньшей степени. Поиск одаренных людей, создание условий для развития и последующего применения их таланта, а также готовность общества принимать одаренных личностей и признавать инновационных лидеров – это не просто дело престижа страны, но неотъемлемая часть культурно-образовательной политики, без планомерного осуществления которой затруднительно решать проблемы создания инновационной экономики, сохранять и развивать культуру.

Развитие инновационной экономики России стало мощным стимулом для выявления, поддержки и развития одаренных детей, способных в будущем генерировать новации во всех областях жизнедеятельности общества. Особое место в новых социально-культурных условиях отводится

развитию художественной одаренности (особенно детской художественной одаренности), представляющей сложную проблему, которую не решить «в один прием» в силу специфики ее выявления и прогнозирования.

Следует подчеркнуть, что в течение последних двух десятилетий стал преобладать подход, согласно которому одаренность рассматривается как интегральное, не сводимое к интеллекту, креативности или когнитивным функциям свойство личности. Она изначально не задана генотипом, не зависит фатально от условий среды, а обладает динамической характеристикой. Неоднозначность феномена одаренности определяется не только высоким уровнем общего и интеллектуального развития, познавательных и специальных способностей, но и определенными весьма серьезными трудностями в становлении собственного «Я», самореализации и социализации одаренного ребенка. Более того, как метко сказал К. Г. Юнг в своей работе [14], одаренность не только компенсируется некоторой неполноценностью в другой области, но порою идет рука об руку даже с патологическим дефектом. В таких случаях часто почти невозможно решить, что преобладает: даровитость или психопатическая конституция. Этим он подчеркивал, что детская одаренность представляет собой комплексную категорию, в которой сфокусированы различные, порой, остро противоречивые особенности личности, особо это находит проявление в области художественной одаренности.

Следует отметить, что детская одаренность занимает одно из ведущих мест среди самых интересных и загадочных явлений природы, являясь не только наиболее противоречивым с точки зрения определения, но и наименее изученным. За это время проблемой одаренности занимались многие ученые, в большинстве своем зарубежные: Ф. Гальтон, Дж. Гилфорд, П. Торренс, Э. Ландау и др. Многие прояснили в феномене одаренности исследования Н. С. Лейтеса, А. И. Савенкова, А. М. Матюшкина и др.

Как отмечают исследователи, «измерение и оценка одаренности стали в последнее время делом большой практической важности» [3, с. 219]. В нашей стране после появления в 1975 году Всемирного совета по одаренным и талантливым

детям данная проблема получила свой новый импульс и остроту. Стали использоваться и адаптироваться разрабатываемые зарубежными учеными концепции одаренности, включающие подходы к определению, вопросы о природе, главенствующих факторах формирования данного феномена и, главное, методики диагностики одаренности, а также программы последующего развития незаурядных способностей. Среди заимствованных материалов следует отметить фигурные тесты Равена, шкала определения IQ Станфорд-Бине и др., среди отечественных разработок наиболее востребованы методика Д. Б. Богоявленской [2], экспресс-методика А. Г. Азарян [1] и др.

Детский возраст – период становления способностей личности и бурных интегративных процессов в психике. Уровень и широта интеграции характеризуют формирование и зрелость самого явления – одаренности. В психологической науке одним из наиболее дискуссионных вопросов, касающихся проблемы одаренных детей, является вопрос о частоте проявления детской одаренности. В научном мире существуют две крайние точки зрения: «все дети являются одаренными» и «одаренные дети встречаются крайне редко». Указанная альтернатива снимается в рамках следующей позиции: потенциальная одаренность по отношению к разным видам деятельности присуща многим детям, тогда как актуальную одаренность демонстрирует значительная часть детей.

Одаренность ребенка – это достаточно устойчивые особенности именно индивидуальных проявлений незаурядного, растущего с возрастом интеллекта [4]. Исследователи подчеркивают, что, несмотря на появление в последнее время очень большого количества публикаций в научной литературе на данную тему [1; 2; 3], где особое внимание уделяется диагностике и развитию способностей ребенка, как правило, выпускаются из виду воспитательный и социально-культурный аспекты. Вместе с тем обращать на это внимание требует не только то, что одаренные дети необычайно способны, но и то, что одаренный ребенок имеет ряд особенных психологических свойств: тонкое чувство юмора, большая независимость в суждениях, нестандартные ответы и решения, отсутствие внимания к условностям и правилам,

необычайная психосоциальная чувствительность и др. А в силу того, что художественная одаренность раньше других видов одаренности и ярче всего проявляется в дошкольном возрасте, то изучение одаренности в педагогическом ракурсе наиболее значимо, так как одна из проблем одаренного ребенка – своевременное нераскрытие его способностей, как говорится «заглушили на корню».

Обновленная программа «Одаренные дети», рассчитанная на 2011–2015 годы, ставит задачу создания механизмов поиска и выявления одаренных детей в разных регионах России. В нее включена система олимпиад, интеллектуальных, творческих и спортивных соревнований школьников, в том числе доступных талантливым детям, ограниченным в физических возможностях, сиротам, а также детям из семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. «Надо признать, что выявление одаренности – дело чрезвычайно трудное, а выявление потенциальной художественной одаренности, да еще к тому же детской, – трудное вдвойне. Современная психология, объективно оценивая свои возможности и природу данного феномена, занимает разумную позицию: отказывается выносить ему окончательный вердикт, даже располагая, казалось бы, неоспоримыми данными о наличии одаренности у ребенка, осторожно ограничиваясь характеристикой – “ребенок с признаками одаренности”. Эта характеристика есть результат понимания сложности и окончательной непостижимости данного феномена, который является интегративным личностным образованием и не статичным, а динамичным, постоянно меняющимся в зависимости от внешних и внутренних факторов. Детская художественная одаренность находится в движении и может либо набирать силу, либо угасать или исчезать безвозвратно; ее очень трудно “ухватить” как постоянную величину для того, чтобы “измерить” стандартными психологическими тестами. Художественная одаренность к тому же еще и многолика, отличается удивительным многообразием форм выражения, объясняющимся особенностями интеграции и своеобразия ее компонентов в их количественном и качественном проявлении», – отмечает А. А. Никитин [10, с. 64].

Интерес к данному феномену отечественной педагогики и психологии носит волнообразный характер: от подъема (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов и др.) до отрицания и полного забвения данной проблематики. Современные исследователи, развивая отечественные традиции, предложили ряд оригинальных концепций детской одаренности (Д. Б. Богоявленская, Н. С. Лейтес, А. М. Матюшкин, Я. А. Пономарев и др.). Наиболее значимой работой в этой области явилась концептуальная модель одаренности (разработана коллективом: Ю. Д. Бабаева, Д. Б. Богоявленская, В. Н. Дружинин, И. И. Ильцова, Н. С. Лейтес, А. М. Матюшкин, В. И. Нанов, И. В. Калищ, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков, Н. Б. Шумакова, В. С. Юркевич и др.). Следует отметить, что авторские концепции позволяют успешно решать широкий спектр научно-практических задач диагностики, прогнозирования развития интеллектуально-творческого потенциала личности ребенка, воспитания и обучения одаренных детей.

Признаками художественной одаренности являются те особенности одаренного ребенка, которые проявляются в его реальной деятельности. И могут быть оценены на уровне наблюдения за характером его действий. Признаки явной одаренности зафиксированы в ее определении и связаны с высоким уровнем выполнения деятельности. Вместе с тем, об одаренности ребенка следует судить в единстве категорий «хочу» и «могу». Поэтому признаки одаренности и охватывают два регулятивных аспекта одаренного ребенка: инструментальный и мотивационный.

Никитин А. А. [9] предпринял попытку выявления основ общей художественной одаренности, представляющей собой ядро, на котором базируется специальная и специализированная художественная одаренность, обнаруживающая себя в том или ином виде искусства или в многообразии его «подвидов», например, в музыкальной деятельности. Подчеркнем, что для нас определенный интерес представляет предлагаемая автором модель художественной одаренности, которая была использована в исследовании [12] для разработки организационно-функциональной модели формирования художественной одаренности в образовательных учреждениях дополнительно-

го образования детей в сфере культуры и искусства как основа и фундамент.

Следует подчеркнуть, что любая деятельность человека полимотивирована, то есть в основе любых действий лежат самые разные мотивы. Но при этом исследователи отмечают, что сама мотивационно-потребностная сфера личности имеет иерархическую структуру: одни мотивы занимают относительно устойчивое доминирующее, другие – подчиненное положение.

Это явление получило наименование «направленность личности». Направленность – одна из основных характеристик творческой личности, выражена она в иерархической структуре мотивационно-потребностной сферы, в которой доминируют мотивы, непосредственно связанные с содержанием творческой деятельности.

Одаренные дети характеризуются тем, что в основе их деятельности вне зависимости от ее предметной ориентации (научная, художественная, коммуникативная) доминируют мотивы, непосредственно связанные с содержанием деятельности.

Креативность (или творчество) – одна из важнейших характеристик одаренности. Творчеством созданы науки и искусства, все изобретения человеческой цивилизации. Расположенность к творчеству – высшее проявление активности человека, способность создавать нечто новое, оригинальное. Расположенность к творчеству представляет, прежде всего, особый склад ума. При этом установлено, что никакое отвлеченное познание не может быть продуктивным в полном отрыве от чувственного. Важное значение в процессе творчества имеют воображение, интуиция, неосознаваемые компоненты умственной активности. На наш взгляд, креативность является одним из важных компонентов в подготовке креативного специалиста для творческих индустрий в вузах культуры и искусств как специализированных учебных заведениях для одаренных детей [5].

Одаренные дети – дети, значительно опережающие своих сверстников в умственном развитии, либо демонстрирующие выдающиеся специальные способности. В научной литературе и в обыденной речи одаренных детей нередко называют вундеркиндами, подчеркивая тем самым исключительный характер их способностей.

Среди определений понятия «одаренный ребенок» наиболее удачное, с нашей точки зрения, содержится в тексте «Рабочей концепции одаренности»: «Одаренный ребенок – это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности» [2].

Известный специалист в области детской одаренности Н. Лейтес классифицирует разные педагогические подходы к этой проблеме выделяет три категории детей, которых принято именовать одаренными: дети с высоким IQ; дети, достигшие выдающихся успехов в каком-либо виде деятельности; дети с высокой креативностью [8].

Другой специалист в области психологии интеллекта М. А. Холодная утверждает, что следует выделять шесть категорий таких детей: 1) «сообразительные»; 2) «блестящие ученики»; 3) «креативы»; 4) «компетентные»; 5) «талантливые»; 6) «мудрые» [13].

По наблюдениям исследователей, реальная педагогическая практика определяет лишь три категории одаренных детей. Именно эти представления закладываются в фундамент дифференциации обучения (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики категорий одаренных детей, лежащие в основе дифференциации обучения

Категории одаренных детей	Представления (характеристики) категорий одаренных детей, лежащие в основе дифференциации обучения
1. Первая	Дети с высокими показателями по уровню общей одаренности
2. Вторая	Дети, достигшие успехов в каких-либо областях деятельности. Этим детей чаще всего называют талантливыми. Их выявление строится на «экологически валидных» методах диагностики. Одаренные юные музыканты, художники, математики, спортсмены имеют право на специальное обучение
3. Третья	Дети, хорошо обучающиеся в школе, так называемая «академическая одаренность»

Из таблицы 1 видно, что одаренность детей проявляется в различных педагогических системах, включая общее и дополнительное образование.

Следует отметить, что существует определенная возрастная последовательность проявления одаренности в разных областях. Особенно рано может проявиться одаренность к музыке, затем – к рисованию; вообще, одаренность к искусству обнаруживается раньше, чем к наукам; в науке раньше проявляются способности к математике.

В исследованиях отмечается, что дифференциация видов художественной одаренности определяется критерием, положенным в основу классификации. Анализ количественных характеристик одаренности позволяет описать степень выраженности психических возможностей человека. Среди критериев выделения видов одаренности обозначаются пять их видов. Ниже, основываясь на [7; 14], мы свели в таблицу (табл. 2) критерии выделения видов одаренности, основные виды деятельности в рамках выделенных критериев и характеристику содержания видов одаренности.

Таблица 2

Критерии выделения видов одаренности и основных видов деятельности, характеризующих содержание видов одаренности

Наименование критериев выделения видов одаренности	Основные виды деятельности в рамках выделенного критерия	Содержание видов одаренности
Вид деятельности и обеспечивающие его сферы психики	Практическая	Одаренность в ремеслах, спортивная и организационная
	Теоретическая (познавательная)	Интеллектуальная одаренность различных видов
	Художественно-эстетическая	Хореографическая, сценическая, литературно-поэтическая, изобразительная, музыкальная
	Коммуникативная	Лидерская и аттрактивная
Духовно-ценностная		Одаренность в создании новых духовных ценностей и смыслов служения людям

Продолжение таблицы 2

Окончание таблицы 2

Наименование критериев выделения видов одаренности	Основные виды деятельности в рамках выделенного критерия	Содержание видов одаренности
Степень сформированности	Актуальная	Психологическая характеристика ребенка с такими различными показаниями психического развития, которые проявляются в более высоком уровне выполнения деятельности в конкретной предметной области по сравнению с возрастной и социальной нормой
	Потенциальная	Психологическая характеристика ребенка, который имеет лишь определенные психические возможности для высоких достижений в том или ином виде деятельности, но не может реализовать свои возможности в данный момент времени в силу их функциональной недостаточности
Форма проявления	Явная	Проявляется в деятельности ребенка достаточно ярко и отчетливо, в том числе и при неблагоприятных условиях. Достижения ребенка столь очевидны, что его одаренность не вызывает сомнения. Специалистам в области детской одаренности с большей степенью вероятности удастся сделать заключение о наличии художественной одаренности или о высоких потенциальных возможностях ребенка, адекватно оценить «зону ближайшего развития» и правильно наметить программу дальнейшей работы с таким «перспективным ребенком»
	Скрытая	Проявляется в деятельности ребенка в менее выраженной форме. Вследствие этого появляется опасность ошибочных заключений об отсутствии одаренности у такого ребенка. Его могут отнести к числу «неперспективных» и лишить помощи и поддержки, необходимой для развития его способностей

Наименование критериев выделения видов одаренности	Основные виды деятельности в рамках выделенного критерия	Содержание видов одаренности
Широта проявлений в различных видах деятельности	Общая	Проявляется по отношению к различным видам деятельности и выступает в качестве основы их продуктивности. Психологическим ядром общей одаренности являются умственные способности, вокруг которых выстраиваются эмоциональные, мотивационные и волевые качества личности. Общая одаренность определяет уровень понимания происходящего, глубину эмоциональной и мотивационной вовлеченности в деятельность, эффективность целеполагания и саморегуляции
	Специальная	обнаруживает себя в конкретных видах деятельности и может быть определена лишь в отношении отдельных областей деятельности (музыка, живопись, театр и др.)
Особенности возрастного развития	Ранняя	Решающим показателем здесь выступают темп психического развития ребенка, а также возрастные этапы, на которых одаренность проявляется в явном виде. Необходимо учитывать, что ускоренное психическое развитие раннее обнаружение дарований далеко не всегда связано с высокими достижениями в более старшем возрасте. В свою очередь, отсутствие ярких проявлений одаренности в детском возрасте не означает отрицательного вывода, относительно перспектив дальнейшего развития личности
	Поздняя	

Наглядное представление данного материала позволяет сделать вывод, что работа с одаренными детьми выступает одним из вариантов конкретной реализации права личности на индивидуальность. На наш взгляд, любой индивидуальный случай детской одаренности может быть оценен с точки зрения всех вышеперечисленных крите-

риев классификации видов художественной одаренности. Одаренность оказывается, таким образом, многомерным по своему характеру явлением. Для практики – это возможность и, вместе с тем, необходимость более широкого взгляда на свое-

образие одаренности конкретного ребенка в новых социально-культурных условиях, а для теории – это необходимость исследования развития художественной одаренности детей в современной социально-экономической ситуации.

Литература

1. Азарян А. Г. Использование экспресс-методики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.marketing.spb.ru/read/m17/index.htm>
2. Богоявленская Д. Б. Рабочая концепция одаренности [Электронный ресурс]. – URL: http://dt26.ru/load/odarennye_deti/odarennye_deti/rabochaja_koncepcija_odarennosti_bogojavlenskaja_d_b/15-1-0-28
3. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 224 с.
4. Гераимчук И. М. Гений – это просто. Формирование творческой личности. – М.: ЭКМО. – 2010. – 146 с.
5. Кудрина Е. Л. Вузы культуры и искусств в подготовке креативного специалиста для творческих индустрий // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса [Электронный ресурс]: мат-лы конф. – Электрон. дан. – М.: ГПНТБ России, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC, Windows 2000 или выше. – Загл. с этикетки диска. – ISBN 978-5-85638-150-3. – № гос. регистрации 0321100651. – URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/127.pdf>
6. Кудрина Е. Л., Шунков А. В. Компетентностный подход как парадигма подготовки специалистов в сфере культуры и искусства // Профессиональное развитие в России и за рубежом. – 2014. – № 2 (14). – С. 69–75.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
8. Лейтес Н. С. Проблема общих способностей в возрастном аспекте [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1633
9. Никитин А. А. Художественная одаренность. – М.: Классика-XXI, 2010. – 176 с.
10. Никитин А. А. Выявление и прогнозирование детской художественной одаренности // История и культура Приамурья. – 2008. – С. 64–74.
11. Указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. – URL: docs.cntd.ru/document/420242192 (дата обращения: 15.03.2015).
12. Хижняк Н. Л. Формирование художественной одаренности в образовательных учреждениях дополнительного образования детей в сфере культуры и искусства: маркетинговый подход: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / Алт. гос. акад. культуры и искусств. – Кемерово, 2012. – 202 с.
13. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
14. Юнг К. Г. Феномен одаренности: доклад, прочитанный на съезде работников средней школы в Базеле 4 дек. 1942 года // Schweifer Erziehungs Rundschau XVI/1 (Zurich, April 1943, p. 3–8). Позже в *Psychologie und Erziehung*, Rascher, 1970.

References

1. Azarian A.G. Ispol'zovanie ekspress-metodiki [Using rapid methods]. Available at: <http://www.marketing.spb.ru/read/m17/index.htm> (In Russ.).
2. Bogojavlenskaia D.B. Rabochaia kontsepsiia odarennosti [Working concept of giftedness]. – Available at: http://dt26.ru/load/odarennye_deti/odarennye_deti/rabochaja_koncepcija_odareodaren_bogojavlenskaja_d_b/15-1-0-28. (In Russ.).
3. Vygotskii L.S., Luriia A.R. Etiudy po istorii povedeniia: Obesz'iana. Primitiv. Rebenok [Studies in the History of behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1993, 224 p. (In Russ.).
4. Geraimchuk I.M. Genii – eto prosto. Formirovanie tvorcheskoi lichnosti [Is simply genius. Formation of the creative person]. Moscow, EKMO Publ., 2010, 146 p. (In Russ.).
5. Kudrina E.L. Vuzy kul'tury i iskusstv v podgotovke kreativnogo spetsialista dlia tvorcheskikh industrii [Universities of Culture and Arts in preparation for the creative professional creative industries]. *Biblioteki i informatsionnye resursy v sovremennom mire nauki, kul'tury, obrazovaniia i biznesa* [Libraries and Information Resources in the modern world of science, culture, education and business]. Available at: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/127.pdf>. (In Russ.).

6. Kudrina E.L., Shunkov A.V. Kompetentnostnyi podkhod kak paradigma podgotovki spetsialistov v sfere kul'tury i iskusstva [Competence-based approach as the education paradigm in culture and art sphere]. *Professional'noe razvitiie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]*, 2014, no 2 (14), pp. 69–75. (In Russ.).
7. Leont'ev A.N. Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Lichnost']. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p. (In Russ.).
8. Leites N.S. Problema obshchikh sposobnostei v vozrastnom aspekte [Problem general abilities in the age aspect]. Available at: http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1633 (In Russ.).
9. Nikitin A.A. Khudozhestvennaia odarennost' [Art endowments]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2010. 176 p. (In Russ.).
10. Nikitin A.A. Vyivlenie i prognozirovanie detskoii khudozhestvennoii odarennosti [Identification and prediction of children's art giftedness]. *Istoriia i kul'tura Priamur'ia [History and Culture of the Amur region]*, 2008, pp. 64–74. (In Russ.).
11. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 24 dekabria 2014 goda № 808 “Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoii kul'turnoi politiki” [Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 № 808 “On approval of the Fundamentals of state cultural policy”]. Available at: docs.cntd.ru/document/420242192. (accessed 15.03.2015). (In Russ.).
12. Khizhniak N.L. Formirovanie khudozhestvennoii odarennosti v obrazovatel'nykh uchrezhdeniiakh dopolnitel'nogo obrazovaniia detei v sfere kul'tury i iskusstva: marketingovy podkhod. Dis. kand. ped. nauk [Formation of artistic talent in educational institutions of additional education in the field of culture and the arts: marketing approach. cand. ped. sci. dis.]. Kemerovo, 2012. 202 p. (In Russ.).
13. Kholodnaia M.A. Kognitivnye stili: O prirode individual'nogo uma [Cognitive styles: On the nature of the individual mind]. St. Petersburg, Piter Publ., 2004. 384 p. (In Russ.).
14. Iung K.G. Fenomen odarennosti. Doklad, pročitannyi na s'ezde rabotnikov srednei shkoly v Bazele 4 dekabria 1942 goda [Phenomenon of giftedness. Report read at the Congress workers from high school in Basel, December 4, 1942]. *Schweifer Erziehungs Rundschau XVI/1* (Zurich, April 1943, p. 3–8). Pozzhe v *Psychologie und Erziehung*, Rascher, 1970.

УДК 378.016:78

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ГАРМОНИИ ПО Ю. Н. ХОЛОПОВУ (ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ)

Черная Марина Радославовна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Институт музыки, театра и хореографии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: marina-chernaya@yandex.ru

В статье впервые ставится проблема педагогического эффекта от использования в учебном процессе теоретической системы Ю. Н. Холопова, в частности, его учения о гармонии. На основе изучения материалов его учебников и учебных пособий по гармонии, а также на основе результатов, полученных в собственной педагогической деятельности, автор статьи с помощью системного и исторического подходов, а также используя метод контекстуального анализа, рассматривает условия применения и возможности, открывающиеся при обращении к методике Ю. Н. Холопова как «прохождению через эпохи». В статье сформулированы основные положения холоповской теории о структурных компонентах гармонии, даны методические рекомендации по использованию в вузовской практике учебного пособия Ю. Н. Холопова «Гармония. Практический курс».

Ключевые слова: структурное мышление, структурные элементы гармонии, теория и методика обучения в преподавании гармонии, уровни профессионального образования, эпохи в истории музыкального искусства.

STRUCTURAL COMPONENTS OF HARMONY ACCORDING TO YURY KHOLOPOV (QUESTIONS OF PEDAGOGY)

Chernaya Marina Radoslavovna, Doctor of Art History, Professor, Professor of Department of Musical Upbringing and Education, Institute of Music, Theatre and Choreography, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: marina-chernaya@yandex.ru

Addressing to the theory of harmony by Yuriy Nikolayevich Kholopov (1932–2003) is a hot topic in our days. Interest to it is dictated by the needs of pedagogical practice and determined by high validness and novelty of the results of activities of this outstanding Russian musician-thinker, but, still, it should be evaluated by the world community. The article deals with the problem of pedagogical effect of his theoretical system, particularly, teaching the harmony. Based on the materials of Kholopov's text-books and training appliances on harmony, as well as on the results of her own pedagogical activities, the author of the article, using structural and historical approaches as well as method of contextual analysis, makes a research in conditions of application the methodic of this Moscow expert and shows the possibilities opening in teaching the harmony as "going through epochs." Basic positions of Kholopov's theory of structural components of harmony and methodical recommendations on the use in higher education practice of the training appliance by Kholopov "Harmony. Practical course" are given in the article.

Keywords: structural thinking, structural elements of harmony, theory and methodic of teaching harmony, levels of professional education, epochs in the history of musical art.

Актуальность обращения к учению Юрия Николаевича Холопова (1932–2003) о гармонии диктуется нуждами педагогической практики и обуславливается высокой значимостью и новизной результатов деятельности этого музыканта-мыслителя.

Глобальной по своей сути представляется не вполне благополучная ситуация, которая остро ощущается в отечественной текущей педагогической практике. Преподаватели музыки учебных заведений разных уровней призваны воспитывать у своих подопечных интерес к современному искусству, а для этого нужно понимание содержания произведений, умение слушать современную музыку и... слышать ее. Казалось бы, будущие преподаватели должны быть мотивированы на использование в своей работе свежих, еще малоосвоенных продуктов творчества, но на практике ситуация не так проста. Нередко выпускники музыкальных школ и средних профессиональных образовательных учреждений в области культуры и искусства хорошо знают в современной музыке явления из разряда популярного сегмента (в основном, джазовую и рок-поп-музыку), они, безусловно, имеют представление и о тех или иных произведениях серьезной музыки XX века. Однако их мышление, воспитанное прежде всего на классике и романтике, обычно отторгает сложные, порой нетрадиционные решения, свойственные музыке наших дней. Перед нами парадокс,

связанный с образованием некоего временного сдвига: композиторы-творцы воплощают звучание *своего* времени определенными средствами, которые могут опережать слушательский опыт современников, и должно пройти сколько-то лет, чтобы такой опыт появился и, соответственно, сложились условия для адекватного восприятия художественных произведений.

Следует учитывать и другой аспект. Процессы, сигнализировавшие смену музыкального языка, затронули музыкальное искусство, начиная с рубежа XIX–XX веков. Музыкальная теория XX века, при ее стремлении отвечать на вызовы композиторской практики, не успевала реагировать на новизну явлений, создавать убедительные концепции, тем более, намечать перспективу дальнейшего развития музыки. Музыкальная педагогика, не получая должной поддержки от теории, оказалась в еще более сложном положении, так как традиционные концепции переставали *работать* в целом ряде случаев.

Лишь во второй половине столетия, ближе к его концу оформляются фундаментальные теории, имевшие выход в педагогическую практику. Важнейшие работы по истории и теории гармонии в России созданы Т. С. Бершадской, Н. С. Гуляницкой и Ю. Н. Холоповым. В первую очередь, необходимо назвать следующие издания ведущего представителя ленинградской теоретической школы: 1) *Бершадская Т. С. Лекции по гармонии*

(1-е изд. Л., 1978. 200 с.; 2-е изд., расшир. и доп. Л., 1985. 240 с.; 3-е изд. СПб.: Композитор, Санкт-Петербург, 2003); 2) *Бершадская Т. С.* Гармония как элемент музыкальной системы. СПб.: Ut, 1997. 191 с. Большое значение для практики преподавания гармонии в вузе имело издание московского автора: *Гуляницкая Н. С.* Введение в современную гармонию: учеб. пособие. М.: Музыка, 1984. 256 с. Этапными для создания собственного учения о гармонии стали целый ряд трудов Ю. Н. Холопова также представителя Москвы: 1) *Холопов Ю. Н.* О гармонии: моногр. М.: Совет. композитор, 1961; 2) *Холопов Ю. Н.* Современные черты гармонии С. С. Прокофьева: моногр. М.: Музыка, 1967; 3) *Холопов Ю. Н.* Очерки современной гармонии: моногр. М.: Музыка, 1974; 4) *Холопов Ю. Н.* Задания по гармонии: учеб. пособие для студентов композитор. отд-ний музык. вузов. М.: Музыка, 1983; 5) *Холопов Ю. Н.* Гармония: теорет. курс: учебник. М.: Музыка, 1988; 6) *Холопов Ю. Н.* Гармония. Практ. курс. В 2 ч. М.: Композитор, 2005.

Заметим, что научные подходы у представителей Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) были различными, однако сравнение сути этих подходов не входит в задачу данного исследования, основным предметом которого являются методика и практика преподавания гармонии Ю. Н. Холоповым, воплощенная в его трудах.

На сайте Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского работам Ю. Н. Холопова уделяется большое внимание. В частности, там доступна следующая информация: «Опубликовано около 800 работ Холопова (в том числе посмертно). Его научные труды издавались в России и за рубежом (в Болгарии, Великобритании, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Испании, Италии, Китае, Польше, Румынии, США, Чехословакии, Швейцарии)... Научная школа Ю. Н. Холопова составляет более 80 человек, среди которых несколько поколений музыковедов разной специализации (в том числе докторов и кандидатов искусствоведения): теоретики, педагогики-практики, историки (в том числе переводчики и комментаторы старинных трактатов), музыкальные критики, фольклористы, философы» [6].

Цель написания данной статьи двояка: а) привлечение внимания к трудам Ю. Н. Холопова по изучению исторических процессов в гармонии, а также по систематике в освоении индивиду-

ализированных принципов структуры гармонического материала; б) выявление особенностей созданной им педагогической системы с позиций методики (практики преподавания гармонии). Автор, ощутив в собственной педагогической практике плодотворность опоры на учебники Ю. Н. Холопова, но не будучи прямым посредником в передаче метода Мастера, не претендует на полноту освещения обозначенной проблематики, а лишь надеется внести посильную лепту в усилия теоретиков по развитию музыкальной педагогики.

Ученики Ю. Н. Холопова много сделали и продолжают делать для популяризации взглядов Учителя. Т. С. Кюрегян в своей статье к 80-летию юбилею мэтра, упоминая о «сонмах учеников», отмечает: «Педагогическая деятельность Холопова – суммарно – охватывает все музыкально-теоретические дисциплины, а именно: элементарную теорию, сольфеджио, гармонию, полифонию, музыкальную форму, инструментоведение, музыкально-теоретические системы, теорию современной композиции» [2, с. 10]. Тем не менее «гармония по праву занимает среди них первое место» [2, с. 13]. В этой статье отслеживаются и определенные этапы в создании холоповской концепции. Так, началом послужило открытие принципов функционирования 12-звучной хроматической тональности (на основе изучения гармонии С. С. Прокофьева), дальнейшее развитие выразилось в исследовании трактовки новой тональности у Шостаковича, Дебюсси, Бартока, Скрябина, Равеля, Хиндемита, Мясковского и других композиторов первой половины XX века. Затем возник новый ракурс исследования, связанный с изучением модальных ладов. Центральное положение занимает учение о тональной гармонии эпохи классицизма «в аспекте формообразующего действия гармонии» [2, с. 14]. Особое место занимает трактовка процессов в гармонии позднего романтизма, объяснение которых проливает свет на гармонию в музыке XX века. Как пишет Кюрегян: «В итоге была создана фактически всеобщая функциональная теория, объектом которой стала вся доступная для изучения звуковысотность – от монодической модальности до “технической музыки” последних десятилетий» [2, с. 15]. Абстрагирование от стиливых параметров, как бы выведение их за скобки, позволяет найти необходимые научные инструменты для измерений, создать формульные основы для воплощения най-

денных схем в конкретной музыкальной реальности.

Продвигаясь через эпохи, Холопов рассматривает основные изменения в парадигме гармонии каждого из периодов, на основании чего строится конечное объяснение сущности новой функциональности. Созданную им сбалансированную систему удобно использовать в образовательном процессе. Изложение курса гармонии у Холопова содержит многочисленные схемы, таблицы, отличающиеся наглядностью и эстетичностью, а главное – включает понятные объяснения тех процессов, которые происходили в те или иные эпохи.

В методическом плане именно учебное пособие «Гармония. Практический курс», разделенное на две части, оказалось не только последней по времени работой по гармонии Ю. Н. Холопова, но и своеобразным венцом его деятельности в этой области музыкальной теории. К сожалению, автор не увидел самого издания. В свою очередь, «Практический курс» опирается на выпущенный ранее «Теоретический курс», за который Ю. Н. Холопов был удостоен Государственной премии России в области литературы и искусства в 1990 году.

Ю. Н. Холопов называет источники формирования собственной концепции гармонии. Он отмечает: «С концепционной стороны система взглядов автора, хотя и связана генетически с учением о гармонии И. В. Спосибина (также в какой-то мере Ю. Н. Тюлина и Б. Л. Яворского), в действительности же исходит из философско-исторического анализа современной ситуации искусства» [5, с. 3]. Ядром концепции Холопова выступает функциональная теория гармонии, которая, по мнению московского теоретика, способна объяснить замечательный феномен европейской тональности XVIII–XIX веков. Он пишет: «Этот феномен в науке о музыке занимает по значимости такое же место, как в самой музыке – творчество Моцарта, Бетховена, Шопена, Чайковского. Соответственно и верная теория функций есть сердцевина, логический центр науки о гармонии» [5, с. 4].

Предлагая в своем «Практическом курсе» оригинальную методику профессионального изучения процессов в гармонии, Ю. Н. Холопов пишет: «Для успешного освоения фундамента современного музыкального мышления необходимо преодоление инерции XIX века в гармонии, что достижимо лучше всего своего рода “ускоряющимся разгоном” интонационного прохождения через эпохи (барокко – классика – роман-

тизм – первая половина XX века – вторая половина XX века), тем самым музыкально-логически обосновывающего приход к нашей современности» [4, с. 9].

Таким образом, Ю. Н. Холопов является не только автором оригинальной концепции истории и теории гармонии, но и создателем курса практической гармонии как прохождения через эпохи: барокко – классика – романтизм – первая половина XX века – вторая половина XX века. Основным методом, требующим профессиональной базы, в его системе выступает «воссочинение» произведений как моделирование процесса, как метод исследования музыки посредством ее воссоздания.

Обозначим тезисно основные положения холоповской теории о структурных компонентах гармонии:

Новая интонация музыки XX века, возобладавшая в процессе «великого интонационного кризиса» (Б. В. Асафьев) рубежа XIX–XX веков, внесла очередную поправку в понятие гармонии, устранив доминирование вертикально-аккордового момента. В XX веке широкое распространение получили модальность, серийность, двенадцатитоновость, микрохроматика, экмелика, алеаторика, новая полифония – техники, не исходящие из категории аккорда и тонально-аккордовой системы.

Определение гармонии из XIX века – «наука об аккордах и их связях» – в целом неприменимо к музыке XX века. Теперь гармония понимается как звуковысотная структура многоголосной музыки.

Для гармонии эпохи Возрождения (условно 1300–1600) структура зависела от церковного лада-модуса, консонанс был автономен, а диссонанс связан приготовлением и разрешением и т. д.

В Новое время (условно 1600–1900) основными были законы тонально-функционального лада.

В области гармонии к специфическим законам музыки XX века относятся:

Новая трактовка диссонанса;

Новое отношение к хроматике;

Новая система ладогармонических значений.

Ввиду большой практической ценности, которую представляют для музыкальной педагогики труды Ю. Н. Холопова по гармонии, они в высшей степени достойны того, чтобы обрести в нашей стране и за рубежом самые широкие рекомендации по их использованию в педагогической практике.

Литература

1. Гуляницкая Н. С. Введение в современную гармонию: учеб. пособие. – М.: Музыка, 1984. – 256 с.
2. Кюрегян Т. С. «Он постоянно “слушал время” и не боялся слышать в нем новое...» // Музык. акад. – 2012. – № 3. – С. 10–20.
3. Холопов Ю. Н. Гармония. Практ. курс: учебник для спец. курсов консерваторий (музыковед. и композитор. отд-ния): в 2 ч. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Композитор, 2005. – Ч. 1: Гармония эпохи барокко. Гармония венских классиков. Гармония эпохи романтизма. – 472 с.
4. Холопов Ю. Н. Гармония. Практ. курс: учебник для спец. курсов консерваторий (музыковед. и композитор. отд-ния): в 2 ч. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Композитор, 2005. – Ч. 2: Гармония XX века. – 624 с.
5. Холопов Ю. Н. Гармония: Теорет. курс: учеб. – СПб.: Лань, 2003. – 268 с. (1-е изд. – М.: Музыка, 1988. – 512 с.).
6. Юрий Николаевич Холопов [Электронный ресурс]. – URL: www.kholopov.ru

References

1. Gulianitskaia N.S. Vvedenie v sovremennuiu garmoniiu [Introduction in modern harmony]. Moscow, Musyka Publ, 1984. 256 p. (In Russ.).
2. Kiuregian T.S. “On postoianno ‘slushal vremia’ i ne boialsia slyshat’ v nem novoe...” [“He constantly ‘listened to the time’ and was not afraid to hear something new in it...”]. *Muzikal’naiia akademiia [Musical Academy]*, 2012, no. 3, pp. 10–20. (In Russ.).
3. Kholopov Iu.N. Garmoniia. Prakticheskii kurs. Chast’ 1. Garmoniia epokhi barokko. Garmoniia venskikh klassikov. Garmoniia epokhi romantizma [Harmony. Practical course. Part 1. Harmony of the baroque epoch. Harmony of Viennese classics. Harmony of Romanticism]. Moscow, Kompositor Publ., 2005. 472 p. (In Russ.).
4. Kholopov Iu.N. Garmoniia. Prakticheskii kurs. Chast’ 2. Garmoniia 20 veka [Harmony. Practical course. Part 2. Harmony of the 20th century]. Moscow, Kompositor Publ., 2005. 624 p. (In Russ.).
5. Kholopov Iu.N. Garmoniia. Teoreticheskii kurs [Harmony. Theoretical course]. St. Petersburg, Lan’ Publ., 2003. 268 p. (In Russ.).
6. Iurii Nikolaevich Kholopov [Yuriy Nikolaevich Kholopov]. Available at: www.kholopov.ru (accessed 02.02.2015). (In Russ.).

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОЙ ЗАНЯТОСТИ

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Пахомова Елена Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель губернатора Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: romelova-AV@ako.ru

Руднева Елена Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

В статье идет речь о формировании профессионального самоопределения учащейся молодежи в условиях регионального рынка труда, характеризуется региональный рынок труда региона, сравниваются результаты формирования профессионального рынка труда в условиях Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, региональный рынок труда, адаптация обучающихся, образовательные организации.

FORMATION OF STUDENTS PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN A REGIONAL LABOR MARKET AS A FACTOR OF SUSTAINABLE EMPLOYMENT

Kasatkina Natalia Emilevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Inter-University Department of General and Intercollegiate University Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Pakhomova Elena Alekseevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Deputy Governor of Kemerovo region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: pomelova-AV@ako.ru

Rudneva Elena Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Inter-University Department of General and Intercollegiate University Pedagogy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kasatkina@kemsu.ru

This article deals with the formation of students professional self-determination in the conditions of the regional labour market; the characteristics of regional labour market are given; the results of labor market formation in the Siberian Federal District are compared.

Keywords: professional self-determination, regional labour market, students adaptation, educational organizations.

В условиях длительного периода формирования рыночных отношений, становления рынка труда профессиональное самоопределение учащейся молодежи приобрело особую значимость.

Сложные условия формирования рыночных отношений определили двоякое отношение обучающихся к этому процессу. С одной стороны, как свидетельствует наше исследование, поддерживая в целом процесс обновления всех сфер жизнедеятельности общества, обучающиеся обеспечены низкими показателями качества жизни, в том числе материальным положением, жилищными условиями, молодежной безработицей. Не случайно абсолютное большинство обучающихся (62,3 %) отвечая на вопрос, в каком направлении должна идти Россия, определили ее путь как переход к рыночной экономике. Среди обучающихся не хотели бы возврата к прошлой жизни 39 %, еще не определили своего отношения 26 %.

Результаты социологического опроса, проведенного нами, свидетельствуют, что обучающиеся в процессе эксперимента приобрели четкое представление о рыночной экономике, ее слагаемых, требованиях, предъявляемых к работникам рыночного типа. Отвечая на вопрос анкеты «В какой мере вы представляете, что такое рыночная экономика?», 49,5 % респондентов соотнесли свои знания с достаточно полным представлением о ней, 31,2 % опрошенных имели представления в основном, остальные знали кое-что о рыночной

экономике. В процессе исследования школа, другие социальные институты помогли вступающим в жизнь юношам и девушкам соизмерить свои личные запросы с потребностями общества, поставив первые на подобающее место. Падение престижности ранее дефицитных профессий, рост безработицы среди молодежи, особенно латентной, потребовали от каждого молодого человека «познать самого себя», соизмерить личные притязания с реально существующими условиями и субъективными возможностями.

Поэтому мы в процессе исследования стремились сформировать желание выпускников к приобретению специальности и потребностей рыночного производства в трудовых кадрах. Сегодня уже 56 % потенциальных работников региона намерены получить профессии в организациях системы среднего профессионального образования. Остальные выпускники при поддержке родителей стремятся получить высшее образование, что в условиях научно-технического прогресса вполне объяснимо.

Мы исходили из того, что новый тип производства, формирующийся в информационной цивилизации, предъявляет жесткие императивы к интеллекту массового работника. Такой работник уже не может довольствоваться эмпирическим опытом, он должен быть подготовлен к сложному, высококвалифицированному труду. Образование и профессионально квалифицированная подго-

товка перестают быть замкнутыми элитными секторами и становятся способом связи поколений.

Определенную роль в обновлении и омоложении кадрового потенциала работников за счет молодых квалифицированных специалистов играет целевое распределение выпускников. Сегодня распределение по договорам с предприятиями получают уже 54 % выпускников образовательных организаций системы профессионального образования.

Несмотря на стабилизацию молодежной безработицы в регионе она остается значимым фактором социального отчуждения большой группы молодых людей. При этом, в отличие от развитых обществ Запада, где проблема наиболее остро встает перед низкоквалифицированными молодыми работниками, в России с нею сталкиваются образованные, дипломированные молодые специалисты.

Молодежь к безработице приводит ряд факторов. Мы выделили следующие: недостаток профессиональных знаний, необходимой квалификации и трудовых навыков, что снижает возможность трудоустройства; неготовность значительной части обучающейся молодежи к работе в рыночных условиях из-за нехватки предприимчивости в поисках трудового заработка; несоответствие качества и направленности образования потребностям рынка труда; отсутствие механизма социальной защиты выпускников учебных заведений; уклонение работодателей от ответственности за их трудоустройство; психологический дискомфорт выпускников, приступающих к работе в условиях рыночной экономики, что приводит к резкому ухудшению медико-биологических показателей состояния здоровья молодежи.

Исследование показало, что разрыв между предложением и спросом на рынке труда стремительно растет, в результате чего усугубляются проблемы реальной трудовой занятости молодых работников.

Важным фактором снижения безработицы, в том числе латентной, явилось массовое развитие в регионе предпринимательства, особенно среднего и малого бизнеса, привлечение к нему подрастающего поколения. Малый и средний бизнес во всех формах выступили как неотъемлемое и чрезвычайно важное звено эффективно функционирующей рыночной экономики.

Нами была разработана программа становления малого бизнеса в соответствии с принятым в 1995 году законом «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»: введен новый ценз численности работающих и определены дополнительные критерии отнесения предприятий к числу малых; численность работающих в промышленности и строительстве была сокращена с 200 до 100 человек, в науке и научном обслуживании – со 100 до 60; в торговле и бытовом обслуживании, напротив, была увеличена с 15 до 30 человек; в общественном питании – с 15 до 50. Нами были введены дополнительные критерии определения доли собственности участников в установленном капитале, до 25 % ограничена доля уставочного капитала, принадлежащая одному или нескольким юридическим лицам, не являющимся субъектами малого предпринимательства.

Учитывая роль малого бизнеса в реформировании экономики, трансформации социальной структуры общества, повышении удельного веса среднего класса, выступающего гарантом социально-экономической стабильности в стране, образовательные организации стали уделять больше внимания изучению истории предпринимательства в российском обществе. В высших учебных заведениях, школах и лицеях профессионально-технического образования педагоги знакомили обучающихся с достижениями государств с рыночной экономикой в обеспечении высокого жизненного уровня населения, с ролью малого и среднего бизнеса в снижении безработицы, особенно молодежной.

В условиях формирования и последующего функционирования рынка труда социальным институтам общества, в первую очередь семье и образовательным организациям, необходимо было помочь подрастающему поколению познакомиться с ролью среднего класса в укреплении социальной стабильности в обществе, в создании привлекательного образа предпринимательства, убедить их в том, что без прочных знаний, профессиональных знаний, умений и навыков, основ законодательства, сформированных гражданских качеств невозможно организовать и успешно вести собственное дело, заботиться о своих интересах и нуждах окружающих.

Эти качества присущи прослойке предпринимателей, появившихся в регионе за послед-

нее десятилетие. Примерно четыре пятых из них имеют высшее образование, притом более трети окончили два вуза, преимущественно технический и классический университет. Более 70 % среди бизнесменов составляет техническая интеллигенция, почти 20 % – экономисты. Более 25 % имеют ученую степень, примерно 15 % лидеров предпринимательства получили специальное образование по менеджменту. С одной стороны, эти данные подтверждали, что представители малого и среднего предпринимательства понимают роль профессионального образования в становлении бизнеса, с другой – способствовали стремлению обучающейся молодежи получить надлежащее образование и пополнить пока немногочисленную группу бизнесменов.

Таким образом, проведенное нами исследование подтвердило, что одним из важнейших сегментов рыночных отношений является рынок труда, оказывающий непосредственное влияние на профессиональное самоопределение обучающегося.

Социальные институты общества, в особенности государственные органы, семья и система профессионального образования, принимают участие в приобщении обучающейся молодежи к рыночной экономике, добились некоторых положительных результатов в профессиональном самоопределении личности. На фоне отмеченных достижений четко высвечиваются позитивные начала в подготовке выпускников образовательных организаций к самостоятельной работе в условиях формирующихся рыночных отношений. В этом случае обладатели дипломов в виду увеличения доли практического опыта становились востребованными на производстве, в научных центрах, лабораториях. Мы познакомили их с законодательством, с правами и обязанностями, о которых у них было поверхностное представление, что затрудняло их деятельность по защите своих интересов. В условиях жесткой конкуренции на рынке труда потенциальные работники приобретали уверенность в своих способностях. Исследование показало, что проблема социализации будущих работников рыночного типа, способных освоить и продолжить опыт предыдущих поколений, занимают важное место в деятельности всех современных социальных институтов общества.

Проведенное нами исследование подтвердило эффективность сетевого взаимодействия

организаций СПО и социальных партнеров в профессиональном обучении на основе сетевой кооперации и взаимодействия: увеличился уровень готовности обучающихся к выбору профессии в среднем на 39 %; обучающиеся стали ориентироваться в профессиональном пространстве и осознанно выбирать профессию с учетом характера профессиональной деятельности; увеличилось количество обучающихся, проявляющих высокий уровень готовности к продолжению образовательного пути; увеличилось количество обучающихся, демонстрирующих готовность к самообразованию и саморазвитию, проявляющих активность при приобретении знаний, умений и навыков по формированию профессионального самоопределения.

Анализ результатов опросов работодателей, содержания объявлений о найме и других информационных источников позволил нам сформировать и обосновать перечень и компонентный состав ключевых компетенций обучающихся организаций СПО, включающий в себя информационную, социально-коммуникативную, предпринимательскую компетенции, компетенцию в решении проблем, способность к эффективному поведению на рынке труда, профессиональному росту и непрерывному самообразованию.

Практику организации социальными партнерами совместных мероприятий (специализированные ярмарки вакансий рабочих и учебных мест; организация временных рабочих мест для молодых людей, впервые ищущих работу; производственная практика для будущих молодых специалистов; тематические семинары для работодателей и др.) мы повсеместно распространили и поддержали, что способствовало осознанному выбору профессиональной карьеры и, как следствие, повышению конкурентоспособности молодых людей на рынке труда.

Адаптация выпускников организаций среднего и высшего профессионального образования к условиям рынка труда связана с подготовкой специалистов в соответствии с потребностями работодателей.

Реализация направлений сетевого взаимодействия учреждений профессионального образования и государственной службы занятости способствует качественной профессиональной подготовке кадров, востребованных региональным рынком труда.

Сетевое взаимодействие организаций среднего и высшего профессионального образования и органов службы занятости – это совместная деятельность организаций, обеспечивающих возможность молодежи осваивать специальности, востребованные на рынке труда, в том числе инновационные профессии, получать дополнительное профессиональное образование, активно формировать профессиональную карьеру, адаптироваться к условиям рынка труда, которая рассматривается как целостный педагогический процесс, имеющий определенную структуру, включающий цель, содержание, формы, средства и способы оценки результатов.

Сетевое взаимодействие учреждений среднего и высшего профессионального образования и государственной службы занятости требует особых взаимоотношений между образовательными организациями, органами службы занятости, бизнесом и реализуется в несколько этапов, предполагая следующие направления развития: создание эффективной системы профессионального образования, сертификацию учебных планов в области менеджмента, усиление связей между образовательными организациями и предприятиями, повышение активности в процессе исследования профессионального самоопределения молодых людей и работодателей и других социальных партнеров.

Учитывая особую роль развития системы профессионального образования в условиях изменения рынка труда, констатируя значимость систем ОСПО и вузов в решении проблем занятости населения и трудоустройства выпускников, необходимо было включить образовательные организации в реализацию региональных программ содействия занятости населения, подготовки и переподготовки кадров, их участие в профессиональном самоопределении обучающихся.

В сложившейся ситуации исключительно важным мы считали усиление взаимодействия ОСПО и вузов с региональными органами власти, органами службы занятости и предприятиями реального сектора экономики с целью решения проблем занятости населения, трудоустройства выпускников образовательных организаций и опережающего обучения лиц, находящихся под угрозой увольнения. Совместная деятельность по разработке дополнительных образовательных программ стала возможной через сетевое взаимо-

действие образовательных организаций, органов службы занятости и предприятий реального сектора экономики.

Наше исследование показало, что эффективность сетевого взаимодействия организаций высшего и среднего профессионального образования и государственной службы занятости населения определяется множеством причин, среди которых особое место мы отделили построению системы подготовки молодежи к адаптации на рынке труда, успешной профессиональной карьеры в течение всей жизни.

В ходе исследования нами было выявлено, что основными организационно-педагогическими условиями взаимодействия учреждений среднего и высшего профессионального образования и государственной службы занятости являются: изучение потребности в подготовке специалистов для региональной экономики на перспективу; совершенствование содержания профессиональных образовательных программ с ориентацией на заказчиков и потребителей образовательных услуг; внедрение в процесс профессиональной подготовки элементов модульного и дистанционного обучения; развитие различных форм информационного обеспечения обучающихся о ситуации на рынке труда; формирование совместных организационно-управленческих и методических структур, обеспечивающих взаимодействие учреждений профессионального образования и органов службы занятости; обеспечение психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса для повышения адаптационного потенциала обучающихся на рынке труда; формирование системы содействия занятости и трудоустройства учащейся молодежи.

Деятельность профессиональных образовательных организаций по формированию профессионального самоопределения выпускников осуществлялась по следующим направлениям: совершенствование технологий профессиональной подготовки выпускников, маркетинговая деятельность по подготовке специалистов.

Совершенствование технологий профессиональной подготовки выпускников образовательной организации в условиях рынка труда – основной блок воспитательно-образовательного процесса, формирующий обязательный уровень объема и качества знаний, умений и навыков, которыми должен обладать выпускник образо-

вательной организации с целью получения соответствующей квалификации. В рамках данного направления особое значение мы придавали совершенствованию практической подготовки выпускников.

Маркетинговая деятельность профессиональной организации по подготовке специалистов направлена на развитие партнерских отношений образовательной организации с субъектами рынка труда (предприятиями, организациями, органами государственной власти, общественными организациями) в целях обеспечения содействия профессиональной адаптации и практической подготовке студентов к условиям реального производства, начиная с младших курсов; на формирование знаний потребностей рынка труда и работодателей; на переход от краткосрочных к долгосрочным отношениям по схеме «профессиональная образовательная организация-производство», основанной на партнерстве и взаимном доверии к работодателям.

На первом этапе происходит учебная и профессиональная ориентация обучающихся, выбор профессии.

На втором этапе с целью обеспечения возможностей приобретения профессии, развития умений построения своей карьеры, формирования профессионального самоопределения на базе организаций среднего и высшего профессионального образования создаются центры содействия трудоустройству выпускников.

Основные задачи центров:

- содействовать трудоустройству выпускников, молодых специалистов;
- проводить индивидуальное консультирование студентов и выпускников образовательных организаций по вопросам профессиональной ориентации и трудоустройству;
- создавать банк вакансий для выпускников образовательных организаций;
- организовывать сотрудничество с работодателями в целях трудоустройства студентов и молодых специалистов, проведения производственных и преддипломных практик, в том числе разработки программ практик и стажировок студентов на инновационных предприятиях региона;
- осуществлять персональное распределение выпускников на предприятиях;
- осуществлять мониторинг трудоустройства выпускников;

- создавать банк резюме молодых специалистов для их предоставления потенциальным работодателям;

- проводить совместные совещания, семинары, круглые столы, дискуссионные площадки образовательных организаций, органов службы занятости и работодателей по вопросам формирования профессионального самоопределения, социальной адаптации и трудоустройству молодежи.

Для выпускников, которые могли попасть в число нетрудоустроенных, мы разработали методики и программы развития малого бизнеса («Первый шаг», «Бизнес-старт» и т. п.), их реализация позволила сформировать группы для участия в конкурсах по созданию собственного малого предприятия при поддержке бизнес-инкубаторов; реализовать методики содействия трудоустройству выпускников в течение года после выпуска за счет включения образовательных центров содействия трудоустройству в деятельность координационно-аналитического центра по проблемам трудоустройства и адаптации к условиям рынка труда выпускников учреждений среднего и высшего профессионального образования с целью использования межрегионального банка вакансий.

Нами были разработаны активные формы содействия трудоустройству выпускников органами труда и занятости: подбор подходящей работы из банка данных вакансий, ярмарки вакансий и учебных рабочих мест совместно с центрами содействия трудоустройству выпускников вузов (КемГУ, КузГТУ, КемГУКИ, КемТИП), временное трудоустройство, стажировка в целях приобретения опыта работы, оказание адресной поддержки при трудоустройстве в другой местности, профессиональное переобучение.

Все это позволило обеспечить создание новых типов учебных заведений профессионального образования (ресурсных центров); расширение диапазона профессионального образования; введение многоуровневой и многопрофильной подготовки специалистов; разработку управленческих структур, соответствующих целям профессионального обучения; учет и использование региональных особенностей развития профессионального образования.

На третьем этапе у выпускников ОСПО и ВПО формировали умения и навыки адаптации

к условиям рынка труда. Сеть образовательных учреждений высшего профессионального образования региона адаптируется к приоритетным направлениям социально-экономического развития области, удовлетворяет кадровые потребности области и осуществляет опережающую подготовку высококвалифицированных специалистов, способных адаптироваться к новым условиям труда, обладающих новаторским потенциалом, умением работать в коллективе.

Внедрение результатов проведенного научного исследования в процессе подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием способствовало увеличению доли студентов (30 %), получающих образование в области высоких технологий.

Анализ результатов обучения работодателей, содержания информации о найме и других источников позволили сформировать и обосновать перечень и компонентный состав ключевых компетенций личности, включающий в себя информационную, социально-коммуникативную, предпринимательскую компетенции, компетенцию в решении проблем, способность к эффективному поведению на рынке труда, профессиональному росту. В процессе исследовательской работы были разработаны и апробированы стандарты и модули указанных компетенций.

В регионе в эксперименте участвовали 60 учреждений среднего и высшего профессионального образования. Эксперимент и разработанные нами программы показали, что 60–70 % выпускников СПО, 80–85 % выпускников высшей школы устраиваются на работу по полученной специальности. Существующий рынок образовательных услуг и рынок труда стали взаимосвязанными. Получаемое профессиональное образование молодежью в значительной степени соответствует потребностям рынка труда, что связано с достаточным уровнем сформированности профессионального самоопределения обучающихся.

Таким образом, формирование профессионального самоопределения учащейся молодежи предполагает конкретную деятельность, определяемую специфическим предметом, условиями, средствами труда, а также спецификой межличностных производственных отношений и ответственности за данную работу, что связано с самим

определением профессии как ограниченного вида деятельности.

Социально-экономические реформы региона потребовали и модернизацию общего, среднего и высшего профессионального образования. Механизмы, обеспечивающие взаимосвязь между рынком труда и рынком образовательных услуг, обострили проблему профессионального самоопределения обучающихся, их дальнейшее трудоустройство. В меняющихся социально-экономических условиях возросла роль формирования профессионально-личностных качеств будущего специалиста, обеспечивающих их конкурентоспособность на рынке труда, успешность профессионального и социального самоопределения, построение и развитие карьеры, общей компетентности, мобильности, инициативы, трудолюбия, высокой работоспособности.

Важнейшие этапы профессионального самоопределения обучающихся связаны с освоением навыков профессионального самоопределения в практической деятельности, получением профессионального образования и первоначальным трудоустройством. Каждый из этих этапов нашел свое отражение в жизненных планах и ориентирах обучающихся, заканчивающих основную и полную среднюю школу, организации среднего и высшего профессионального образования.

Проведенный эксперимент показал, что усилилась академическая направленность обучения, преподавание дисциплин, способствующих профессиональному самоопределению. В то же время пока еще недостаточно рабочих мест на предприятиях и в сфере услуг, пока еще профессиональные пробы могут проводиться не по всем профессиям.

Принципиально изменились отношения между системой профессионального образования и сферой занятости. С одной стороны, отказ от института гарантированного трудоустройства имеет негативную сторону: выпускники высших и средних профессиональных учебных заведений зачастую вынуждены работать не по специальности. С другой стороны, распределение подготовленных специалистов – это не категория рыночной экономики; поэтому выпускники, опасаясь безработицы, выражают предпочтение трудоустройству, и даже не по специальности. Свершившимся фактом является то, что произошел отказ государства от роли основного работодателя на рынке труда

и заказчика системы профессионального образования. В этой связи мы считали целесообразным искать новые формы взаимодействия сферы образования и экономики, активно привлекать работодателей к участию в разработке программ обучения, развивать новые формы содействия трудоустройству выпускников, создавать условия для профессионального самоопределения школьников, развития их личности.

Исследование, проведенные нами в регионе, свидетельствует о соответствии стремления выпускников к приобретению специальности и по-

требностей рыночного производства в трудовых кадрах.

Профессиональное самоопределение выпускников образовательных организаций, дальнейшая профессиональная подготовка их к профессиональной деятельности являются важными задачами профориентации в системе непрерывного образования, решение которых позволило обеспечить реализацию прав молодых людей на труд, свободу выбора рода деятельности и эффективное использование их потенциала в развитии экономики региона.

Литература

1. Новиков А. М. Методология образования. – М.: Эгвейс, 2006. – 488 с.
2. Постановление Коллегии администрации Кемеровской области от 13.10.2011 № 888-р «О развитии социального партнерства в системе профессионального образования Кемеровской области» и от 16.05.2011 № 372-р «О мерах по поддержке и развитию профессионального образования Кемеровской области».
3. Ткаченко Е. В., Смирнов И. П., Бурмистрова А. С. Профессиональное образование и молодежь России. – М.: НИИРПО, 2012. – 212 с.
4. Чистякова С. Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников. – Москва: Академия: Московские учебники, 2010. – 128 с.

References

1. Novikov A. M. Metodologiya obrazovaniia [The methodology of education]. Moscow, Egveys Publ., 2006. 488 p. (In Russ.).
2. Postanovlenie Kollegii administratsii Kemerovskoi oblasti ot 13.10.2011 № 888-r “O razvitiu sotsial’nogo partnerstva v sisteme professional’nogo obrazovaniia Kemerovskoi oblasti” ot 16.05.2011 № 372-r “O merakh po podderzhke i razvitiuu professional’nogo obrazovaniia Kemerovskoi oblasti” [The decision of the Board of Administration of the Kemerovo region of 13.10.2011 № 888-r “On the development of social partnership in vocational education Kemerovo region” and from 16.05.2011 № 372-r “On Measures to Support the Development of Vocational Training and the Kemerovo Region”]. (In Russ.).
3. Tkachenko E.V., Smirnov I.P., Burmistrova A.S. Professional’noe obrazovanie i molodezh’ Rossii [Vocational education and youth Russian]. Moscow, NIIRPO Publ., 2012, 212 p. (In Russ.).
4. Chistiakova S.N. Pedagogicheskoe soprovozhdenie samoopredeleniia shkol’nikov [Pedagogical support of self-determination of students]. Moscow, Akademiia Publ., Moskovskie uchebniki Publ., 2010. 128 p. (In Russ.).

УДК 37

АДАПТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ СРЕДСТВАМИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail:znak42@mail.ru

Лехтина Лариса Петровна, директор муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 30 имени Н. Н. Колокольцова» (г. Калтан, РФ). E-mail: Lehtina_LP@bk.ru

В условиях модернизации отечественной системы образования, отражающей трансформационные процессы в российском обществе, актуальным является осуществление адаптивного управления повы-

шением квалификации педагога. Исследуемая проблема связана с совершенствованием системы повышения квалификации учителя. Адаптивное повышение квалификации педагогов способно учитывать индивидуальные особенности работников образования и быть ориентированным на удовлетворение их разнообразных профессиональных потребностей, интересов, возможностей с учетом permanently осуществляемых перемен в обществе. Противоречие между требованиями к системе повышения квалификации педагога, к ее качеству и неспособностью самой системы соответствовать современным требованиям актуализирует необходимость разработки адаптивного повышения квалификации педагога.

В статье предлагаются материалы, являющиеся результатом изучения и анализа одного из важных аспектов развития адаптивной школы – адаптивного управления формированием профессиональной компетентности учителя средствами внутришкольного повышения квалификации; дается понимание важности и сущности этого процесса, его особенности и содержание.

Авторы статьи рассматривают разные подходы к понятию «адаптивная школа», «адаптивное управление» повышением квалификации педагога.

Адаптивное управление способно динамично изменяться к закономерностям самоуправляемого развития и рассматривается как управление адекватно внешним условиям для поддержания стабильности управляемого объекта.

Специфика адаптивной школы заключается в необходимости подготовки педагогов с целью формирования их профессиональной компетентности адекватной целям и задачам адаптивного образовательного учреждения.

Адаптивное управление формированием профессионально педагогов должно осуществляться на разных уровнях управления, в соответствии с разграничением полномочий субъектов управления и различием адаптивных подсистем.

Предложены уровни адаптивного управления формирования профессионально компетентных педагогов (личностный уровень, уровень образовательного учреждения, городской или районный уровень, уровень региональный и федеральный) и их характеристика. Данные уровни демонстрируют интеграцию саморазвития педагога, внутришкольной и внешкольной системы повышения квалификации. На каждом уровне адаптивное повышение квалификации будет результативным при создании определенных организационно-педагогических условий.

Ключевые слова: адаптивная школа, адаптивное управление, внутришкольное повышение квалификации, формирование профессиональной компетентности учителя, компетентностный подход.

ADAPTIVE CONTROL OF THE FORMATION OF THE TEACHER'S PROFESSIONAL COMPETENCE WITH THE MEANS OF ADVANCED QUALIFICATION TRAINING

Zaruba Natalia Andreevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of State and Municipal Management, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: znak42@mail.ru

Lehtina Larisa Petrovna, Head of the Municipal Comprehensive Budget Institution “N.N. Kolokoltsov Secondary Comprehensive School № 30” (Kaltan, Russian Federation). E-mail: Lehtina_LP@bk.ru

In the context of the modernization of the national educational system, reflecting the transformation processes in the Russian society is the actual realization of adaptive management of the improvement of the professional teachers' skill.

The investigated problem is linked to the improvement of the teachers' qualification. The adaptive method for the professional development of teachers is able to take into account the individual characteristics of workers in education and to be oriented to meet their diverse professional needs, interests and capabilities in light of

ongoing permanent social changes. The contradiction between the requirements for the system of improvement of a professional skill, to its quality and the inability of the system to meet modern requirements update the necessity of the adaptive improvement of the professional teachers' skill.

The article offers materials that are the result of study and analysis of such important aspects of the development of an adaptive school as adaptive control of the formation of professional teachers' competence; it gives understanding the importance and nature of this process, its characteristics and essence

The authors examine the different approaches to the concept of "adaptive school," and "adaptive management" by the improvement of the teachers' qualification.

The adaptive management is able to change dynamically to the regularities of the self-directed development and is regarded as an adequate control of the environmental conditions in order to maintain the stability of the managed object.

The specificity of the adaptive school is the need of the special teachers training to form their professional competence adequate to the purposes and objectives of the adaptive educational institution.

The adaptive control of the professional educators' formation should be at different levels of government, according to the division of powers of management subjects and the difference of adaptive subsystems.

It proposes the levels of adaptive management of professionally competent teachers (personal level, level of the educational institution, city or district levels, regional and federal levels) and their characteristics. These levels demonstrate the integration of a teacher's self-development into an intra-and-extracurricular training system. At each level, the adaptive training will be effective in creating certain organizational and pedagogical conditions.

Keywords: adaptive school, adaptive control, intraschool professional development, the formation of teacher's professional competence, competence approach.

В поиске направлений совершенствования качества современного образования особое место занимает идея адаптивной школы, учитывающей возможности каждого ученика, ориентированной на удовлетворение разнообразных познавательных потребностей и интересов школьников в аспекте дальнейшего жизненного самоопределения и самореализации.

Основная образовательная цель адаптивной школы, по мнению многих исследователей, состоит в создании условий для самостоятельного выбора каждым учеником индивидуальной траектории развития, способа осуществления индивидуальных направлений самореализации и самосовершенствования в многофункциональном контексте человеческой культуры, а также сохранения и развития его здоровья [1–7].

Е. А. Ямбург, автор *Концепции адаптивной школы*, ориентированной на разноуровневое и многопрофильное обучение детей [7], полагает, что в такой школе должно найтись место каждому ребенку, вне зависимости от его индивидуальных психофизиологических особенностей, способностей и склонностей.

Концепция, в соответствии с которой *адаптивная школа* понимается как школа, ориентиро-

ванная на удовлетворение разнообразных потребностей и интересов учащихся, обеспечивающая условия для их жизненного самоопределения и сохранения здоровья, представлена в науке учеными: Т. М. Давыденко, Н. А. Заруба, Н. А. Рогачева, Т. И. Шамова и др.

М. М. Поташник, А. М. Моисеев, говоря об адаптивной школе, отмечают ее ярко выраженную гуманистическую направленность, реализующую аффективную (эмоционально-ценностную практику) образования в режиме личностно-ориентированной парадигмы.

Автор *Концепции адаптивного управления адаптивной школой* Н. А. Заруба отмечает, что адаптивная школа – это открытая самоуправляемая и самоорганизующаяся целостная система, обладающая способностью приспосабливаться к изменяющимся условиям среды. Развитие адаптивной школы идет как за счет использования внутренних возможностей, так и факторов внешней среды [2; 3; 4; 5]. Прогрессивность взглядов автора заключается, прежде всего, в том, что понятие «адаптивная школа» рассматривается в более широком значении, чем традиционно. Исследователем обосновывается целесообразность считать адаптивными школами образовательные учреж-

дения (далее – ОУ) любого типа и вида (лицей, гимназии, профильные школы, вузы и др.), так как гибко реагировать на социально-экономические изменения в обществе, на потребности и возможности обучающегося должно любое ОУ [4, с. 79].

Самым важным условием развития адаптивной школы, по мнению автора, является *адаптивное управление*, которое рассматривается как управление адекватное изменяющимся внешним условиям для поддержания стабильности управляемого объекта, в частности адаптивной школы, его упорядочения, противостояния хаосу, обеспечения функционирования и развития, создания условий для адаптивной деятельности всех субъектов, в нашем случае – педагогов. Адаптивное управление характеризуется способностью мягко, гибко, динамично адаптироваться к социально-экономическим изменениям во внешней среде и внутренней логике, к закономерностям самоуправляемого развития [4, с. 76].

К настоящему времени в педагогической науке сделаны следующие шаги по разработке управления адаптивными системами: *педагогические технологии адаптивной школы и адаптивная система образования* (Н. П. Капустин и др.); *адаптивная система обучения* (П. Я. Гальперин, А. А. Леонтьев, А. С. Границкая, Л. В. Батан и др.); *адаптивная система управления* (Н. А. Заруба, А. М. Моисеев, Т. И. Шамова, Т. И. Давыденко и др.); *технологии адаптивного управления* (Т. К. Зайцев, Н. К. Ковш, В. А. Милькоп и др.); *адаптивная школа как модель ОУ* (Н. А. Заруба, Н. П. Капустин, И. С. Якиманская, Е. А. Ямбург и др.) и др.

Накопленный потенциал позволяет и дальше изучать проблемы, связанные с *формированием профессиональной компетентности педагога, работающего в адаптивной школе*. Для того чтобы педагог мог удовлетворять разнообразные познавательные потребности и интересы школьников адаптивной школы в аспекте дальнейшего жизненного самоопределения и самореализации с учетом их индивидуальных особенностей и возможностей, необходимо ему быть в этом профессионально компетентным.

Проблему адаптации педагогов и ОУ исследовали Н. А. Заруба, В. А. Слостенин, Т. М. Давыденко, Т. И. Шамова и др., но работ, посвященных

адаптивному подходу управлением формирования профессиональной компетентности педагогов еще достаточно мало. Преодоление разрыва между традиционными концепциями формирования профессиональной компетентности педагогов для традиционных школ и реальным процессом формирования профессиональной компетентности педагогов в адаптивной школе, остается актуальной задачей управления.

Таким образом, существует *проблема* осмысления и разработки формирования профессиональной компетентности педагога на основе адаптивного подхода, отвечающего потребностям адаптивной школы и учитывающего конкретные условия функционирования ОУ как адаптивных систем.

В рамках этой проблемы определились *противоречия*:

- между потребностями развивающегося общества в профессионально компетентных педагогах, изменившимися условиями деятельности ОУ и системой управления формированием готовности педагогов к новым реалиям, обусловленным требованиями современных образовательных стандартов;

- между современными требованиями к педагогам, необходимым адаптивной школой, реальным уровнем их профессионально-педагогической компетентности и недооценкой роли и места управления в ее формировании;

- между насущной потребностью практики в формировании профессионально-компетентных педагогов адаптивной школы и отсутствием научно обоснованных механизмов, необходимых для управления этим процессом.

Данные противоречия подтверждают актуальность проблемы изучения роли и места управления в формировании профессионально компетентных педагогов адаптивной школы.

Специфика адаптивной школы, отмеченная выше в статье, требует специальной подготовки педагогов, формирования их профессиональной компетентности, адекватной целям и задачам адаптивного ОУ. Следовательно, это предполагает профессиональное управление процессом формирования профессионально компетентных специалистов для адаптивной школы. Опираясь на позицию о том, что «адаптивная школа тре-

бует адаптивного управления» (Н. А.Заруба), мы считаем, что в нашем случае, оно заключается в поэтапном, вариативном, гибком, деликатном воздействии на процесс формирования профессионально компетентных педагогов в условиях адаптивного ОУ, с учетом концепции развития ОУ и индивидуально-личностной ориентации всех ее участников. Важно, что каждый участник процесса управления формированием профессионально компетентных педагогов адаптивной школы является активным субъектом адаптивного управления, он совместно с другими участниками разрабатывает его пути, средства, способы, механизмы, с учетом собственных индивидуальных особенностей, потребностей и возможностей на основе индивидуальной профессиональной траектории.

Адаптивное управление формированием профессионально компетентных педагогов адаптивного ОУ (разного типа, вида, уровня), думается, должно осуществляться на разных уровнях управления, в соответствии с разграничением полномочий субъектов управления и различием развивающихся адаптивных подсистем.

1-й уровень управления – личностный (педагога, руководители ОУ). Это сфера адаптивного самоуправления формированием профессиональной компетентности личности. Во многом это сфера неупорядоченности (самоорганизации). Здесь происходит самоопределение личности. Цель адаптивного управления (самоуправления) на данном уровне – самореализация и саморазвитие личности в сфере профессиональной компетентности, адекватной адаптивной школе. Существенное значение для этого этапа имеет принятие миссии, цели и задач адаптивной школы всеми участниками процесса адаптивного самоуправления.

2-й уровень – ОУ. Объектом управления здесь, с точки зрения исследуемой проблемы, является формирование профессиональной компетентности педагога, адекватной потребностям адаптивного ОУ, в условиях адаптивного образовательного пространства учреждения как элемента территориального образовательного пространства. Внутришкольный уровень адаптивного управления формированием профессиональной компетентности педагога предполагает наличие адаптивной структуры, адаптивных технологий и адаптивных механизмов управления. Цель управ-

ления на этом этапе – создание условий для формирования профессиональной компетентности педагога, адекватной потребностям обучающихся адаптивной школы, ее целям и задачам.

3-й уровень управления – городской или районный. Объектом управления является территориальное образовательное пространство, состоящее из разнообразных типов и видов ОУ, разных форм и уровней обучения, представляющих собой различные адаптивные образовательные системы. По отношению к региону это сфера самоуправления. Внутри него существуют как сферы контактного, так и опосредованного управления. Возможно наличие сфер неупорядоченности. Цель адаптивного управления на этом уровне – создание единого адаптивного городского (районного и др.) развивающего образовательного пространства, которое является многомерным, гибким, мобильным, диверсифицированным, чтобы каждый обучающийся нашел свою образовательную среду, адекватную его индивидуальным особенностям, потребностям и возможностям. Важно, чтобы его кадровое обеспечение соответствовало бы специфике адаптивной образовательной системы.

4-й уровень адаптивного управления – региональный. Уровень, на котором доминируют опосредованные способы управления. Цель адаптивного управления на этом уровне – создание единого адаптивного регионального развивающего образовательного пространства и проведение региональной управленческой политики, направленной на формирование профессионально компетентных педагогов, востребованных адаптивными ОУ разного типа и вида.

5-й уровень – федеральный. Он замыкает единую управленческую «вертикаль», обеспечивает «конвертируемость» образования через федеральные стандарты и задает единое государственное правовое пространство, в котором управление формированием профессиональной компетентности специалиста, в нашем случае педагога адаптивной школы, задается федеральным государственным образовательным стандартом, создающим условия для адаптивного управления на всех остальных уровнях управления.

Таким образом, представляется важным изучение роли и места адаптивного управления формированием профессиональной компетентности педагога в современных социально-

экономических условиях развития российского общества в связи с актуальностью развития адаптивных систем во всех сферах жизни общества,

что обусловлено трансформационными процессами, происходящими в нем на этапе его активного реформирования и модернизации.

Литература

1. Антропова Л. В. Подготовка учителя к работе в адаптивной школе // Педагогика. – 2004. – № 1. – С. 68–74.
2. Заруба Н. А. Теория и практика управления адаптивной школой: моногр. – Кемерово, 2001. – 291 с.
3. Заруба Н. А. Управление формированием компетентности педагога в сфере образовательных инноваций как отражение тенденций развития российского общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 159–165.
4. Заруба Н. А. Адаптивный подход управления образованием: принципы управления // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 75–80.
5. Казин Э. Н., Заруба Н. А. Методологические и организационные основы проблемы формирования здоровья в системе образования промышленного региона // Валеология. – 1996. – № 1. – С. 25.
6. Капустин Н. П. Педагогические технологии адаптивной школы: учеб. пособие для вузов. – М., 2001. – 215 с.
7. Ямбург Е. А. Школа для всех. – М., 1997. – 346 с.

References

1. Antropova L.V. Podgotovka uchitel'ia k rabote v adaptivnoi shkole [Teachers preparing to work in adaptive school]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2004, no 1, pp. 68–74. (In Russ.).
2. Zaruba N.A. Teoriia i praktika upravleniia adaptivnoi shkoloj [Theory and practice of adaptive school management]. Kemerovo, 2001. 291 p. (In Russ.).
3. Zaruba N.A. Upravlenie formirovaniem kompetentnosti pedagoga v sfere obrazovatel'nykh innovatsii kak otrazhenie tendentsii razvitiia rossiiskogo obshchestva [Management of teacher competence formation in the field of educational innovation as a reflection of trends in the development of Russian society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no 18, pp. 159–165. (In Russ.).
4. Zaruba N.A. Adaptivnyi podkhod upravleniia obrazovaniem: printsipy upravleniia [Adaptive approach to education management: principles of management]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Vocational education in Russia and abroad]*, 2012, no 2, pp. 75–80. (In Russ.).
5. Kazin E.N., Zaruba N.A. Metodologicheskie i organizatsionnye osnovy problem formirovaniia zdorov'ia v sisteme obrazovaniia promyshlennogo regiona [Methodological and organizational bases of formation of health problems in the education system of the industrial region]. *Valeologiya [Valueology]*, 1996, no 1. p. 25. (In Russ.).
6. Kapustin N.P. Pedagogicheskie tekhnologii adaptivnoi shkoly: uchebnoe posobie dlia vuzov [Pedagogical techniques of adaptive school: a textbook for high schools]. Moscow, 2001. 215 p. (In Russ.).
7. Iamburg E.A. Shkola dlia vseh [School for everybody]. Moscow, 1997. 346 p. (In Russ.).

УДК 378.147

ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТА

Любушкина Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания романо-германских языков, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: blikate@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме совершенствования профессиональной подготовки будущего специалиста и повышения эффективности учебного процесса в целом. В статье рассматривается понятие «индивидуальный стиль учебной деятельности студента вуза», выявляются его структурные компоненты и раскрываются особенности формирования индивидуального стиля учебной деятельности студентов при обучении иностранному языку с использованием компьютерных технологий. Задача

выявления возможностей компьютерных технологий в формировании эффективного индивидуального стиля учебной деятельности студентов решается автором в ходе теоретического анализа научной литературы. На основании полученных теоретических данных и разработанных автором дидактических принципов построения электронного учебно-методического комплекса по дисциплине «Иностранный язык» проводится экспериментальное подтверждение эффективности выявленных возможностей компьютерных технологий в формировании индивидуального стиля учебной деятельности студентов. Указывается важность управления процессом формирования индивидуального стиля учебной деятельности студентов со стороны педагога, а также необходимость создания особой образовательной среды, что является одним из условий эффективного формирования индивидуального стиля учебной деятельности студентов средствами компьютерных технологий.

Ключевые слова: индивидуальный стиль учебной деятельности студента, компьютерные технологии в обучении.

POSSIBILITIES OF COMPUTER TECHNOLOGY IN THE FORMATION OF INDIVIDUAL STYLE OF STUDENT'S LEARNING ACTIVITY

Lyubushkina Ekaterina Sergeevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Novokuznetsk (Institute) Branch of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: blikate@mail.ru

In accordance with modern requirements for the quality of teaching at the university, within the given humanitarian educational paradigm, in the center of the training system, there is the human being with all the variety of his relations with the outside world. Therefore, the establishment of appropriate educational environment, which would take into account individual peculiarities and possibility of self-learning, is considered one of the most important conditions for the success of learning. Formation of such a learning environment promotes more fully demonstrate and develop the individual qualities of personality, creativity, capacity for independent achievement of educational and professional goals, which manifests itself in the need for active learning and self-improvement. To do this, it becomes necessary to study the relationship between the objective requirements for high school students learning activity and individual personality traits.

The necessity to form an individual style learning activity of students in high school due to the need for implementation of the idea of humanization of the education system, which involves consideration of individual cognitive and creative abilities and professional needs, personality characteristics and interests of the student. Thus the student becomes an active participant in the learning process that takes into account the principle of partnership and conscious interaction with the teacher, which will lead to the development of autonomy, creativity and personal responsibility for the outcome of learning, gradually transformed into the individual style of professional activity.

To solve the problem of successful formation of individual style of students' learning activity in high school there was a need to identify its components. In the study, we identified the following components of formation of individual style learning activities of students in high school: personal-psychological, cognitive, motivational, action-productive, reflective-assessment.

Guided by the above, we have developed the principles of e-learning tools in foreign languages on the example of multimedia electronic textbook (MET) "German: Ecology and environmental issues", and the main methodological techniques for working with them.

Based on the results of the study, we can conclude that the use of computer technology in education leads to successful formation of an individual style of teaching and students' cognitive activity that results in high academic achievement. It is necessary to pay more attention to organizational and methodological work to improve teacher learning management.

Keywords: formation of individual style of student's learning activity, computer technology in education.

Согласно современным требованиям к качеству обучения в вузе, исходя из гуманитарной образовательной парадигмы, центром системы обучения является целостный человек, с учетом всего многообразия его связей и отношений с окружающим миром [2]. Поэтому создание соответствующей образовательной среды, в которой учитываются особенности мировосприятия и саморазвития обучающегося, является одним из важнейших условий успешности обучения. Формирование такой образовательной среды способствует наиболее полному проявлению и развитию индивидуальных качеств личности, творческих способностей, способности к самостоятельному решению учебных и профессиональных задач, возникает потребность в активном обучении и самосовершенствовании. Для этого необходимо всесторонне изучить соотношение объективных требований, предъявляемых к учебной деятельности студентов вуза, и индивидуальных особенностей личности.

Понимание данного соотношения в отечественной психологии раскрывается исходя из сущности **деятельностного подхода** (Л. С. Выготский, С. П. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина и др.) и приводит к понятию «индивидуальный стиль деятельности» (далее – ИСД). По мнению В. С. Мерлина, ИСД следует трактовать как «целесообразную систему взаимосвязанных действий, при помощи которой достигается определенный результат» [7, с. 166–167]. Исследование Е. И. Сибиряковой подтверждает, что индивидуальный стиль, с одной стороны, органически связан с понятием «деятельность», являясь его характеристикой, а, с другой стороны, он возникает и формируется непосредственно в самом процессе деятельности [8].

Анализируя научные работы по вопросу исследования структуры ИСД, можно констатировать отсутствие единого мнения по разработке данной проблемы. Одни исследователи (Е. А. Климов, В. С. Мерлин и др.) стремятся выделить нечто общее в структуре ИСД, описав наиболее существенные компоненты и связи, другие (М. Р. Щукин, В. А. Толочек и др.), стремясь подчеркнуть вариативность структуры ИСД, нарушают тем самым общее системное представление о ней.

В своем исследовании ИСД мы опираемся на разработанную В. С. Мерлиным теорию интегральной индивидуальности, основной идеей которой является целостная и системная характеристика индивидуальности человека. Интегральная индивидуальность, по В. С. Мерлину, представляет собой систему, которая складывается из иерархической совокупности не входящих друг в друга, относительно автономно сосуществующих разноразмерных подсистем, многозначно связанных между собой [7].

Анализ психолого-педагогической литературы (Ю. К. Бабанский, Л. С. Выготский, Б. И. Коротяев, И. В. Первин, П. И. Пидкасистый, М. Н. Скاتкин, А. П. Усова, И. Ф. Харламов, Т. И. Шамова, Г. И. Щукина и др.) показал, что существующие определения понятий «учение», «познавательная деятельность», «учебная деятельность», «учебно-познавательная деятельность» имеют определенную общность, то есть рассматриваются различными авторами с позиции взаимосвязи учебной и познавательной деятельности.

В. А. Сластенин рассматривает учебно-познавательную деятельность как «специально организуемое самим обучаемым или извне познание с целью овладения богатствами культуры, накопленной человечеством. Ее предметным результатом являются научные знания, умения, навыки, формы поведения и виды деятельности, которыми овладевает обучаемый» [9].

Похожее определение приводит В. А. Беликов, считая, что учебно-познавательная деятельность – «это элемент целостного процесса обучения, представляющий собой целенаправленное, систематически организованное, управляемое извне или самостоятельное взаимодействие учащегося с окружающей действительностью, результатом которого является овладение им на уровне воспроизведения или творчества системой научных знаний и способами деятельности» [1].

Такой подход позволяет нам рассматривать содержание понятий «учебная деятельность» и «познавательная деятельность» в их диалектическом единстве учебного и познавательного аспектов, где учебная деятельность выступает в качестве инструмента осуществления познания.

Необходимость формирования индивидуального стиля учебной деятельности студентов в вузе

обусловлена потребностью в реализации идеи гуманитаризации системы образования, что предполагает учет индивидуальных познавательных и творческих способностей, профессиональных потребностей, личностных особенностей и интересов обучаемого. При этом студент становится активным участником процесса обучения, учитывающим принцип сознательного партнерства и взаимодействия с преподавателем, что приводит к развитию самостоятельности, творческой активности и личной ответственности за результат обучения, постепенно трансформируясь в индивидуальный стиль профессиональной деятельности.

Трудно не согласиться с мнением В. Э. Чудновского, который считает, что формированием ИСД необходимо управлять, так как «стихийно оформившийся ИСД не только не помогает, но и играет отрицательную роль, закрепляя негативные стороны личности, препятствуя развитию способностей» [10, с. 67]

В работах Л. Н. Макаровой подчеркивается, что наличие индивидуального стиля «может приводить как к успешным результатам в деятельности, так и к недостаткам, как в результатах деятельности, так и в способах ее выполнения» [6, с. 33].

Проведенный анализ научной литературы показал, что проблема формирования индивидуального стиля учебной деятельности учащихся исследовалась многими учеными, ведущими научные исследования в сфере совершенствования профессиональной подготовки будущего специалиста. Формирование индивидуального стиля учебной деятельности (далее – ИСУД) учащихся изучалось в зависимости влияния разных факторов: силы нервной системы (А. К. Байметов), темперамента (М. В. Деляу, Н. С. Копейна, С. А. Васильева), психофизиологических и личностных факторов (О. Ф. Алексеева), мотивации учебной деятельности (А. Ф. Белов), организованности (Т. А. Егорова), эмоциональных факторов (Л. Г. Сивак) и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что высшая школа не исчерпала своих возможностей в сфере организации индивидуально-ориентированной активной учебной среды, которая способствует формированию самодостаточной личности будущего специалиста. Опираясь на исследования С. Ю. Ждановой, которая в своем исследовании

выявила, что одной из причин неуспеваемости студентов на начальных курсах можно назвать недостаточно развитую систему приемов и способов учебной работы, то есть несоответствие сложившегося стиля учебной деятельности новым условиям обучения [3].

Для решения задачи успешного формирования ИСУД студентов в вузе было необходимо выявить его составляющие. В ходе исследования нами определены следующие компоненты формирования ИСУД студентов в вузе: личностно-психологический, когнитивный, мотивационный, деятельностно-продуктивный, рефлексивно-оценочный.

Личностно-психологический компонент определяет направленность личности (представление индивида о самом себе), свойства психики (темперамент, тип мышления, тип саморегуляции).

Когнитивный компонент представлен информационной составляющей деятельности: представление об организации учебных занятий, о самостоятельной учебной работе, наличие знаний о структуре и содержании учебного процесса.

Деятельностный компонент характеризуется операционными показателями: владение коммуникативными навыками, умение осуществлять учебно-исследовательскую деятельность, владение умениями самостоятельной учебной деятельности.

Мотивационный компонент составляют ценностные ориентации (мотивация учебной, профессиональной деятельности).

Продуктивный компонент характеризуется уровнем развития познавательных процессов (репродуктивный, репродуктивно-творческий, творческий).

Рефлексивно-оценочный компонент включает самооценку деятельности (потребность в саморазвитии, саморегуляции, самовыражении, самораскрытии).

Из анализа литературы по вопросу формирования ИСУД (Е. В. Оспенникова, М. Р. Битянова, Л. Г. Борисова, В. Э. Тамарин, Д. В. Сочивко, Г. И. Щукина и др.) следует, что, несмотря на разнообразие существующих форм, средств и методов, среди них почти не упоминаются компьютерные технологии, являющиеся значимым компонентом информационного общества.

Результаты проведенных психолого-педагогических исследований многих ученых (М. А. Акопова, Я. А. Ваграменко, Т. А. Ильина, Т. А. Куликова, Е. И. Машбиц, Е. С. Полат, И. В. Роберт и др.) убедительно доказывают, что методики обучения на основе компьютерных технологий обладают необходимым потенциалом, так как обеспечивают требуемый уровень индивидуализации обучения, адаптации к способностям и учет интересов обучаемых, развитие самостоятельной и творческой активности, использование новых источников учебной информации, компьютерного моделирования изучаемых процессов, объектов и т. д.

Значимым для нашего исследования является ряд преимуществ организации учебного процесса с использованием компьютерных сред и средств обучения, выявленный В. А. Красильниковой при исследовании возможностей компьютерных средств обучения:

- организация активной познавательной деятельности обучающихся;
- оптимизация учебного процесса;
- увеличение объема информации, изучаемой на занятии;
- стимулирование творческих способностей обучающихся;
- возможность реализации индивидуально-го обучения [4].

Особо важным для нас представляется сделанный ею вывод о том, что «использование рационально составленных компьютерных обучающих программ, учитывающих не только специфику содержательной информации, но и психолого-педагогические закономерности усвоения этой информации обучающимися, позволяет индивидуализировать и дифференцировать процесс обучения, стимулировать познавательную активность и самостоятельность» [4, с. 18]. В целом анализ научных исследований показывает, что, несмотря на возросшую активность применения различных информационных технологий обучения, дефицит качественных мультимедийных учебных комплексов, алгоритмов их разработки и применения, методических рекомендаций по их эффективному применению не позволяет реализовать имеющийся потенциал компьютерных технологий в учебно-воспитательном процессе вуза.

Руководствуясь вышеизложенным, мы разработали принципы построения электронного учебного пособия по иностранным языкам на примере мультимедийного электронного учебного пособия (далее – МЭУП) «Немецкий язык: Экология и проблемы охраны окружающей среды», а также основные методические приемы работы с ним. Мультимедийным электронным учебным пособием мы называем учебное пособие, созданное на основе мультимедиа- и/или информационной технологии (в частности, курс на CD или сетевой курс) [5].

Одним из важных дидактических принципов построения МЭУП является наличие непрерывной сюжетной линии, объединяющей отдельные темы и модули учебника, что соответствует требованиям ФГОС ВПО к содержанию дисциплины «Иностранный язык», включающей четыре сферы речевой деятельности: бытовая, учебно-познавательная, социокультурная, профессиональная.

Каждый тематический модуль содержит разнообразный дидактический материал: базисный диалог, задания для контроля его понимания и задания для развития навыков диалогической речи; фонетические, лексические упражнения; грамматические структуры, языковые упражнения для их первичного закрепления, коммуникативные упражнения; специальные языковые феномены (числа, время); разнообразные аутентичные тексты; многочисленные иллюстрации (картинки, фото, схемы, таблицы, графики, карикатуры и пр.); мультимедийные материалы: аудио- и видеолекции, видеоролики, анимации.

Значительный объем разнообразного дидактического материала предоставляет участникам учебного процесса широкие возможности:

- преподавателю – планировать аудиторские занятия в соответствии с актуальными целями и задачами учебного процесса и осуществлять персонализированный подход: помогать студентам в постановке учебных целей, в выборе оптимальных методов учебы, способствовать развитию самооценки знаний и умений с помощью электронных средств: электронного тренажера-тестера, электронного журнала учета текущей и итоговой успеваемости по балльно-рейтинговой системе.
- студенту – организовать самостоятельную внеаудиторную работу, прокладывая индивидуаль-

ные нелинейные учебные маршруты, выбирать подходящие именно для него методы и способы обучения, принимая на себя ответственность за результаты учебного труда.

При анализе результатов использования данного МЭУП на 1-м и 2-м курсах НФИ КемГУ факультета информационных технологий, было выявлено, что:

- 80 % студентов показали по итогам обучения высокий уровень практического владения немецким языком (сдан экзамен на «хорошо» и «отлично»);

- 50 % студентов выразили желание продолжать изучение немецкого языка во внеурочное время;

- 85 % студентов отметили высокую личную ответственность при обучении с помощью

электронного учебного пособия, что оказало значительное влияние на процесс обучения.

Нельзя не отметить тот факт, что 20 % респондентов подчеркнули свою неудовлетворенность обучением в электронной среде, связывая это с недостатком внимания со стороны преподавателя, чрезвычайно большим объемом информации, общей сложностью обучения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование компьютерных технологий в обучении приводит к успешному формированию индивидуального стиля учебно-познавательной деятельности студентов, что выражается в высокой академической успеваемости. При этом необходимо уделить большое внимание организационно-методической работе преподавателя для улучшения управления процессом обучения.

Литература

1. Беликов В. А. Дидактические основы организации учебно-познавательной деятельности школьников. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ «Факел», 1994. – 157 с.
2. Борытко Н. М. Педагогические технологии: учебник для студентов пед. вузов. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 59 с.
3. Жданова С. Ю. Стиль учебной деятельности и его развитие (на материале исследования студентов-филологов и математиков): дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 1997. – 213 с.
4. Красильникова В. А. Теория и технологии компьютерного обучения и тестирования: моногр. – М.: Дом педагогики, ИПК ГОУ ОГУ, 2009. – 339 с.
5. Любушкина Е. С., Пашко Т. Л. Принципы построения и методика работы с электронным учебно-методическим комплексом по иностранным языкам [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.science-education.ru/101-5364> (дата обращения: 26.01.2012).
6. Макарова Л. Н. Преподаватель высшей школы: индивидуальность, стиль, деятельность: в 2 ч. – М.; Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – Ч. 1. – 243 с.
7. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 254 с.
8. Сибирякова Е. И. Индивидуальный стиль усвоения математических знаний: дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 1996. – 170 с.
9. Сластенин В. А. Педагогика: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 576 с.
10. Чудновский В. Э. Воспитание способностей и формирование личности. – М.: Знание, 1986. – 80 с.

References

1. Belikov V.A. Didakticheskie osnovy organizatsii uchebno-poznavatelnoi deiatel'nosti shkol'nikov [Didactic bases of schoolchildren's learning activity organisation]. Cheliabinsk, Fakel Publ., 1994. 157 p. (In Russ.).
2. Borytko N.M. Pedagogicheskie tekhnologii: uchebnik dlia studentov pedagogicheskikh vuzov [Methods of teaching: textbook for high school students]. Volgograd, VGIPK RO Publ., 2006. 59 p. (In Russ.).
3. Zhdanova S.Iu. Stil' uchebnoi deiatel'nosti i ego razvitie (na materiale issledovaniia studentov-filologov i matematikov). Diss. kand. psikhol. nauk [Style of learning activity and its development. Diss. kand. psikhol. sci.]. Perm, 1997. 213 p. (In Russ.).

4. Krasil'nikova V.A. *Teoriia i tekhnologii komp'yuternogo obucheniia i testirovaniia: monografiia* [Theory and technology of teaching and testing]. Moscow, Dom pedagogiki Publ., IPK GOU OGU Publ., 2009. 339 p. (In Russ.).
5. Liubushkina E.S., Pashko T.L. Printsipy postroeniia i metodika raboty s elektronnyim uchebno-metodicheskim kompleksom po inostrannym iazykam [Principles and methods of using an e-book of foreign languages teaching]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern problems of science and education: e-journal], 2012, no 1. Available at: <http://www.science-education.ru/101-5364>. (In Russ.).
6. Makarova L.N. Prepodavatel' vysshei shkoly: individual'nost', stil', deiatel'nost' [High-school teacher: individuality, style, activity]. Part 1. Tambov, Tambov University Publ., 2000. 243 p. (In Russ.).
7. Merlin V.S. Ocherk integral'nogo issledovaniia individual'nosti [Notes on general study of individuality]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 254 p. (In Russ.).
8. Sibiriakova E.I. Individual'nyi stil' usvoeniia matematicheskikh znanii. Diss. kand. psikholog. nauk [Individual style of studying mathematics. Diss. cand. psikholog. sci.]. Perm, 1996. 170 p. (In Russ.).
9. Slastenin V.A. Pedagogika: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii [Methods of teaching: textbook for high-school students]. Moscow, Akademiia Publ., 2002. 576 p. (In Russ.).
10. Chudnovskii V.E. Vospitanie sposobnosti i formirovanie lichnosti [Development of abilities and an individuality forming]. Moscow, Znanie Publ., 1986. 80 p. (In Russ.).

УДК 025.5:81'374

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СЕТЕВОГО ДОСТУПА, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ВИРТУАЛЬНЫХ СПРАВОЧНЫХ СЛУЖБАХ БИБЛИОТЕК

Гончарова Виктория Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: souris13@yandex.ru

Выделены основные типы отечественных лексикографических ресурсов удаленного доступа, используемых при выполнении запросов социально-гуманитарной направленности на основе анализа архивов выполненных справок. Дается оценка их типового разнообразия. Определяется частотность применения отдельных видов лексикографических ресурсов.

Ключевые слова: лексикографические ресурсы, справочно-библиографическое обслуживание, архив выполненных справок, виртуальная справка, лексикография.

THE MAIN TYPES OF RUSSIAN INTERNET LEXICIGRAPHY RESOURCES USED AT THE VIRTUAL REFERENCE SERVICES IN LIBRARIES

Goncharova Victoria Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Department of the English Language and Translation, St. Petersburg State Economic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: souris13@yandex.ru

There is a change of a definition, well-known as a term "lexicography resource," at the current stage of lexicography, informatics and socio-humanitarian sciences development. In the present article this term is considered from the standpoint of library and information sciences.

The subject of this study is the main Russian Internet lexicography resources designed for the end user and used to meet socio-humanitarian internet requests at the virtual reference services in libraries. The aim of the study is a brief description of internet socio-humanitarian lexicography resources not enough used or not totally used at the virtual reference and bibliographic service of remote users.

The main types of Russian lexicography resources used to meet socio-humanitarian internet requests are chosen on the basis of the archives of made references analysis. This article gives an appraisal of their typical diversity. Frequency of particular types of lexicography resources is determined.

Such study is undertaken for the first time. The collected data about the usage of internet lexicography resources by bibliographers enable libraries to compensate the deficiency of expensive up-to-date lexicography resources and also to accelerate making references.

Keywords: lexicography resources, reference and information service, archives of made references, virtual reference, lexicography.

На основе анализа архивов выполненных справок виртуальными службами библиотек выделены основные типы отечественных лексикографических ресурсов, используемых при выполнении запросов социально-гуманитарной направленности. Дается оценка их типового разнообразия. Определяется частотность применения отдельных видов лексикографических ресурсов.

Подобное исследование предпринято впервые. Собранные сведения об использовании библиографами лексикографических ресурсов сетевого доступа позволяют библиотекам восполнять дефицит дорогостоящих новейших источников лексикографического типа, а также ускорить процесс выполнения запросов.

Термин «лексикографический ресурс» (далее – ЛР) уже давно используется не только среди специалистов в области лингвистики, но и сфере библиотечно-информационных наук. Традиционно под ним понимается набор разнообразных словарных произведений. К расширению трактовки данного термина и количественно-видовому увеличению ЛР привели современные процессы, происходящие в лингвистике в целом и непосредственно в лексикографии/терминографии – использование информационных технологий, перманентное дробление науки о словарях, а также их широкое использование в науках социально-гуманитарного блока, которые имеют разноуровневое лексикографическое обеспечение.

В рамках статьи проблематично анализировать весь комплекс современных ЛР сетевого доступа, поэтому введены ограничения в круг рассматриваемых ЛР. Предмет данного исследования – основные отечественные ЛР сетевого доступа, предназначенные для конечного пользователя и использованные при выполнении запросов социально-гуманитарной направленности в виртуальных справочных службах библиотек.

Цель исследования – краткая характеристика тех ЛР сетевого доступа, которые незаслуженно редко используются библиографами в виртуальном справочно-библиографическом обслуживании удаленных пользователей.

Базой исследования послужили данные архивов выполненных справок библиотек, вошедших в каталог библиотечных сайтов (2514 наименований), размещенный на «Library.ru». Выявлено, что 207 библиотек разного подчинения предоставляют виртуальное справочно-библиографическое обслуживание, но лишь половина из них поддерживают в актуальном состоянии архивы выполненных справок (95 архивов).

Архивы корпоративных виртуальных справочных служб и международные проекты – «Корпоративная виртуальная справочная служба универсальных научных библиотек» (КОРУНБ) и «Виртуальная справочная служба публичных библиотек – 1-я Виртуальная справка» библиометрически не анализировались.

Количество библиотек, имеющих архив выполненных справок, а также перечень архивов, содержащих справки с использованием различных типов ЛР сетевого доступа, были установлены при просмотре размещенных архивов *de visu*.

После тщательного изучения архивов были отобраны лишь 39 библиотек, использующих в виртуальном справочно-библиографическом обслуживании ЛР, что составляет 41 % от общего числа архивов выполненных справок. Лишь четверть из этих библиотек используют отечественные ЛР сетевого доступа при выполнении запросов социально-гуманитарной направленности.

На основе количественного ранжирования полученных данных выявлено, что первое место по количеству выполненных справок занимает Российская национальная библиотека, которая активно применяет в виртуальном справочно-библиографическом обслуживании ЛР – 330 вы-

полненных справок на момент исследования. Это несопоставимо по объему с архивами других библиотек, например, на втором месте находится Архангельская областная научная библиотека – 30 справок, затем Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека – 15 справок и т. д. В совокупности был получен массив для исследования, состоящий из 420 выполненных справок.

В рабочую картотеку не вводились адресные справки, которые составляют около 15 % от общего количества выполненных справок, а также и ресурсные справки рекомендательного характера – 5 %. Формулировку общего адресного запроса можно представить в виде вопроса: Где найти / скачать определенный словарь? Запрос рекомендательного характера обычно содержит следующие формулировки – «лучший экономический словарь», «компетентный интернет-словарь по философии» и т. д. Специфика лексикографических ресурсов сетевого доступа привела к полному отсутствию уточняющих справок о ресурсах.

Выявлено, что именно словарные произведения сетевого доступа, так же как и традиционные, играют главенствующую роль в виртуальном справочно-библиографическом обслуживании (70 % справок). Однако их использование в проанализированных выполненных справках социально-гуманитарной направленности составляет лишь 10 % от общего количества указанных в справках ЛР. Причем общелингвистические словари употребляются намного чаще, чем отраслевые терминологические. Данный тип ЛР был использован в многочисленных виртуальных справках следующей направленности:

- общая лингвистическая информация о слове (толкование, синонимия, антонимия, этимология и т. д.) – 10 справок;
- толкование слова – 13;
- этимология имени и фамилии – 8;
- толкование / этимология топонима – 7 справок.

Словарные произведения были сгруппированы следующим образом:

- имеющие печатный аналог – «Большой энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона [3];

- отличающиеся от печатного аналога – «Энциклопедия заблуждений – Словарь Скептика» [22], в основу которого была положена одноименная книга американского профессора Р. Т. Кэрролла в русском переводе с постоянным сетевым ее пополнением;

- не имеющие печатного аналога – «Визуальный словарь», созданный Санкт-Петербургским институтом информатики и автоматизации РАН и размещенный в свободном доступе на его сайте.

Лексикографические сайты многочисленны и разнообразны. Они отличаются разнообразием пользователю разных поисковых возможностей, количеством и тематикой включенных ЛР. Среди наиболее часто используемых лексикографических сайтов следует назвать «Глоссарий.ру», Словари и энциклопедии на «Академике», «Мир энциклопедий», «Мир словарей» и др.

Главная цель службы тематических толковых словарей «Глоссарий.ру» – построение единого общедоступного терминологического пространства. Во-первых, осуществляется автоматический поиск термина по словарям. Во-вторых, приводится обширная лексикографическая библиография с полным библиографическим описанием источника, разбитая по темам: культура – 97 изданий, экономика – 98, лингвистика – 19 и т. д. В-третьих, указываются пути поиска или адрес источника в сети.

Сайт «Словари и энциклопедии на Академике» осуществляет поиск необходимого слова по широкому кругу словарей и дает возможность самостоятельного поиска в выбранном словаре. «Мир энциклопедий» и «Мир словарей» представляют собой обширную коллекцию словарей. По характеру предоставляемой информации к ним следует отнести сервисы информационно-поисковых систем, например – «Словари на Яндекс», «Словари на Mail.ru» и др. Обычно информация из них в выполненной справке представлена в виде цитации словарной статьи или просто ссылки на них.

Справочно-информационные порталы и сайты по русскому языку хорошо известны, например «Грамота.ру», «Культура письменной речи», «Словари.ру» и др. Сами по себе они представляют многокомпонентный ЛР, пользователю дают возможность творческого поиска нужной ему информации. Полезны также размещенные на

них иные словарные произведения, отдельные статьи лексикографической направленности, моделируемый специалистами лингвистический форум, служба русского языка и архив выполненных справок.

Разделы лексикографической тематики электронных библиотек довольно редко встречаются в выполненных справках. Примерами могут служить раздел «Словари. Энциклопедии» «Фундаментальной электронной библиотеки» [20], раздел «Словари» «Библиотеки Максима Мошкова» [2] и др.

Приведенные ЛР важны при выполнении не только простых фактографических запросов, но и сложных запросов аналитического типа, количество которых увеличилось в последнее время. Выполнение сложных запросов предполагает, например, сравнительный анализ лексикографических данных. Получили широкое распространение запросы, связанные с терминологическим анализом ключевого понятия выпускной квалификационной работы, который предполагает использование большого количества ЛР.

В справочно-библиографическом фонде общедоступных библиотек с большими пробелами комплектуются, как правило, отраслевые ЛР в печатном виде. Хорошо восполняются эти пробелы использованием ЛР сетевого доступа. Следует отметить, что в каждой отрасли знания ЛР могут быть представлены в виде ранжированного по частоте использования перечня конкретных ЛР. Например, по результатам проведенного исследования в области лингвистики этот перечень в выполненных справках фиксируется следующим образом:

- «Толковый словарь живаго великорусского языка» В. И. Даля – был использован при выполнении 5 справок [5],

- «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера - 4 выполненные справки [19],

- «Грамота.ру» – 5 справок,

- «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой – 3 справки [6],

- «Словари и энциклопедии на Академике» – 3 справки,

- «Глоссарий.ру» – 2 справки.

В ходе исследования были выделены группы ЛР сетевой доступности с единичной продуктив-

ностью для анализируемого массива выполненных справок. Ниже представлены характеристики тех ЛР, использование которых существенно расширяет возможности традиционного справочно-библиографического фонда и ускорит выполнение запросов в библиотеках.

Лингвистические сайты общего и частного (узкотематического или целевого) характера имеют разную структуру и наполнение. Даже однородные тематические сайты предлагают совершенно разные информационные ресурсы и подчас не всегда для бесплатного пользования. В качестве примера рассмотрим ряд ономастических сайтов (5 наименований). Наиболее полным из них следует считать авторский сайт С. А. Попова «Ономастика России» [11]. Здесь представлена библиографическая информация о современных ученых-ономастах, библиография по ономастике, в которой выделен раздел «Современные словари русских личных имен», приводятся перечни и тексты рецензий на них, диссертации по ономастике, полнотекстовые статьи, сервис Гостевая книга (вопрос – ответ). Особенно важен список ссылок на ономастические сайты с подробной аннотацией.

Сайт «Ономастика – это наша профессия» [12] преследует другие цели – продвижение исследований в области ономастики и популяризации ономастических знаний. Пользователю предлагается в свободном режиме информационная система «Топонимия России», представляющая собой единую топонимическую базу данных отечественных топонимистов с различными видами поиска: по фамилии, топониму, алфавиту и т. д. Наряду с ней присутствует, например, банк имен кошек аборигенных пород России «Как назвать котенка?». Сайт «Toris» [27] – это компьютерный банк топонимии Европейского Севера России.

Некоторые лингвистические сайты предлагают научную коллекцию ресурсов одного типа, например, сайт «Вавилонская башня» [4] состоит из 25 этимологических баз данных, открытых для пользователя. Отдельно выделены базы данных – типологическая и библиографическая. Созданный Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН сайт «Этимология и история слов русского языка» [24] позволяет осуществлять автоматический поиск по разным ресурсам: словарям и книгам, в частности по

ежегоднику «Этимология» (1963–2005). Однако встречаются сайты, где представленный перечень ЛР фрагментарен, устарел и, в целом, неинформативен или из-за своей специфики и по техническим параметрам не может быть использован в справочно-библиографическом обслуживании.

ЛР лингводидактической направленности вызывают большой интерес у пользователей, особенно по редким языкам. Ввиду небольшого количества ЛР такого типа в печатном виде и их труднодоступности, библиографам их следует более активно использовать. Например, на сайте «Китаист.инфо» [7] собраны словари, глоссарии, конвертеры, он-лайн генераторы и др.

ЛР научно-популярной направленности являются важными компонентами при формировании лексикографической культуры пользователей, но они редко используются при выполнении запросов, поскольку не обеспечивают полной и достоверной информации по запросу. Пример – «Летописи.ру» – народная энциклопедия, содержит классификаторы [10].

Спектр библиографических ресурсов лексикографической тематики в сети весьма разнообразен: библиографические пособия лингвистической тематики, списки использованных ЛР в авторефератах диссертаций, пристатейные библиографические списки, виртуальные выполненные справки лексикографической ориентации и т. д. Они могут быть использованы для просмотра дополнительных источников по теме запроса.

Архивы выполненных справок лексикографической направленности сами по себе являются особым видом ЛР. Подобный вид справок выполняется не только в библиотеках, но и в службах русского языка. Например, архив справок «Грамоты.ру» насчитывает более 281 700 записей.

Персональные сайты лексикографов содержат работы конкретного специалиста, тематические подборки материалов. Например, «Словарно-энциклопедический сайт» А. Плущер-Сарно [15] – научный сайт, содержащий много полезной информации о русской обшечной лексике, включая ее 12-томный словарь, библиографии словарей интердиалектной лексики, материалы по истории русских словарей, словарей воровского жаргона XX века и т. д.

Персональные сайты широкой социально-гуманитарной направленности содержат полно-

текстовые версии традиционных словарей, сетевых словарей, ссылки на ЛР определенной направленности, соответствующей тематике сайта. Например, «EVARTIST» [26] – авторский сайт Е. Алеевой, посвященный рекламе, журналистике. На нем размещены в полном объеме «Терминологический словарь телевидения: основные понятия и комментарии» В. Егорова и «Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности» А. В. Федорова, которые можно свободно использовать и скачивать.

Лингвистические форумы представляют разнообразную информацию, имеют тематические подразделы. В основном содержат информацию, предоставленную обычными пользователями и поэтому требующую детальной проверки со стороны библиографа. Использование данного вида ЛР в справочно-библиографическом обслуживании целесообразно лишь в тех случаях, когда релевантная запросу информация отсутствует в других источниках или выбранная тема требует дискуссионного диалога. Они могут существовать автономно, например «Лингвофорум» [8], который содержит более 2 млн сообщений на 50 тыс. тем. Некоторые лингвистические форумы размещаются в виде раздела, например форум на сайте «Slovari.ru».

Из рабочей картотеки выполненных справок социально-гуманитарной направленности были выбраны репрезентативные примеры употребления ЛР сетевого доступа при выполнении разных видов запросов (табл. 1).

Основными результатами проведенного исследования следует считать:

Выявление типов и видов ЛР сетевого доступа, использованных при выполнении запросов социально-гуманитарной направленности, позволило определить их типовидовой и ранжированный библиометрический перечень, который может послужить основой для справочно-библиографического обслуживания удаленных пользователей.

В службы виртуальной справки отечественных библиотек поступают запросы разной категории сложности, требующие для выполнения разнообразных информационных ресурсов лексикографического профиля.

Таблица 1

Примеры использования ЛР сетевого доступа в выполненных виртуальных справках

№ п/п	Запросы (в формулировке пользователя)	Оценочная характеристика запроса	Использованные ресурсы	Библиотека-исполнитель
1	Имена северных народов: эвенков, якутов и ханты, с переводами	Ономастический	1. Якутские имена // Словари и энциклопедии на Академике [25]. 2. Словарь имен, топонимов, местных и специальных [17]	РГБ
2	Понятие экологическая культура	Терминологический	Словари и энциклопедии на Академике	Национальная библиотека Удмуртской Республики
3	Истории возникновения фразеологизмов: «остаться с носом»	Этимологофразеологический	«Остаться с носом» – Справка Грамоты.ру	Архангельская областная научная библиотека
4	В чем различия между коммерцией и спекуляцией?	Терминологический синонимический	1. Ассистент-Словарь Проф [1]. 2. Большой энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона [3]	Архангельская областная научная библиотека
5	Какие из пар слов являются этимологическими родственниками: пальма – паломник, пенал – перо?	Этимологический	1. Этимологический словарь Фасмера [19]. 2. Происхождение и значение слов русского языка [13]. 3. Тезаурус: многоязычный словарь [18]. 4. Портал «Культура письменной речи» [8]	Архангельская областная научная библиотека
6	Дипломная работа по теме «притяжательные прилагательные»	Тематический	Энциклопедии русского языка в Интернете по адресу: russkiyyazik.ru [23]	Приморская государственная публичная библиотека
7	К какому приходу относились д. Бжицкая и д. Та-скаево Томской губернии (ныне Юргинского района Кемеровской области) в 1880–1900 годах?	Топонимический	Шабалин В. М. Тайны имен земли Кузнецкой: краткий топонимический словарь Кемеровской области [21]	Томская областная универсальная научная библиотека
8	Этимология названий водных объектов (озеро, река, болото и т. п.). Меня интересуют не собственные имена, а именно нарицательные	Этимологический синонимический	Вавилонская башня – сайт лексикографических баз данных [4]	РНБ
9	Библиографический список по теме «Словари концептов русского языка»	Библиографический	Проспект словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» [14]	РНБ
10	Как правильно говорить «ложить» или «класть»?	Этимологический	1. Грамота.ру. 2. Летописи.ру [10]. 3. Этимология и история слов русского языка [24]. 3. Русские словари [15]	РНБ

В целом общедоступные библиотеки редко используют при выполнении запросов ЛР удаленного доступа, в отличие от библиотек, входящих в корпоративные и международные справочные службы.

Отрасль знания и разновидность выполненной виртуальной справки непосредственно коррелирует с количеством и видом ЛР. В справочно-библиографическом обслуживании целесообразно рассматривать ЛР отдельно взятой отрасли знания, так как каждая из них имеет разный уровень лексикографического обеспечения.

Приоритетным видом ЛР остаются лингвистические словари как в печатном, так и в электронном виде. В ядро используемых ЛР входят лексикографические порталы и сайты, справочно-информационные порталы и сайты по русскому языку, словарные сервисы информационно-поисковых систем.

Библиографические ресурсы лексикографической тематики, лингвистические сайты, архивы выполненных справок лексикографической на-

правленности были представлены фрагментарно при выполнении справок социально-гуманитарной направленности.

Лакуны в использовании ЛР разнообразны – персональные сайты лексикографов, персональные сайты социально-гуманитарной направленности, научно-популярные лексикографические ресурсы, лингвистические форумы и др.

Полученные результаты важно учитывать при формировании справочно-библиографических фондов библиотеки, в организации работы служб виртуальной справки, а главное – в процессе целенаправленного освоения и использования профессиональных сетевых ресурсов лексикографического профиля.

Для более эффективного их применения в службах виртуальной справки важно знать все их многообразие, особенности каждой разновидности источников, восполнять отсутствие справочников в фондах библиотеки электронными ресурсами удаленного доступа.

Литература

1. Ассистент-Словарь Проф [Электронный ресурс]. – URL: <http://yas.yuna.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
2. Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
3. Брокгауз Ф. А. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.brockhaus.ru/text/094/198.htm> (дата обращения: 27.03.2015).
4. Вавилонская башня [Электронный ресурс]. – URL: <http://starling.rinet.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovardalya.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
6. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 27.03.2015).
7. Китаист.инфо [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kitaist.info> (дата обращения: 27.03.2015).
8. Культура письменной речи [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grammar.ru/?PHPSESSID=bb7efa3d> (дата обращения: 27.03.2015).
9. Лингвофорум [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 27.03.2015).
10. Летописи.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://letopisi.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
11. Ономастика России [Электронный ресурс]. – URL: <http://onomastika.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
12. Ономастика – это наша профессия [Электронный ресурс]. – URL: <http://goo.gl/ojSLTF> (дата обращения: 27.03.2015).
13. Происхождение и значение слов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymology.net.ua/> (дата обращения: 27.03.2015).
14. Проспект словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» [Электронный ресурс] // Каф. современ. рус. яз. Урал. гос. ун-та: сайт. – Екатеринбург, 2011. – URL: http://cafruss.ucoz.ru/news/vyshel_prospekt_slovarja_konceptosfera_russkogo_jazyka_kljuchevye_koncepty_i_ikh_reprezent... (дата обращения: 27.03.2015).
15. Русские словари [Электронный ресурс] / Ин-т рус яз. им. В.В. Виноградова Рос. акад. наук: [сайт]. – URL: <http://www.slovari.ru/> (дата обращения: 27.03.2015).
16. Словарно-энциклопедический сайт А. Плутсер-Сарно [Электронный ресурс]. – URL: <http://plutser.ru> (дата обращения: 27.03.2015).

17. Словарь имен, топонимов, местных и специальных терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000038/st205.shtml> (дата обращения: 27.03.2015).
18. Тезаурус [Электронный ресурс]: многоязычный словарь. – URL: http://poliglos.info/_wordsearch.php (дата обращения: 27.03.2015).
19. Фасмер М. Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://vasmer.narod.ru/> (дата обращения: 27.03.2015).
20. Фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: – <http://feb-web.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
21. Шабалин В. М. Тайны имен земли Кузнецкой [Электронный ресурс]: краткий топоним. слов. Кемеров. обл. – Кемерово, 1994. – URL: <http://kaltan21veka.ru/zeml-kuzn.html>. (дата обращения: 27.03.2015).
22. Энциклопедия заблуждений – Словарь Скептика [Электронный ресурс]. – URL: <http://skepdic.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
23. Энциклопедия русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruskiyazik.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
24. Этимология и история слов русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
25. Якутские имена // Словари и энцикл. на Академике [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/705765> (дата обращения: 27.03.2015).
26. EVARTIST [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.evartist.narod.ru> (дата обращения: 27.03.2015).
27. Toris [Электронный ресурс]. – URL: <http://toris.krc.karelia.ru> (дата обращения: 27.03.2015).

References

1. Assistant-Slovar' Prof [Assistant-Dictionary Prof]. Available at: <http://yas.yuna.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
2. Biblioteka Maksima Moshkova [Library Maxim Moshkova]. Available at: <http://lib.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
3. Brokgauz F.A. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Great Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://www.brokgauz.ru/text/094/198.htm> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
4. Vavilonskaia bashnia [Tower of Babel]. Available at: <http://starling.rinet.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
5. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivago velikoruskogo iazyka [Explanatory Dictionary of Russian language]. Available at: <http://slovardalya.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
6. Efremova T.F. Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo iazyka [Explanatory dictionary of word-building units of the Russian language]. Available at: <http://www.efremova.info> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
7. Kitaist.info [Kitaist.info]. Available at: <http://www.kitaist.info> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
8. Kul'tura pis'mennoi rechi [Culture of writing]. Available at: <http://www.grammar.ru/?PHPSESSID=bb7efa3d> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
9. Lingvoforum [Lingvoforum]. Available at: <http://lingvoforum.net> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
10. Letopisi.ru [Letopisi.ru]. Available at: <http://letopisi.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
11. Onomastika Rossii [Onomastics Russia]. Available at: <http://onomastika.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
12. Onomastika – eto nasha professiia [Onomastics – this is our profession]. Available at: <http://goo.gl/ojSLTF> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
13. Proiskhozhdenie i znachenie slov russkogo iazyka [The origin and meaning of the words of the Russian language]. Available at: <http://www.etimology.net.ua/> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
14. Prospekt slovaria “Kontseptosfera russkogo iazyka: kliuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii” [Prospect dictionary “Conceptosphere Russian language: key concepts and their representation”]. Available at: http://cafruss.ucoz.ru/news/vyshel_prospekt_slovarja_kontseptosfera_russkog_jazyka_kljuchevye_kontsepty_i_ikh_reprezent... (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
15. Russkie slovari [Russian dictionaries]. Available at: <http://www.slovari.ru/> (27.03.2015). (In Russ.).
16. Slovarno-entsiklopedicheskii sait A. Plutser-Sarno [Dictionary encyclopedic site A. Plutser-Sarno]. Available at: <http://plutser.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
17. Slovar' imen, toponimov, mestnykh i spetsial'nykh terminov [Dictionary of names, place names, local and special terms]. Available at: <http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000038/st205.shtml> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
18. Tezaurus: mnogoiazichnyi slovar' [Thesaurus multilingual dictionary]. – Available at: http://poliglos.info/_wordsearch.php (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
19. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' [Etymological Dictionary]. Available at: <http://vasmer.narod.ru/> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).

20. Fundamental'naia elektronnaia biblioteka [Fundamental electronic library]. Available at: <http://feb-web.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
21. Shabalin V.M. Tainy imen zemli Kuznetskoi: kratkii toponimicheskii slovar' Kemerovskoi oblasti [Secrets names of Kuznetsk land: a brief toponymic dictionary Kemerovo Region]. Available at: <http://kaltan21veka.ru/zeml-kuzn.html>. (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
22. Entsiklopediia zabluzhdenii – Slovar' Skeptika [Encyclopedia misconceptions – The Skeptic's Dictionary]. Available at: <http://skepdic.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
23. Entsiklopediia russkogo iazyka [Encyclopedia of Russian language]. Available at: <http://russkiyyazik.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
24. Etimologiya i istoriya slov russkogo iazyka [Etymology and History of Russian words]. Available at: <http://etymolog.ruslang.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
25. Yakutskie imena [Sakha name]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/705765> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
26. EVARTIST [EVARTIST]. Available at: <http://www.evartist.narod.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).
27. Toris [Toris]. Available at: <http://toris.krc.karelia.ru> (accessed 27.03.2015). (In Russ.).

УДК 379.8.091

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: swet-73@mail.ru

В научной статье авторами рассматриваются вопросы реализации социально-культурных технологий развития туристской деятельности на основе проектного подхода, который позволяет существенно повысить узнаваемость региональной туристской дестинации на российском рынке туристических услуг. Анализ развития индустрии путешествий в Российской Федерации свидетельствует о существенном росте потока отдыхающих, увеличении объемов оказания туристских и санаторно-оздоровительных услуг. Авторы отмечают, что в последнее десятилетие заметно увеличилась потребность россиян в изучении истории собственной страны и ознакомлении с составляющими ее уникального природного богатства. Уникальность объектов историко-культурного и природного наследия, создание благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки формируют устойчивый спрос на российские туристические услуги, стимулируют внутренний турпоток. В этой связи особую актуальность приобретает проектирование развития туристской деятельности в региональном аспекте с применением социально-культурных технологий, позволяющих повысить туристскую привлекательность и имидж территорий. Проблема применения социально-культурных технологий в проектировании развития туристской деятельности и обоснование необходимости ее решения посредством использования программных методов была осуществлена авторами на примере формирования туристской дестинации Чебулинского муниципального района Кемеровской области.

Ключевые слова: социально-культурные технологии, социально-культурная деятельность, туристская деятельность, проектный подход, культурно-познавательный туризм.

SOCIO-CULTURAL TECHNOLOGIES OF TOURIST ACTIVITY: A PROJECT APPROACH

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kudrina@kemguki.ru

Yudina Anna Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolevna, Candidate of Economic Sciences, Docent, Docent of Department of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swet-73@mail.ru

In the scientific article, the authors examine the issues of implementation of socio-cultural technologies of tourist activity on the basis of a project approach, which allows to increase awareness of the regional tourist destination in the Russian market of tourist services. Analysis of the travel industry in the Russian Federation indicates a significant increase in the flow of tourists, increasing the volume of rendering the tourist and health-improving services. The authors note that in the last decade significantly increased the need in the study of the history of their own country and familiarization with the components of its unique natural wealth for the Russians. The uniqueness of objects of historical, cultural and natural heritage, to create a favorable sanitary and epidemiological situation forms a stable demand for Russian tourist services, and stimulate a domestic tourist flow. In this regard, especially important to the design development of tourist activity in the regional aspect of the use of socio-cultural technologies to increase the tourist attractiveness and area's image. The problem of the use of socio-cultural technologies in the design development of tourist activity and the rationale for its decisions through the use of software techniques was carried out by the authors using the example of a tourist destination Chebulinsk municipal district of Kemerovo region.

Keywords: socio-cultural technology, socio-cultural activity, tourist activities, project-based approach, cultural tourism.

Мировые тенденции развития сферы туризма свидетельствуют о возрастающей доли в экономике объема производства туристских услуг. По прогнозам Всемирной туристской организации (UNWTO), число международных туристов к 2020 году увеличится более чем вдвое и достигнет 1,6 млрд человек, при этом их суммарные траты на отдых могут достигнуть 2 трлн долларов. Россия займет 9-е место в мире по количеству туристских посещений [8].

Анализ развития индустрии путешествий в Российской Федерации свидетельствует о существенном росте потока отдыхающих, увеличении объемов оказания туристских и санаторно-оздоровительных услуг. По экспертным оценкам в последнее десятилетие заметно увеличилась потребность россиян в изучении многовековой истории собственной страны и ознакомлении с составляющими ее уникального природного богатства. Уникальность объектов историко-культур-

ного и природного наследия, создание благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки формируют устойчивый спрос на российские туристические услуги, стимулируют внутренний турпоток [8].

В этой связи особую актуальность приобретает проектирование развития туристской деятельности в региональном аспекте с применением социально-культурных технологий, позволяющих повысить туристскую привлекательность и имидж территорий.

К основным видам технологий социально-культурной деятельности относятся: культуро-охранные, культуро-творческие, рекреативные, образовательные, социозащитные, управленческие, исследовательские, проектные, информационные, коммуникативные, этнокультурные, альтернативные (инновационные) и другие [1].

Поскольку социально-культурная деятельность представляет собой особого рода образо-

вательную и воспитательную деятельность, то и технологии социально-культурной деятельности направлены на развитие личности, включение ее в культурно-ценностные и социально-значимые отношения.

Технологии социально-культурной деятельности сочетают в себе все достоинства педагогических технологий, корректируют отдельные недостатки педагогических методик и процессов, поскольку условия, средства, формы и методы, характерные для свободного времени, предполагают свободу выбора разнообразных видов деятельности, строятся с учетом интересов и потребностей личности в той или иной сфере значимой для нее деятельности.

Киселева Т. Г. и Красильников Ю. Д., уточняя понятие «технология социально-культурной деятельности», характеризуют ее как совокупность общей, функциональной и социально-дифференцированных методик, постоянно пополняющихся за счет исторического и современного опыта, накопленного в сфере культуры, просвещения, быта, досуга народами множества стран и континентов [3].

Жарков А. Д. рассматривает технологию на основе анализа составляющих культурно-досуговой деятельности, выделяя «организацию» и «методику». По мнению А. Д. Жаркова, «организация и методика наиболее полно характеризуют производное понятие технологии как профессиональной деятельности, направленной на объекты (посетителя учреждения культуры и домашнего участника) и обусловленной влиянием социально-экономических и культурных факторов» [2]. Однако, на наш взгляд, технология объединяет средства, формы и методы не только с определенной целью, но и в определенной последовательности и логике, что возможно при научно-объективном прогнозе, выраженном в определенном проекте, программе, на реализацию которых и направлена система принципов, форм, средств и методов.

По мнению Г. Н. Новиковой, «социально-культурные технологии представляют собой педагогические системы последовательных алгоритмических организационно-управленческих действий, функционирования личностных, инструментальных и методологических средств, направленных на достижение планируемых результатов» [5].

В данном определении отражено понимание системности и последовательности технологических процессов, включающих важнейшие алгоритмы действий при разработке концептуальной основы предполагаемого социально-культурного проекта для развития туристской дестинации через диагностику, прогноз, четкое формулирование целей и задач, отбор форм, методов, средств – условий, способствующих достижению прогнозируемого результата с конкретным субъектом в конкретной среде.

Определяя туристскую дестинацию как часть туристской системы и учитывая, что социально-культурная сфера представлена большим количеством разнопрофильных социальных институтов, которые имеют свои определенные функции и формы работы, особо подчеркнем, что и технологии, применяемые в туристской деятельности, содержат множество методов, с помощью которых может не только формироваться и эффективно развиваться культурный потенциал дестинации, но и активно осваиваться региональная социально-культурная среда в целом.

Говоря о социально-культурных технологиях в аспекте развития туристской деятельности, следует отметить, что составными ее элементами являются:

- концептуальность, то есть опора на социально-экономическое и социально-педагогическое обоснование достижения поставленных целей;
- системность, которая заключается в логике и целостности социально-культурного процесса, взаимосвязи всех ее частей;
- управляемость, предполагающая компетентный анализ конкретной ситуации; реализацию социально-культурных технологий в рамках туристских проектов и программ; диагностику на определенных этапах развития процесса и способность варьировать средствами и методами социально-культурной деятельности для достижения результатов;
- эффективность, позволяющая при активном использовании социально-культурных технологий иметь конечные результаты и оптимальные затраты на их разработку и внедрение;
- апробация, способствующая применению разработанной технологии в других территориях

и другими субъектами социально-культурной деятельности.

Проблема применения социально-культурных технологий в проектировании развития туристской деятельности и обоснование необходимости ее решения посредством использования программных методов была осуществлена нами на примере формирования туристской дестинации Чебулинского муниципального района Кемеровской области.

Чебулинский муниципальный район Кемеровской области обладает уникальными туристскими ресурсами. В Чебулинской зоне охраняемого ландшафта сосредоточено большое количество объектов культурного и природного наследия, которые могут составить предметную базу туристского комплекса данного района. Особую значимость имеет Шестаковский историко-культурный комплекс памятников археологии и палеонтологических местонахождений (от палеолита до начала I тыс. н. э.) и другие объекты историко-культурного и природного наследия. «На территории заповедника имеется “Кладбище динозавров”: в 1953 году здесь было обнаружено самое большое и уникальное захоронение скелетов динозавров, крокодилов, черепах, живших около 130 млн лет назад. Поскольку воды р. Кии подмывают яр с кладбищем, то кости оказываются в реке. Ученые насчитали более 500 их разновидностей: платезавр, дилофозавр, скутеллазавр, камаразавр, маменьчизавр и др. (возраст не менее 150 млн лет). Открыт и новый, ранее неизвестный миру вид динозавра, его назвали пситтакозавром сибирским. Находят тут также кости мамонтов», – отмечается в информационно-справочной системе «ООПТ России» [7].

В своих научных исследованиях, связанных с этой территорией, А. М. Кулемзин отмечает, что особую ценность для развития туристской дестинации этого комплекса представляют 48 памятников археологии, 3 местонахождения окаменевших скелетов динозавров и других животных раннемелового периода, 14 памятников периода Гражданской войны, 1 памятник периода репрессий, Шестаковские болота – место обитания редких и исчезающих биологических видов, озеро Большой Базыр – место отдыха северных водоплавающих птиц во время перелета, три уникальных геологических образования [4].

Исследуя проблему развития внутреннего туризма, прежде всего, необходимо было провести SWOT-анализ сильных и слабых сторон данной территории. К сильным сторонам Чебулинского муниципального района Кемеровской области нами были отнесены:

- 1) археологическая разведка области;
- 2) разнообразие ресурсов для развития спортивно-игрового туризма, лечебно-оздоровительного туризма;
- 3) наличие ресурсного потенциала для развития историко-культурного туризма;
- 4) благоприятная экологическая обстановка в районе: наличие водных объектов с их внутренними процессами – биоценозами; отсутствие крупных промышленных предприятий в районе;
- 5) наличие свободной рабочей силы;
- 6) развитый агропромышленный комплекс, производящий в достаточном количестве экологически чистые продукты питания в широком ассортименте и имеющий резервы для развития;
- 7) позитивный образ района, в котором обеспечиваются социальное спокойствие и безопасность пребывания туристов.

Успешным является продвижением бренда территории как территории, где расположен 41 объект культурного наследия федерального значения. Растет интерес общественности к уникальным археологическим и палеонтологическим находкам, что в определенной мере способствует увеличению туристического потока.

Объем оказанных туристических услуг за последние два года вырос в два раза. Вместе с тем, очевидно, что уникальный потенциал Чебулинского муниципального района в настоящее время используется недостаточно полно, что в условиях роста конкуренции со стороны других сибирских территорий создает предпосылки отсутствия интереса к туристским объектам в данной территории.

В ходе проведенного SWOT-анализа к числу слабых сторон района отнесены:

- 1) территориальная отдаленность от областного центра, крупных городов Кемеровской области и субъектов Сибирского федерального округа;
- 2) неудовлетворительное состояние транспортной инфраструктуры. Недостаточно разви-

та сеть внутрирайонных дорог, межрегиональных трасс, обеспечивающих доступ туристов к туристско-рекреационным зонам;

3) возможность возникновения дефицита свободных энергетических мощностей в ряде туристских зон при активном развитии туристского потока и росте сервисных услуг;

4) низкий уровень развития сферы развлечений и инфраструктуры досуга. Материально-техническая база, квалификация персонала в настоящее время не в полной мере соответствуют ожиданиям туристов. Усугубляет ситуацию недостаточное разнообразие туров. В сфере пассивного отдыха слабо представлены развлекательные объекты (парки аттракционов и развлечений). Необходимо увеличение количества проводимых культурно-массовых мероприятий. Отсутствие предложений в данной сфере приводит к уменьшению турпотока, к кратковременности пребывания туриста на территории района, к недополучению доходов от видов оказываемых услуг в сфере социально-культурной деятельности;

5) дефицит кадрового потенциала в сфере туризма, отсутствие договоров на подготовку, переподготовку и повышение кадров с соответствующими учебными заведениями и образовательными организациями;

6) слабо налаженные каналы продажи турпродукта, прежде всего, среди целевой аудитории – субъектов Сибирского федерального округа;

7) слабая диверсификация турпотока (сезонная).

Развитие имеющихся сильных сторон, минимизация негативного воздействия выявленных слабых сторон возможны только при применении проектного подхода в рамках инновационного сценария с привлечением частных прямых и портфельных инвестиций.

Инновационный сценарий предполагает диверсификацию туристского предложения в районе, разработку принципиально новых туристских продуктов, конкурентоспособных на туристическом рынке Кемеровской области. В его рамках будет осуществляться активное позиционирование туристской привлекательности района. На наш взгляд, при реализации данного сценария туризм станет значимой отраслью муниципальной экономики в структуре региональной экономики Кузбасса.

Учитывая текущую динамику туристской отрасли по данному сценарию, нами был сделан вывод о том, что необходимо акцентировать внимание на развитии:

- естественно-научного туризма;
- культурно-познавательного туризма;
- активно-развлекательного туризма и семейного отдыха;
- оздоровительного, экологического и сельского туризма;
- специализированного турпродукта: детско-оздоровительный туризм, спортинг.

В связи с тем, что естественно-научный туризм связан с открытиями в области археологии и палеонтологии, наш исследовательский поиск был сконцентрирован на тех видах туризма, развитие которых идет в области социально-культурной деятельности. Применение социально-культурных технологий в организации культурно-познавательного и активно-развлекательного туризма, семейного отдыха, оздоровительного, экологического и сельского туризма в Чебулинском муниципальном районе Кемеровской области позволит повысить туристскую привлекательность уникального Шестаковского комплекса и конкурентоспособность туристского рынка данной дестинации.

Несомненно, значимым фактором развития туристской деятельности в Чебулинском муниципальном районе Кемеровской области, является решение целого ряда задач социально-экономического развития, включая обеспечение стабильного экономического роста, опережающего развития инфраструктуры рынка туристских и социально-культурных услуг, предусмотренных соответствующими региональными программами.

Для достижения поставленной цели был определен ряд задач:

- обеспечение развития объектов туризма и сопутствующей инфраструктуры;
- привлечение инвестиций в туристскую индустрию Чебулинского муниципального района;
- улучшение качества туристских и сопутствующих им услуг и механизма их предоставления;
- формирование имиджа Чебулинского муниципального района как центра развития познавательного и развлекательного туризма;

- разработка стратегии продвижения туристского продукта Чебулинского муниципального района и ее реализация;

- научное обеспечение развития туристской деятельности во внутреннем туризме.

Для решения вышеуказанных задач нами был изучен опыт регионов Российской Федерации по развитию туризма и проведен анализ нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [6; 8]. Анализ законодательной базы показал, что программы развития туризма в регионах Российской Федерации строятся на основе ряда нормативно-правовых документов. Среди которых:

- Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности Российской Федерации»;

- Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 года № 644 «О федеральной целевой программе “Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)”»;

- Постановление Правительства РФ от 18.07.2007 № 452 (ред. от 17.10.2014) «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта»;

- Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 51185-2008 «Туристские услуги. Средства размещения. Общие требования», утвержденный Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.12.2008 № 518-ст.;

- Общероссийский классификатор услуг населению ОК 002-93 (ОКУН), утвержденный Постановлением Госстандарта РФ от 28.06.1993 № 163;

- Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2001 (ОКВЭД) (КДЕС ред. 1), введенный в действие Постановлением Госстандарта Российской Федерации от 06.11.2001 № 454-ст.;

- Федеральный закон № 73-ФЗ от 24.05.2002 (в редакции от 19.09.2008) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В Кемеровской области, в дополнение к федеральной законодательной базе в области развития туризма, в последние годы принят ряд региональных нормативно-правовых документов:

- Закон Кемеровской области от 13.07.2009 № 88-ОЗ (ред. от 11.03.2014) «О развитии внутреннего и въездного туризма»;

- Закон Кемеровской области от 06.02.2009 № 5-ОЗ (ред. от 11.03.2014) «О туристской деятельности»;

- Постановление Коллегии администрации Кемеровской области от 18.07.2012 № 282 «Об утверждении требований для отнесения туристско-рекреационных зон развития внутреннего и въездного туризма в Кемеровской области к перечню приоритетных туристско-рекреационных зон»;

- Распоряжение Коллегии администрации Кемеровской области от 01.03.2013 № 194-р (ред. от 16.06.2014) «О Стратегии развития туризма в Кемеровской области до 2015 года».

Применение социально-культурных технологий развития туристской деятельности предусматривает последовательное прохождение определенных этапов. Анализ научной литературы и нормативно-правовой базы, опыта других территорий и изучение социально-культурного потенциала Чебулинского муниципального района позволили нам определить алгоритм прохождения вышеуказанных этапов и внести предложения по развитию инфраструктуры туристических услуг.

Основной акцент в алгоритме реализации социально-культурной технологии развития туризма был сделан на максимальное использование объектов историко-культурного и природного наследия, природно-климатического, ресурсный и человеческий потенциалы данной территории. Его осуществление включает четыре последовательных этапа.

Первый этап направлен на привлечение инвестиций в туристскую индустрию через создание и актуализацию каталога инвестиционных проектов. В рамках данного этапа могут быть использованы механизмы государственной поддержки туристской деятельности в виде выделения грантов, субсидий, субвенций.

Второй этап направлен на строительство объектов инфраструктуры сферы туризма и развитие сопутствующих социально-культурных услуг с высоким уровнем качества, предоставляемых различными социально-культурными институтами и предприятиями сферы обслуживания.

На наш взгляд, с одной стороны, целесообразно поддерживать и развивать, имеющуюся инфраструктуру туризма, к примеру, лыжно-туристическую базу в селе Чумай Чебулинского муниципального района, с другой стороны, осуществлять активное привлечение инвестиций малого и среднего предпринимательства в строительство новых объектов туристской деятельности.

Мы предложили свою концепцию создания историко-культурного туристского комплекса «Шестаково». Данный туристический комплекс должен включать несколько объектов культурно-познавательного и экологического туризма.

1. Археолого-палеонтологический центр: археодром – крытый павильон, в котором представлена интерактивная археологическая экспозиция; смотровая площадка с видом на палеонтологические раскопки; полевой палаточный лагерь «Археологическая экспедиция»; экологическая тропа; полевая кухня.

2. Этнографическая деревня «Чебулинская старина». Создание живой этнографической деревни предполагает реконструкцию традиционных жилых и хозяйственных построек русских Сибири:

- «Крестьянский дом», в котором будет создана анимированная экспозиция, презентующая быт и духовную культуру русских Притомья. Проведение этнографических интерактивных программ будет основано на моделировании объектов нематериального культурного наследия;

- «Дом ремесленника», где будет представлена экспозиция истории русских ремесел, в рамках которой будут проводиться мастер-классы по изготовлению ремесленных изделий, которые изготавливались местными жителями в разные исторические эпохи;

- «Постоялый дом с трактиром» со всеми присущими данному заведению обычаями и традициями;

- «Домашнее подворье», включающее обустройство территории производства продуктов сельского хозяйства, разведения домашних животных и организации крестьянского быта.

Следующая группа туристических объектов связана с развитием активной зоны отдыха. Здесь предусмотрено создание комплекса специальных

площадок для спортинга – спортивно-охотничьей стрельбы, пейнтбола, как для профессионалов, так и новичков; для спортивной рыбалки; для организации сплава по реке; для организации водных аттракционов, а также благоустройство пляжа и т. п.

Строительство зоны эокемпингов: места коллективного размещения; детская игровая площадка «Дино-парк»; центр развлечений для проведения культурно-досуговых мероприятий.

Такой комплексный подход к организации досуга разных категорий туристов позволит увеличить продвижение турпродукта на рынке туристических услуг и время пребывания в туристическом комплексе.

Третий этап реализации социально-культурной технологии развития туристской деятельности направлен на формирование имиджа Чебулинского муниципального района как центра познавательного и развлекательного туризма и стратегии продвижения специализированного туристского продукта Чебулинского муниципального района.

В рамках данного направления будут проводиться маркетинговые и социологические исследования, «круглые столы», конференции, семинары по вопросам развития туристской индустрии, осуществлен выпуск разнообразной печатной продукции, видеofilьмов и сюжетов, рекламных роликов об экскурсионных объектах в районе, создан специализированный интернет-сайт по туризму. Подготовку сувенирной продукции планируется осуществлять из средств грантовой поддержки.

Четвертый этап – продвижение турпродукта Чебулинского муниципального района. В его рамках будет проведена работа по участию организаций сферы туризма Чебулинского муниципального района во всероссийских, региональных выставках и социально-экономических форумах.

В результате реализации четырех этапов, описанных выше, предусматривается создание правовых, организационно-управленческих, финансовых и материально-технических условий, способствующих формированию и продвижению конкурентоспособного туристского продукта, развитию энергетической и транспортной

инфраструктуры, увеличению занятости населения, росту поступлений в бюджеты всех уровней.

Совокупный эффект от реализации указанных мероприятий можно рассматривать как сочетание социально-педагогического, имиджевого, экономического, бюджетного и экологического эффектов.

Главный социально-педагогический эффект применения социально-культурных технологий развития туристской деятельности будет состоять в создании предпосылок и условий для удовлетворения потребности населения, в том числе детей, в активном и полноценном отдыхе, укреплении здоровья, приобщении к культурным ценностям, а также создании новых рабочих мест и увеличении денежных доходов граждан. Образовательные программы позволят повысить уровень знаний школьников и учащейся молодежи в области краеведения, регионоведения, истории и культуры родного края.

Имиджевый эффект предусматривает формирование образа Чебулинского муниципального района как района благоприятного для туризма, туристской дестинации в системе внутреннего туризма.

Экономический эффект будет достигнут путем привлечения дополнительных инвестиций в сферу туризма при реализации механизмов государственно-частного партнерства и обеспечении экономически привлекательных условий для малого и среднего бизнеса.

Бюджетный эффект от реализации мероприятий выражается в предполагаемых поступлениях в местный бюджет. В результате роста туристского потока будет достигнут прирост налоговых поступлений в бюджет района и в бюджет субъекта данного вида предпринимательской деятельности.

Экологический эффект объясняется тем, что в отличие от многих других отраслей экономики туризм не приводит к истощению природных ресурсов. Указанная отрасль в значительной степени ориентирована на использование возобновляемых ресурсов. Кроме того, развитие многих видов туризма прививает бережное отношение к природным ресурсам, к развитию экологической культуры.

Таким образом, реализация социально-культурных технологий развития туристской деятельности на основе проектного подхода позволит существенно повысить узнаваемость данной туристской дестинации на российском рынке туристических услуг. При этом необходимо учесть, что дальнейшее проектирование развития туризма в Кемеровской области на основе устойчивого использования историко-культурного и природного наследия территории Чебулинского муниципального района возможно при создании объединенной рабочей группы с участием представителей вузов, научных организаций, органов региональной и муниципальной власти, заинтересованного бизнес-сообщества.

Литература

1. Григорьева Е. И. Современные технологии социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – Тамбов: Першина. 2004. – 512 с.
2. Жарков А. Д. Технология культурно-досуговой деятельности: учеб.-метод. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: МГУКИ, 2002. – 288 с.
3. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность: история, теоретические основы, сферы реализации, субъекты, ресурсы, технологии. – М.: МГУКИ, 2001. – 136 с.
4. Кулемзин А. М. Восьмое чудо Кузбасса. Шестаковский музей-заповедник: концепция создания и развития: метод. пособие. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2015. – 107 с.
5. Новикова Г. Н. Технологические основы социально-культурной деятельности. – М.: МГУКИ, 2004. – 174 с.
6. Краевая целевая программа «Развитие туризма в Алтайском крае на 2011–2016 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akunb.altlib.ru/files/pdf/opi/055.pdf>.
7. Шестаковские болота [Электронный ресурс] // ООПТ России. – URL: oopt.aari.ru/oopt/Шестаковские-болота.
8. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russiatourism.ru/content/2/section/28/detail/28/>.

References

1. Grigor'eva E.I. *Sovremennye tekhnologii sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti* [Modern technologies of socio-cultural activities]. Tombov, Pershina Publ., 2004. 512 p. (In Russ.).
2. Zharkov A.D. *Tekhnologiya kul'turno-dosugovoi deiatel'nosti* [Technology of cultural and leisure activities]. Moscow, MGUKI Publ., 2002. 288 p. (In Russ.).
3. Kiseleva T.G., Krasil'nikov Iu. D. *Sotsial'no-kul'turnaiia deiatel'nost': istoriia, teoreticheskie osnovy, sfery realizatsii, sub''ekty, resursy, tekhnologii* [Social and cultural activities: history, theoretical foundations, the scope of implementation, actors, resources, technology]. Moscow, MGUKI Publ., 2001. 136 p. (In Russ.).
4. Kulemzin A.M. *Vos'moe chudo Kuzbassa. Shestakovskii muzei-zapovednik: kontseptsiiia sozdaniia i razvitiia* [Eighth Wonder of the Kuzbass. Shestakovsky Museum-Reserve: concept creation and development]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2015. 107 p. (In Russ.).
5. Novikova G.N. *Tekhnologicheskie osnovy sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti* [Technological bases of social and cultural activities]. Moscow, MGUKI Publ., 2004. 174 p. (In Russ.).
6. Kraevaia tselevaia programma "Razvitie turizma v Altaiskom krae na 2011–2016 gody". [The regional target program "Development of tourism in the Altai region in 2011–2016"]. Available at: <http://www.akunb.altlib.ru/files/pdf/opi/055.pdf> (In Russ.).
7. Shestakovskie bolota [Shestakovsky swamp]. *ООПТ России*. Available at: oopt.aari.ru/oopt/Шестаковские-болота. (In Russ.).
8. Federal'naia tselevaia programma "Razvitie vnutrennego i v''ezdnogo turizma v Rossiiskoi Federatsii (2011–2018 gody)" [Federal Target Program "Development of domestic tourism in the Russian Federation (2011–2018)"]. Available at: <http://www.russiatourism.ru/content/2/section/28/detail/28/>(In Russ.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 37

СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Гордукалова Галина Феофановна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и информационной аналитики, Санкт-Петербургский институт культуры и искусств (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: souris13@yandex.ru

В статье приведены результаты анализа коллективной монографии «Библиотечно-информационное образование: новые концепции и технологии развития» (М., 2014) [5]. Выделены преимущества анализируемой монографии в исследовании образовательных стандартов. Осуществлен аспектный смысловой анализ текста. Определены ключевые идеи последнего десятилетия, риски и перспективы модернизации библиотечного образования.

Ключевые слова: анализ, монография, профессиональная компетенция, стандарты, образование библиотечное, модернизация, ключевые риски, перспективы.

MODERN RISKS AND PERSPECTIVES OF LIBRARY AND INFORMATION EDUCATION: THOUGHTS ON THE BOOK

Gordukalova Galina Feofanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Documentation and Information Analysts, St. Petersburg Institute of Culture and Arts (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: souris13@yandex.ru

The results of the analysis of the collective monograph “Library and Information Education, new concepts and technology of development” (Moscow, 2014) is shown. The advantages of the analyzed monograph in field of research of educational standards is specified. The aspect notional analysis is performed. The key ideas of the last decade, risks and the perspectives of librarian education are defined.

Keywords: analysis, monograph, professional competence, standards, librarian education, modernization, key risks, perspectives.

Модернизация высшего образования – проблема фундаментальная во всех отношениях. Ее принципиальное решение находится на границах многих предметных областей в науке – теории познания и трансляции знания во времени, педагогики высшей школы и психологии восприятия информации, особенностей накопления и трансляции отраслевого знания во времени.

Уже важны и экономика образования, и современная система профессиональных коммуникаций.

Межотраслевой характер проблемы – это не самые главные препятствия: государственное управление отвечает за общий уровень культуры населения, финансирует высшую школу, а следовательно, на законных основаниях выдвигает свои требования к ее работе. Степень контроля варьи-

ровалась в истории высшей школы, но в той или иной форме он присутствовал всегда – от работы попечительских советов и личной ответственности ректора до сравнительной оценки и внешних рейтингов вузов. Нельзя упрощенно думать даже о стихийно-историческом пути первых университетов. В истории цивилизации самый наглядный пример – 40-летняя работа Академии Платона⁴³. Всякий раз модернизация образования это процесс борьбы за ресурсы и противоборство за содержание обучения.

Сейчас решаемая проблема находится в точке невозврата, на тике реального существования профессии. Именно по этой причине важно выявить современные риски и перспективы библиотечного образования. Благоприятную почву для этого представляет анализируемая соавторская книга.

Соавторство как форма представления знания. Исторически соавторство рождалось как последовательное «дополнение» авторского текста его комментаторами, систематизаторами, учениками мыслителя и даже переводчиками. Современное явление соавторства можно определить как подготовку текста документа двумя и более авторами.

Соавторство в целом – один из показателей активного развития любой отрасли знания. Неожиданное научное соавторство в гуманитарных отраслях знания рождается по воле случая: либо в творческой атмосфере совместных деяний, либо формального объединения авторов по приказу руководителей или иных форс-мажорных обстоятельств.

Органичное объединение усилий соавторов редко бывает случайным. Как правило, подлинной интеграции коллективных усилий предше-

ствует длительный процесс единения соавторов, совместно работающих в рамках одной из проблем. Накапливается общий интеллектуальный багаж, через тернии частично сближаются цели и позиции, и лишь потом начинает срабатывать коллективный разум во благо общей работе. Во введении к монографии именно такая позиция и обозначена: «Замысел этой книги родился давно... Был сформирован авторский коллектив <...> чтобы быть услышанным, следует говорить не столько о проблемах, сколько о возможных вариантах их решения <...> в рамках собственной компетенции» [5, с. 9].

Коллективная монография может быть подготовлена в течение года, когда соавторы – ведущие специалисты отрасли соединяют свое экспертное знание о предмете. В теории библиографии все помнят первую совместную книгу «непримеримых оппонентов» – О. П. Коршунова и А. И. Барсука «Советское библиографоведение: итоги, проблемы, перспективы» (1977), в которой характеризовались общая структура библиографической науки и её задачи.

Авторская концепция является основным двигателем фундаментального гуманитарного знания уже несколько тысячелетий. Соавторство может обобщить и даже объединить позиции, но редко приводит к рождению новой концепции.

В социально-гуманитарных науках сформировались весьма оригинальные вариации коллективного сотворчества – от древнеиндийской «упанишады» – «сидения ученика подле учителя» для освоения сокровенного знания, публичных выступлений на площади с активной дискуссией до цитирования, комментирования и «незримого» соавторства. В числе современных форм коллективной работы можно назвать совместное участие специалистов в одном исследовательском гранте, экспедиции, длительно действующем научном семинаре, в редактировании отраслевого справочника, журнала, сайта и др., которые выявлялись ранее на обширном материале научных коллективов Санкт-Петербурга [3]. В результате и появляются соавторские работы. Их доля существенно различается в отраслях знания [2]. При этом она еще и меняется с течением времени, по мере ускорения (или стагнации) темпов развития предметной области:

⁴³ Декан библиотечного факультета Кемеровского института культуры А. В. Циркин привил нам уважение к точному знанию в археологии. В экспедиции 1971 года он обучил нас вниманию к историческим артефактам. Пока мы не нашли раскопки Академии Платона в Афинах (они были тщательно законсервированы в 1952 году), то не понимали сколько вложил сил и средств Платон в поддержание активной жизни ее слушателей. Через двадцать лет в нее пришел семнадцатилетний Аристотель, который покинул школу еще через 20 лет, а затем столько же усилий вложил в работу Лицея, но уже с платным обучением.

Таблица 1

Динамика доли соавторских книг
в отдельных отраслях знания

Отрасль знания	Общая доля соавторских книг, в %		Изменение индикатора соавторства
	1992 год	2012–2014 годы	
Библиотечное дело и библиография	16	23	+ 7 %
Социология	12	17	+ 5 %
Языкознание	8	68	+ 60 %
Философия	6	9	+ 3 %

Например, резкий рост индикатора в современном языкознании (+ 60 %) объясняется изданием соавторских словарей, быстрым развитием компьютерной лингвистики в условиях разработки интеллектуальных баз знаний, требующих коллектива соисполнителей. Для сравнения: в технических и естественных науках доля соавторских работ достигает 80–90 % для статей, и чуть меньше – для книжного потока.

В библиотечных науках в 1992 году доля соавторских книг была относительно высокой, но большую их часть представляли тогда издания фундаментальных библиографических указателей. Что же касается роста соавторской научной, справочной и учебной литературы, то в изданный в 2011 году каталог «100 лучших книг по библиотечному и книжному делу, библиографии, информационной деятельности» [6] вошли уже 28 % соавторских изданий.

Данные приведены для того, чтобы показать возросшую в 2000-е годы научную и публикационную активность библиотечных специалистов. Увеличение доли соавторских работ свидетельствует о зрелом и продуктивном профессиональном сообществе, росте числа соавторских коллективов, но остается низкой доля коллективных научных монографий.

Соавторская работа дает новое качество: служит средством обобщения предшествующей информации по теме, обоснования оригинального

концепта, а также мощным рычагом продвижения уже существующей идеи.

В анализируемой монографии поставлена масштабная проблема, которую можно решать лишь согласованными коллегиальными усилиями, имея в запасе не только фиксированную картину библиотечной жизни, но и набор идей, прогнозные модели ее перспективного развития.

Преимущества анализируемой монографии. Выход в свет коллективной монографии о нашей профессии – это крупное событие в жизни библиотечного сообщества. Такие монографии явление редкое. Удачными проработками являются результаты масштабных исследований советских читателей и библиотек, которые и сегодня остаются активно цитируемыми. Столь же востребованными остаются соавторские книги А. И. Михайлова, А. И. Черного и Р. С. Гиляревского по основам информатики и научным коммуникациям. Особенно сложно подготовить коллективную монографию по столь неотложной проблеме, которой посвящена анализируемая монография – новые концепции и технологии в библиотечном образовании.

Основной признак коллективной монографии – *единый, проблемно ориентированный, неавторизованный по отдельным разделам текст, синтезированный научным редактором*. Существенно проще подготовить тематический сборник научных статей, но он и выполняет в документальном потоке более простые сигнальные задачи.

Редактором коллективной монографии выступает, как правило, неформальный лидер исследовательского коллектива. Если в оглавлении или в предисловии не указывается индивидуальное авторство разделов, то это еще и щедрый подарок соавторам от научного редактора, которому принадлежит, обычно, наибольшая часть текста и выводов. Однако, именно органичное объединение интеллектуальных и прочих усилий и обеспечивает качество синтезированного текста.

Ключевые достоинства анализируемой монографии неоспоримы:

1. Работа нацелена на решение реальных проблем. Лишь кажется, что текст монографии касается только профессионального образования:

перемены в образовании учитывают современные события в жизни библиотек.

2. Монография подвела итоги дискуссионного этапа модернизации и ориентирует специалистов на глубинное освоение действительности учебного процесса.

3. Наличие сквозной идеи – соединение компетентностного и технологического подходов.

4. Предложена детальная схема для разработки профессионального стандарта.

5. Целевая установка текста на сквозную оценку эффективности освоения профессиональных компетенций.

Монография подготовлена активно живущим коллективом соавторов КемГУКИ с сильной технологической школой, с богатейшим наследием С. А. Сбитнева – его идеями, целостным видением перспектив профессии, умением на одной лекции заразить профессией поток студентов на многие десятилетия. Более того, в монографии реализуется и главный приоритет его школы – не изучать тему, а закладывать в нее «мешок» эмпирических данных, планировать собственный эксперимент.

В книге описаны более 20 собственных и трансформированных массивов данных, включая результаты опросов работодателей,

Для подготовки монографии собрана и освоена представительная информационная база – 197 отобранных публикаций. Хороший список использованной литературы – это не формальный индикатор, а перечень «привлеченных» внешних экспертов. В списке работ – 15,7 % публикаций библиотечного профиля за 2010–2014 годы. При этом вопросами современного образования серьезнее и чаще обеспокоен журнал «Научные и технические библиотеки».

Всегда интересно увидеть, что же не вошло в основной текст? Выделены приложения, которые облегчают работу над учебно-методическими комплексами, ориентируют нас на полную палитру уровней квалификации библиотечных кадров, показывают авторские, вполне достижимые варианты подготовки кадров в области информационно-коммуникативных технологий. При этом неопределима помощь соавторов в освоении текстов нормативного характера: в удобные таблицы

трансформированы различия образовательных стандартов, дифференцированы профессиональные компетенции по их функциональной нагрузке, свернуты сведения о наборе нормативных и служебных документов для всех этапов разработки профессионального стандарта (Приложение 3 [5]) и др.

Результаты аспектного смыслового анализа текста монографии. Впервые осуществляется смысловой анализ для одной монографии, поскольку ее текст предельно сжат и информативен, наполнен апелляциями к внешнему опыту, содержит множество оценочных суждений соавторов. Смысловой анализ был предпринят по ряду дополнительных причин: хотелось отчетливо выделить собственные идеи Кемеровской технологической школы.

Смысловой анализ – это библиографирование идей. Важно технологически развивать это направление, поскольку библиотекари и библиографы ежедневно используют его в работе на интуитивном уровне своего профессионализма. Результаты смыслового анализа наглядны и кратки, они заменяют мегобайты текстов по теме, а также прием последовательного рассмотрения определенных и позиций, так широко распространенный в классической практике гуманитарных отраслей знания.

Смысловой анализ – это великолепный ИНСТРУМЕНТ для быстрого освоения проблемы. Его удобно использовать на массиве тщательно отобранных статей по теме. Простейшая методика смыслового анализа включает отбор из текста оценочных суждений автора, их табличную (хронологическую, аспектную, кластерную и т. д.) фиксацию, последующую формализацию и сравнительную интерпретацию на фоне существующих позиций. Основное правило – включать оценочные суждения не только с прямой (позитивной, негативной) оценкой, но и со скрытой и неявной оценкой факта, события, процесса, тенденции [2].

В данном случае был предпринят достаточно апробированный в нашей науке аспектный подход к анализу текстов. Перечень аспектов приведен в таблице 2 с примерами их распознавания через оценочные суждения из текста монографии.

Таблица 2

**Фрагмент таблицы смыслового анализа
коллективной монографии**

Аспект, раздел монографии, страница	Примеры оценочных высказываний	Интерпретация решаемой задачи
Риски образования Введение	«...собственные наблюдения за вызывающим удивление “радикальным” способом решения кадровой ситуации, когда в библиотеку не идут молодые специалисты с библиотечным образованием» [5, с. 8]	Актуализация кадровых рисков
Риски библиотечной отрасли 2.1	«в штатном расписании нет предусмотренных для них должностей» [5, с. 38]	Детализация риска «кадровый потенциал библиотечной отрасли»
Новые идеи 4.1	«Структурная характеристика профессиональных стандартов и должностных инструкций» [5, с. 171]	Поиск четких требований к образованию от работодателей
Перспективы модернизации библиотечного образования 1.3	«от квалификационных моделей к компетентностным» [5, с. 53]	Общий компетентностный подход в учебном процессе и в практике библиотек

Ниже показаны итоги анализа основных идей, рисков и перспектив модернизации библиотечного образования.

Ключевые идеи модернизации библиотечного образования. Ранее внутривузовское реформирование библиотечного образования осуществлялось на основе следующих подходов:

- содержание образовательного контента;
- ориентиры на типовые библиотечные процессы;
- функциональная дифференциация библиотечной профессии.

Проблема дифференциации профессии решалась в основном через дисциплины функциональной специализации. На короткие временные периоды возникали выпускающие кафедры отраслевой специализации (кафедра научнотехнической информации, кафедра гуманитарной информации и другие варианты).

В первом десятилетии 2000-х годов были полностью или частично реализованы следующие идеи:

- компетентностного подхода;
- учета новационной библиотечной практики;
- компьютеризации учебного процесса;
- общегосударственной стандартизации образования;
- двухступенчатого высшего образования (бакалавриат-магистратура).

После 2010 года в печати вновь были анонсированы идеи начала 1990-х годов – непрерывного и дистанционного образования. Среди новых подходов были предложены:

- проектный подход к профилизации обучения;
- интернетизация образования;
- учета требований рынка труда.

В анализируемой монографии выделены следующие ключевые новаторские идеи:

- органичное соединение компетентностного и технологического подходов;
- технологичная (формализованная, стандартизованная по уровням квалификации и четко алгоритмизированная) оценка эффективности учебного процесса в плане освоения профессиональных компетенций;
- технологическое моделирование интеллектуальных процессов, реализованное для разработки профессионального стандарта.

В анализируемой монографии размещены сравнительные таблицы, превосходно раскрывающие образовательные стандарты в разных аспектах. Эти материалы не только расшифровывают требования стандартов, но и обосновывают их краткую и справедливую оценку: «компетентностный подход декларирован, но последовательно не реализован» [5, с. 18], «перенос акцента с содержания дисциплины на студента» [5, с. 19] не позволяет должным образом формировать фонд оценочных средств. Зато требования к внешним условиям учебного процесса «однозначно

определены, подлежат мониторингу и диагностике» [5, с. 41].

Риски в модернизации библиотечного образования. В анализируемой монографии щедро показаны риски разного происхождения: государственного регулирования темпов модернизации образования; кадровые и конъюнктурные риски отрасли; изменение качества спроса на образовательные услуги; операционные риски, связанные с неапробированными предложениями в стандартах обучения и др. К ним могут быть добавлены прямо не анонсируемые в тексте внешние риски: временной и событийный риски – быстрые изменения в информативных коммуникациях в сравнении с объективной инерцией системы высшего образования; региональный риск неустойчивого состояния экономики конкретного региона; селективный риск, связанный с неверной оценкой ситуации при разработке регламентов. В числе ключевого следует назвать внешний риск информационной «инфляции» в обществе.

Часть рисков могут быть снижены путем вариативности в образовании, допустимой самостоятельности реакций на ситуацию для вузов и библиотек.

Не повторяя часто обсуждаемых проблем [4], детализируем несколько факторов риска, наиболее критичных для развития библиотечного образования.

РИСК «субъективная трактовка профессиональных компетенций». Из числа выделенных в книге проблемных областей компетентностно-технологического подхода выделим две взаимосвязанные и наиболее рискованные зоны для стандартизации обучения и оценки его эффективности:

Целенаправленное формирование профессиональной компетенции.

Содержательное наполнение компетенций на основе учета требований рынка труда – библиотечной практики.

Как первое содержательное исследование профессиональных компетенций библиотекаря О. А. Калегиной, так и дальнейший опыт дешифровки компетенций аналитического типа в кандидатской диссертации М. И. Звидриной показали, что ключевым риском компетентностного подхода является **тройственная субъективность** в их трактовке: преподавателя, студента и рабо-

тодателя. Не совсем оправдал себя и трудоемкий процесс сравнительного анализа методик библиотечной работы и требований рынка труда. Методики уже во многом не раскрывают реальной практики библиотек, а потенциальные работодатели, не воспринимая обобщенных формулировок компетенций, полагают достаточными прикладные и разнонаправленные требования со своей стороны.

РИСК «преemptивность формирования профессиональной компетенции в учебном процессе». Если в рамках одной дисциплины проследить формирование компетенции с учетом технологических рекомендаций можно, то простая попытка смоделировать путь конкретной компетенции через весь учебный процесс приводила иногда в полное недоумение. Например, в УМК исторических и ряда других дисциплин для первого курса обучения составители указали по 7–15 формируемых компетенций, включая даже сложнейшую «способность к информационной диагностике предметной области и информационному моделированию» (ПК-29).

РИСК «отсутствие профессиональной специализации». Работа в библиотеке лишь усложняется с течением времени, поэтому специалисты справедливо отмечают необходимость профилей в подготовке бакалавров для стандарта 4-го поколения. Если мы утратим профили и вернемся на двадцать лет назад к «библиотекарю-библиографу», то профессиональные приоритеты выпускника будут весьма ограничены освоением общепрофессиональных дисциплин: знанием стандартов по библиографическому описанию, основ библиотечного маркетинга и информационных технологий... Для магистратуры О. А. Калегина отметила возможность **ТОЧЕЧНОЙ** профилизации. Действительно, по целевому заказу мы можем формировать единичные целевые группы, то есть реализовать «проектную профилизацию» для детских, школьных, научно-технических библиотек, по сквозным библиотечным процессам и т. д. Для обычного набора в магистратуру доступная профилизация за два года – это подготовка выпускной квалификационной (исследовательской) работы. Кроме того, профилизация 7–10 магистрантов – экономически **дорогой процесс**, поскольку в профиле дополнительно участвуют 8–10 преподавателей.

РИСК «утрата профессиональных ценностей ориентиров». Преимущественное внимание к технической части процесса обучения в стандарте, приоритетное внимание к навыкам организации и планированию работы может увести интеллектуальную профессию в лоно механического выполнения запросов, где уже господствует широкий круг ближайших конкурентов библиотеки. Вряд ли библиотека сможет конкурировать с поисковыми машинами, интеллектуальными роботами по скорости и масштабу поиска. Частный признак риска: библиотекари и преподаватели – самая читающая категория населения, но и они все чаще довольствуются изустными каналами для получения профессиональной информации... Сможет ли нечитающий выпускник профессионально работать с любыми группами читателей?

Перспективы модернизации образования.

В анализируемой монографии показаны первоочередные перспективы развития библиотечного образования:

- качественная разработка профессионального стандарта как регламента библиотечной деятельности;
- связи профессионального стандарта, должностных инструкций в библиотеках и образовательного стандарта нового поколения;
- сохранение профилей подготовки на уровне бакалавриата в образовательном стандарте нового поколения;

- существенное повышение качества подготовки выпускников в области информационно-коммуникационных технологий;

- сближение библиотечного и информационного образования;

- переход от квалификационных к компетентностным профессиографическим моделям библиотечной деятельности;

- мониторинговая оценка качества образовательных программ и их освоения студентами.

При разработке профессионального и образовательного стандартов нового поколения важен реализм прогнозных оценок по широкому кругу стратегических вопросов:

- Какие характеристики библиотечной профессии и штатного расписания изменятся в следующем десятилетии?

- Перейдут ли библиотеки от этапа выживания к планомерной и финансируемой работе, чтобы планировать кадровый резерв?

- Как будут соподчинены функции общедоступных библиотек и какие из них останутся в бюджетном финансировании?

Анализируемая проблема находится в точке пересечения дальнейшего существования профессии и образования, поэтому монография соавторов КемГУКИ своевременна, полезна, демонстрирует приоритет технологического подхода и мышления.

Литература

1. Гордукалова Г. Ф. Анализ информации: технологии, методы, организация: учеб.-практ. пособие. – СПб.: Профессия, 2009. – С. 208–274.
2. Гордукалова Г. Ф., Захарчук Т. В., Плешкевич Е. А. Документоведение. Часть 1. Общее документоведение: учебник / науч. ред. Г. В. Михеева. – СПб.: Профессия, 2013. – С. 223–225.
3. Гордукалова Г. Ф. Основные формы творческого сотрудничества ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – СПб.: Центр, СПбГМТУ, 1995. – Вып. 9, ч. 1. – С. 57–63.
4. Менеджер информационных ресурсов: учеб.-метод. пособие для вузов культуры и искусств / авт.-сост.: В. К. Клюев, И. М. Сулова, А. И. Пашин, Н. Ю. Деметьева, И. И. Макарова; под общ. ред. В. К. Клюева. – М.: Литера, 2009. – 328 с.
5. Пилко И. С., Тараненко Л. Г., Ли М. Г., Абалакова О. В. Библиотечно-информационное образование: новые концепции и технологии развития: моногр. / под науч. ред. И. С. Пилко. – М.: Литера, 2014. – 304 с.
6. 100 лучших книг по библиотечному и книжному делу, библиографии, информационной деятельности / сост. Т. Захарчук, Я. Саулова. – М.: Межрегион. библиотечный коллектор, 2011. – 40 с.

References

1. Gordukalova G.F. Analiz informatsii: tekhnologii, metody, organizatsiia [Analysis of information: technology, methods, organization]. St. Petersburg, Professii Publ., 2009, pp. 208–274. (In Russ.).

2. Gordukalova G.F., Zakharchuk T.V., Pleshkevich E.A. Dokumentovedenie. Chast' 1. Obshchee dokumentovedenie [Documentation. Part 1. General records management]. Sci. ed. G.V. Mikheeva. St. Petersburg, Professiia Publ., 2013, pp. 223–225. (In Russ.).
3. Gordukalova G.F. Osnovnye formy tvorcheskogo sotrudnichestva uchenykh-gumanitariyev Sankt-Peterburga [The main forms of creative collaboration humanities scholars of St. Petersburg]. *Problemy deiatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov [Problems of activity of the scientist and research teams]*, St. Petersburg, Tsentr, SPbGMTU Publ, 1995, iss. 9, part 1, pp. 57–63. (In Russ.).
4. Menedzher informatsionnykh resursov [Manager of information resources]. Ed.-Compiled by V.K. Kliuev, I.M. Suslov, A.I. Pashin, N.Iu. Dementieva, I. I. Makarova, under the General editorship of V.K. Kliuev. Moscow, Litera Publ., 2009. 328 p. (In Russ.).
5. Pilko I.S., Taranenko L.G., Li M.G., Abalakova O.V. Bibliotечно-informatsionnoe obrazovanie: novye kontseptsii i tekhnologii razvitiia: monografiia [Library and Information Education, new concept and technology development-monograph]. Sci. ed. I.S. Pilko. Moscow, Litera Publ., 2014. 304 p. (In Russ.).
6. 100 luchshikh knig po bibliotечnomu i knizhnomu delu, bibliografii, informatsionnoi deiatel'nosti [The 100 best books on library and book-case, bibliografii, information deiatel'nosti]. Compiled by T. Zakharchuk, Ia. Saulova. Moscow, Mezhtseional'nyi bibliotечnyi kollektor Publ., 2011. 40 p. (In Russ.).

УДК 379.83

НАУЧНО-ТВОРЧЕСКИЙ ФОРУМ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ»

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Мухамедиева Светлана Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: swet-73@mail.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

В статье подводятся итоги Научно-творческого форума с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе», охарактеризованы основные направления работы секций форума. Участниками форума сформулированы предложения и рекомендации по развитию внутреннего туризма и совершенствованию музейной и памятникоохранительной деятельности в северо-восточной части Кемеровской области.

Ключевые слова: внутренний туризм, историко-культурное и природное наследие, музеология, социально-культурная деятельность, информационно-коммуникационные технологии в туристской деятельности.

SCIENTIFIC AND CREATIVE FORUM WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “HISTORICAL, CULTURAL AND NATURAL HERITAGE AS A BASIS FOR DEVELOPMENT OF DOMESTIC REGIONAL TOURISM”

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector of Creative and International Activity, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Yudina Anna Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

Rodionova Daria Dmitrievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Department of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

Mukhamedieva Svetlana Anatolievna, Candidate of Economical Sciences, Docent of the Department of Social Sphere Economics, Kemerovo State University of Cultural and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swet-73@mail.ru

Nasonov Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

In article summarizes scientific and creative forum with international participation “Historical, cultural and natural heritage as a basis for development of domestic tourism in region,” describes the main directions of the sections of the forum. Participants of the forum formulated proposals and recommendations for the development of domestic tourism and improved the museum and monument preservation activity in the north-eastern part of Kemerovo region, including creation paleontological museum-preserve, also natural park of regional importance, Russian Cultural Center, science-based concept of development of historical and cultural preserve “Moscow-Siberian tract” in the Chebula municipal area. The special attention is accentuated on the need to promote tourism brand in the Chebula municipal area, advertising its tourism and socio-cultural products, and their creative support.

Keywords: domestic tourism, historical, cultural and natural heritage, museology, socio-cultural activity, information and communication technologies in tourism activities.

Историко-культурное и природное наследие регионов Российской Федерации представляет собой значимый ресурс социально-экономического развития. Повышение роли объектов культурного и природного наследия, сохранения исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов, способствует созданию условий для развития внутреннего туризма.

Территория Западной Сибири богата объектами историко-культурного и природного наследия. Уникальные археологические и палеонтологические находки в Чебулинском муниципальном районе Кемеровской области значительно расширяют инновационный социально-экономический потенциал данной территории и создают условия для ее туристической привлекательности.

По инициативе администрации Чебулинского муниципального района Кемеровской области и Кемеровского государственного университета культуры и искусств (далее – КемГУКИ) 26–28 февраля 2015 года в г. Кемерово – пгт. Верх-Чебула был проведен Научно-творческий форум с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе». Научной основой проведения форума стал накопленный профессорско-преподавательского составом КемГУКИ исследовательский опыт, а также практика проведения форумов по данной проблематике [1; 2; 3].

Организаторами форума выступили: Министерство культуры Российской Федерации, адми-

нистрация Кемеровской области, Совет народных депутатов Кемеровской области, администрация Чебулинского муниципального района Кемеровской области, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Форум проводился при поддержке Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, Департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области, Департамента образования и науки Кемеровской области, Общественной палаты Кемеровской области, Кузбасской торгово-промышленной палаты, Кемеровского областного отделения Общероссийской общественной организации, малого и среднего предпринимательства «Опора России».

Организаторы форума сформулировали актуальную цель его проведения – активизация социально-культурного, туристского потенциала Чебулинского муниципального района Кемеровской области, анализ зарубежного опыта и поиск современных путей выявления и популяризации историко-культурных объектов и использования их в развитии внутреннего туризма, поиск новых форм организации досуга туристов и стратегий социально-культурного развития территорий, стимулирование бизнес-инвестиций, социального партнерства для туризма на территории Кемеровской области.

26 февраля 2015 года в г. Кемерово в ОАО «Кузбасский технопарк» научно-творческий форум с международным участием «Историко-культурное и природное наследие как основа развития внутреннего туризма в регионе» начал свою работу.

На заседании круглого стола «Культура, бизнес, власть: стратегия социального партнерства в сфере развития внутреннего туризма», руководителями которого являлись глава Чебулинского муниципального района Кемеровской области А. И. Часовских и ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ Е. Л. Кудрина, обсуждались актуальные проблемы бизнес-партнерства в развитии внутреннего туризма в Кузбассе, вопросы развития культурно-познавательного туризма в регионе и др.

Для обсуждения перспективных путей развития туристической сферы региона, развития экономики сферы туризма региона, обсуждения вопросов партнерства власти, бизнеса и культуры, а также создания брендинга территории на форум были приглашены руководители и специалисты региональных и муниципальных образований Российской Федерации, руководители и сотрудники учреждений и организаций образования, науки, культуры и искусства. Также в рамках круглого стола: директор института библиотечных и информационных технологий, кандидат педагогических наук, доцент О. И. Алдохина презентовала веб-сайт Шестаковского палеонтологического комплекса; прошла выставка-презентация дизайн-проектов, декоративной сувенирной продукции института визуальных искусств КемГУКИ «“Восьмое” чудо Кузбасса: технологии творчества» директора института визуальных искусств, доцент Т. Ю. Казариной, заведующего кафедрой дизайна, профессора Г. С. Елисеенков, заведующей лабораторией художественной керамики Т. В. Агеевой, доцента кафедры декоративно-прикладного искусства А. В. Ткаченко, художника малого инновационного предприятия ООО «Весна» КемГУКИ Н. А. Тоненчук; доктором педагогических наук, профессором, проректором по творческой и международной деятельности КемГУКИ В. Д. Пономаревым была продемонстрирована творческая презентация 3D-модели пситтакозавра сибирского, найденного в окрестностях села Шестаково Чебулинского района, при участии руководителя художественно-творческого отдела КемГУКИ О. В. Марышевой, дизайнера студии дизайна и креатив-проектов КемГУКИ С. А. Цупрунова, режиссера-постановщика художественно-творческого отдела КемГУКИ В. А. Бердника, солистки Государственной филармонии Кузбасса им. Б. Т. Штокорова О. В. Таннагашевой, а также студентов института хореографии КемГУКИ.

27 февраля форум продолжил свою работу на территории Чебулинского муниципального района в формате научно-практической конференции. В ходе пленарной части конференции было заслушано приветствие министра культуры Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора В. Р. Мединского, губернатора Кемеровской области, доктора политических наук, профессора

А. Г. Тулеева, председателя Правления Кузбасской торгово-промышленной палаты, депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Т. О. Алексеевой, члена Высшего совета Союза писателей Болгарии, лауреата Национальной Ботевской премии (им. Христо Ботева), премии Союза болгарских писателей, обладателя ордена Святых Кирилла и Мефодия за особые заслуги в развитии болгарской культуры Николя Инджова (Республика Болгария), директора Государственного Дарвиновского музея, доктора педагогических наук, заслуженного работника культуры Российской Федерации А. И. Клюкиной (Москва), председателя Кузбасской ассоциации туристической индустрии, генерального директора международной туристической фирмы «Intourserve» Ю. Р. Голуба.

В обращении к организаторам и участникам форума министр культуры Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор В. Р. Мединский отметил, что «это представительное и авторитетное мероприятие станет удобной и эффективной площадкой для профессиональных дискуссий в области туризма, обмена опытом специалистов, представителей бизнеса и общественности». В работе форума приняли участие 358 человек: представители органов власти, общественности, музеев, высших учебных заведений различных регионов страны: Кемеровской, Новосибирской, Томской и Омской областей, Республики Марий Эл, Санкт-Петербурга, Москвы, Красноярска; зарубежных стран: Республики Беларусь, Республики Монголия.

С докладами на пленарной сессии выступили А. И. Мартынов, профессор кафедры музейного дела института социально-культурных технологий Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры археологии факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ; Г. М. Соловьева, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Совета народных депутатов Кемеровской области; Т. С. Коваль, заместитель начальника Департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, начальник Управления культуры, кандидат педагогических наук;

А. И. Часовских, глава Чебулинского муниципального района Кемеровской области; О. Н. Труевцева, заведующая кафедрой историко-культурного наследия и туризма исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор; Е. Л. Кудрина, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, доктор педагогических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, МАИ, РАЕН, ПАНИ, заслуженный работник культуры РФ, почетный учитель Кузбасса, почетный работник культуры Кузбасса; Н. В. Демиденко, заведующая отделом природы Кемеровского областного краеведческого музея; А. М. Кулемзин, почетный профессор Кузбасса, доктор культурологии, профессор.

На четырех секциях был заслушан 51 доклад, проведены два мастер-класса, выставки дизайн-проектов, декоративной сувенирной продукции, художественной керамики. Особое внимание заслуживает открытие выставки: «“Восьмое” чудо Кузбасса: технологии творчества», в которой с использованием 3D-технологий была представлена культурная карта Кузбасса. Кроме того, на базе Чебулинского муниципального краеведческого музея состоялось открытие временной экспозиции «Археологическое наследие Чебулинского муниципального района» из цикла «Древности земли Кузнецкой». В ней представлены археологические и палеонтологические находки из собрания музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, которые были сделаны на территории Чебулинского района в период с 1960 года по настоящее время.

В рамках форума была проведена студенческая научно-практическая конференция, на которой было заслушано 43 доклада. В докладах и выступлениях участников форума отмечалось, что в настоящее время идет активное развитие внутреннего туризма как во всей России, так и в Кемеровской области. Культурно-познавательный туризм становится активным фактором развития культурной жизни и социальных процессов в регионах и в стране в целом. В практику регионов внедряется передовой международный опыт по сохранению и использованию исторического и нематериального культурного наследия. В последнее десятилетие интенсивно развивается и

становится разнообразнее музейная сеть в Сибирском регионе и в Кемеровской области.

Докладчики делились инновационным опытом собственной работы по внедрению информационно-коммуникационных технологий в туристскую деятельность, об использовании новых форм работы с посетителями музеев, о проблемах развития школьных музеев, о необходимости активных действий по сохранению и охране памятников истории и культуры. Участники форума подчеркивали тенденцию развития музеев в слиянии их деятельности с туристическим бизнесом, что, по их мнению, дает новый мощный импульс для социально-экономического развития региона.

Особый интерес студенческой аудитории вызвал мастер-класс «Моделирование элемента традиционного обряда русских на базе музея» проведенный преподавателем кафедрой музейного дела КемГУКИ П. В. Глушковой. В рамках мастер-класса была продемонстрирована реконструкция святочных гаданий и дана историческая справка о проводимых действиях.

По итогам работы научно-творческого форума с международным участием будет издан сборник научных статей, отражающий основные положения докладов участников форума.

Докладчики пленарного заседания отметили, что территория Западной Сибири богата объектами историко-культурного и природного наследия. Уникальные археологические и палеонтологические находки в Чебулинском муниципальном районе Кемеровской области значительно расширяют инновационный социально-экономический потенциал данной территории и создают условия ее туристической привлекательности. Повышенные роли объектов культурного и природного наследия, сохранение исторической среды городов и поселений, в том числе малых городов, способствуют созданию социально-экономических условий для развития внутреннего туризма.

Вместе с тем были высказаны предложения и обозначены проблемы в сохранении и использовании исторического и культурного наследия в Кемеровской области в целом и особенно в Чебулинском муниципальном районе.

В целях развития внутреннего туризма в регионе и совершенствования музейной и памятникоохранительной деятельности **участники форума обращаются к губернатору Кемеровской**

области А. Г. Тулееву с предложением создания объединенной рабочей группы с участием представителей вузов, научных организаций, органов региональной и муниципальной власти, заинтересованного бизнес-сообщества с целью разработки комплексной долгосрочной программы развития туризма в северо-восточной части Кемеровской области на основе устойчивого использования историко-культурного и природного наследия территорий Чебулинского, Мариинского, Тяжинского и Тисульского муниципальных районов.

Участники форума считают, что необходимо:

1. Предусмотреть в программе сбалансированное сочетание следующих направлений и основных программных мероприятий:

1) обеспечение надлежащих правовых, организационных и экономических условий для сохранения и устойчивого развития объектов историко-культурного и природного наследия, определение соответствующего правового статуса и режимов функционирования территорий местонахождения значимых и уязвимых памятников природного и историко-культурного наследия;

2) разработку научно-технических обоснований развития и использования комплексов природного и историко-культурного наследия в области туризма и рекреации, подготовку проектной документации по созданию музеев-заповедников и охраняемых природных территорий в местах сосредоточения значимых и уязвимых памятников природы, истории и культуры;

3) продолжение работы по исследованию и музеефикации памятников природы, истории и культуры, запуск специализированной программы мониторинга их состояния;

4) разработку новых туристических продуктов на основе использования объектов природного и историко-культурного развития территорий северо-восточной части Кемеровской области, мероприятий по развитию туристической инфраструктуры, развитию и продвижению туристических продуктов на рынке внутреннего туризма Кемеровской области и Российской Федерации, творческому сопровождению развивающейся в регионе индустрии туризма.

2. При разработке объединенной рабочей группой программы развития туризма на территории Чебулинского муниципального района Кемеровской области считать целесообразным ее

ориентацию на комплексное устойчивое использование памятников палеонтологии, археологии, истории и этнографии, а также значимых и уязвимых ландшафтов с высоким уровнем фаунистического и флористического разнообразия при обеспечении условий для развития туризма как точки экономического роста для муниципальной территории, с одной стороны, и сохранение объектов наследия, с другой стороны. При этом рекомендовать объединённой рабочей группе рассмотреть следующие предложения по развитию и использованию объектов историко-культурного и природного наследия Чебулинской территории:

1) о возможности создания в районе Шестаковского местонахождения динозавров Мелового периода палеонтологического музея-заповедника с определением и научным обоснованием его охраняемой зоны, зоны рекреационного использования, зоны регулируемой застройкой и т. д.;

2) о возможности создания в районе расположения уникальных природно-территориальных комплексов шестаковских болот природного парка регионального значения с целью обеспечения уникальных растительных сообществ и редких

видов животных, а также использования местных комплексов природного наследия в сфере экологического туризма и организованного отдыха;

3) о создании в Чебулинском муниципальном районе Центра русской культуры;

4) о разработке научно-обоснованной концепции историко-культурного заповедника «Московско-Сибирский тракт».

3. Для реализации предлагаемых проектов привлекать к работе в объединённой рабочей группе высококвалифицированных специалистов вузов и научных учреждений и организаций Кемеровской области.

4. Экономически обосновать мероприятия программы комплексного развития туризма на территории Чебулинского муниципального района, в том числе определить возможные источники финансирования, определить ожидаемые экономические результаты, эффекты и риски.

5. Способствовать развитию деятельности по продвижению туристического бренда Чебулинского муниципального района, рекламе его туристических и социокультурных продуктов, их творческому сопровождению.

Литература

1. Пономарев В. Д., Белозерова М. В., Шунков А. В., Коваленко Е. А. Ответственное созидание Отечества (итоги Первого открытого Международного Пасхального фестиваля православной культуры) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2010. – № 10. – С. 159–165.
2. Юдина А. И., Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д., Ковешникова Е. А., Тельманова А. С. Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 258–262.
3. Юдина А. И., Ртищева О. В., Родионова Д. Д., Трусова Н. М., Мухамедиева С. А., Насонов А. А. Всероссийский научно-просветительский молодежный форум «Внутренний туризм как основа устойчивого развития регионов России» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 283–288.

References

1. Ponomarev V.D., Belozerova M.V., Shunkov A.V., Kovalenko E.A. *Otvetstvennoe sozidanie Otechestva (itogi Pervogo otkrytogo Mezhdunarodnogo Paskhal'nogo festivalia pravoslavnoi kul'tury)* [Responsible creativity of the Fatherland (Results of the First Open International Easter Festival of Orthodox Culture)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2010, no 10, pp. 159–165. (In Russ.).
2. Iudina A.I., Kulemzin A.M., Nasonov A.A., Rodionova D.D., Koveshnikova E.A., Tel'manova A.S. *Pervyi regional'nyi forum muzeinykh rabotnikov "Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa"* [First regional forum of museum's workers "Historical and cultural heritage of Kuzbass"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2012, no 20, pp. 258–262. (In Russ.).
3. Iudina A.I., Rtishcheva O.V., Rodionova D.D., Trusova N.M., Mukhamedieva S.A., Nasonov A.A. *Vserossiiskii nauchno-prosvetitel'skii molodezhnyi forum "Vnutrennii turizm kak osnova ustoichivogo razvitiia regionov Rossii"* [All-russian scientific and educational youth forum "Domestic tourism as a basis for sustainable regions' developing of Russia"]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, no 26, pp. 283–288. (In Russ.).

УДК 37

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОЦЕНКА КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»**

Жегульская Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры социальной педагогики, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: zhegulskaya@list.ru

В статье представлены итоги научно-методической конференции по вопросам формирования, измерения и оценки компетенций студентов и выпускников вуза, проходившей в КемГУКИ с 20 января по 5 февраля 2015 года, и краткий отчет о работе секций.

Ключевые слова: компетентностный подход, образовательные стандарты третьего поколения, высшее гуманитарное и художественное образование, вузы культуры и искусств, научно-методическая конференция.

**THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL CONFERENCE
“COMPETENCE ASSESSMENT OF UNIVERSITY GRADUATES”**

Zhegulskaya Yulia Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of Department of Social Pedagogy, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zhegulskaya@list.ru

The results of the scientific methodical conference devoted to problems of formation, measurement and assessment of competence of students and graduates, held in KemGUKI on January 20 to February 5, 2015, are presented in the article. It contains the conference program, the summary of the sections and the information about conference participants.

Keywords: competence approach, third generation educational standards, higher humanitarian and art education, universities of culture and arts, scientific and methodological conference.

Повышение качества образования является актуальной проблемой не только для России, но и для всего мирового сообщества. В настоящее время ориентация на формирование профессиональной компетентности выступает в качестве главной цели высшей школы и присутствует во всех документах, определяющих ее развитие. В материалах модернизации российского образования компетентностный подход провозглашен в качестве важнейших концептуальных положений обновления содержания образования. Задачи и результаты, возможности и ограничения, проблемы и перспективы внедрения компетентностного подхода с позиции соответствия профессионального образования и потребностей рынка труда активно обсуждаются в вузовской среде. Этим вопросам была посвящена прошедшая в Кеме-

ровском государственном университете культуры и искусств научно-методическая конференция «Оценка компетентности выпускников высшей школы» (20 января – 5 февраля 2015 года).

В институте театра вопросы подготовки компетентного выпускника обсуждались в ходе работы секции и круглых столов. Научно-методическую конференцию открыл круглый стол «Итоговая государственная аттестация: содержание и формы проведения», организованный кафедрой театрального искусства. Особое внимание было уделено выбору методов и средств диагностики профессиональной компетентности выпускников, их сопряженности с критериями оценивания результатов обучения студентов. На круглом столе кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников «Опыт

взаимодействия вуза и работодателей в оценке профессиональных компетенций студентов и выпускников по направлению «Режиссура театрализованных представлений и праздников» актуализировались вопросы формирования компетенций выпускника в соответствии с требованиями современного рынка труда и определения социального заказа на подготовку специалиста в диалоге: вуз (кафедра) – учреждения культуры и образования региона; была продемонстрирована модель выпускной квалификационной работы по уровню подготовки бакалавриата, обсуждены требования к выпускной квалификационной работе. Итоги работы секции кафедры культуры и искусства речи **«Фонды оценочных средств по дисциплинам речевого цикла как инструмент диагностики компетентности выпускника высшей школы»** представлены в форме рекомендаций, включающих принципы создания фонда оценочных средств для промежуточной аттестации по дисциплинам речевого цикла, предложения по корректировке перечня общекультурных и профессиональных компетенций в рабочих учебных программах, указания на необходимость выделения этапов формирования компетенций для разработки критериев оценивания, а также использования балльно-рейтинговой системы оценки результатов обучения студентов.

К участию в работе круглого стола института хореографии **«Итоговая государственная аттестация как инструмент диагностики компетентности выпускника-хореографа»** наряду с преподавателями института и членами учебно-методического совета университета были привлечены недавние выпускники, а также работодатели: В. Э. Перлин, главный балетмейстер государственного академического Сибирского русского народного хора, г. Новосибирск; В. В. Константинов, худ. руководитель хореографического ансамбля «Калинка», г. Новокузнецк; В. А. Селиверстов, заслуженный артист РФ, худ. руководитель ансамбля «Сибирский калейдоскоп», г. Кемерово; А. П. Зелтынь, главный балетмейстер ансамбля «Сибирский калейдоскоп», г. Кемерово. В своих выступлениях участники круглого стола отметили, что образовательные стандарты третьего поколения предусматривают

интегративный подход к содержанию учебных дисциплин, обеспечивающий исключение дублирования учебного материала, допускающий вариативность и профилизацию обучения студентов. При этом существенно расширяются возможности выстраивания обучаемыми индивидуальной образовательной траектории, создаются условия дифференциации содержания обучения в соответствии с индивидуальными склонностями и потребностями, обеспечивается преемственность между гуманитарным и художественным образованием. Широкую дискуссию вызвали вопросы, связанные с формированием содержания заданий для проведения итоговой государственной аттестации; участники круглого стола отметили вариативность проведения итоговой государственной аттестации студентов в период реорганизации хореографического образования, обменялись опытом применения различных средств диагностики компетенций и выработали единые принципы подхода к итоговой государственной аттестации по всем направлениям подготовки выпускника-хореографа, сохраняющие лучшие традиции отечественной хореографической школы.

В работе круглого стола института музыки **«Внедрение в практику инновационных форм диагностики профессиональных компетенций студентов института музыки»** на обсуждение были вынесены вопросы разработки практико-ориентированных и ситуационных заданий, их включения в программы итоговых междисциплинарных государственных экзаменах в соответствии с требованиями образовательных стандартов третьего поколения. В ходе дискуссии было отмечено, что изменения, происходящие в системе образования, обуславливают появление новых социально значимых ориентиров и критериев оценивания результатов обучения музыкантов-исполнителей. Подготовка бакалавров музыкального искусства требует не только нового практико-ориентированного подхода, формирования заданных образовательным стандартом компетенций, профессиональных знаний, умений и навыков, но и ряда личностных качеств, таких как: стремление к самореализации, мобильность, умение работать в коллективе, креативность, что может быть отражено в портфолио обучающегося. Так-

же подчеркивалось, что поддержание высокого уровня гуманитарной, естественно-научной и профессиональной подготовки выпускников должно быть сопряжено с формированием системы обратной связи в виде оценки компетентности выпускника работодателем. К определенным результатам работы круглого стола можно отнести принятые его участниками рекомендации: разработать единый курс «Теория и методика музыкального исполнительства» для всех профилей в рамках специализированных методик преподавания специальных дисциплин; продолжить работу по разработке практико-ориентированных и ситуационных заданий, выносимых на итоговый междисциплинарный государственный экзамен; определить структуру портфолио выпускников и критерии его оценивания; разработать единые критерии оценивания выпускников при исполнении программ по спецдисциплинам; организовать круглый стол по корректировке учебных планов с привлечением работодателей.

Проблемы диагностики компетенций в ходе промежуточной аттестации студентов и итоговой аттестации выпускников определили направление работы круглого стола института визуальных искусств «**Оценка компетентности выпускников высшей школы в сфере визуальных искусств**». В формате дискуссии обсуждались вопросы формирования содержания и определения формы проведения предстоящей итоговой государственной аттестации. Кафедрой дизайна в качестве модели оценивания компетентности выпускников по направлению «Дизайн» представлено структурированное портфолио, позволяющее сформировать разностороннюю оценку профессиональной подготовки выпускников в сфере графического дизайна. Кафедра декоративно-прикладного искусства представила для обсуждения практические ситуационные задания как оценочные средства междисциплинарного государственного экзамена, позволяющие определить уровень профессиональной подготовки выпускников направления подготовки «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», профиля «Художественная керамика». Практически во всех выступлениях поднимался вопрос о построении системы взаимодействия вуза с работодателями, поскольку

ку механизм этого взаимодействия в настоящее время находится в стадии апробации по каждому направлению подготовки, проблемным является участие работодателей в проработке требований к результатам обучения, которые могли бы найти отражение в программах итоговой государственной аттестации.

Круглый стол социально-гуманитарного института «**Формирование фонда оценочных средств: дисциплинарный, полидисциплинарный и междисциплинарный подходы**» отличала теоретическая и методическая проработанность вопросов: ключевые принципы и требования, предъявляемые к фонду оценочных средств; структура и содержание фонда оценочных средств; фонд оценочных средств как методическая система контроля качества подготовки студентов; интеграция компетенций – основа разработки и формирования фонда оценочных средств выпускающими и общенаучными кафедрами вуза. Большинство кафедр института не принимают участия в итоговой государственной аттестации выпускников, но именно дисциплины, реализуемые общенаучными кафедрами, в большей мере «ответственны» за формирование общекультурных компетенций. Поэтому основное внимание было уделено фонду оценочных средств для проведения промежуточной аттестации студентов. Стоит отметить серьезную работу в этом направлении кафедр иностранных языков, философии, права и социально-политических дисциплин. Кафедра педагогики и психологии активно участвует в разработке программ междисциплинарных (полидисциплинарных) государственных, предлагает инновационные формы проведения итоговой государственной аттестации выпускников различных направлений подготовки.

На заседании круглого стола института информационных и библиотечных технологий «**Подходы к оценке компетентности выпускников вуза по направлениям подготовки “Библиотечно-информационная деятельность” и “Прикладная информатика”**» были обсуждены проблемы, требующие творческого подхода к их решению, а именно: фонды оценочных средств для итоговой государственной аттестации; оценка компетенций в ходе итоговой государственной аттестации;

проблемы отражения компетенций в выпускной квалификационной работе; психологическая адаптация студентов к промежуточной и итоговой аттестациям; проблемы формирования практико-ориентированных заданий для государственного экзамена; подготовка выпускников к проектной деятельности; совершенствование учебных дисциплин с позиции компетентного подхода; измерение сформированности компетенций по результатам освоения учебных дисциплин. В ходе обсуждения особое внимание было уделено осмыслению опыта проведения кафедрой технологии автоматизированной обработки информации в первом семестре текущего учебного года итоговой государственной аттестации студентов заочной формы обучения направления подготовки «Прикладная информатика». Коллектив кафедры основательно подошел к формированию программы итоговой государственной аттестации, экзаменационных билетов, в которых ситуационные задачи носят ярко выраженный межпредметный характер и успешно провел первую аттестацию бакалавров. Выпускные квалификационные работы студентов унаследовали накопленный кафедрой опыт подготовки дипломных проектов и отвечают современным требованиям. Кафедра технологии документальных коммуникаций подготовила полный комплект материалов для проведения итоговой государственной аттестации, в ходе разработки которых выявила конкретные направления актуализации междисциплинарных связей, которые будут работать на повышение качества учебного процесса. Участниками круглого стола предложены следующие рекомендации по совершенствованию итоговой государственной аттестации: включать в государственный экзамен вопросы междисциплинарного характера и компетентностно-ориентированные задания; уточнить перечень компетенций, выносимый на защиту выпускной квалификационной работы по направлению подготовки «Библиотечно-информационная деятельность»; разработать для защиты учебных и производственных практик лист оценивания, который позволит руководителям практик оценить сформированность компетенций; развивать взаимосвязи с организациями среднего профессионального образования в рам-

ках подготовки библиотечных специалистов; определить межпредметные связи в учебных дисциплинах в рамках формирования компетенций при разработке практико-ориентированных заданий; доработать критерии оценивания курсовых работ бакалавров.

В работе круглого стола института социально-культурных технологий «**Формирование содержания и определение форм проведения итоговой государственной аттестации**» на обсуждение были вынесены вопросы, связанные исключительно с итоговой государственной аттестацией, формах ее проведения, вариантах проблемных вопросов и ситуационных заданий. Художественно выразительным было коллективное выступление преподавателей кафедры музейного дела. Представленные ими участникам круглого стола вопросы государственного экзамена отличаются особой тщательностью проработки: вопросы экзамена по истории носят не констатирующий, а проблемный характер, включая сравнительно-сопоставительный анализ, выявление причинно-следственных связей. Конструктивными, полными продуманных решений по отбору и формированию теоретических вопросов и практических заданий, выносимых на государственный экзамен, были выступления заведующих кафедрами социально-культурной деятельности, социальной педагогики, управления социальной сферы.

В целом в рамках научно-методической конференции «Оценка компетентности выпускников высшей школы» в работе восьми круглых столов и одной секции, организованных на кафедрах и в институтах, приняли участие 120 преподавателей КемГУКИ. Было заслушано более 70 докладов и сообщений. Конференция подвела итоги масштабной работы коллектива по реализации компетентного подхода в образовательных программах по 14 направлениям подготовки в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Обсужден широкий круг вопросов, связанных с принципами формирования фонда оценочных средств и требованиями к его содержанию, анализом внедрения в практику ситуационных заданий, проектов, кейс-стади, портфолио как средств диагностики

компетенций студентов, актуализацией программ учебной и производственной практики, диалогом вуза и работодателей в оценке профессиональных компетенций студентов и выпускников. Особое внимание уделено формированию содержания и определению форм проведения итоговой государственной аттестации.

Работа заключительного **пленарного заседания** открылась докладом ректора КемГУКИ, доктора педагогических наук, профессора **Е. Л. Кудриной**, в котором были освещены актуальные направления взаимодействия вуза и работодателей в оценке компетентности выпускников. Широкую дискуссию вызвали доклады председателя учебно-методического совета института социально-культурных технологий, кандидата экономических наук, доцента **С. А. Мухамедовой** «Измерение и оценка сформированности общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся: научно-методические рекомендации, разработанные ВНИК», начальника управления информатизации, кандидата химических наук, доцента **В. Н. Борздуна** «Метод учебных проектов как инструмент оценки компетенций обучающихся»; инженера-программиста управления информатизации **В. Н. Дворовенко** и заместителя председателя учебно-методического совета КемГУКИ, кандидата педагогических наук **Ю. В. Жегульской** «База данных курсовых и выпускных квалификационных работ: назначение и возможности применения». Вопросам готовности оценочных средств итоговой государственной аттестации 2015 года были посвящены высту-

пления директора института информационных и библиотечных технологий кандидата, педагогических наук, доцента **О. И. Алдохинной**, директора института социально-культурных технологий, доктора педагогических наук, профессора **А. И. Юдиной**, директора института визуальных искусств, доцента **Т. Ю. Казариной**, директора института хореографии, кандидата философских наук, доцента **Г. С. Фешковой**, директора института театра, доктора культурологии, профессора **Н. Л. Прокоповой**, директора института, музыки доцента **И. В. Шороховой**, директора социально-гуманитарного института, кандидата философских наук, доцента **О. В. Ртищевой**.

В выступлении проректора по учебной работе доктора педагогических наук, профессора, председателя учебно-методического совета КемГУКИ **И. С. Пилко** подведены основные итоги конференции и намечены дальнейшие ориентиры в работе вуза по обеспечению качества реализуемых образовательных программ.

Участники конференции отметили высокий уровень представленных докладов, конструктивность состоявшихся дискуссий и обсуждений. Лучшие доклады рекомендованы к публикации. Принята резолюция конференции, которая представляет собой программу дальнейших действий по разработке и совершенствованию фонда оценочных средств текущей, промежуточной и итоговой аттестации. Участниками конференции рекомендовано проведение круглого стола с работодателями по проблеме оценке компетентности выпускников высшей школы.

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Акуленко И. В.	140	Akulenko I. V.	140
Буряк В. В.	118	Buryak V. V.	118
Ворушина А. П.	126	Vorushina A. P.	126
Гончарова В. В.	199	Goncharova V. V.	199
Гордукалова Г. Ф.	216	Gordukalova G. F.	216
Жегульская Ю. В.	229	Zhegul'skaya Yu. V.	229
Замятина Э. В.	118	Zamyatina E. V.	118
Зарипова Г. К.	27	Zaripova G. K.	27
Заруба Н. А.	188	Zaruba N. A.	188
Золотухин В. М.	105	Zolotukhin V. M.	105
Карабатов Р. П.	60	Karabatov R. P.	60
Карпинец А. Ю.	134	Karpinets A. Yu.	134
Касаткина Н. Э.	181	Kasatkina N. E.	181
Кокорникова Н. О.	134	Kokornikova N. O.	134
Котляр Е. Р.	68	Kotlyar E. R.	68
Кудрина Е. Л.	170, 207	Kudrina E. L.	170, 207
Лескова Т. В.	36	Leskova T. V.	36
Лехтина Л. П.	188	Lehtina L. P.	188
Любушкина Е. С.	193	Lyubushkina E. S.	193
Макарчук С. В.	112	Makarchuk S. V.	112
Миненко Г. Н.	97	Minenko G. N.	97
Мухамедиева С. А.	207, 223	Mukhamedieva S. A.	207, 223
Насонов А. А.	223	Nasonov A. A.	223
Нестерова С. В.	151	Nesterova S. V.	151
Никулин В. Г.	56	Nikulin V. G.	56
Паршукова А. С.	126	Parshukova A. S.	126
Пахомова Е. А.	181	Pakhomova E. A.	181
Пономарев В. Д.	223	Ponomaryov V. D.	223
Прокопова Н. Л.	159	Prokopova N. L.	159
Родионова Д. Д.	223	Rodionova D. D.	223
Руднева Е. Л.	181	Rudneva E. L.	181
Смирнов Б. Ф.	90	Smirnov B. F.	90
Сопин А. О.	82	Sopin A. O.	82
Старикова А. В.	49	Starikova A. V.	49
Степанцова Е. В.	105	Stepantsova E. V.	105
Татарина А. Д.	13	Tatarinova A. D.	13
Тирон Е. Л.	20	Tiron E. L.	20
Ткаченко А. В.	77	Tkachenko A. V.	77
Ткаченко Л. А.	77	Tkachenko L. A.	77
Хижняк Н. Л.	170	Khizhnyak N. L.	170
Черная М. Р.	177	Chernaya M. R.	177
Юдина А. И.	207, 223	Yudina A. I.	207, 223

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатом журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 10.04.2015.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 31.
Уч.-изд. л. 20,4. Усл. печ. л. 27,7.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 10.04.2015.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 31.
Author's sheets 20,4. Printer's sheets 27,7.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru